

И РУССКАЯ ИДИЯ

Русская Индия

Москва
«Вече»
2010

УДК 94
ББК 63.3(0)
Н53

Автор-составитель Н.Н. Непомнящий

Н53 Русская Индия / Автор-сост. Н.Н. Непомнящий. — М. : Вече, 2010. — 352 с. — (Русские за границей).

ISBN 978-5-9533-4386-2

Русское рассеяние затронуло практически все континенты. Не стала исключением и далекая Индия. С тех пор как Афанасий Никитин открыл для русских Индию, к этой стране возник огромный интерес. И не только коммерческий. Семья Рерихов и Е.П. Блаватская открыли духовную сокровищницу этой удивительной страны, установив крепкую связь между нашими народами. По Индии путешествовал цесаревич Николай и великий князь Борис Владимирович. В чем причина непрекращающегося взаимного тяготения двух столь различных внешне цивилизаций? В общности корней? А может, нас объединяет более глубокое родство — духовное?

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9533-4386-2

© Непомнящий Н.Н., составление, 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

ИНДИЙСКАЯ УВЕРТЮРА: ОБРАЗ ДАЛЕКОЙ СТРАНЫ

Знакомство российской массовой аудитории с Индией имеет большую историю. Русскому читателю широко известны такие старинные труды, как «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (? — 1474) или «Письма из Индии» князя Алексея Дмитриевича Салтыкова (1806—1859). «Индия мыслилась не просто как одна из частей света, но как самый дальний и едва достигаемый земной предел», — отмечает А.С. Демин.

Как писал Н.М. Сперанский в своей книге «Индия в старой русской письменности», «сведения об Индии, по крайней мере, название ее (Индия, Инды, Индийская, или Индейская, страна, земля, царство), в старинной русской письменности мы встречаем уже с первых веков ее существования».

Представление об Индии складывалось и на основе рассказов купцов и паломников, ходивших на Восток за товаром и в «святую землю». Однако паломники, путешествующие главным образом в Египет, не бывали в самой Индии, а получали сведения от арабов, сирийцев и египтян, ездивших туда. Отсюда и возникали порой фантастические слухи об Индии. Сведения о ней распространялись также с Запада и черпались образованным читателем из произведений греческих авторов, в частности Страбона и Птолемея. Прочитанное воспринималось как правда, что также придавало Индии образ фантастической страны.

С появлением переводов греческой литературы на древнеславянский язык «люди познакомились с теми представлениями об Индии, какие сложились в средневековой Европе и были неразрывно связаны с христианским учением. Ведь вся средневековая наука оказалась сплавом реальных знаний с литературным воображением и христианским морализованием, и это полностью отразилось и в представлениях об Индии».

«Индия представлялась страной, где было все то, к чему стремилась душа, — богатства, чудеса, природное изобилие, мудрость и святость. Церковь утверждала эти представления, трактуя индийские чудеса как христианские аллегории, ниспосланные Богом для поучения».

Первой светской повестью на Руси была «Александрия», рассказывающая о походе Александра Македонского в Индию в 326—325 годах до н. э. Обширные, но порой не без вымысла сведения содержатся в таком произведении, как «Повесть о Варлааме пустынноике и Иосафе, царевиче индийском», признанном церковью как рассказ об истинных христианских мучениках. Интересна «Христианская топография Козьмы Индикоплова», в которой герой ездил торговать в страны Индийского океана. Говорится об Индии и в александрийском сборнике «Физиолог», где давалось описание индийского слона и мифической птицы феникс. К числу познавательных книг относилось также «Сказание об Индийском царстве», в котором превозносятся неисчислимые богатства Индии. Повествуют об этой удивительной стране и апокрифические «Деяния апостола Фомы в Индии» и «Евангелие от Фомы».

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина — произведение, дающее более реальное изображение Индии и, тем не менее, оказавшееся под влиянием идей о сказочности этой страны: «Да на султанае кован весь саженяхонты, да на шапке чичак (шлем) олмаз великы, да сагадак (колчан) золот со яхонты, да 3 сабли на нем золотом окованы, да седло золото...»

Индия в представлении средневекового европейца была сказочно богатой, там водились чудища и совершались чудеса, ее населяли странные люди и невиданные звери — птица феникс и единорог.

Однако Афанасий Никитин был одним из первых, кто также заметил потрясающую бедность «Индии богатой»: «и люди ходять нагы все», «а все нагы да босы», «а ества же их плоха», «у них все дорого»...

И здесь уже навсегда кончаются сказки и начинается страноведение.

Сведения, оставленные Афанасием Никитиным, резко отличались от всех представлений русских об этой стране.

А что дальше?

Дальше были уже российско-индийские отношения. Разные. Начало им было положено с развитием торговли между этими странами. Одним из первых городов, принявших индийских купцов, была Астрахань второй половины 1630-х годов.

Невероятный факт истории: в средневековой Астрахани имелось большое поселение индийских купцов! «В 1625 году персияне, армяне и индийцы построили... гостиные дворы: армянские, персидские и индийские каменные по обряду азиатскому, неподалеку от Спасского монастыря» (Ключаревская летопись. Астрахань, 1887). К этому времени индийские подворья появились и в других русских городах, в частности в Нижнем Новгороде и Москве. (Мы еще расскажем об этом в книге.)

Таким образом, открылся новый источник сведений об этой стране — сами индийцы.

Помимо этого стало больше переводов западноевропейских книг об Индии. Данные уточнялись и по мере расширения португальских завоеваний на индийских берегах: сподвижники Васко да Гамы, младшего современника Афанасия Никитина, торопились застолбить раньше испанцев, англичан и русичей богатые земли Южной Азии.

В конце XVIII века в России зародилась индология, один за другим стали появляться переводы отрывков древнеиндийских эпосов и литературы. Классическое наследие, культура и проблемы Индии все больше привлекали внимание русской общественной мысли. В 1817 году «Вестник Европы» опубликовал статью за подписью Дм. Б-в «Историческое изыскание о торговых отношениях древних народов с Индией», а в 1837 году вышло в свет исследование А. Малиновского «Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индийцев, с 1469 по 1751 год».

Сведения об Индии расширялись и начинали обрисовываться в более реалистичных красках. Индией интересовался А.С. Грибоедов, прокомментировавший описание путешествий по странам Востока, в том числе и в Индию, русского крестьянина Цикулина и опубликовав-

шего рукопись в журнале «Северный архив» в 1826 году. В 1835 году А.С. Пушкин приступил к написанию «Истории Петра», куда вошли материалы и о поисках связей царя с Индией. Денис Давыдов составил конспект по истории Индии вплоть до XIX века...

Так по крупницам собирался образ этой страны!

В прессе об Индии упоминалось, как правило, в информационных заметках, которые были основаны на английских и французских источниках. По мере развития английского империализма в Индии в российской периодике стали появляться расширенные материалы, авторы которых ясно осознавали происходящие процессы и переживали за судьбу индийского народа. Пресса того времени являлась очень важным элементом в знакомстве русского человека с Индией. Прогрессивная печать осуждала Англию. Таковы, например, обзорные заметки в журнале «Вестник Европы» за 1818 год: «Почему Англия следует двум политикам? Почему в Европе называет она то хищением, что в Индии почитает законным правом? Здесь вопиет она для восстановления законных государей, там для низвержения также законных государей, и везде для увеличения своего могущества... Надлежало бы помнить, что иногда поработенные народы налагают цепи на самих же своих притеснителей»; «Чем могла бы сделаться Восточная Индия, если бы со временем последовала бы Северной Америке, и что было бы с колоссом Великобритании, если б она лишилась сей твердой опоры своего могущества?». Обо всем этом размышляли читатели, сидя у лампы или окошка и переживая за далеких, но почему-то таких близких индийцев...

В.Г. Белинского Индия привлекла в начале 1830-х годов. В его багаже — перевод статьи «День в Калькутте», напечатанной в журнале «Молва», выходившем при «Телескопе». Писатель показал жажду наживы англичан, стремление властвовать над побежденным народом. Белинского, а вместе с ним и Герцена, остро волновали вопросы слабого сопротивления индийцев британскому господству. Эти передовые мыслители, да и в целом все революционные демократы, видели в индийском вопросе отголосок русских проблем и убеждались в необходимости реформ.

В 1840-х годах в русской журналистике уже сложилась индийская тема. Все сколько-нибудь значительные издания так или иначе затрагивали ее. Публиковались исследования, переводы классической литературы, рецензии и библиографические заметки. Особую роль здесь играл передовой журнал «Отечественные записки». С середины 1839 года отдел критики возглавлял Белинский, а позже в нем начал сотрудничать Герцен. Демократическая направленность журнала ярко проявлялась в публикациях, посвященных Индии. С журналом сотрудничали авторы, проводившие долгое время непосредственно в самой стране. Так, в 1845 году была напечатана статья Э. Варрена — французского офицера, прослужившего долгое время в британской армии на юге страны и критиковавшего английское правительство. В том же году «Отечественные записки» поместили статью «Верования индусов», в которой освещалась религиозная ситуация в стране, уделялось внимание острой межрелигиозной борьбе, читателя знакомили с Ран Мохан Раем — просветителем и религиозным реформатором Индии.

Особый вклад в русскую журналистику внес князь А.Д. Салтыков. В своих «Письмах из Индии» он пишет о первых своих впечатлениях: «Перед вами — люди полунагие, в белых полостях, с медяным цветом лица, с разрисованными плечами и руками, в чалмах белых, алых, желтых или зеленых. Перед вами — женщины, также едва облаченные в разноцветные, прозрачные, как паутина, ткани, разукрашенные золотыми и серебряными ожерельями, кольцами, подвесками на шее, на руках, на ногах, серьгами в ушах, в ноздрях, раздушенные благовонными цветами, вплетенными в волосы... Окинув беглым взором этот роящийся народ, вы торопитесь взглянуть на странные капища, уставленные бесчисленным множеством истуканов: тут толпы факиров, увечных, иссохших, худых, как оглоданные кости, с длинными, крючковатыми ногтями на руках и ногах; тут безобразные старухи, волосы растрепаны, взоры дики. Тут обширные пруды с каменной набережной — в них обмывают покойников. Далее безмолвные часовни гебров, шумные пагоды индийцев, — тяжелый запах мускуса от множества мускусных крыс, живущих под землею, разлит по воздуху; странные

звуки неумолкающей музыки... Вот что с первого раза овладеет вниманием путешественника». (Мы также вернемся к его путешествию в нашей книге.)

В «Отечественных записках» за 1844 год была напечатана статья «Несколько замечаний касательно английской Ост-Индской компании в Индостане (Выдержка из записок незаслуженно забытого русского путешественника А.Г. Ротчева)». «Я был поражен бедностью и страшной нищетою, — пишет он, — в которую погружены три четверти народонаселения Индии... Загляните в жилища этих людей, столь полезных и столь трудолюбивых, — какое зрелище. Жалкая землянка... Обыкновенная пища их — горсть муки, брошенная в холодную воду, которую за недостатком соли они приправляют красным перцем».

Как мы видим, XIX век становится веком «прозрения», когда, сбрасывая вуаль богатства, Индия предстает перед российским путешественником и читателем нищей. Благодаря Ротчеву Россия узнала теперь и другую Индию — «ограбленную англичанами, нищую бесправную колонию».

Народное восстание в Индии 1857—1859 годов привлекло внимание российской общественности. Журнал «Отечественные записки» писал: «В настоящее время в политическом мире едва ли есть вопрос важнее, интереснее и серьезнее вопроса об Индии... Все с величайшим нетерпением ждут известий из Индии; на столбцах газет прежде всего ищут магических слов: "Индия", "индийская почта", "корреспонденция из Калькутты"». Помимо «Отечественных записок» такие журналы и газеты, как «Атеней», «Военный журнал», «Русский вестник», «Военный сборник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», и другие начали активно публиковать материалы об индийском восстании. Сначала это были краткие заметки, затем — подробные описания сражений, критический анализ английского господства.

Однако ни одна российская газета не имела своих корреспондентов в британской колонии, и большая часть информации черпалась из английских источников.

В периодической печати России сразу же определился разный подход к событиям в Индии. Это объясняется размежеванием и российского общества того времени.

Взгляд правящих кругов выражала статья одного из ярких представителей официальной исторической науки М.П. Погодина, в которой говорилось, что «все в России забыли ненависть против англичан и видели в них только представителей цивилизации, которой угрожает варварство», опубликованная в газете «Ле Норд» за 17 ноября 1857 года.

В декабре того же года «Петербургские ведомости» опубликовали серию статей известного консервативного публициста Н.И. Тарасенко-Отрешкова, в которой он также защищал и оправдывал Англию. Губительность Ост-Индской компании выразил редактор журнала «Атеней» Е. Корш в своей либерально направленной статье «Индийское восстание, его причины и последствия» (1858). Однако Корш, как и другие либералы, критиковал лишь крайности британского правительства, не выступая против самой системы колониальной эксплуатации.

Более глубокую и осмысленную оценку восстанию дали русские революционные демократы. Хотя их мнение и не было господствующим, именно оно являлось выражением прогрессивной российской мысли середины XIX века. Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов через журнал «Современник» активно поддерживали идеи восстания. В сентябрьском номере журнала за 1857 год за подписью Н. Турчинов (псевдоним Н.А. Добролюбова) была опубликована статья «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии». В ней автор выражает глубокую симпатию индийскому народу. Причины восстания Добролюбов видел в порочности всей системы английского господства.

В 1890-х годах на страницах журналов «Жизнь», «Вестник всемирной истории» появляются статьи автора, которого М. Горький ставил в один ряд с самыми блестящими журналистами того времени, — Д. Сатурина. Сатурин продолжил традицию своих предшественников в критике английского правительства. Но в отличие от них ему были доступны индийские источники информации: документы, монографии, периодика. Он был лично знаком с передовыми журналистами Индии. В своих работах Сатурин значительное внимание уделял развитию капитализма и национальной буржуазии в Индии: «И по

мере развития крупной промышленности будет расти тот класс, который явится надежной опорой молодой Индии в ее борьбе за прогрессивные реформы и который послужит звеном между новой Индией и теми элементами, какие успеют уцелеть от старой Индии».

Благодаря таким авторам образ страны представлял четче и объемнее...

А образ России в Индии? Как узнавали индийцы о далекой и великой стране на западе?

Вернемся немного в прошлое. В первой четверти XIX века передовая индийская интеллигенция, главным образом бенгальская, стала проявлять особый интерес к России. В 1818 году индийский журнал «Дига даршан» опубликовал статью о России под заглавием «Рушиа». Во многих книгах и публикациях проявлялся большой интерес к Петру I.

14 января 1904 года бомбейская газета «Таймс оф Индия» оповещала о трагической гибели художника В.В. Верещагина на броненосце «Петропавловск» во время минной атаки японцев на русский флот под Портом-Артуром. В статье «Благородный русский» писалось, что Толстой, Чехов, Верещагин являются самыми популярными в Индии представителями русской культуры.

В Индии проявлялся живой интерес к русской культуре и в журналах «Бенгали», «Бхарати», «Восток» постоянно публиковались статьи о русской литературе. В 1915 году журнал «Бхарати» опубликовал очерк о жизни и мировоззрении Ф.М. Достоевского и стал знакомить своих читателей с творчеством Леонида Андреева.

В 1912 году М. Горький привлек в «Современник» Б.Р. Каму, видную индийскую патриотку и революционерку, редактора газеты «Индиэн социолоджист».

Локсанья Бал Гангадхар Тилак (1856—1920), первый вождь борьбы за национальную независимость Индии, видел в русской революции 1905 года вдохновенную борьбу против деспотизма, за демократию. В своей газете «Кесари» за 21 мая 1907 года он писал о борьбе России и других стран против тирании. Он прямо говорил, что Индия может стать «второй Россией».

Махатма Ганди в 1905 году писал о русской революции: «Если русский народ добьется успеха, эта револю-

ция в России будет оценена как величайшая победа, величайшее событие нынешнего века».

Таким образом, революционная мысль Индии подпитывалась идеями русской революции.

23 марта 1900 года в «Правительственном вестнике» прошло следующее сообщение: «Государственный совет в соединенных департаментах законов и государственной экономии и в общем собрании, рассмотрев представление МИД об учреждении Генерального консульства в Бомбее, мнением положил: Действующие штаты заграничных установлений МИД дополнить учреждением должности Генерального консула в Бомбее...»

Первым генеральным консулом в Бомбей был назначен видный дипломат и разведчик Василий (Вильгельм) Оскарович фон Клемм (1861—1938), до этого служивший в русском представительстве в Бухарском ханстве. Задачей консула было содействие налаживанию русско-индийских экономических связей, а также защита интересов российских граждан в Индии.

9 ноября 1900 года российское консульство в Бомбее было открыто.

Шли годы. Идеи первой русской революции оставили свой след в Индии. Локмания Тилак в своей борьбе против английского правительства часто ссылался на Россию, говоря, что «даже российский царь должен был повиноваться бомбе, и хотя он многократно делал попытки покончить с Думою, он, наконец, был принужден признать ее существование по необходимости...». Из этого документа хорошо видно, какое сильное влияние оказала первая русская революция на национально-освободительное движение в Индии. В 1917 году в связи с событиями в России — Февральской и Октябрьской революциями — русско-индийские дипломатические связи были нарушены.

Однако на научном фронте работа по изучению культуры Индии продолжалась. Видный русский путешественник, разведчик, страновед Андрей Евгеньевич Снесарев (1865—1937), генерал царской армии, в советское время директор учебного Института востоковедения в Москве, был автором ряда книг и статей, посвященных современной ему Индии, публиковавшихся в 1900—1920-х годах.

С Индией у России отношения всегда были традиционно дружественными. Индия, сама столкнувшаяся с этническими противоречиями, внимательно следила за набиравшими силу центробежными тенденциями в бывшем СССР и сейчас наблюдает за действиями, предпринимаемыми российским руководством по ликвидации националистической «ржавчины» внутри Российской Федерации. Индия настойчиво ищет альтернативу современным исламским схемам. Она противодействует не только воинствующему исламу Ирана и Пакистана, но и фундаменталистским группировкам Афганистана и республик Средней Азии. В треугольнике отношений Россия — Китай — Индия Санкт-Петербург и Москва отводили Дели роль регулятора, и эта роль стала перманентной. Являясь одним из лидеров Движения неприсоединения, Индия всегда поддерживала инициативы Москвы на международной арене, хотя сама Москва нередко проявляла безразличие к региональным проблемам Дели. Так, во времена горбачевской перестройки был сделан значительный позитивный «виток» в отношениях с Индией, однако многие перспективные идеи (такие, например, как концепция «несилового мира») были «заговорены» Москвой и ею же «задвинуты» на второй план...

Образ далекой Индии формировался у россиян не просто и не сразу. Понадобились столетия, прежде чем московские пионеры в сказочной повести Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» («1001 ночь» по-советски) запросто отправились в далекую восточную страну (и ведь именно в Индию, а не в Турцию и не в Персию), а индийские купцы преспокойно расположились со своими товарами на столичных улицах — совсем как тогда, в далеком XVII веке в хлебосольной Астрахани!

Тут нельзя удержаться и не привести большую цитату из статьи «Россия и Индия — брак по любви» видного российского индолога, доктора исторических наук Ростислава Борисовича Рыбакова о «браке по любви» между Россией и Индией:

«Необъяснимые симпатии, случается, соединяют не только его и ее, но и целые нации. Так, невзирая на раз-

ность тогдашних политических систем и на противоположность географических условий, несмотря на непересекаемость пройденных в прошлом исторических путей, игнорируя расовые, языковые и бытовые различия, полюбили друг друга в середине пятидесятых годов на виду у всего мира и на удивление ему народы Индии и России.

Отдавая должное первым ласточкам этой любви — сентиментальным фильмам Раджа Капура и глубокомысленным полотнам Николая Рериха, с благодарностью вспоминая первых из первых государственных наших «послов» — аристократа и философа Неру и простолюдина и аппаратчика Хрущева, скажем, наконец, вслух, что уникальность этой почти иррациональной любви в ее всенародности с обеих сторон. Не экономическая помощь, не политическая поддержка, не придуманное позднее «стратегическое партнерство» — все это было, конечно, но главным было другое. Теплая дружеская волна от каждого к каждому, от сердца к сердцу — вот на чем было мудро построено все остальное. Народное тяготение друг к другу — вот что позволяло говорить о вечной дружбе двух государств.

Но государств ли? Может быть, прав был посол Индии в Российской Федерации, без устали повторяя, что отношения Индии и России — это не межгосударственные связи, а межцивилизационные. Две великие цивилизации тянутся друг к другу, и от этого тяготения многое зависит в сегодняшнем и в будущем мире.

Даже если это тяготение проявляется на подсознательном уровне. Даже если это тяготение обретает мифологизированную форму. Помню, под Мадрасом зеленобородый от старости бродячий садху (святой) на давно уже мертвом языке санскрите уверял меня, что священная река индусов Ганг берет начало в Сибири, в стране мудрецов, праотцев индийцев-риши (от имени которых и происходит, мол, имя Россия) — более высокого пьедестала в Индии и вообразить нельзя.

Может быть, первопричину этого тяготения стоит поискать в глубинах истории? Никогда, ни в какие века не зафиксировано ни одного эпизода, могущего омрачить наши отношения. Никогда мы не проливали кровь друг друга, не соперничали, не обманывали, не ссори-

лись. И когда несколько лет назад наш Институт востоковедения стал совместно с Азиатским обществом в Калькутте издавать полный свод архивных документов по русско-индийским отношениям, во всей массе сохранившихся документов не нашлось ни одного недоброго или неуважительного не то чтобы поступка или замысла, но даже слова. Ни нам, ни им не надо смягчать комментариями задуманное, предпринятое или сказанное нашими предками.

Индия никогда, повторяю — никогда! — не воспринималась у нас как нечто непонятное, темное и, следовательно, угрожающее.

Не оттого ли, что виделся в ней край света, несказанно далекий от нас?

Удивительно, но на протяжении всех веков нашей истории Индия в византийском, а оттуда и в русском народном сознании излучала ауру света и духовности. Набожные и благочестивые "рахманы" (брахманы) населяют переводные и русские сказания, повести, сборники, встречаются даже в летописях и наоборот — былинные наши герои хвастаются, что происходят из Индии ("я выехал из Индеи богатые" или "с Волын-города, да со индийского"). При этом мудрые "рахманы", поучающие самого Александра Македонского, выступают в имевших широкое хождение на Руси рукописях не как противные христианскому духу язычники, а как носители истинной учености и духовности.

А может, первопричиной взаимного тяготения двух столь различных внешне цивилизаций следует признать доисторическую общность их корней? Это очень сложная тема, наука не сказала еще последнего слова. Есть сотни, если не тысячи практически совпадающих слов в славянских языках и санскрите (двара — дверь, мата — мать, агни — огонь и т. п.), есть разительное сходство в языческих дохристианских обрядах с обрядами индуизма (например, сожжение мертвых), есть, наконец, странные пассажи в древнейших памятниках Индии — Ведах (веды — ведать, знание), из которых следует, что предкам современных индийцев были известны арктические созвездия, Ледовитый Океан и другие реалии высоких широт...

Но это подчас зыбкая почва догадок и недостаток подлинной образованности легко может сыграть с нами недобрую шутку.

В то же время мне, как русскому, с одной стороны, и индологу с 40-летним стажем — с другой, представляется, что под бросающимися в глаза чисто внешними различиями наших стран и народов их действительно объединяет глубинное родство, причем именно родство духовного плана.

Глубинные основы Индии так близки российской душе. Каждому из нас...»*.

* Россия — Индия: перспективы развития регионов (Рязанская область). М.: Институт востоковедения РАН, 2000.

ПЕРВОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ. ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Спросите у кого-либо сегодня, с чем у человека ассоциируется имя Афанасий, и боюсь, что в большинстве случаев получите ответ: «С маркой пива». Некоторые смогут вспомнить комедию «Афоня» с Леонидом Куравлевым в главной роли. И уж совсем мало кто назовет мужественного купца из Твери — Афанасия Никитина.

В середине XV века Тверь, несмотря на победу Москвы, оставалась крупнейшим экономическим центром Руси. Во дворе тверского князя существовало торговое посольство из Герата. Тверские купцы торговали товарами со многими странами. Вот и Афанасий Никитин в 1466 году «подался на юга» — отправился с товаром в «Ширванскую землю», что на Северном Кавказе. Под Астраханью караван был ограблен ногайскими татарами. Не желая, вернувшись домой, стать за долги холопом,

*Тверской купец Афанасий Никитин.
Фрагмент памятника в Твери*

Памятник А. Никитину в Твери

попасть в долговую яму и принять бесчестье, Афанасий Никитин «от многыя беды поидох до Индеи», куда добрался после многих тягот в 1469 году. Часто без средств и с риском для жизни три года путешествовал он по стране, рассказав о ее управлении, хозяйстве, религии, быте, природе в сочинении «Хождение за три моря», ставшем не только точным источником сведений об Индии, но и памятником древнерусской литературы, переведенным на многие языки.

В своем «Хождении за три моря» — Каспийское, Индийское и Черное — Афанасий Никитин преодолевает полный смертельных опасностей путь — от Твери до южных берегов Каспийского моря, через всю Персию, Индию, Африку (Сомали), Маскат, Османскую империю обратно в Московию. Он побывал в Индии почти за тридцать лет до Васко да Гамы и, по сути дела, открыл Индию для русских.

Конечно, немногие читали адаптированный текст этого, по сути дела, дневника путешественника, гораздо больше народу смотрело фильм «Хождение за три моря», созданный по мотивам произведения: дамы постарше наверняка помнят красавца Олега Стриженова в главной роли — Афанасия Никитина.

В 1955 году в Твери (тогда Калинин) на берегу Волги был поставлен памятник великому путешественнику (скульпторы С.М. Орлов, А.П. Завалов, архитектор Г.А. Захаров, бронза, гранит). Сейчас памятник Афанасию Никитину является визитной карточкой города, а его многочисленные виды используются в качестве логотипов.

В 2002 году в Индии, в местечке Ревданда (120 км от Мумбаи), на территории местного колледжа была установлена памятная семиметровая стела, облицованная черным гранитом. Надписи на стеле на четырех языках сообщают о том, что тверской купец Афанасий Никитин неподалеку впервые ступил на индийскую землю.

Совсем недавно в Феодосии (бывшая Кафа) тоже был установлен памятник Афанасию Никитину. Скульптура расположена в историческом месте города — на мысе Карантин, недалеко от средневекового православного храма Иоанна Предтечи (Иверской иконы Божьей Матери), в котором, по преданию, молился Никитин, прибывший осенью 1474 года из далекого путешествия в Кафу. Автором памятника является местный скульптор Валерий За-

Церковь в Феодосии, в которой, по преданию, А. Никитин молился после возвращения из Индии

меховский. Подготовка к установке памятника длилась 21 год, и сооружался он на пожертвования горожан, решивших увековечить подвиг смелого тверича.

Есть все основания утверждать, что текст «Хожения» был написан именно в Феодосии. Вряд ли он мог возить с собой большую рукопись во время путешествия, а в марте 1475 года А. Никитин, вознамерившийся вернуться на родину, «умер, до Смоленска не дойдя». Есть мнение, что здесь опять сыграли «происки» Москвы, поскольку его «тетрати» московские купцы Гридя Жук и Степан Дмитриев доставили в столицу дьяку великого князя Василию Мамыреву (а может, и им самим), а Тверь в то время еще была самостоятельным сильным княжеством. И вот здесь-то притаилась главная загадка «хожения».

Проникнуть в Индию, отыскать путь в эту сказочно богатую страну было мечтой европейцев XV века. Многие из них посвятили этой мечте всю свою жизнь. Среди них были великие мореплаватели — генуэзец Колумб и португалец Васко да Гама.

Русский путешественник Афанасий Никитин не только одним из первых осуществил эту мечту, но и побывал в Индии раньше других европейских путешественников эпохи Ренессанса. Более того, именно он дал наиболее правдивое ее описание в своих записках. Случилось это за четверть века до того, как каравеллы (а точнее, «науш редондуш») Васко да Гамы 20 мая 1498 года впервые пристали к индийскому берегу, и задолго до того, как португальцы и англичане из уст своих моряков слышали первые достоверные сведения об Индии.

Афанасий Никитин внимательно изучил жизнь индусов и собрал ценнейшие сведения об их обычаях, политике и торговле. Велика и почетна заслуга этого замечательного тверского путешественника перед русской и мировой культурой. Его имя вошло в историю наряду с именами крупнейших исследователей и путешественников эпохи Великих географических открытий.

В середине XV века главный соперник Москвы в борьбе за Русь Тверское княжество быстро теряло свою мощь. Роковую роль сыграли в этом татаро-монгольские

набеги, организованные московскими великими князьями. Пострадала от набегов и тверская торговля. Однако, не удовлетворяясь связью Новгорода с Ганзой, вся Северо-Западная Русь искала тогда для себя новых торговых путей в Неметчину через Литву. И тверичи сумели тогда наладить эту связь.

«Отъезжими торгами» занимались наиболее предприимчивые, отважные и любознательные представители купечества. Купец-путешественник разъезжал со своими товарами не только по Руси, но и по далеким чужим краям.

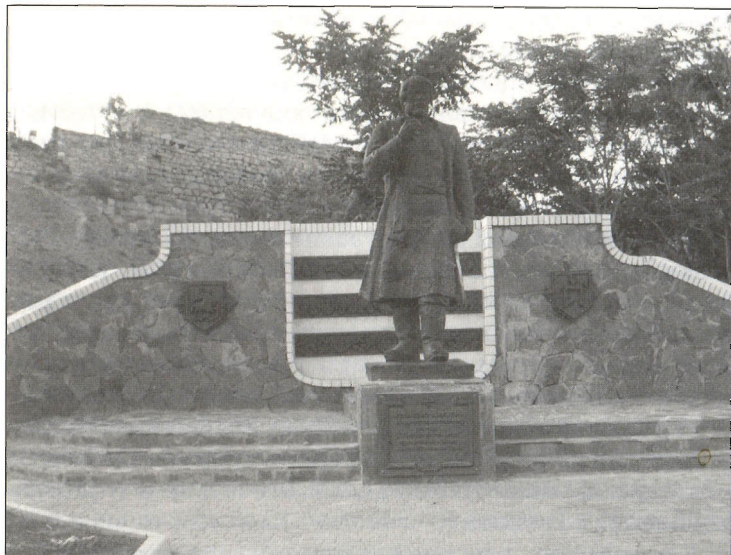
По свидетельству итальянского путешественника Амброджо Контарини (? — 1499), в Москву зимой съезжалось иногда множество купцов из Германии и Польши для закупки мехов. Да и самих русских купцов, особенно тверских, нередко видели в Смоленске, Витебске, Дорогобуже и других городах Литовского княжества.

Большие и оживленные торговые сношения были с Крымом. В Кафе, которая до 1475 года находилась во владении генуэзцев, было даже специальное русское подворье. Каждый год отправлялись в Крым партии купцов, собираясь человек по сто двадцать, не считая прислуги. Не прерывалась торговля с Крымом и после захвата Кафы турками.

Но эта торговля всегда была связана с риском. «По-лем пути истомны [мучительны]», — говорили в то время. Безопаснее был путь через литовские владения, но здесь даже при мирных отношениях между Москвой и Литвой русские купцы подвергались разного рода притеснениям. Граница Литвы в те времена простиралась до Черного моря, в частности, до современной Одессы.

Во многих городах, через которые приходилось проезжать русским купцам, взимались пошлины — мыт. Сборщики пошлины — мытники — вопреки всяким договорам самовольно увеличивали поборы, и московское правительство немало тратило чернил и дорогого пергамента на дипломатическую переписку с Литвой по поводу обид, чинимых купцам.

Не ограничиваясь Крымом, русские торговые люди ходили и во владения турецкого султана — в Азов и самый Царьград (бывший Константинополь, переимено-

Памятник А. Никитину в Феодосии

ванный османами после падения Византийской империи в Стамбул), с которым у Руси никогда не прерывались сношения.

В Царьград ходили сухим путем, через Молдавию и Валахию, а иногда через ту же Кафу. Плыли морем в Синоп и вдоль малоазиатского берега шли к Босфору. Из Кафы русские ходили не только в Царьград. Перед ними было все «Заморье». Они посещали Бурсу*, бывшую одним из крупных складов восточных товаров, а еще чаще — Токат. Недаром Ахмат, правитель Амасьи, Токата и Самсуна**, писал, что «великого князя Ивана многие гости в наш Токат ходят».

Но все же главной торговой дорогой постепенно становится Волга. Ежегодно по Москве-реке, Оке и Волге отправляются суда в Астрахань и дальше.

На развитии восточной торговли при Иване III (правил в 1462—1505 годах) благоприятно сказывалось то обстоятельство, что Казань долгое время находилась под сильным влиянием Москвы. Если и чинились неприятности

* Город в турецкой Анатолии, в 30 км от Мраморного моря.

** Города на севере современной Турции.

русским купцам, то только астраханскими татарами. Это, впрочем, не мешало оживленной торговле с Астраханью, куда русские купцы ездили прежде всего за солью.

Торговали с Москвой и ногайские татары. В летописи есть указание, что однажды в Москву съехалось до трех тысяч двухсот ногайских купцов, которые привели на продажу сорок тысяч лошадей.

По Волге отправлялись русские купцы в Шемаху (Закавказье) и Персию — за шелком, жемчугом, дорогими камнями, перцем, шафраном, мускусом, красками и т. д. На продажу везли они меха — «мягкую рухлядь», воск, мед, коней и другие товары, а несколько позднее — полотно и мед, высоко ценимые на Востоке.

И с Шемахой, и с Персией Иван III обменивался посольствами. Он же пытался наладить прерванные монголо-татарским нашествием дипломатические и торговые отношения с Грузией.

Как известно, русские издавна поддерживали связь с Грузией. Изяслав I был женат на княжне абассинской, а сын Андрея Боголюбского, Юрий, был мужем знаменитой грузинской царицы Тамары, при дворе которой жил Шота Руставели, посвятивший Тамаре свое гениальное произведение «Витязь в тигровой шкуре».

Довольно оживленные торговые сношения установились и со Средней Азией. Кастильский путешественник Клавихо видел русских купцов в Самарканде в начале XV века, а бухарские купцы все время выезжали на Русь. Начинаясь, наконец, правда еще не регулярная, торговля с Сибирью.

Русские купцы стали частыми гостями на рынках Западной Европы, Крыма и Ближнего Востока.

В отъезжий торг, особенно за границу, купцы редко ездили поодиночке, они собирались целыми партиями. Дороги в старой Руси были труднопроходимы. В начале XVI века произошел, например, трагический случай с земляками Никитина. Возвращалось однажды войско тверского князя из похода в Новгородскую землю. И вот несколько полков «заблудиша в озерах и болотах и начаша мерети голодом, ядиха же конину и кожу со щитов содираще ядиху, а доспехи свои и оружие пожгоша и приидоша пеши домы своя, а инии мнози изомрош».

Населению было не под силу содержать в порядке дороги, тянувшиеся на тысячи верст. Правда, кое-что для улучшения путей сообщения удавалось сделать. Вдоль дорог тут и там рыли канавы для стока воды. Особенно грязные непроезжие места, болота гатили — заваливали хворостом, песком, а иногда и бревнами — и строили деревянные мосты через речки (но чаще искали броду). На глубоких и многоводных реках сооружали паромы. Конечно, всего этого было недостаточно, и приходилось надеяться главным образом на летний зной, осушавший грязь, да на зимний мороз, крепко сковывавший болота и топи и воздвигавший ледяные мосты через реки. Но и зимой, и летом дороги в старой Руси одинаково не манили к путешествиям. Летом путники жаловались на обилие всякого «гноса» — комара и слепней, от которых и людям, и животным не было житья. Зимой снежные метели и снега засыпали «человека по пазуху» и губили целые обозы.

Усложняла путешествия и редкость поселений. Сплошь да рядом невозможно было раздобыть еды, негде было найти приют во время непогоды. Осенью и весной, во время половодья, проезда и вовсе не было.

По сухопутным дорогам ездили в повозках, а также верхом, перевозя товар во вьюках. Одолеть тогдашнюю дорогу лучше всего могла крепко сшитая русская телега. Особенно удобно было то, что вся она была деревянная. Сломается такой экипаж среди безлюдной дороги — путник слезает, вынет топор, вырубит новую ось, чеку и едет дальше.

Разъезжать по Руси в то время могли только люди сильные, хорошо вооруженные и не боящиеся разбойничьих шаек.

Долго еще встречались у нас урочища, с названиями которых народная память связала предания о старинных разбойниках — Кудеяре, Ваське-Усе. Разбойники иногда соединялись в большие отряды, человек по триста, с выборным атаманом во главе. Нередко такие отряды делали дороги и вовсе непроезжими.

Но и купец-путешественник XV века тоже был не лыком шит. Чтобы отнять у него короба с товарами, надо было выдержать нешуточный бой. Он ловко владел и ме-

чом, и копьем и был «свычен к ратному делу», пожалуй, не хуже служилого человека. Один купец-сурожанин, то есть ведущий торговлю тонкими тканями, «красным товаром», прославлен нашей летописью как организатор отпора татарам во время осады Москвы Тохтамышем в 1382 году.

Но если с оружием в руках купцы еще надеялись отбиться от разбойников, то от бесчисленных сборщиков податей никакого избавления не было.

Старую русскую дорогу пересекали во множестве мест постоянные заставы, на которых с проезжих взимали различные сборы. Заставы располагались у въезда и выезда из города, возле крупных селений, возле перевозов, и всюду проезжающий должен был платить. Главной пошлиной был мыт. Взимался он с возов с товарами и с судов. Если купец хотел объехать заставу, чтобы избежать платежа, его хватали и заставляли платить промыт и заповедь, то есть увеличенную пошлину с товаров и штраф. Кроме мыта, взыскивали годовщину — по числу людей, сопровождающих воз с товаром или торговое судно; задние калачи — с купцов, возвращавшихся домой после торга; мостовщину и перевоз — при переезде через реку мостом или паромом.

Еще терпимо было, когда все эти пошлины собирались княжескими людьми, но беда, когда власти сдавали какую-нибудь пошлину на откуп окрестным богачам. «Тии откупщики, — горько жалуются в одной челобитной купцы, — врази богу и человеком, сидят по мытам и по мостам на дорогах, берут с товаров проезжую пошлину и мыт, и мостовщину не по указу, а лишнее, воровски, и придираются к проезжим торговым и всяких чинов людям своим злым умыслом напрасно и правят на тех людях промытные деньги и задерживают их, и от того в торгах чинится бесторжица и убытки великие; торговые люди торговых промыслов отбыли, и ныне многие обеднели, меж двор скитаются».

Русские, купцы предпочитали мучительной сухопутной дороге водную. К тому же стоимость перевоза по воде всегда дешевле, чем сухим путем.

Русские суда строились легкими и плоскодонными, чтобы в случае надобности их можно было перетаскать

от одной реки до другой. Ходили эти суда и под парусом, и на веслах, и бечевой. Названия они имели самые различные (струги, ладьи, челны, кочи и т. д.), но общим у них всегда были очень небольшой вес и весьма нехитрое устройство.

Посадское население Руси того времени — купечество и ремесленники — было заинтересовано в прекращении княжеских усобиц, разорявших города и препятствовавших нормальным торговым сношениям и работе ремесленников. Посадские стремились к ликвидации политических и таможенных границ между княжествами, тормозивших развитие торговли и ставивших их в зависимость от княжеских раздоров и войн. Препятствовало развитию торговли также отсутствие единой денежной системы, разноречивой в мерах и весах и прочее. Феодальная раздробленность увеличивала число таможенных и других сборов, уплачиваемых купцом, заставляла его страдать от различных местных законов и правил, а порой рисковать и потерей всего товара при встрече с каким-нибудь князем, который, вымещая обиду на другом удельном князе — своим врагом, грабил купца, имевшего несчастье проживать в ненавистном ему уделе.

Если раньше, когда силы отдельных княжеств были более или менее равны, горожане поддерживали своих князей, то в XV веке авторитет местных князей был подорван, и горожане начинали все более тяготеть к московскому великому князю.

Мы знаем, например, что тверские посадские отказались в 1484 году поддерживать последнего тверского великого князя Михаила Борисовича (княжил в 1461—1485 годах) во время наступления Ивана III на Тверь. Для них великий князь московский все более становился главою не соседнего княжества, вроде Рязанского или Ярославского, а национального Русского государства, впервые смело и уверенно, в сознании своего достоинства выходящего на мировую политическую арену.

Постепенно распространялась грамотность, «книжных» людей становилось больше. Но все-таки массы оставались неграмотными. Новгородский архиепископ Геннадий, жалуясь на то, что мужик по книге «едва бре-

дет», просил Ивана III, чтобы он велел «училища устроить для обучения грамоте и богословию».

Все письмо Геннадия выдержано в унылых тонах. Училища, которых до татарского ига даже в таком небольшом городке, как Курск, было несколько, исчезли совсем. Князья сами частенько были «не горазды грамоте». Дело обучения перешло, по выражению Геннадия, к «мужикам невежам», или «мастерам», как гордо они титуловали сами себя. Это были частные учителя, которые за горшок каши и гривну денег обучали ребят грамоте, а взрослых, желавших идти в попы и дьяконы, натаскивали на службы прямо с голоса, минуя хитрую науку грамоты. Да и таких мастеров было мало. «Земля, господине, такова, не можем добыти кто бы горазд грамоте».

Архиепископ Геннадий был прав, что по сравнению с Киевской Русью образованность пала. Татарское иго нанесло русской культуре большой ущерб и в этом. Но после его свержения просвещение постепенно распространяется снова. Правда, оно почти целиком было в руках духовенства. Светская наука не пользовалась еще особым вниманием. Тем не менее образованность проникла и в среду купечества. В торговом кругу, к которому принадлежал Афанасий Никитин, сыновей учили грамоте и счету, особенно если предполагалось, что им придется заниматься отъезжим торгом.

Тверской рынок был полон восточными тканями, индийским перцем, аравийским ладаном, сахаром из Персии, драгоценными камнями из Индии и Ормуза. Тверские купцы ездили за восточными товарами в Крым и Астрахань, в Константинополь и на Кавказ. На тверских монетах насчитывалось до 16 эмблем с восточными мотивами. Такие монеты нужны были купцам для торговли с Востоком. Восток манил русских купцов и путешественников своим богатством, природой и неизведанностью.

Когда в 1466 году тверские купцы узнали, что к московскому великому князю Ивану III приехал из Закавказья посол ширванского владетеля Фаррух-Ясара — Асан-бег (Хасан-бек) и что Иван III отправляет с ответным посольством бывшего тверского купца Василия

Папина, они снарядили два корабля, чтобы с посольским караваном доехать до Ширвана, области прикаспийского Закавказья.

Посол привез в Москву дорогие подарки. Приехал он, скорее всего, по торговым делам, но, к сожалению, до нас не дошло сведений, о чем велись переговоры. Иван III послал в подарок Фаррух-Ясару девяносто охотничьих кречетов, ценившихся тогда очень высоко, и снарядил в Ширван своего посла, тверича Василия Папина.

При дальних путешествиях того времени торговец то и дело подвергался риску быть ограбленным. Поэтому купцы старались присоединиться к какому-нибудь посольству, ибо у посла охрана была надежней.

Среди тверичей, отправлявшихся в далекое путешествие, оказался и купец Афанасий Никитин. Он услышал, что из Москвы едет посольство в Ширван, да еще во главе с земляком, и вместе с несколькими товарищами решил, присоединившись к посольству, ехать туда торговать.

Афанасий Никитин был, несомненно, выдающимся человеком своего времени, человеком высокой культуры и широкого по тому времени образования. Он очень любил книги и захватил несколько из них в путешествие. Он изучил восточные языки (персидский, арабский, тюркский). Его дневник, который он вел все шесть лет странствований — искренний и правдивый, — рисует самого автора как человека очень пытливого и любознательно-го. Он подходил ко всему без предвзятого мнения и без осуждения чужих порядков и культуры. Дневник написан живым разговорным языком. Он ценен не только как научный документ, но и как редкий памятник светской литературы XV века.

Снарядили тверичи два судна, получили проезжую грамоту своего князя Михаила Борисовича и посадника Бориса Захаровича и летом 1466 года поплыли вниз по Волге. Никитин не пишет, какие товары повез он в Ширван, но, вернее всего, это были меха, дорого стоившие на Востоке. Торгуя «мягкой рухлядью», купцы получали огромные прибыли, иногда в сотни раз, а то и больше превышавшие первоначальную стоимость товара.

Проплыли Калязин, Углич. В Костроме взяли великокняжескую грамоту на «отпуск» за границу.

В Нижнем Новгороде их постигла неудача. Оказывается, они опоздали, и Василий Папин, с которым они должны были там встретиться, уже отплыл. Тверичи решили тогда дожидаться посла Ширван-шаха — Хасан-бека и плыть вместе с ним.

Через две недели приехал Хасан-бек. С ним возвращались шесть бухарских купцов, приезжавших торговать в Москву, и несколько московских купцов.

Заплатив все пошлины, маленький караван летом 1466 года двинулся вниз по Волге к морю. Волгу проплыли благополучно, но близ Астрахани приключилась с путниками беда. Вошли они в Бузань — рукав Волги, вытекающий в 50 км выше Астрахани и у Красного Яра соединяющийся с Ахтубою, и здесь встретили трех астраханских татар. Эти татары под великим секретом сообщили путникам, что хан Касим проведет о проезде «торговых гостей» и сторожит их с тремя тысячами татар, чтобы ограбить.

Гости перепугались. Испугался и сам Хасан-бек. Он, видимо, не был уверен, что татары знают о неприкосновенности послов, и поэтому нанял сообщивших ему о грозящей беде татар, чтобы те как-нибудь ночью, втихомолку, провели суда около Астрахани. Дал им за это посол по однорядке да по куску полотна.

Ночью стали пробираться около засады. Никитин перешел со своего судна на посольское. Как ни осторожно шли, скрыться не удалось: проводники однорядки и полотно взяли, но татарам подали весть, и те сторожили ночью. На несчастье, ночь была лунная, и татары увидели суда: «Качьма (стой)!»

Конечно, русские не остановились и пытались проскочить мимо засады, но меньшее судно, на котором были все товары Никитина, наскочило на рыболовные снасти и встало.

Началась перестрелка с подошедшими вплотную татарами. Во время перестрелки убили одного русского купца и двух татар. Русские с маленького судна перебрались на второе и, пока татары занялись грабежом, пытались уйти.

Судну посла удалось прорваться в море, а второе из русских судов, наскочившее на мель, догнали татары, забрали четверых купцов в плен, а остальных отпустили в

море «голыми головами», то есть ограбив дочиста. Кое-кто из русских хотел было воротиться назад домой, но татары их задержали, чтобы они не могли сообщить о падении.

Ограбленные, потерявшие в бою несколько своих товарищей, путешественники на двух оставшихся кораблях двинулись в Дербент. Разыгравшаяся буря выбросила меньший корабль на берег, набежали горцы кайтаки, забрали оставшееся добро, а неудачливых купцов увели с собой. Осталось только посольское судно, на котором был Афанасий Никитин. Посол Хасан-бек, шесть бухарских и десять русских купцов после всех приключений и несчастий приехали в Дербент, портовый город Ширванского ханства.

Афанасий Никитин бил челом Хасан-беку и московскому послу Василию Папину, прося их помочь освободить русских, захваченных кайтаками. Ширван-шах попросил кайтакского князя возвратить пленных, и те были освобождены. Но Ширван-шах отказал Афанасию Никитину и его товарищам в помощи по возвращению на родину и возмещению убытков, хотя и признавал в письме к кайтакскому князю, что «те люди посланы на мое имя». Тяжело было без товара, потерпев убытки, вернуться на Русь. «И мы, заплавав, — говорит Афанасий Никитин, — да разошлись кой-куды: у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь, а кой должен, то пошел, куды его очи понесли, а иные остались в Шемахи, а иные пошли работать к Баке». Афанасий Никитин выбрал иной путь. Земли далекие и неведомые влекли его. Он решил пробраться в Индию.

Что знали тогда об Индии? В Германии в то время был составлен сборник разных «научных» и исторических сведений «Луцидариус», то есть «Просветитель». Он был очень распространен в Европе и был переведен на русский язык. Этот «Просветитель» был наполнен самыми фантастическими сведениями. Об Индии там было сказано, что она расположена на «краю» света, что там есть река Ганг, вытекающая из «горы Кавказской», и есть гора «Каспинус, по ней зовется море Испанское...».

Над всем этим могли только посмеяться русские путешественники, которые хорошо знали и Кавказ, и Каспийское море и не путали его с «краем» земли.

Афанасий Никитин решил проникнуть еще дальше, чем ездили его предшественники. Из Дербента он приехал в Баку, где, по его словам, «огнь горит неугасимый». В Баку он сел на корабль и, переплыв Каспийское море, прибыл в Амоль, откуда направился через всю Персию на юг, к берегам Персидского залива.

Весну 1468 года Афанасий Никитин встретил в Мазендаране (северная провинция Персии). Он двигался дальше на юг, проходя один за другим опустошенные войной города Персии. Иногда задерживался там и жил по месяцу и больше. Но цель его была не здесь. В дневнике путешественник мало писал о Персии, сухо перечисляя пройденные города.

Об оживленной торговле с Персией и другими странами Каспийского моря писал и Сигизмунд Герберштейн, приезжавший в качестве посла германского императора в Москву при сыне Ивана III Василии Ивановиче. Он рассказывал, что в Дмитрове жило очень много богатых купцов, которые привозили товары с Востока Каспийским морем и Волгой и отправляли их потом в города Московского государства.

Посетил Никитин и Бахрейн, небольшую группу островов у аравийского побережья Персидского залива, в «Катобагряиме, где ся жемчюг родить». Местные жители говорят, что у них на островах «земля — серебро, а море — жемчуг». Венецианский географ и путешественник Гаспаро Бальби рассказывал, что лучший жемчуг добывается именно здесь; в Маскате же, по его словам, опасаясь рыб (то есть акул), которые «жестоки к человеку так же, как он к невинным устрицам, жители не решались ловить жемчуг». Он же сообщал легенду о том, как «родится жемчуг». В апреле раковины поднимаются на поверхность воды и принимают на себя капли дождя. Затем они опускаются на дно моря, и к началу лова, в июле, эти капли затвердевают и превращаются в жемчуг.

Бахрейнский жемчуг считался тогда лучшим и почти весь доставлялся на продажу в Ормуз. Из Ормуза он распространялся по всему миру, попадая и на Русь, где «гурмыжские зерна» были в большой цене.

Бахрейнские острова очень живописны. Море кругом так прозрачно, что невооруженный глаз ясно видит глу-

бину кораллового дна. Новейшие изыскания открыли на островах памятники глубокой древности; здесь бывали, а может быть, и господствовали когда-то финикийцы, вавилоняне, а затем персы.

Начиная с Ормуза, или Гурмыза, как звали его тогда на Руси, записки Никитина становятся более интересными. Чувствуется, что путешественник попадает в «незнакомые» на Руси края, если и известные, то только понаслышке.

Ормуз — маленький бесплодный островок Персидского залива в нескольких километрах от берега. Благодаря своему географическому положению он долгое время — несколько столетий — был центральным пунктом торговли между отдаленнейшими странами Востока и Запада. Сюда привозились индийские товары, и отсюда начинались регулярные переходы к Черному морю, Константинополю, в среднеазиатские страны и через Ширван на Русь.

Вопреки тяжелым естественным условиям: палящей жары, почти полному отсутствию источников пресной воды и т. д. — на этом небольшом скалистом островке возник богатый, роскошный город, за обладание которым боролись персы с арабами, а потом англичане с португальцами. Про Ормуз говорили, что «если бы мир был кольцом, то Ормуз был бы перлом в нем».

«Гурмыз же есть пристанище великое, всего света люди в нем бывают, и всякий товар в нем есть, что на всем свете рождается, то в Гурмызе есть всё», — пишет Никитин.

По свидетельству путешественников, Ормуз был городом роскоши и удовольствий и ужасающей нищеты. Несмотря на все бесплодие почвы и отсутствие воды, которую местные жители привозили в барках с материка, здесь цвели роскошные сады. Нигде знатные и богатые женщины не носили столько драгоценностей и таких роскошных тканей, как в Ормузе. По ночам в городе гремела музыка, пиры следовали за пирами. В то же время сотни ремесленников и бедняков погибали от безводья и болезней.

Самым страшным врагом ормузских жителей была жара. Досталось от нее и Никитину. «А в Гурмызе, — пишет он, — есть варное [палящее] солнце, человека

съжжет». Но опыт научил жителей, как бороться с жарой и смертоносным самумом, от которого пряталось все живое. Днем улицы города покрывались коврами и циновками, чтобы ноги не прикасались к раскаленной почве, над улицами натягивались ткани, создававшие искусственную тень; на перекрестках стояли верблюды с водой. Когда начинался самум, жители залезали в искусственные водоемы и сидели в них до тех пор, пока не стихал палящий ветер.

Интересно в записках Никитина то место, где он говорит о морских приливах, наблюдавшихся им на Ормузе: «...а Гурмыз есть на острове, а ежедень поимает его море по двжды на день».

«В Гурмызе был яси месяц, — пишет Никитин, — а из Гурмыза пошел еси за море Индейское по Велице дня в Фомину неделю, в таву с коньми». Среди этих коней был и дорогой жеребец, купленный Никитиным в Персии.

Ормуз. Средневековый рисунок

Из Ормуза Никитин выехал 9 апреля 1469 года. Судя по тому, как он старался сократить расходы, как сетовал на дороговизну еды, средств у него было не много. Его чуть не полуторагодовые торговые скитания по Персии, видимо, не увенчались большим успехом, и на Русь еще не с чем было возвращаться. Тем не менее, остатки спасенных ценностей Никитин, видимо, сумел пустить в оборот и приобрел коня.

Бродя по Персии, он услышал, что «во Индейской же земли коня ся у них не родят; в их земли родятся волы да буволы, на тех же ездить и товар иное возять, все делают». Вот он и рискнул затратить большую часть своих средств на покупку очень хорошего, дорогого жеребца, которого решил доставить в Индию. Конечно, манила его не одна только торговая выгода — «прибыток».

В Ормузе он прожил месяц, готовясь к переезду по морю в Индию.

В апреле 1469 года, купив жеребца для продажи в Индии, Афанасий Никитин пошёл «за море Индийское в таве (беспалубная лодка с одним парусом. — *Авт.*) с коньми». Шесть недель длилось путешествие до индийского берега. По пути корабль заходил в Маскат — большой город на аравийском берегу, останавливался в Диу — порт на южном берегу полуострова Катъявар. Из Диу корабль заходил в Камбай — самый богатый город мусульманского царства Гуджарат («Кузрят» — по написанию Афанасия Никитина), расположенного в северо-западной части Индийского полуострова.

Область Камбай славилась своими текстильными изделиями. Афанасий Никитин записал, что здесь выделяются «алачи» — ткань из сучёных ниток, «киньдак» — бумажная набойчатая ткань, «пестрядь» — ткань из разноцветных ниток. Здесь добывали «ахик», то есть сердолик, и выделяли знаменитые индийские краски. Гуджарат (или Гуджерат), по словам Афанасия, был богат солью.

А вот природа Индии Никитина не удивила. Он уже перед этим видел много пейзажей, нисколько не похожих на его родные леса с перелесками под Тверью.

В Чауле, на западном берегу Индии, недалеко от современного Бомбея, морское путешествие Афанасия Ни-

китина закончилось. «И тут есть Индийская страна», — записал он. С большим любопытством он начал приглядываться к незнакомой земле. Дневник его становится подробнее. Он рассказывает о людях, о религии и войнах, о рынках и обычаях.

В первый момент Афанасия Никитина особенно поразила одежда индусов. Вся она состояла из набедренной повязки. Только индийские князья и бояре носили «фату» на голове и на плечах. Он обратил внимание на их вооружение и записал, что «слуги княжие и боярские, фата на бедрах обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами».

В другом месте, описывая толпу богомольцев около знаменитых храмов Парваты, Никитин снова с удивлением пишет: «Все нагы, только на гузне плат; а жонки все нагы, только на гузне фота». Но были и другие «жонки», людей зажиточных: они не только в «фотах», то есть в покрывалах, но у них «на шиях жемчуг, много яхонтов, да на руках обручи да перстни златы».

Надо сказать, что обилие драгоценностей на индийской женщине не всегда говорило о большом богатстве. Каждый житель Индии, обладающий хоть каким-нибудь достатком, на все свои средства старался купить драгоценностей своей жене и дочерям.

Своеобразный наряд индийцев изумлял не одного Никитина, ему дивились все путешественники прошлого. Марко Поло, говоря о Малабарском побережье, даже иронизирует и пишет, что «во всей провинции Малабар нет ни одного портного, который сумел бы скроить и сшить кафтан, так как все ходят голыми».

Не меньшее удивление вызвал у жителей голубоглазый, светловолосый Никитин. «Яз хожу куды, ино за мной людей много, дивятся белому человеку».

Еда индусов не понравилась выросшему на щах, пирогах и каше тверичу. «А ества же их плоха», — пишет он. Чем же был так недоволен Никитин? «Ядят брынецъ, да кичири с маслом, да травы розныя ядят, а варят с маслом да с молоком». Брынецъ — это искаженное слово «бириндж» — «рис». Кичири (кхичри) — это блюдо из риса с маслом и приправами.

Из Чауля Афанасий Никитин скоро двинулся на восток, в глубь Индийского полуострова, пересек Гатские горы и через три с половиной недели прибыл в период дождей в Джуннар. Во время странствования Никитина по Индии Джуннар входил в одну из восьми областей Бахманийского царства.

Бездорожье заставило его пробыть здесь два месяца и наблюдать, как индусские крестьяне возделывают землю, сеют пшеницу и другие злаки, сажают горох и готовят вино из особого сорта орехов. Джуннар был большим и хорошо укрепленным городом. Его крепость была построена на неприступной каменной горе. Афанасий записал, что «ходят на гору по одному человеку, дорога тесна — пройти нельзя». В городе для путешественников были устроены подворья — караван-сарай, в которых можно было получить пищу и постель. Афанасий остановился в одном из них. Белый человек привлекал внимание любопытных: «Аз хожу куды, ино за мной людей много, дивятся белому человеку».

Видимо, власти тоже заметили белого чужестранца.

Наместник Джуннара Асад-хан увидел жеребца, которого привез Никитин, пленился дорогим конем и отнял его у незадачливого торговца.

Жеребец Никитина, несомненно, был очень дорогим. «И яз грешный, — пишет путешественник, — привезл жеребца в Ындейскую землю, дошел есми до Чюнеря бог дал поздорову все, а стал ми сто рублей». Сто рублей по русским понятиям того времени было суммой значительной, примерно соответствующей не нескольким десяткам тысяч рублей на наши современные деньги.

Отняв жеребца, Асад-хан узнал, что Никитин «не бесермеин, а русский», вызвал его к себе и сказал:

«И жерепца дам да тысячи золотых дам, а стань в веру нашу, в Махмет дени; а не станешь в веру нашу, в Махмет дени, и жерепца возму, и тысячу золотых на главе твоей возму».

Никитин, по всей вероятности, был одним из первых христиан в Декане, и мусульманскому фанатику было лестно перевести его в «Махмет дени» — магометанскую веру.

Что было делать Никитину? Ведь на продаже жеребца были построены все его надежды! Все же он не последовал за многими ренегатами-европейцами, продававшими за деньги в лице своей веры свою родину. Так, венецианец ди Конти, который побывал в Индии в первой половине XV века, отказался от христианства. Для Никитина перемена веры была равна измене Родине, и он мужественно отказался перейти в магометанство.

Всего четыре дня было дано Никитину на размышления. Но, на его счастье, в эти четыре дня встретился Никитину старый знакомец хозяйочи Махмет, хоросанец, с которым он, видимо, познакомился еще в Персии.

«Хозяйочи» — слово искаженное. Можно предположить, что следует читать «хозиначи», что значит «казначей», или же это производное слово от персидского «ходжа» — «господин». «Ходжа» присваивалось уважаемым людям, чиновникам и т. д.

К хозяйочи Махмету и обратился Никитин со слезной жалобой: «Бил есми челом ему, чтобы ся о мне печаловал».

Старый друг не подвел. Он съездил к хану и «отпросил» Никитина, чтобы его «в веру не поставили». «Господь смиловался, не остави от меня милости своя грешнаго и не повеле погыбнути в Чюнере с нечестивыми», — пишет обрадованный Никитин. Его не только не принудили переходить в магометанство, но даже жеребца вернули.

Записывая свое приключение, Никитин подчеркивает, что именно в «канун Спасова дня приехал хозяйочи Махмет хоросанец» и договорился с Асад-ханом об освобождении Никитина в самый престольный праздник тверского Спаса Златоверхова. «Таково господарево чюдо на Спасов день», — заключает Никитин, желая этим еще раз упомянуть о том, что он неизменно верен Родине, и Родина именно в день праздника помогла ему.

Дальше Афанасий Никитин патетически восклицает: «Ино, братья русьстии христиане, кто хочет пойти на Бндейскую землю и ты остави веру свою на Руси».

Хоть и кончилось все это приключение благополучно и впоследствии в Индии он находит много интересных дел для Руси, товаров, даже сообщает цены на них, но в Джуннаре после приключения с жеребцом Никитин пес-

симиристически записывает: «Мене залгали [обманули] бессермена, а сказывали всего много нашего товару, ано нет ничего на нашу землю».

Афанасию Никитину бросилось в глаза социальное неравенство населения в Индии. В коротких, но сильных выражениях обрисовал он противоречия власть имущих и бесправия, нищеты и богатства. «А земля людна вельми, а сельские люди голы вельми, а бояре сильны добре и пышны вельми».

После того как окончились дожди и установилась хорошая дорога, Афанасий отправился в Бидар — столицу мусульманской династии Бахманиев. От Джунира до Бидара около 400 верст. «А шли есмя месяц», — записал Афанасий. По дороге он побывал в Кулонгере и в Кольберге, бывшей столице Бахманийского государства. На этом пути встречалось много других городов. «Промежю тех великих градов, на всяк день по три грады, и иной день и четыре грады, колико ковов (ков равен 10 верстам. — *Авт.*), толико градов!»

Афанасий Никитин приехал в Бидар 15 сентября 1469 года. Бидар так поразил его своей величиной, что он принял его «за стол Гундустану Бесерменьскому», то есть за столицу всей Индии. Здесь в роскошном дворце жил султан Мухаммед III Бахмани (правил в 1463—1482 годах), которого Афанасий видел во время торжественных процессий по городу. Султану тогда шел шестнадцатый год. Пышные царские выезды были наглядной картиной индусских порядков. Афанасий ярко описал праздничный выезд царственного юноши. Султан ехал на коне впереди процессии. На нем был кафтан, украшенный яхонтами, на его высокой шапке сиял огромный алмаз, чепрак и седло коня были золотые. Всадник и лошадь блестели золотом и драгоценными камнями. Перед султаном индус нес теремец (зонтик) — символ царского величия. За султаном следовал его брат. Его несли двадцать человек на золотой кровати. Далее следовали двадцать визирей великих. Украшением всей процессии были слоны. Их было триста. На слонах были укреплены кованые «городки», в которых сидело по двенадцать человек с пушками и пищальями. На каждом слоне было по два красивых

знамени, и к хоботу были прикреплены тяжелые железные гири. На слоне, между ушей, сидел воин с железным крюком, которым он правил.

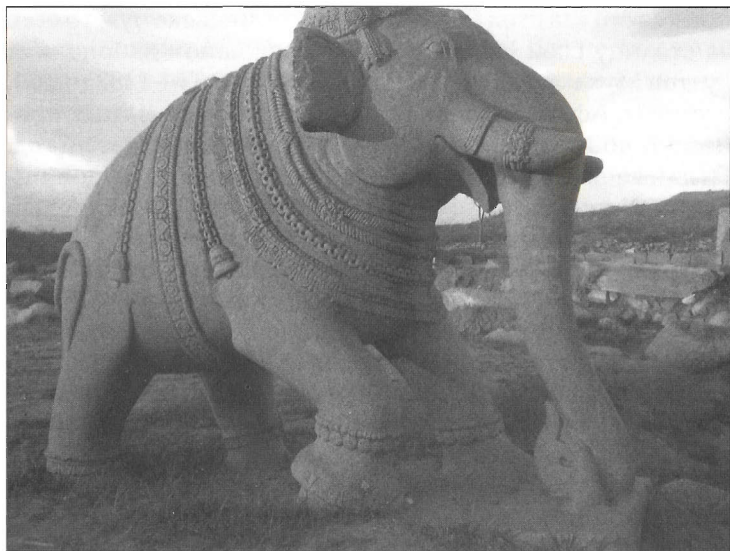
Видел Никитин слонов в обычном, повседневном виде «в пополах сукнянных, да по четыре человека на слоне сидят нагих, одно платите на гузне».

На праздник улу-байрам слоны выводились, как на битву.

Боевые слоны были в «булатных доспехах», в броне, а на спине у них возвышались «городки» — башенки, нередко окованные железом. В «городках» сидело от шести до двенадцати вооруженных воинов. К клыкам были привязаны два огромных меча, а в хоботе слон держал тяжелую железную гирю.

Снаряженный таким образом слон при тогдашнем вооружении был для неприятеля страшнее, чем в наше время танк. По старинным воззрениям, каждый слон заменял пятьсот всадников, а если на его могучей спине сидел еще десяток отборных воинов, то и всю тысячу.

В процессии султана участвовал особый слон, которого Никитин называет «благим». Этот слон шел непосред-

Каменная статуя слона в Райчуре

ственно перед султаном. Наряженный в парчу, этот особо выученный слон размахивал железной цепью и не позволял никому приблизиться к султану.

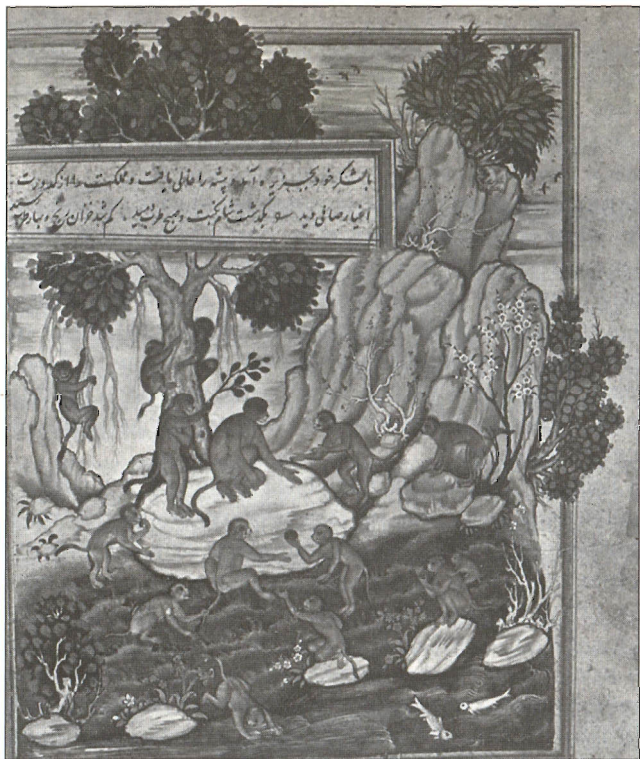
«Без слонов в царстве нет благолепия», — говорилось в старинном индийском стихотворении. Слоны были главной военной силой индийского войска.

Верхом на конях ехало множество царских наложниц. Этот торжественный кортеж сопровождался оглушительным шумом. Гремели барабаны, выли трубы музыкантов, кричали обезьяны и ревели «лютые звери», которых тут же вели на цепях, кричала многолюдная толпа, любившая смотреть выезды своего повелителя. Пышное шествие двигалось по городу и заканчивалось у царского дворца. Афанасий Никитин осмотрел этот дворец и подивился его красоте.

В Бидаре Афанасий Никитин сблизился с индусами. Он научился говорить на махратском наречии индусов. Редкий иностранец в Индии мог завоевать такое большое доверие туземцев. Афанасий этого достиг своей простотой и обходительностью. Он узнал, что власть в Индии принадлежит монголам-завоевателям, которые образовали несколько самостоятельных государств и подчинили себе почти все индусские племена. Он увидел истинное положение народа в Индии, сочетание сказочной роскоши царей и вельмож с крайней бедностью населения, страдавшего от высоких налогов. Основная тяжесть многочисленных повинностей ложилась на сельское население. В городах жило много ремесленников и торговцев. Торговля была сильно развита. На многолюдные ярмарки съезжались индийские и чужеземные купцы.

Ярмарки и торговые центры особенно интересовали Афанасия. Он побывал в самых крупных торговых городах и на самых больших ярмарках.

Афанасий Никитин внимательно наблюдал религиозные обряды индусов и записал, что они «ни христиане, ни бесермени, а молятся каменным болванам, а Христа не знают». Вер в Индии, по его мнению, 84. Афанасию пришлось много беседовать с туземцами об их религии. Один из его друзей мусульманин Мелик предлагал ему перейти в мусульманство и стать монгольским сановником в Индии. Но Афанасий отказался.

Играющие обезьяны. Индийский рисунок XVI в.

Никитину удалось видеть в Бидаре змей гигантского размера: «В Бидери же змии ходят по улицам, а длина ея две сажени».

Услыхал Никитин много интересных рассказов и про обезьян: «А обезьяны-то те живут по лесу, да у них есть князь обезьяньский, да ходить ратию своею, да кто их заимает и они ся жалуют князю своему, и он посылает на того свою рать, а они пришед на град и дворы разволяют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, и языки их есть свои, а детей родят много; да которой родится не в отца, не в мать, ини тех мечють по дорогам; ины госдустанци тех имають да учать их всякому рукоделью, а иных продають ноци, чтобы взад не знали побежати, а иных учат базы миканет» (правильно: «базл мику-нед» — «играть и плясать»).

Итак, легенда гласит, что у обезьян есть свой язык, свой «обезьянский» царь. Жалуются обезьяны своему царю на обиды, царь посылает на обидчиков свою рать, которой «велми много».

«Князь обезьянский» — это индийский бог Хануман, один из героев «Рамаяны», действующий в образе обезьяны. У индусов обезьяны издавна считались священными животными. В Бенаресе есть храм, посвященный обезьянам. Благодетельные индусы приносят туда плоды, вареный рис и другие лакомства, до которых охочи обезьяны.

Из Аланда воротился Никитин в Бидар к 14 ноября — «О Филипове заговейне» — и оставался там почти четыре месяца, до 4 марта.

Бидар во время пребывания там Никитина был на вершине своего расцвета. «Град есть велик, а людей много велми», — пишет Никитин.

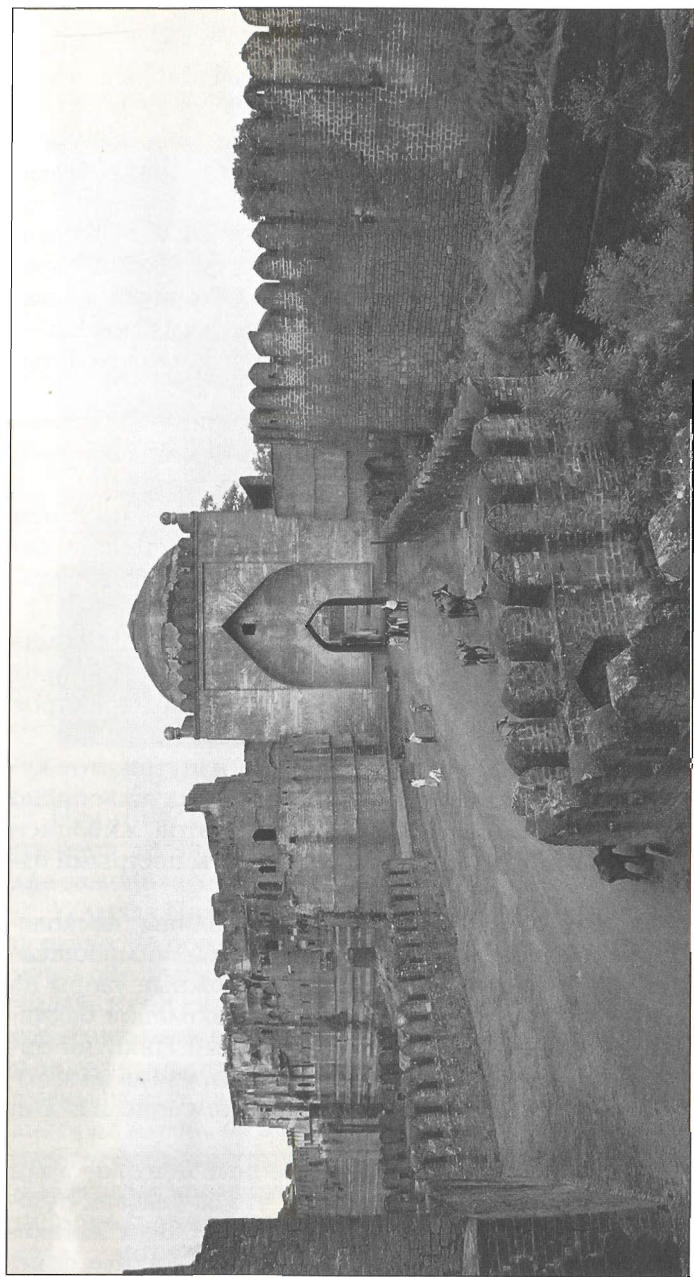
Бидар и до сих пор является довольно значительным городом Декана. Он был окружен могучими стенами, бастионы которых лежат ныне в развалинах. Дворец султана был расположен в центре восточной части города.

Вход туда идет извивающимся коридором, чтобы легче было в нем защищаться. Надо было пройти семь ворот (в настоящее время туристы проходят только через трое ворот).

Внешние ворота покрыты куполом, изнутри этот купол во времена путешествия Никитина был живописно раскрашен яркими красками. Остатки этой живописи видны до сих пор. Вторые ворота покрыты пестрыми изразцами.

До наших дней сохранились развалины нескольких дворцов. Уцелевшая майолика, кое-где виднеющиеся блестящие краски, изумительные сложные узоры на камнях — все это говорит о былом великолепии бахманийского султана. Недаром восхищенный Никитин писал: «Двор же его чуден велми, все на вырезе да на золоте, и последний камень вырезан да золотом описан велми чюдно».

В город, а уж тем более в укрепленный центр пускали далеко не всякого, расспрашивали, что за человек путешественник и по каким делам он прибыл. Всех же входящих в центр города переписывали: «А в воротех сядят

Средневековые укрепления города Бидара в наши дни

по 1000 сторожев да по 100 писцев кофаров, кто поидеть, ини записывают, а кто выйдет, ини записывают, а гарипов [иностранцев бедняков] не пускают в град».

Совершенно о таких же порядках рассказывает французский путешественник XVII века Тавернье. Он говорит, что когда иностранец подходил к воротам одного из городов Индии, то его сначала обыскивали, нет ли у него соли и табаку, так как то и другое нельзя было вносить беспошлинно в город. Затем начинались расспросы путешественника. Добытые сведения посылались коменданту, а тот уже решал, можно ли пустить того или иного путешественника в город.

Путешествуя из Бидара по городам Индии, Афанасий Никитин видел и описал два больших военных похода бахманийского султана, из которых второй сыграл очень значительную роль в дальнейшей судьбе Бахманийского государства. Мухаммед II Бахмани захватил город Гоа на западном берегу Индийского моря, принадлежащий Виджаянагару, сильному индусскому княжеству, которое очень энергично боролось против мусульманского засилья Бахманиев. Его столица с тем же названием была цветущим городом, о котором путешественники оставили самые восторженные воспоминания.

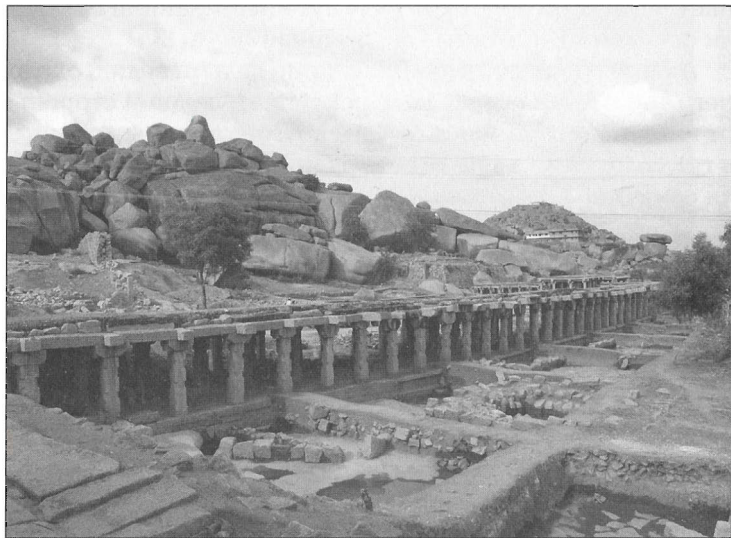
Афанасий писал, что «Бижанагар вельми велик, около него три рва, да сквозь него река течет, с одной стороны от него непроходимая чаща, а с другой стороны долина... а града взять нельзя». Кроме рвов Виджаянагар окружали семь стен.

Основанный в первой половине XIV века, город Виджаянагар был столицей могущественного царства и около двухсот лет играл большую политическую и экономическую роль. Просуществовало государство Виджаянагар до 1565 года. Особенно могущественным оно было в XV веке, когда Бахманиды вели с ним непрерывные войны.

Современники Никитина оставили восторженные описания города. Особенно понравился он Абд-ар-реззаку Самарканди, послу тимуридского правителя Самарканда Шахруха при дворе виджаянагарского царя. Ему Виджаянагар представлялся земным раем.

Все пространство между первой и второй, а также второй и третьей крепостными стенами было занято возделанными полями, садами, огородами. У ворот последней цитадели, где находился царский дворец, в крытых галереях были расположены четыре базара. На возвышениях среди массы цветов лежали разнообразные товары. Из Цейлона привозили в Виджаянагар драгоценные камни, из Ормуза — жемчуг, из Китая и Египта — парчу и шелковые ткани, с Малабарского берега — перец и т. д. Над всем городом возвышался дворец, окруженный массивной стеной.

Рассказывают, Абд-ар-реззак поднес в подарок царю пять прекрасных коней, несколько кусков дамасского шелка и бархата. Царь находился в роскошном зале, окруженный многочисленной свитой. Одет он в бархат, на шее у него ожерелье из драгоценных камней. Цвет лица царя — оливковый. Он худ, высок и не имеет бороды. Выражение лица приятное. Он милостиво принял посла, благодарил шаха за подарки и велел дать послу денег, бетелю и камфары. В другой раз Абд-ар-реззак был принят царем во время празднеств. Царь сидел на золотом троне, украшенном драгоценными камнями, на по-

Руины зданий времен империи Виджаянагара

душке, обшитой жемчугом. По тонкости и изысканности работы трон был совершенством искусства. Зал, в котором был принят посол во второй раз, превосходил все виденное им по великолепию. Стены и потолок зала были сделаны из золотых листов, украшенных драгоценными камнями.

Виджаянагар, по словам Никитина, «велми велик, около его три ровы, да сквозе его река течеть, а со одну сторону его женгель злый [густая чаща, джунгли] и з другую сторону пришел дол, чюдна места велми и угодна на все, на одну же сторону прийти некуды, сквозе град дорога, а града взяти некуды, пришла гора велика да деберь зла тикень [труднопроходимые лесистые склоны]».

По словам Абд-ар-резака, у виджаянагарского царя было миллион сто тысяч войска и тысяча слонов. Восхищенный персидский посол, видимо, преувеличивает силу индийского царя. По другим источникам, у него несколько сот тысяч войска, но отнюдь не миллион. Против этого богатого и могущественного царя из Бидара было двинуто громадное войско. Никитин, бывший свидетелем этого исторического события, записал, что «Меликтучар выехал воевати индеян с ратию своею из града Бидеря на память шиха Иладина, а по-русьскому на Покров святых Богородица».

Видя, как тает его войско, Малик-ат-туджар приказал штурмовать Виджаянагар. Двадцать дней продолжался штурм. Осажденные отчаянно отбивались, но все новые и новые воины лезли на стены. Наконец удалось взять первые стены, которых вокруг города, как мы уже говорили, было семь. Никитин пишет про это отчаянное сражение: «Град же взял индейскы Меликчан ходя, а взял его силою, день и ночь бился с городом 20 дни; рать ни пила ни яла, под городом стояла с пушками; рати его изгубло 5 тысячь людю добраго [отборного войска]». Наконец «город взяли», то есть первые укрепления; победители «высекли 20 тысяч поголовия мужескаго и женьскаго, а 20 тысячь полону взял и великаго и малаго, а продавали полону голову по 10 тенек, а иную по 5 тенек, а робята по 3 тенькы». «Тенькой» Никитин называет тенгу — мелкую серебряную монету. Ценность тенги на Востоке была очень различна.

Это было полупобедой: забрали много пленных, но люди в Индии в XV веке ценились дешево, настолько дешево, что за голову пленника платили копейку. Самое же важное — «а казны же не было ничего». Все драгоценности, видимо, заблаговременно были снесены во внутреннюю крепость, которую взять бахманийским войскам не удалось. «А большого града не взял».

Об этом грандиозном походе у других историков имеются лишь противоречивые сведения. Таким образом, Никитин был очевидцем одного из важнейших моментов в истории Бахманийского царства. Без его правдивого описания мы не знали бы интересной страницы из истории Декана, так как поход этот, стоивший громадных усилий бидарскому султану и, по существу, ничего ему не давший, явился началом заката бахманидской династии, которая просуществовала после этого очень недолго.

Война с ним истощила и подорвала силы Бахманийского государства. Огромная армия поглотила массу средств, погибло большое количество людей. Афанасий Никитин замечает, что после войны у Бахманиев «казны же не было ничего». С этого времени Бахманийская держава начинает клониться к упадку.

Разъезжая по городам Декана, Афанасий собирал сведения о далеких и неизвестных ему странах, портах Индийского океана и морских путях из Индии в другие страны Востока. Много городов и стран перечислил он в своих записках, рассказал, как далеко до этих стран, что там родится и как живут там люди, какой там климат, бывают ли дожди или «парище лихо».

Обосновавшись в Бидаре, Никитин начал путешествовать по Декану. Мы уже говорили, что он побывал в Аланде, сходил со своими друзьями-индусами в «их Ерусалим» — Парвату, побывал мимоходом в Виджаянагаре, добрался он и до Райчура. Райчур — город в юго-западной части государства Бахманидов. По имени этого города называется и вся прилегающая область. В этой области и добывались главным образом драгоценные камни. Был там Никитин два раза. Первый раз он ходил туда из Бидара, чтобы познакомиться с добычей алмазов, да и, наверное, купить их.

Декан издавна славился своими драгоценностями. Много чудес рассказывает об обилии драгоценных камней в Декане путешественник Марко Поло. Он пишет, что «те алмазы, что в наши страны заходят, самые лучшие, самые большие — это только тамошний брак». Уверяли, что после смерти одного малабарского царя осталась такая масса драгоценностей и золота, что одному из трех братьев понадобилось семь тысяч (?) быков, чтобы перевезти свою часть.

«В Рачюре же родится алмаз биркона да нов кона» [старая копь и новая копь]. Далее Никитин рассказывает: «Алмаз же родится в горе каменной, а продают же тую гору каменную по две тысячи золотых нового алмазу».

Никитин не говорил, какие из копей он видел в области, он только сообщает цены на алмазы. По его данным, «почка» обыкновенного алмаза стоила пять рублей (почка — старинный русский вес драгоценных камней — около 1 г), а особенно хорошего — десять рублей. Правители области алмазные копи сдавали частным предпринимателям. За право разработки алмазных копей платили в зависимости от числа рабочих. Никитин указывает и на другую систему сдачи копей в аренду — в зависимости от места разработки, причем тогда различались алмазы новой и старой копи — алмазы из старой были в несколько раз дороже.

Второй раз в Райчуре Никитин был, когда пробирался к берегу, чтобы ехать домой. Тогда побывал он в Кулуре (у Никитина «Курули», «Курыли»), известном своим богатым алмазным месторождением, и прожил там пять месяцев.

На этот раз он ничего не сказал про добычу алмазов, считая, вероятно, что все уже им сказано раньше. Пишет он только, что «в Курули родится ахик [сердолик]» и «ту его делают и на вес свет оттудыва его развозять».

«Пышные велми бояре» в Индии любили украшать себя драгоценными камнями. Драгоценностями была усыпана их одежда, паланкины, сбруя на конях. Со многими делярами, то есть ремесленниками, познакомился Никитин в Бидаре, было их много и в Кулуре, где они украшали добываемыми на месте алмазами оружие: «...а в Курыли же алмазников триста украшают оружие».

В свой дневник он занес сведения о пути в Каликут (самый большой порт средневековой Индии), на остров Цейлон, в Малакку и Китай.

О Каликуте пишет Никитин в своих записках несколько раз, но был ли он там, трудно выяснить. Вернее всего, был. Этот большой приморский город с его громадной торговлей для такого непоседливого путешественника и вместе с тем практичного купца, как Никитин, слишком уж был заманчив.

Каликут подробно описан знаменитым арабским путешественником Ибн Баттутой, который посетил город в XIV веке. Торговое значение Каликута было не меньшим, чем Ормуза. Сюда приходили суда и из Эфиопии, и с берегов Западной Африки, из Китая, с Цейлона, с берегов Красного моря. Ввозили в Каликут серебро, золото, кожи, боевых коней, а вывозили разного рода пряности, китайский фарфор, драгоценное дерево и т. п. Ибн Баттута считал Каликут одним из крупнейших портов мира.

Пришел в восхищение от Каликута и Никитин: «А Келекот же есть пристанище Индейского моря всего». Но богатая морская торговля города привлекла в окрестные моря много пиратов. Видимо, близ города стояли их суда, и беда была судну, отклонившемуся от обычной дороги: его захватывали морские разбойники и грабили. Об этом и пишет Никитин, говоря, что «пройти его не дай бог никакому костяку [судну], а кто его не увидить, тот поздраву не проедеть морем».

Любопытный купец Никитин трезво перечисляет только то, что можно продавать и покупать. По его наблюдениям, родится в Каликуте перец, инбиль, мускат, корица, гвоздика и другие пряности. Отмечает он и то, что в Каликуте большое число работоторговцев, которые торгуют черными рабами и рабынями.

Кроме Индии пишет Никитин о Цейлоне, Бирме, Индокитае и даже о Китае — этих загадочных в то время для европейцев странах, в которых он хоть сам и не был, однако собрал о них сведения.

«...От Келекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шибайта месяц ити, а от Шибата до Певгу 20 дни, а от Певгу до Чини да до Мачини — месяц итьти, морем все то хождение. А от Чини да до Кытаа итьти сухом 6 месяц, а морем

Вид на Каликут. Из атласа XVI в.

четыре дни ити». «Силян», то есть остров Цейлон, по словам Никитина, «пристанище Индейского моря немало».

Рассказывали Никитину, что есть на острове Адамова гора. По одним легендам, на ее вершине находится гроб Адама, по другим — на этой горе каялся Адам перед Богом в своих грехах, и где он стоял, там до сих пор видны отпечатки ступней его ног.

Добывают на Цейлоне драгоценные камни: «чрвьци», судя по цвету («червонный, красный»), — это рубины или гранаты, имеются там «фатисы» (кристаллы), «бабогури» — белый агат и наждак, специальный камень для полировки драгоценных камней.

Богат Цейлон слонами. Цена на них, по сведениям Никитина, колеблется в зависимости от их величины, ибо слонов «продають в локоть», то есть измеряя локтями (старинная мера, несколько больше 60 см). Есть на Цейлоне «девякуши», которых «продають на вес».

И.И. Срезневский считает «девякуш» страусами, от турецкого «девекуши» — «страус». Но, как известно, страусов на Цейлоне нет. Возможно, что Никитин говорит о торговле привозными африканскими страусами.

Собрал сведения Никитин и о какой-то большой стране Шабайт или Шабат. Там много шелка, сандала, жемчуга, водятся там слоны, которых, как и на Цейлоне, продают, измеряя величину животного локтями.

В лесах Шабайта много диких кошек и обезьян. Их так много, что люди не решаются ездить по дорогам ночью. Разводят там мускусных оленей кабаргу. У самцов кабарги на брюхе находится мешковидная железа («пупок», по

выражению Никитина), выделяющая мускус — ароматическое вещество с резким своеобразным запахом, очень ценившееся в Средние века.

Никитин указывает, что страна Шабайт населена особым народом. «Шабайтене не жидове, ни бесермена, ни христиане, инаа вера индейскаа, ни с худы [иудеи], ни бесермены ни пияють, ни ядять, а мяса никакого не ядять».

Никитин пишет, что индийские мусульмане «хоросанцы» пользуются в Шабайте привилегиями: князь шабайтский дает им хорошее содержание — «олафу [жалование] по тенке на день, и великому и малому». Кто же из хоросанцев женится, то есть оседает в стране, тому князь «даеть по тысячи тенек на жертву, да на олафу да есть на всякий месяц по двести тенек». По-видимому, Никитин собрал сведения о части Аннама (Индокитай), известной на Востоке под именем Чамбы.

Много чудесных стран видели глаза Афанасия Никитина, о многих землях слышал он рассказы купцов и путешественников. Но ни одна земля не могла сравниться в его глазах с землею русской. Под чужим индийским небом тосковал он по ней и ночью, с грустью глядя на звезды, замечал, что даже звезды здесь расположены иначе, чем дома. Вспоминая все виденные или известные ему страны, сравнивая их с русской землей, он писал, что нет в мире земли лучше русской: «А Русская земля — да сохранит ее Бог! В этом мире нет такой прекрасной страны! Да устроится Русская земля!»

Он задумал вернуться на родину. Труден был далекий обратный путь на Русь по опаленным непрерывной войной землям. «Пути не знаю, как пойду из Гундустана, — восклицал Афанасий. — Ни на Хорасан, ни на Иезд, ни на Чеготай идти нельзя — везде идет война». Узун-Хасан — энергичный представитель туркменской династии «Белого барана» — вел войну с Османской Турцией. На Мекку нельзя идти, потому что «туда ходят только бесермены и нужно стати в веру бесерменьскую».

Но опасности не остановили его. Он твердо решил пойти на Русь. Афанасий выгодно продал своего жеребца и оставил Бидар. Теперь он выбрал новую дорогу к индийскому берегу. Она шла через Кольберг и Кулури. В Кулу-

Узун Хасан — энергичный представитель туркменской династии «Белого барана». Средневековая миниатюра

ри добывался сердолик и делались известные на весь мир сердоликовые украшения. Может быть, решив захватить домой драгоценные камни, Афанасий и зашел сюда.

Переходя из города в город и останавливаясь там, где были большие базары, Афанасий Никитин подвигался обратно к индийскому берегу и, наконец, дошел до большой пристани Дабуль на Малабарском берегу. Он писал, что сюда съезжается торговать «все поморье Индийское и Эфиопское». Здесь он, заплатив корабельщику два золотых, сел в таву и отправился в обратный путь по Индийскому морю до Ормуза.

Это было в начале 1472 года. Целый месяц шел корабль по морю; на другой месяц путешественники увидели землю, но это были горы Африки. Эфиопы чуть было не разграбили корабль. Щедрыми подарками удалось их задобрить, и через пять дней корабль отправился дальше. Он благополучно добрался до Маската, и через 9 дней Афанасий Никитин высадился в Ормузе. Тяжелое и опасное путешествие по морю закончилось. Предстоял не менее тяжелый путь по Персии.

Его он прошел через Лар, Шираз, Йезд, Исфахан и Кашан. Отсюда он свернул на Султанию и остановился в стане Узун-Хасана, где шла война. Десять дней вынужденного бездействия измучили Афанасия, и он с тоской писал, что отсюда «пути нет». Наконец, он решился на отчаянный шаг: пройти через турецкие владения к южным берегам Черного моря в Трапезунд. Турецкие власти в Трапезунде приняли его за лазутчика Узун-Хасана. Они забрали все его имущество, искали секретных грамот и, пользуясь случаем, ограбили его. Ему были возвращены лишь походный мешок и, возможно, его записки. Он купил место на корабле до Кафы (Крым) и еще занял один золотой на прожитие. Буря метала корабль по морю десять дней и заставила снова вернуться в Трапезунд. Два раза корабль выходил в бурное море, прежде чем, наконец, ему удалось добраться до Балаклавы. Из Балаклавы Афанасий приехал в Кафу. В Кафе он мог с глубоким чувством удовлетворения и радости сказать: «Преидох же три моря: первое море Хвалынское, второе море Индийское, третье море Черное». Теперь оставалось сухим путем добраться до родных мест. Дорога из Крыма на Русь хорошо была известна русским купцам. Купцы смоленские, тверские и новгородские предпочитали из Крыма ехать по Днепру. Был и другой, более прямой путь по Дикому полю через владения Золотой Орды. Но в эту осень 1472 года хан Ахмат пошел на Русь, по словам летописи, «со всей силою ордынскою» и бился под Алексиным на Оке с русскими князьями. Идти вторым путем было опасно. Афанасий пошел через Днепр. Но ему не удалось дойти до родной Твери. Недалеко от Смоленска он умер.

Московский летописец записал под 1475 годом: «Того же году обретох написание Офонаса тферитина купца,

что был в Индеи 4 годы, а ходил, сказывает, с Васильем с Папиным, а сказывает, что де и Смоленска не дошед, умер, а писание то своею рукою написал, иже его руки тетради привезли гости к Мамыреву Василью, к дьяку великого князя на Москву».

Спутники Афанасия Никитина понимали всю важность его тетрадей. Они привезли их к великокняжескому дьяку Мамыреву. Василий Мамырев в московском правительстве был человеком известным. Он был государевым дьяком 18 лет и имел отношение к летописному делу.

Московский летописец включил тетради Афанасия Никитина в летопись. Он поместил «Хождение за три моря» в летописный текст наряду с другими важнейшими историческими памятниками. Так дневник Афанасия Никитина попал в официальную летописную историю Русского государства. Его переписывали несколько раз и включали в другие летописи.

Прошло несколько лет после путешествия Афанасия Никитина, и еще неведомая в его годы Индия стала ареной действий европейских колонизаторов. В 1487 году на розыски пути в Индию из Португалии отправились Педро де Кавильян и Альфонсо де Пайва. Кавильян добрался до индийских берегов, побывал в Каликуте, Гоа и Конаноре. Он писал, что до Индии можно добраться морским путем вдоль африканского берега. В 1497 году из Лиссабона отправилась на поиски пути в Индию морская экспедиция Васко да Гамы.

Имя и записки Афанасия Никитина были забыты. Много позже Н.М. Карамзин снова открыл их для науки и оценил по достоинству: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоанново^{*} века». В «Истории государства Российского» Карамзин писал о «Хождении за три моря». «По крайней мере оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей (французские путешественники XVII века. — *Авт.*), менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых, что индийцы слышали о ней прежде, нежели о Португалии, Гол-

* Имеется в виду правление великого князя Ивана III (1462—1505).

ландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их веры».

Записки Афанасия Никитина после этого приобрели большую известность. Они были изданы русским археографом П. Строевым в 1821 году во 2-й части Софийского «Временника». В 1835 году они были напечатаны в «Ежегоднике» Дерптского университета*.

Археографическая комиссия в 1853 году издала записки Афанасия Никитина в VI томе полного собрания русских летописей, а спустя четыре года известное Хаклюйтовское общество в Лондоне поместило их в книге, посвященной Индии XV века.

Своей объективностью и точностью записки Афанасия Никитина превосходят многие последующие рассказы об Индии. В своем дневнике он не многословен, но рассказ его всегда полон большого смысла. Он очень сдержан в выражении своих чувств, но там, где они проявляются, мы видим горячее поэтическое сердце. Он скромнен и не жалуется на трудности путешествия. Он тосковал по родине. Он очень любил ее. В нем был высокий патриотизм, сознание единства русской земли, сознание ее силы и могущества. Это был великий и горячий патриот. Среди чужого народа он не уронил достоинства русского, был принят как равный, был посвящен в обычаи и религию туземцев. Не товары и богатство привез он с собой на родину, а славу человека, совершившего одно из самых замечательных путешествий своего века. Его дневник широко используется в европейской научной литературе и ценится, как один из лучших источников по истории Индии XV века. «Записки А. Никитина, — писал академик Срезневский, — памятник в своем роде и для своего времени в такой же мере единственный и важный, как и "Слово о полку Игореве"».

(По материалам: Алексей Злыгостев, [http:// nplit.ru](http://nplit.ru) Библиотека юного исследователя; М. Виташевская. Странствия Афанасия Никитина. М., 1972.)

* Ныне Дерпт — эстонский город Тарту.

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЯ. ХОЖДЕНИЕ... А ЗАЧЕМ?

Мы только что познакомились с устоявшейся, укоренившейся в нашем сознании традиционной версией путешествия тверского купца в далекую Индию. Ни у кого долгие годы не вызывали сомнения многочисленные нестыковки в описаниях Никитина. Откуда дорогой конь, если купца ограбили? Как он изучил столько сложных восточных языков и за такое короткое время?... Почему направился напрямик в алмазоносные районы? Вопросов много.

Российский исследователь Дм. Демин давно уже задался целью взглянуть на вояж Никитина другими глазами. Дадим ему слово.

*Н.М. Карамзин.
Художник В.А. Тропинин*

В начале XIX века наш великий писатель и историк Николай Михайлович Карамзин обнаружил интересующие нас записи в древлехранилище Троице-Сергиева монастыря. Прочитал и был поражен: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описаний европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века... В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Ин-

достану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара».

Благодаря Карамзину имя Афанасия Никитина стало известно всему миру. «Хождение за три моря» — документ во многом запутанный, странный, полный загадок. Попытаемся их разгадать...

Удивительно, но мы не знаем, какова фамилия купца Афанасия. «Афонасья Микитина сына». В другом списке «Хождения» говорится: «...того же году обретох написание Офонаса Тверитина купца, что был в Индее четыре года». И в третьем списке опять — «та же лета некто именем Офонасей Микитин сын Тверитин ходил в Ындею и той тверитин Афонасей писал путь хождения своего». Тверич Афанасий Никитич, купец из Твери, — вот только что мы и знаем о нем.

Год 1466-й. «В те же лета некто именем Афанасий Никитин сын Тверитин ходил за море», — скажет летопись. И тут сразу же возникает загадка — а по своей ли воле, по своим ли делам отправился в неведомые земли тверич Афанасий?

До наших дней сохранились двери тверского храма XV века, которые отворял сам Афанасий Никитич, чтобы «в святом Спасе златоверхом» помолиться о благополучии в пути. Но только ли молиться приходил в храм Афанасий?

«Пошел я от святого Спаса златоверхого, с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича и от владыки Иннадия Тверского и от Бориса Захарьича на низ, Волгою», — отметил в своих листках Афанасий. Так вот от кого «получает милость», «охранную грамоту», Афанасий Никитич — от самого великого князя тверского, который ведет тайную войну за престол с великим князем московским и государем всея Руси Иваном III. И от владыки Геннадия, епископа Тверского. И помогает Афанасию в делах его «сильнейший и крепчайший из воевод Борис Захарьич».

В другом списке «Хождения» есть такие слова: «Взял напутствие нерушимое и отплыл вниз по Волге с товарами».

И естественно возникает самый важный вопрос, самая главная загадка странствия — что же за «напутствие нерушимое» ведет его в трудный и опасный путь? Какая тайна скрывается в «Хождении за три моря»? Сможем ли мы спустя пять с лишним веков разгадать ее?

Что же происходит с тверским караваном? «Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Татары кричали нам: "Не бегите!" Судно наше малое остановилось... они взяли его и тотчас разграбили; а моя... поклажа была на ма-

лом судне. Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги... Здесь они судно наше большое отобрали, а нас отпустили ограбленными».

Что же решают ограбленные купцы? «Заплакав, разошлись, кто куда... А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, а из Баку пошел за море».

За море?! Один? Ограбленный до нитки?! Что делать за морем купцу, которому нечем торговать?! Не вернувшиеся ли на Русь купцы принесли весть, что один из них, купец Афанасий, тверич, ушел за море? Не это ли особенно встревожило государеву службу, дьяка Василия Мамырева?

Весной 1468 года пришел Афанасий Никитич в земли Хоросана, в Персию. Великий шелковый путь лежал перед ним. Древнейшая дорога в Индию и Китай.

Что же отметит Афанасий в своих листках? «Из Рея пошел в Кашану и тут был месяц. А из Кашана к Найину, потом к Йезду и тут жил месяц».

Красивы и богаты города Хоросана. Все здесь есть — персидские шали и индийские шелка, дорогое оружие, украшенное камнями, и золото, и серебро. Со всего света съезжаются купцы продавать и покупать. А купец Афанасий? «А из Йезда пошел к Сирджану, а из Сирджана к Таруму, где финиками кормят домашний скот...» И все! Что же за купец такой, которого товары не интересуют? Еще целый год странствий по богатым торговым городам — и всего три строчки в листках. Ну, что торговать нечем — это понятно, ограблен купец в начале пути. Но что тогда он делал в Персии целых два года? Может быть, бродя два года из города в город, искал Афанасий знакомых восточных купцов? И наконец, нашел их? Ведь будет теперь идти по белу свету не русский купец Афанасий Никитич, а Ходжа Юсуф Хоросани — купец из Хоросана! В листках его нет никаких сведений о Хоросане и о том, что он стал Ходжой Юсуфом — только перечисления городов, где он побывал.

«И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю; дошел же до Джунира благодаря Бога здоровым, — стоили мне это сто рублей». Откуда взялся у ограбленного до нитки Афанасия жеребец, стоявший на Востоке бешеных денег? Откуда золото на все переезды, жилье,

пищу, покупки? Вовсе не нищим ходит по Индии Афанасий. Только на жеребца «извел 68 футунов, кормил его год», пока не продал в Бидаре. Футун — золотая монета, а 68 футунов — целое состояние для странника. Совершенно ясно — «одарили» его хоросанские купцы, которые ценили «милость» тверского князя. И то, что случилось с ним в Индии, в городе Джунире, произошло благодаря их заступничеству. «Хан взял у меня жеребца, — пишет Афанасий, — но приехал хоросанец ходжа Мухаммед, и я бил ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану и жеребца моего у него взял».

Только «в стране Индейской» начинаются описания. Он у цели. Или, пока скажем так, близок к цели. И здесь мы подходим к главной загадке: с какой целью послан Тверью в Индию Афанасий Никитич?..

Исследователи «Хождения за три моря» отмечают поразительную точность собираемых сведений и «выдающиеся качества Афанасия Никитина как наблюдателя». Вот Индия, увиденная странником Афанасием: «У них пашут и сеют пшеницу, рис, горох и все съестное. Вино же у них готовят в больших орехах кокосовой пальмы. Коней кормят горохом. В Индейской земле кони не рождаются; здесь рождаются волы и буйволы. На них ездят и товар — иногда возят — все делают...»

Но вот и странная запись: «Меня обманули псыбасурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли».

Какой товар ищет этот купец? Что ему нужно в богатой Индии? Есть здесь и ткани, столь ценимые на Руси, есть и дешевые перец и краска. Вот Ормуз — великая пристань. Люди со всего света бывают в нем. Все, что на свете родится, в Ормузе есть. Вот «Камбай — пристань всему Индейскому океану», и товар в нем любой — и грубая шерстяная ткань, и краска индиго, и лакх, и сердолик, и гвоздика. А в Каликуте — пройти его не дай бог никакому судну! А родится в нем перец, имбирь, цвет мускат, цинамон, корица, гвоздика, пряное коренье. И все в нем дешево...» Так в чем же дело? Все дешево, все редкость, диковина на Руси — да не этот ли товар — клад для купца?! А он все твердит — обманули псыбасурмане...

Не здесь ли кроется секрет, тайна его миссии? Нужен «особый товар» для великого князя, только с ним может вернуться Афанасий в Тверь. Или — не привезти пока этот особый товар, а все выведать про него, узнать все пути к нему, все скорейшие способы доставки, все пошрины. Все доложить князю о...

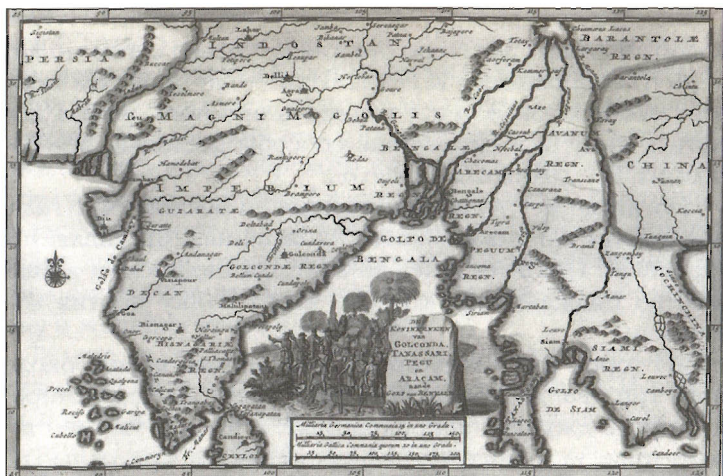
Но нигде нет нужного «товара», и весной 1471 года, после пяти лет тяжелейшего «хождения», отправляется Афанасий Никитич вслед за войском индийским в княжество Виджаянагар, которое ведет войну против мусульман.

«И город Виджаянагар на горе весьма велик, около него три рва, да сквозь него река течет, по одну сторону города джунгли непроходимые, а по другую же сторону прошла долина, чудные места, весьма пригодные на все...»

Легендарный Виджаянагар был построен на том месте, где вечно пребывает богиня счастья Лакшми. Пышные дворцы и величественные храмы возвышались над буйной тропической растительностью. В подвалах дворца — рассказывали путешественники — хранилось золото в слитках и драгоценные камни в мешках. Царям Виджаянагара принадлежала большая часть полуострова, от Малабарского до Коромандельского берега. Здесь, в самом сердце Индии, неподалеку от Виджаянагара, в недоступных горах находились алмазные копи таинственной Голконды.

И нет больше сомнений — «напутствие нерушимое» ведет Афанасия в ту землю, где родятся алмазы. Вот она, эта запись в листках Афанасия: «И пошел я в Коилконду, где базар весьма большой». «Гол», что на языке урду значит «круглый», «конд» — «холм». Круглый холм — Голконда — столица могучего княжества Голконда. Земли ее простирались от гор до океана, легенды о ее сокровищах разносились по всему свету.

«Нельзя описать царства сего и всех его чудес, — говорилось в древнерусском "Сказании об Индийском царстве". — Во дворце много золотых и серебряных палат, украшенных, как небо звездами, драгоценными камнями и жемчугом. И на каждом столпе — по драгоценному камню-карбункулу, господину всем камням,

Изображение Голконды на средневековой карте Индии

святищемся в ночи. А родятся те камни в головах змей, слонов и гор...» Все знаменитые алмазы Индии — «Кох-и-Нор», «Шах-Акбар», «Тадж-е-Мах» — были добыты в копиях Голконды. Но где находились сами копи, точно не установлено до сих пор. Все сведения о них держались в строжайшем секрете. Известно лишь, что алмазоносные районы располагались к востоку от плато Декан и на юге, близ реки Кистна. Сама же крепость Голконда была лишь крупным рынком, где продавались алмазы.

А теперь выделим те строки из записей Афанасия, где говорится об «особом товаре»: «Да около родятся драгоценные камни, рубины, кристаллы, агаты, смола, хрусталь, наждак... В Пегу же пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши. А родятся в нем драгоценные камни, рубин, яхонт. Продают эти камни дервиши... Мачин и Чин от Бидара четыре месяца идти морем. А делают там жемчуг высшего качества, и все дешево... В Райчуре же родится алмаз... Почку алмаза продают по пять рублей, а очень хорошего — по десять рублей; почка же нового алмаза только пять кеней (мелкая монета), черноватого цвета — от четырех до шести кеней, а белый алмаз — одна деньга. Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по две тысячи золотых фунтов, если же

алмаз старой копи, то продают по десять тысяч золотых фунтов за локоть».

Алмазы Голконды! Вот что больше всего интересует Афанасия Никитича в Индии. «Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много...» Может быть, именно поэтому так точно отмечает все сухопутные расстояния от города до города, измеряет все дороги Афанасий Никитич, чтобы, пользуясь поддержкой хоросанских купцов, везти драгоценный товар сушей, через Персию?

Так или иначе, везет ли Афанасий в Тверь камни или не везет, но он все выведал о них. Наказ великого князя он выполнил. И листки его теперь самое драгоценное, что у него есть.

Дальнейшие записи его кратки: «В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь». От Голконды он пошел к Гульбарге, потом к Сури, и так до самого моря, к Дабулу, пристани океана Индийского. Вспомним теперь, как, ограбленный татарами под Астраханью, обобранный до нитки, решительно отправляется в далекий путь Афанасий. Да, там будет у него поддержка. Но теперь! Теперь он опасается за свою жизнь. С ним тайные сведения, которых так ждут в Твери! И словно кричат его листки: «Господи Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, Господи! Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана...» Нет, он прекрасно знает все дороги, которые ведут на Русь. Но он теперь и знает, что творится на этих дорогах. «На Хорасан пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет. Везде происходит мятеж. Князей везде прогнали». И остается один путь — самый тяжелый, самый опасный — через великое Индийское море...

Зачем же понадобились великому тверскому князю Михаилу Борисовичу алмазы Индии? Какие важные исторические события вынудили его отправить за три моря секретную миссию?

Об этом сказал историк Карамзин: «Образуется Держава сильная, как бы новая для Европы и Азии... Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки, но деяния Царства, приобретающего независимость и вели-

чие». Но кто будет властвовать над этой державой? Москва или Тверь? «Со всех сторон окруженная Московскими владениями, — пишет далее Карамзин, — Тверь еще возвышала независимую главу свою, как малый остров среди моря, ежечасно угрожаемый потоплением... Князь Михаил Борисович знал опасность: надлежало по первому слову смиренно оставить трон или защитить себя...»

Защитить себя? Нужно большое войско. Нужны большие средства. Вот тогда-то, в разгар тайных политических интриг, и посылает великий князь тверской в далекую Индию, страну несметных сокровищ, своего верного человека, снабдив его охранными грамотами. Великому князю Михаилу Борисовичу нужны алмазы Индии, чтобы вооружить войско тверское, чтобы вести войну с великим князем московским за престол.

И мы можем понять всю глубину чувств Афанасия Никитича, знающего и понимающего, что происходит на Руси, — его тайную молитву о Родине: «Да сохрани Бог землю Русскую! Боже, сохрани ее! В сем мире нет подобной ей. Хотя бояре Русской земли не добры. Справедливости мало в ней. Да устроится Русская земля!.. «Да станет земля Русская благоустроенной, и да будет в ней справедливость. О Боже, Боже, Боже...»

Афанасий выполнил свой долг перед Родиной. Он возвращается на Русь... Но на каждом шагу странника ожидают опасности. Весной 1472 года, после шести лет странствий, приходит Афанасий в порт Ормуз, а к осени, к октябрю, без особых приключений добирается до Трапезунда на южном побережье Черного моря.

«Долго ветер встречал нас злой и долго не давал нам по морю идти... Божией милостью пришел я в Кафу». Все моря далекие, все страны неведомые остались позади. И обрываются записки странника словами: «Остальное Бог знает, Бог ведает...»

Все, что мы знаем о дальнейшей судьбе странника, взято из скупых строк единственного источника — Софийской летописи. «Сказывают, что-де — и Смоленска не дошед умер. А писание то своею рукою написал, иже его руки тетради и привезли гости Мамыреву Василью к дьяку великого князя в Москву», — записано в 1475 году. И вот тут возникают новые загадки.

Не посланы ли были «гости» самим дьяком Мамыревым? Не следил ли кто за ним? Умер ли он своею смертью? Может быть, вместе с записками Афанасия был передан в государственную казну и «индийский товар»? Может быть, сохранились записи о поступлении в 1472-м или 1473 году в казну Москвы драгоценных камней? Нужен кропотливый и упорный поиск, чтобы попытаться ответить на эти вопросы. В старинных рукописях нашлось и подтверждение тому, что тверские князья «ладили с бусурманскими людьми» и знали о богатствах Индии: «Смиренного инок Фомы слово похвальное о Великом князе Тверском Борисе Александровиче», текст времен «Хождения за три моря». И пишет инок Фома: «Со всех земель приходили к князю Борису и великие дары приносили... Я сам был очевидцем того, как пришли послы из далекой земли, из Шаврукова царства...» И дальше перечисляет несметные дары невиданной красоты, которые привезли послы от султана Шахруха, владельца Хоросана. И все становится на свои места. Да, от послов хоросанских знали тверские князья о путях в Индию, о ее несметных богатствах. Да, были дары...

А что же случилось с пославшим Афанасия в далекий путь великим князем? С родной его Тверью? Обратимся снова к «Истории государства Российского» Н. Карамзина.

«8 сентября 1485 года осадил Иван III Тверь, и тверские Князья и Бояре, оставив государя своего, а великий князь тверской, видя необходимость или спастись бегством или отдаться в руки Иоанну; решился на первое, и ночью ушел в Литву... Столь легко исчезло бытие Тверской знаменитой Державы, долго спорила с Москвою о первенстве».

Соперничество Москвы и Твери — лишь малый эпизод в многовековой истории государства Российского, и «особое поручение» великого князя тверского, даже будь оно успешно выполнено, вряд ли изменило бы ее ход.

НЕОБХОДИМОЕ ВСТУПЛЕНИЕ К КОНЦУ XVII — XVIII СТОЛЕТИЮ

В XVII веке Индия прилагала значительные усилия для расширения сухопутной торговли со странами, расположенными к западу и северо-западу от нее, и это привело к образованию поселений индийских купцов, главным образом выходцев из Пенджаба (мультиани) и Раджпутаны (марвари), на основных путях караванной торговли. Такие поселения появились сначала в Афганистане (Кабул, Кандагар, Герат) и Иране (Исфахан), затем в Средней Азии (Бухара), Закавказье (Баку, Шемаха) и, наконец, в Астрахани (о чем будет речь).

Развитие торговли подготовило еще в середине XVII века почву для установления между Россией и Индией дипломатических отношений. Однако два русских посольства ко двору Шах-Джахана (в 1646-м и 1654 годах) были задержаны в пути иранскими властями и не смогли достигнуть границ Индии.

В 1675 году правительство России предприняло новую попытку. Ко двору падишаха Аурангзеба был отправлен из Москвы посланец — татарин Мухаммед-Юсуф Касимов. Кроме царской грамоты, Касимову была вручена доверительная инструкция, где ему предлагалось выяснить в Дели отношение правящих кругов и купечества к установлению постоянных и непосредственных связей с Россией, а также добиться посылки ответного посольства. Наконец, Касимов имел поручение привлечь на царскую службу несколько индийских каменных дел мастеров, слава о которых распространилась далеко за пределами Индии.

Через Бухару и Балх Касимов благополучно прибыл в Кабул, входивший тогда в состав державы Великого Могола, но в Дели русское посольство не было допущено. Правитель Аурангzeb в ту пору был занят подавлением большого восстания афганских племен и в качестве

меры предосторожности закрыл северо-западную границу своего государства.

20 лет спустя в Индию отправился русский купец Семен Маленький. Он вез грамоту на имя падишаха Аурангзеба с просьбой разрешить ему продажу царских и собственных товаров, а также закупку местных изделий. В 1696 году Аурангзев принял Семена Маленького и разрешил ему беспошлинную торговлю.

1696 год. Грамота, выданная по распоряжению индийского падишаха Аурангзеба С. Маленькому на право беспошлинной торговли и свободного проезда в Индии.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ, Сношения России с Индией, Грамоты, № 5, л. 1. Подлинник.

(л. 3) 1696-го года. Копия с перевода.

В листе индейского государя пишет.

Во имя божие всемилостивейшаго. Слава господу Богу и здравие народам и закона правоверным.

(Халифа) нынешней владетель.

Великому владетелю и держателю к его Порте прошением доносил Семен Мартин Маленький, что де прислан с разными товары и оной товар задержан был для пошлин, и по всегдашней по прошению его ж, яко сонца возсияющему, чистый и явный к светлой их зрению, сиречь в аудиенция будучи, оной купчина лобзал высокой Порты и честной почтенной стен увидел, и от безчисленного милосердия у государя стал просить, дабы его различный достальный товар, которой осталось за продажею, когда бы приняли у него в казну, то б ему зело честь учинена была. И потом за тот ево достальной товар ему платеж учинен, и высокой указ свободной ему дан, и отправлен с честию чрез наших многих государств и земель и городов: когда едучи будет покупать различные товары, то всякие дани и пошлины оному прощено, и свободно ему ехать без всякой (л. 3 об.) опасности с товарищем Юр-наги Хороф Ханолоринивичем и с людьми ево отпущен должною честию.

И божий стен дал универсал ближнему своему советнику.

И для явного свидетельства дан ему сей уверенной лист от державной Порты его хаканского, сиречь государского, по прошению оною купчины.

А в печате пишет: божиею милостию придворный Рух-хан его падишага Алем Гира Гария.

Лета от Магомета 1108-го, сиречь лета 1696-го от рождества Христова).

Есть еще ж некоторые слова, что не мог выразуметь. На особливой цыгульке написано:

Лист владетеля индейского хана ево придворного, каков дан бывшему тамо купчине Семену Маленькому (которой посылан в 7203-м году в Персиду и в Индию).

Прислан сей лист ис приказа Большие казны 1716-го году.

Опубл. в статье: Малиновский А.Ф. Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индейцев с 1469 по 1751 год («Труды и летописи ОИДР», ч. VII, с. 166—167).

Фирман падишаха Аурангзеба, данный С. Маленькому (док. № 256)

Халифскому дворцу — оплоту мира — было подано прошение, в котором содержалось [следующее]: Семен Мартын Маленький, посланец Руси...(?) привез товары, с которых, по его просьбе, не [следует] взимать пошлины(?).

Буде этот посланец удостоится чести встретиться с чиновниками (советниками) хакана халифата мира, да ведают они, что в итоге неоднократных просьб этот купчина предстал перед благолепными, пречистыми, светлыми взорами [падишаха], удостоился золотого облобызания и узрел на небесах благосклонности почет и честь (гордость) по безграничной милости падишаха.

После шести лет пребывания в Индии, посетив Сурат, Бурханпур, Агру, Дели и другие города, Семен Маленький и его спутники возвратились в Москву с ценным грузом индийских товаров.

Сцена при дворе Аурангзеба. Индийская миниатюра

Однако после завоевания Индии и ее превращения в британскую колонию эти начинавшиеся мирные и взаимовыгодные экономические и политические связи между Россией и Индией прервались.

Петру I фактически пришлось все начинать с нуля. В годы его правления определились важнейшие направления внешней политики русского правительства, в которой неизменно доминировали балтийская, черноморская и каспийская проблемы.

Занятая вопросами большой европейской политики, Россия в то же время значительное внимание уделяла дипломатическим и экономическим связям со странами Востока. Правящие круги России, заинтересованные в расширении торговли с Индией, предпринимали на протяжении XVII и в начале XVIII века ряд попыток завязать постоянные торговые и дипломатические отношения с этой страной.

Известно стремление Петра I найти прямые пути в Индию и установить дипломатические отношения с Ве-

ликим Моголом. Об этом, в частности, свидетельствуют снаряжение специальных экспедиций и содержание инструкции главе одной из них князю Александру Бековичу, подписанной царем 14 января 1716 года (о ней рассказ впереди).

Все эти попытки окончились неудачей, но российское правительство продолжало направлять усилия на развитие торговли с Индией.

Отсутствие общих границ и значительная географическая отдаленность Индии от России затрудняли установление прочных политических и экономических контактов между обоими государствами. Основные пути из России в Индию пролегли через земли Персии и среднеазиатских ханств, правительства которых не были заинтересованы в содействии русской торговле. Установлению же непосредственного торгового контакта с Индией морским путем препятствовали другие европейские державы, в первую очередь Англия. Борясь с Францией за господство в Индии, Англия, естественно, враждебно встретила бы появление в Индии такого опасного конкурента, как Россия.

Фактически потребность России в индийских товарах удовлетворялась в первой половине XVIII века главным образом за счет деятельности предприимчивых индийских купцов, которые, как и в XVII веке, держали в своих руках торговлю России с Индией, а в значительной степени также и с Персией и частично со Средней Азией. Однако с середины XVIII века наметилось значительное сокращение торговли индийских купцов, вызванное обострением внутривосточной обстановки в Индии, распадом Могольской империи, начавшимся завоеванием этой страны Англией и постоянными мятежами и войнами в Персии и соседних с ней странах.

В XVIII веке Россия выросла в сильную мировую державу, стремившуюся догнать в хозяйственном, военном и культурном развитии передовые государства Европы. Индия в это время переживала период экономического упадка, крушения военной и политической мощи. Крупнейшее государство Индии — империя Великих Моголов — после смерти Аурангзеба стала ареной ожесточенной династической борьбы между многочислен-

ными претендентами на престол и власть падишаха в Дели.

Положение Индии крайне осложнялось сепаратистскими стремлениями правителей и наместников окраинных областей, которые начали борьбу с центральной властью за отделение от империи и создание независимых государств.

Междоусобные войны и отпадение окраинных областей ослабили империю Великих Моголов. Индия стала заманчивой добычей для правителей соседних государств (нашествие Надир-шаха персидского в 1738—1739 годах и Ахмед-шаха Абдали в 1748—1767 годах).

Политической и военной слабостью Индии воспользовались в захватнических целях европейские державы — Англия и Франция, издавна имевшие на индийской земле крупные торговые фактории. Конкурентная торговая, а затем и военная борьба между английской и французской Ост-Индскими компаниями завершилась к 1761 году победой англичан.

Сокрушив основного соперника и используя противоречия между индийскими государствами, Англия приступила к утверждению своего господства в Индии. Преодолевая сопротивление индийского народа, английская Ост-Индская компания захватила Бенгалию, к концу XVIII века завоевала господствующие позиции и в Южной Индии, в остальных же частях страны многие ранее полузависимые государства и княжества к тому времени уже находились в вассальной зависимости от Компании.

Положение, сложившееся в Индии в конце XVIII века, привело к заметному сокращению дипломатических и торговых связей индийских государств и княжеств с соседними странами. Тем самым стало труднее и индийским купцам поддерживать торговые связи с Россией.

Торговая экспедиция купца Семена Маленького в Индию (1695—1699) открывала, казалось, для России широкие возможности в деле установления прямых и постоянных экономических связей с Могольской империей. В этом были заинтересованы правительство Петра I, купечество и деловые круги русского дворянства. Все они исходили из взгляда на внешнюю торговлю как на важный источник укрепления экономической базы и поли-

Петр I. Гравюра XIX в.

тического могущества феодально-крепостнического государства. В торговых связях с Индией они видели один из крупных источников дохода казны и купечества. В декабре 1714 года, беседуя с ганноверским резидентом в Петербурге Фридрихом-Христианом Вебером, Петр I говорил о больших выгодах для России от торговли с Индией, указывая на Астрахань как на отправной пункт для торговых поездок в Персию и Индию.

Тогда же он предписал русскому посланнику в Исфахане А.П. Волинскому собрать сведения о торговых путях в Индию из Персии, об индийско-персидской торговле, об ассортименте русских товаров, потребных для индийского рынка. Позднее, в дни Персидского похода, находясь в Астрахани, Петр I долго беседовал на эту тему со старейшиной Индийской торговой компании купцом Анбу-Рамом. В 1714 году он изучал проект дворянина Ф.С. Салтыкова, предлагавшего использовать для сношений с Индией и Ки-

таем Северный морской путь. Два года спустя Сенат рассмотрел записку двух купцов об использовании системы судоходных рек Европейской России и Сибири для торговых поездок в Японию и Индию. Но Петр I решил использовать старые торговые пути в Индию через земли среднеазиатских ханств и Персию, отправив туда в 1716 году поручика А.И. Кожина (в составе экспедиции А. Бековича-Черкасского), а позднее — мурзу А. Тевкелева.

Неудачный исход этих начинаний не остановил Петра I. Отправляя в 1718 году посольство секретаря Ориентальной экспедиции Посольской канцелярии Флорию Беневени в Бухарское ханство, он обязал его собирать сведения о соседних с Бухарой государствах, имея в виду прежде всего Индию, и о торговых связях между ними.

Позднее у Петра I возникла идея морской экспедиции в Индию. 5 декабря 1723 года он предписал вице-адмиралу Даниилу Вильстеру отправиться на фрегатах «Амстердам-Гален» и «Де Кронделивде» к острову Мадагаскар, а оттуда — в Индию с грамотой к падишаху об установлении постоянных торговых связей между государствами. К великому неудовольствию Петра I, фрегаты Вильстера из-за больших повреждений не смогли выступить из гавани.

И после Петра I русское правительство неоднократно возвращалось к вопросу о русско-индийских связях. В середине 1730-х годов, после основания Оренбурга, снова возобновился интерес к установлению связей с Индией караванным путем через земли Средней Азии. Горячим поборником этой идеи выступил начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов, внесший на рассмотрение правительства два подробных проекта (в 1734-м и 1735 годах), которые были утверждены именными указами императрицы Анны Иоанновны.

Позднее идеи Кирилова развивал его преемник на посту оренбургского губернатора И.И. Неплюев, который в соавторстве с А.И. Тевкелевым и при участии известного русского ученого П.И. Рычкова разработал проект учреждения в Оренбурге компании по торговле с ханствами Средней Азии и с Индией, используя опыт посылки небольших караванов с товарами «в восточные края» — в Балх, Бадахшан и Кабул.

В январе 1751 года проект был представлен правительству и в марте того же года утвержден Сенатом. Но практическая реализация проекта натолкнулась на ряд осложнений, поскольку русские уклонились от вложения крупных капиталов в необычное и рискованное предприятие. В феврале 1753 года Неплюев обратился за поддержкой в Главный магистрат, призывая его привлечь в торговую компанию состоятельных купцов из городов Европейской России. Главный магистрат оказал необходимое содействие Неплюеву, но купечество объявило, что оно «за дальностью расстояния тех в восточные края купечеств компаниями производить не желают».

Необходимость установления прямых торговых связей с Индией неоднократно признавалась руководящими деятелями Российской империи. Правительство императора Петра III, декларируя очередные задачи страны в развитии «земледельства и коммерции», указывало в манифесте от 28 марта 1762 года на торговлю с Востоком и, в частности, с Индией как на один из путей укрепления экономики России и подъема благосостояния ее народа. Последовательной продолжательницей дела Петра I объявила себя Екатерина II, желавшая, по ее словам, видеть Россию посредницей в торговле европейских стран с Индией и Китаем. «Направить торговлю Китая и Ост-Индии через Туркестан — это значило бы возвысить эту империю на степень могущества выше всех остальных империй Азии и Европы», — отметила она в своих записках.

В 1763—1764 годах правительство Екатерины II рассматривало и одобрило представление о расширении торговых связей с Индией через Сибирь. В эти же годы П.И. Рычков предложил установить караванную торговлю с Индией через Среднюю Азию, а М.В. Ломоносов выступил с проектом использования Северного морского пути для торговых сношений с Китаем, Индией и Америкой.

В 1763 году Адмиралтейство отправило в Англию русских морских офицеров для прохождения мореходной практики на кораблях Ост-Индской компании. В инструкции, врученной офицерам в Лондоне русским послом графом С.Р. Воронцовым, указывалось на необходимость изучения природных особенностей Индии, со-

М.В. Ломоносов. Портрет неизвестного художника

стояния ее промышленности, земледелия и торговли. Все эти сведения необходимы были для налаживания русской торговли в Индии.

В 1792 году астраханский вице-губернатор П. Скарятин подал правительству проект учреждения компании по торговле с туркменскими племенами, Афганистаном и Индией. Главную базу компании предполагалось установить на берегу Астрабадского залива, на территории, арендованной у Персии. Дальнейшим развитием этого плана явился доклад генерал-прокурора Сената П.Х. Обольянинова Павлу I.

Таким образом, русское правительство, отдельные государственные деятели и ученые неоднократно ставили и пытались разрешить вопросы, связанные с установле-

нием прямых деловых связей и дипломатических отношений с Индией. Однако разные причины внешнеполитического, географического и экономического характера воспрепятствовали осуществлению этих планов.

Интересно, что таможенная политика русского правительства по отношению к восточным и, в частности, к индийским купцам всегда носила поощрительный характер, коренным образом отличаясь от системы таможенного обложения западноевропейских товаров, поступавших в Россию. На западной границе России действовали таможенные тарифы, по которым европейские товары облагались большой, по существу, запретительной пошлиной.

Вводя эти тарифы, русское правительство исходило из интересов молодой промышленности страны, продукция которой на первых порах не могла конкурировать с дешевыми европейскими товарами. Восточные товары — дорогие ткани, красители, драгоценные камни и изделия художественного ремесла — не затрагивали интересов русской промышленности. Более того, России было выгоднее закупать восточные товары непосредственно у индийских и армянских купцов, не прибегая к посредничеству европейских коммерсантов, до которых товары доходили через вторые и третьи руки, намного удорожаясь в цене. Именно поэтому в Астрахани, а со второй половины 1730-х годов — в Оренбурге были установлены умеренные пошлины с восточных товаров (10—13 % стоимости товаров плюс специальные сборы). При таких размерах таможенного обложения торговля восточными товарами в России приносила крупную прибыль, привлекавшую ежегодно значительное число индийских купцов из Индии и Персии в Астрахань, Оренбург, Кизляр и другие порубежные города на юго-восточной окраине России.

1703 год. Из книги Корнелия де Бруина «Путешествие через Московию» — сведения об индийцах, живущих в Астрахани, и о состоянии их торговли.

...Всякого рода товары продаются по утрам на базаре или торжище татарском, где русские и армяне также могут выставлять на продажу свои произведения,

но после обеда татарам торговать не дозволяется, так как время это предоставлено для торгу только русским, к чему, впрочем, допускаются и армяне. Но индейцы совершают свои торговые сделки в помещениях своего караван-сарая.

...В окрестностях этого города [Астрахани] проживают около 40 семейств армян, которые имеют здесь свои лавки, как я уже заметил об этом выше. Индейцы живут там в своем караван-сарая, где и совершают свои торговые дела. Число их не меньше армян, но жен или женщин у них нет.

Это место довольно обширно, обнесено четырехугольною каменною стеной, в которой есть несколько ворот. У двух главных находится постоянная стража, и вечером эти ворота запирают в известные часы. Армянские купцы, приезжающие и отъезжающие, берут себе здесь помещение, и я также остановился здесь с своими армянами. Есть и такие армяне, которые постоянно живут тут и имеют свои лавки. Они имеют там ханы или особые отделения. Отделение на время приезжающих — в два яруса, с галереями, а отделение индейцев, находящееся совсем у других ворот, — все деревянное. Недавно индейцы выстроили, впрочем, один каменный магазин из опасения огня, которому наиболее подвержены деревянные строения. Это новое строение довольно обширно и поместительно, в 40 квадратных футов. Армяне, следуя их примеру, также начали возводить себе подобное строение и вывели уже основание в вышину человека.

1716 год. Из книги Джона Белля «Путешествие из Санкт-Петербурга в переднюю часть Азии» — сведения об индийцах, живущих в Астрахани, и о состоянии их торговли.

Астрахань производит знатную торговлю с Персией, Хивой, Бухариею и Индиею. Купцы сих различных народов имеют там общий караван-сарай, или гостинный двор, где они живут и продают товары.

Армяне производят величайшую часть персидския торговли, ибо персы весьма редко выезжают из своей земли. В Астрахани находится несколько индиан или ба-

ниан, которые красят себе лоб шафраном либо соком другого какого растения. Они весьма добрые люди, просты и человеколюбивы и питаются одними почти плодами.

1777 год. Из книги И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежды, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей» — сведения об Индийской компании в Астрахани.

Народ индийский со времени данных ему от Петра Великого преимуществ живет постоянно в Астрахани, да несколько семей в Кизляре на Тереке; переселился же туда из разных западных сторон Индии, и большею частью из провинции персидской Мултянской, и следовательно, суть прежние подданные великого могола. Они составляют между собою как в Астрахани, так и Кизляре соединенное общество от двух до четырех сот человек, под судом и расправою губернского правления; судей же и начальников избирают они из между себя.

Вид индийцев сих весьма сходен с татарским. Они большею частью высоки, тонки, сухощавы; волосы имеют редкие, черные; глаза малые, черные; небольшие бороды, нос сухой, губы малые, зубы весьма белые, изжелтабледный цвет лица и важную осанку. В походке и поступках своих оказывают ленивую важность, говорят тихо, с расстановкою, и всегда подумав. Они в слове своем устойчивы, учтивы, услужливы, терпеливы, весьма решительны, осторожны и любят уединение.

Язык их есть весьма сходное с монгольским наречие, а потому и легко научаются оному калмыки. Пишут на оном собственными своими буквами, с левой на правую сторону, тростником, очиненным и обмакиваемым в тушь или китайские чернила. Они считают, как и мы, до десяти. Один называется на их языке ик, два — гу, три — треи, четыре — чаас, пять — панш, шесть — тши, семь — затше, восемь — атиш, девять — нау, десять — да, одинадцать — яра, двенадцать — бара, тринадцать — тера, двадцать до пятидесяти — пандша, сто — сан, тысяча — гасаар, бог — Такур, человек — аагми, жена — пар и т. д.

Российские наши индийцы все купечествуют, частью собственным капиталом, не выезжая из России во всю свою жизнь никуда, и частью бывая прикащиками товарищами индийских торговых домов, торгующих в разных местах. Торговля их весьма сходствует с армянскою. Они привозят в караванах своих разные белые и пестрые индийские материи из роду льняных, называемых ими мунгру, также бумажные, шелковые и полушелковые, индийские, персидские и бухарские материи, катуны, ситцы и тем подобные. В рассуждении цены, сии рукоделия их хороши; но, оставя цену, гораздо хуже европейских, добротой, красотою и прочностю; почему на место оных и отправляются в те стороны индийцами тонкие сукна, краски, всякий мелочный товар и тому подобное. Но торговля их имеет перевес великий. А как ныне запрещено им вывозить всякие необделанные вещи, покупать же на российские деньги в Индии для них убыточно, то и переторговывают они в России деньгами своими, что и составляет многих из них главное упражнение.

Они имеют все свойства добрых ростовщиков, добрый запас денег, осторожны, молчаливы, проценты берут не больше дозволенных законами, но берут оные вперед за год, не притесняют своих должников, и необходимость одна заставляет подавать жалобы. Людям, не от оплошности своей пришедшим в несчастье, не только ни малейшаго не оказывают презрения, но часто оказывают им знатную помощь; причем стараются сделать сие скрытно, поелику таковое доброе дело, по вере их, будет чрез то иметь больше своего достоинства. Они все зажиточны, а некоторые имеют знатные капиталы.

Во всех вещах презирают они пышную наружность. Астраханские индийцы все живут в выстроенном для них от казны каменном гостином дворе, который составляет четырехугольник, вокруг площади, дверями на двор. Лавка каждого составляет и горницу его и состоит из самой себя; в оной нет ни одного окна, кроме отверстия в плоском потолке, сквозь которое входит несколько света и которое зимою закрывается, а летом сеткою задерживается. Почему во весь день горят у них лампы. В лавке находится широкая, вышиною от земли на два фута скамья, как у татар, покрытая хорошими коврами,

на которых они сидят, едят, и спят, да небольшая железная печь, в которой варят. Товары расположены по полкам, около стен лавки. При всей темноте в лавках всегда видна в оных чистота.

Они одеваются, по образу восточных народов, весьма сходно с татарами. Носят глинные и широкие штаны, чулки сафьянные, или суконные большею частью, туфли, узкие полусапоги, и те и другие остроконечные, рубахи шелковые или тонкие бумажные, и высокие, подобные кеглям, шапки, с узенькою опушкою, полукафтанье, до икр достигающее, шелковое, и глинный, тонкого сукна, кафтан, подпоясываясь по оному шелковым кушаком. Шея голая, на бороде немного волос, а голова обрита. Из набожности некоторые из них дают духовным своим сделать у них на челе знак, похожий на латинскую букву Н шафранною мазью, сверх которого кладут золотые дощечки.

Веря преселению душ, не едят они ни животных четвероногих, ни птиц, ни рыб, а еще менее убивают или режут что-либо живущее.

Вседневная их приправа есть каша из сарацинского пшена (полов) с изюмом, маслом коровьим, тмином, а иногда и с шафраном. Дыни, арбузы и другие плоды, сырые или жареные, — также обыкновенные их кушанья. Напитки их: вода и кофе, а иногда, чтоб подвеселиться, и питье, делаемое из конопель с асафетидою; хмельных или крепких напитков они вовсе не употребляют. Все курят табак, по-армянски, чрез калиан, но никогда многие чрез один и тот же не курят вместе, а всяк чрез свой собственный или поднесенный... В образе жизни, нравах и обычаях имеют они великое сходство с китайцами. Весьма любят чистоту в жилищах своих, одеянии и пище. Кушанье варят частью в общих котлах, но каждый держит собственные свои блюда и сосуды для питья. По целому дню просиживают огни в лавках своих на тюфяках, поджавши ноги, в каковом положении и едят. Ночью спят на скамьях, подложив одну только подушку под голову, и под тонким одеялом. Постороннему не дозволяют трогать их кушанья, дабы чрез то оные не были осквернены; после чего они уже есть оных не станут.

...Многие индийцы живут с татарами. К большей части увеселений они равнодушны. Отъезвши, любят они

поспать часа два, потом курят табак, играют в шашки по индийскому обычаю, забавляются музыкою на своих простых инструментах или смотрят на татарские пляски, шутовства в обмарачивании друг друга проворными обманами и другия скоморошничества.

Мертвецов своих сожигают вне города, в сделанной нарочно печи, и прах развевают по воде.

В конце XVIII века с целью расширения торговых связей с Индией предполагалось коренным образом пересмотреть астраханский и оренбургский тарифы в сторону дальнейшего резкого сокращения пошлинных сборов с восточных товаров. Индийские купцы неоднократно заявляли, что в России они пользуются такими привилегиями в торговле, каких они никогда не имели в Персии и других странах Востока.

Широкому развитию индийского торгова в России способствовала покровительственная политика русских властей по отношению к индийским и другим восточным купцам. Инструкцией Сената от 1720 года астраханскому губернатору А.П. Вольтскому предписывалось оказывать восточным купцам, обосновавшимся в Астрахани, необходимое содействие в их торговле, охранять их имущество, «держатъ ласку и привет доброй... и оберегать, чтобы им ни от кого никаких обид не было».

Указом от 20 сентября 1723 года Сенат снял запрет для индийских и других восточных купцов на производство розничной торговли в Астрахани. В октябре 1722 года депутация индийских купцов во главе с Анбу-Рамоном посетила находившегося в Астрахани Петра I и получила от него именной указ о предоставлении Индийской компании в Астрахани права разрешать имущественные споры по наследственным делам «самим им, индейцам, по их обыкновению и закону и правам». Этот указ стал общей законодательной нормой при разрешении имущественных споров подобного рода и в этом качестве применялся на протяжении всей последующей истории Индийской торговой компании, был внесен в «Свод законов Российской империи» и отменен лишь во второй половине XIX века, когда компания в Астрахани перестала существовать.

В XVIII веке индийцы, торгующие с Россией, получили ряд новых привилегий. Указ 1685 года, запретивший индийцам торговлю в «верховых городах» Российского государства, на практике не применялся, и уже с конца XVII века индийские купцы вели большую торговлю в разных городах России.

Анализ публикуемых ныне документов показывает, что в XVIII веке в Астрахани — этом крупном русском торговом центре — проживало от 50 до 100 индийских купцов, занимавшихся продажей в России восточных товаров и вывозом в Персию товаров, закупленных в России. Индийские купцы торговали и в других русских городах. По свидетельству астраханского купца-индийца Марвари Бараева, в Россию в XVIII веке «выезжало в год человек по 200 и меньше» индийских купцов, а ныне (в 1735 году) «зело мало выезжает: человек до 80 и меньше». В XVIII веке индийские купцы свободно ездили из Астрахани со своими товарами в Нижний Новгород на Макарьевскую ярмарку, в Москву, на Северный Кавказ, в Саратов, а с 1720 года — и в Петербург, когда этот город уже был столицей государства и туда перебрался двор и иностранные послы. Судя по челобитной, поданной в 1723 году Петру I компанией индийских купцов из Астрахани, индийцы добирались даже до Архангельска, закупая там европейские товары! В этой челобитной индийские купцы просили разрешения на свободный проезд в Европу, а также через Сибирь в Китай. Несомненно, что в это время компания индийских купцов располагала значительными средствами и торговыми связями.

И действительно, торговые обороты индийских купцов были тогда весьма крупными. Так, в следующем же, 1724 году, по записям астраханской таможни о взятии пошлин с товаров, вывозимых индийскими купцами в Москву, Нижний Новгород и на Терек, один из них, имя которого записано то как Жерам Мураров, то как Джерам Муратов, вывез в Москву и Нижний Новгород во время своих поездок товаров на 10 270 руб., другой, Адет Чинаев, — на 8852 руб., третий, Перу Джадамов, — на 8228 руб. и т. д. Стоимость товаров, вывезенных индийскими купцами из Астрахани во внутренние города России в 1724 году, превысила 104 тыс. руб.

В состав сбывавшихся индийскими купцами товаров входили в основном восточные ткани — большей частью персидские, реже — закавказские или же среднеазиатские. Ткани из Индии особо не выделены, но на основании как более ранних, так и более поздних данных можно полагать, что какая-то часть «выбоек» и «фат» была индийского происхождения.

1720 — 1740-е годы были периодом расцвета индийской торговли в России. По данным астраханской таможни, за 8 лет — с 1737-го по 1744 год — индийские купцы вывезли в Персию товаров на 311,7 тыс. руб. и импортировали из Персии на 661,1 тыс. руб., что составляло 11,5 % всей астраханской внешней торговли в тот период (не считая сравнительно незначительной торговли с Хивой и Бухарой).

В XVIII веке индийские купцы в России все больше стали заниматься не только торговлей, но и ростовщической деятельностью. В документах XVII века есть только одно дело о ростовщичестве (1669), но тогда речь шла о займе индийских купцов друг у друга. В материалах же

Вид на Астрахань. Гравюра конца XVII в.

XVIII века, начиная с 1720-х годов, попадаетея много заемных писем, дел о взыскании долгов и другой официальной переписки о ростовщической деятельности индийцев. Из этих документов видно, что ростовщичество стало широко распространенным занятием среди индийцев. Они ссужали деньги под весьма высокие проценты (по свидетельству астраханских властей, в среднем из 30—36 % годовых, а в отдельных случаях — и до 50 %) индийским и русским купцам, астраханским татарам и даже крепостным крестьянам.

Большое значение индийцы придавали праву на свободу вероисповедания, которым они пользовались в России. В XVIII веке на Индийском гостиниом дворе три комнаты были отведены под молельню. В документах неоднократно упоминаются «индийские попы», жившие в Астрахани на пожертвования своей паствы, или, как писали тогдашние канцеляристы, «пропитание имевшие мирским подаванием». В документах также говорится о том, что отдельные богатые индийцы возили с собой своего священнослужителя в Москву или Петербург. Лишь в 1751 году «полицеймейстерская канцелярия» Астрахани запросила Правительствующий Сенат о разрешении вывести за город эти молельни, где индийцы, как надменно выразились тогдашние полицейские чины, «чинят поклонение зделанным наподобие собак болванам», но Сенат положил это дело в долгий ящик, и только в 1765 году, ввиду того что больше никто в Астрахани этого вопроса не поднимал, было вынесено решение сдать дело в архив.

Насколько же подробны и достоверны были знания русского общества и царского правительства об Индии на протяжении XVIII века? Обратимся к документам.

Познания русского правительства о географии и природе Индии были, видимо, менее точными, чем те, которыми оно располагало в XVII веке. Так, Петр I собирався послать Кожина с морскими судами по Амударье в Индию с приказом вернуться по возможности Каспийским морем. В данном Кожину наказе Петр I приказал ему закупить в Индии «довольное число птиц больших всяких, а именно струсов, казеариусов и протчих», а также разных зверей.

Политическое деление Индии Петр знал лучше. Перед посылкой Кожина он не только велел поднять все дела о торговой миссии Семена Маленького, но и допросить астраханских индийцев об имени государя, правившего в то время Индией. Однако, когда индийцы ответили, что «царь де ныне в Ындеи имянем Феркша (то есть Фаррухсияр), который тамо 4-й год», то Петр им не поверил и приказал дать Кожину с собой грамоту на имя Шаулема (то есть Шах-Алама), поскольку это имя было указано в одной немецкой книге, изданной в 1711 году. Между тем Фаррухсияр действительно воцарился в 1712 году, за 4 года до этого, как и указали индийцы, а грамота Петра была адресована покойнику. Сведения, полученные из вторых рук, то есть из книг, изданных в Западной Европе, оказались запоздалыми по сравнению с показаниями индийцев. В XVII веке отдавали предпочтение именно таким непосредственным свидетельским показаниям — «сказкам».

Сведения об Индии проникали в Россию различными путями, и одним из таких каналов информации в XVII и в XVIII веках было русское посольство в Персии. В конце 1730-х годов русский резидент в Персии Калушкин переслал в Россию рассказ одного из своих агентов, участника индийского похода Надир-шаха. Сведения о Надир-шахе и его индийском походе совершенно достоверны. Новым для историков является сообщение, что в битве при Карнале, по существу, победила индийская армия, и только смятение и несогласованность в действиях придворных и военачальников правителя Могольской империи помешали им воспользоваться победой и побудили их подчиниться Надир-шаху.

Как подлинные сведения об Индии была воспринята и написанная для русского двора «автобиография» человека, прибывшего в Петербург в 1734 году и выдававшего себя за «султана Ги-Ахмета», правнука Аурангзеба, правителя Могольской империи. В качестве достоверного сообщения «автобиография» Гин-Ахмета приведена и в работе А.Ф. Малиновского. Однако сейчас, при ближайшем рассмотрении, рассказ Гин-Ахмета оказывается вымыслом. В архиве сохранился кусок черновика этой «автобиографии», написанный типичным немецким почер-

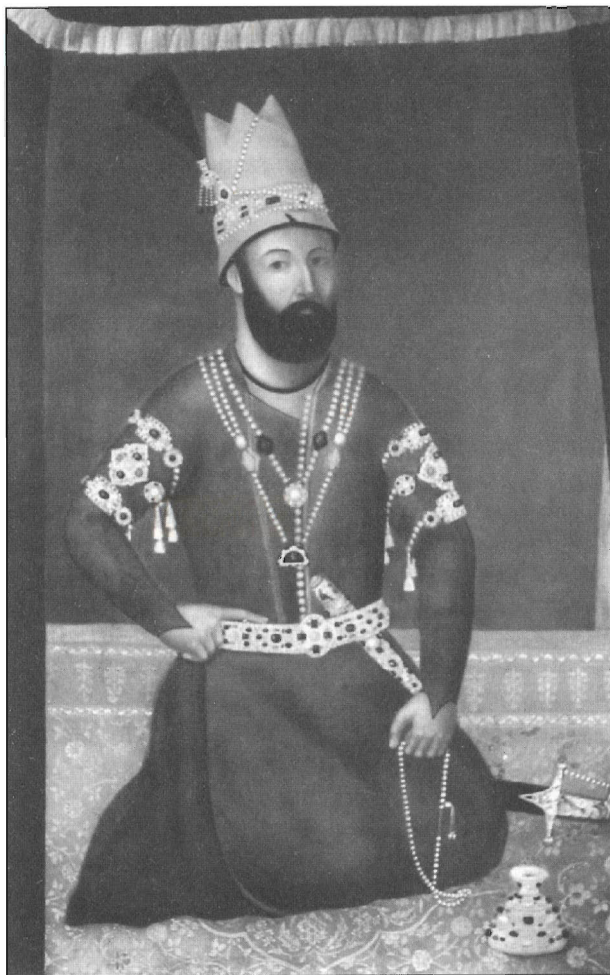
ком того времени, какого не могло быть у индийца, лишь около 3—4 лет прожившего, по его словам, в Европе. В его рассказе о своих родителях и своем пребывании в Индии многое не только сомнительно и неточно, но и просто невероятно. Так, Аурангзеб стал править не с 1660 года, как у Гин-Ахмета, а взошел на престол в 1658 году, официально же короновался в 1659 году; Рафи-уд-Дараджат (у Гин-Ахмета — «Рафиуел Туле») и Рафи-уд-Дауле (Дувербар) правили один за другим в первой половине 1719 года, а не в 1720 году и т. д. Лишь европеец мог по традиции того времени считать синонимами слова «индус» и «баньян» и писать о том, что его якобы отправили в «монастырь баньянов», где обучали... учению Конфуция! О философии Конфуция в те времена не было, вероятно, известно ни одному индийцу.

Точно так же лишь европеец мог написать, что кого-то «выбрали Моголом» (в смысле: правителем Могольской империи), поскольку в Индии моголами называли вообще мусульман Индостана. Тем более не могли инду-сы призвать мусульманина Гин-Ахмета в брахманы, как он уверяет, потому что членом касты брахманов (как и любой другой) можно было только родиться. Вместе с тем значительная часть сообщенных самозванцем сведений о Великих Моголах, правивших в Дели в первой четверти XVIII века, и об их родственных взаимоотношениях оказывается верной. Это удивительно, потому что в то время европейцы не имели своих факторий в Северной Индии и были весьма плохо осведомлены о событиях в Дели. Правда, сам Гин-Ахмет считал столицей империи не Дели, а Агру. По-видимому, он все же побывал в Индии или хорошо знал какого-то европейца, прожившего в Индии много лет.

Если в России после Петра I были более осведомлены о природных условиях самой Индии, то о сухопутном пути в Индию, географических и политических трудностях, связанных с ним, в России не имели почти никакого представления. С 1640-х годов и вплоть до самого конца XVIII века русским казалось, до Индии рукой подать. Отсюда и жадный интерес в России ко всяким сообщениям о путешествиях в Индию из Средней Азии и принимаемым на веру фантастическим слухам, например, о

том, что татарские купцы города Тары на Иртыше «приезживали из Тары в Индостан верхами в 16-й день», отсюда и многочисленные, уже упоминавшиеся выше проекты установления постоянной торговой связи с Индией через Оренбург.

Надо добавить, что хотя английское завоевание Индии исключало с середины XVIII века возможность для России проникновения в Индию морским путем, но было бы

Персидский правитель Надир-шах. Средневековая миниатюра

ошибкой считать, что именно это было основным препятствием и для караванной торговли, поскольку англичане завоевали Делийскую область лишь в начале XIX века, а Пенджаб был ими захвачен только в 1846—1848 годах. Торговле через Среднюю Азию и Афганистан больше всего мешали феодальные распри, развал Могольской империи и общий упадок и разорение Северной Индии, подвергшейся нашествиям Надир-шаха из Персии и Ахмад-шаха из Афганистана, феодальные смуты в Персии, а также географические трудности, становившиеся непреодолимыми в условиях, когда караван мог продвигаться лишь под очень сильным военным эскортом.

Впервые обо всем этом было официально сказано оренбургским военным губернатором Н.Н. Бахметьевым лишь в конце 1800 года, однако и он поддерживал идею установления сухопутной индийской торговли, предлагая лишь выбрать традиционную дорогу индийских купцов — из Астрахани по Каспию и через Персию.

Важно, что все поиски путей в Индию, проводившиеся в течение полутора столетий, были вызваны стремлением к мирной торговле, но отнюдь не проектами военного завоевания страны. Когда, например, в 1723 году к Петру I, по донесению А.И. Остермана, собирался ехать какой-то голландец, чтобы представить ему проект завоевания части Индии, Петр отказался принять автора воинственного проекта.

Пример англо-французской борьбы за покорение Индии не изменил характера русской политики в этом отношении. Россия прочно стремилась установить с Индией дружественные отношения и, как мы видели, поставила индийцев в своем собственном государстве в чрезвычайно благоприятные условия...

ПЕРВЫЙ ИНДИЙСКИЙ ПОХОД. К ИНДИИ!

Восток манил царя не меньше Европы. После Гангутского морского сражения в 1714 году стало ясно, что победа в Северной войне окончательно склоняется на сторону России. Царь Петр уже прорубил вожаделенное окно в Европу, твердой ногой встал на Балтике. Но казна опустела, ресурсы государства истощились. Да и завоеванное «окно в Европу» следовало еще наполнить торговым содержанием. Традиционные товары, которые могла предложить Западу Россия, — хлеб, пенька, лен, воск — не сулили баснословных барышей. Для экономического скачка требовался какой-то нестандартный ход. Рассказывает историк В. Нечипоренко:

— Еще весной того же, 1714 года гвардии поручик князь Александр Бекович-Черкасский организовал встречу царя Петра со знатным туркменом Ходжой Нефесом. Тот сообщил, что на Амударье, в Хивинском и Бухарском ханствах, намывают немало золотого песка. Поведал туркмен и о том, что узбекские ханы отвели русло Амударьи в Аральском море. Раньше, мол, великая река впадала в Каспий, и тогда по ней можно было добраться до золотоносных мест до самой Индии. Опасаясь, что русские захотят воспользоваться преимуществами этого удобного водного пути, ханы распорядились отвести Амударью в Арал, перегородив ее старое русло земляной плотиной. Разобрать эту плотину несложно, и тогда вода опять потечет в Каспий.

Нефес клялся, что его соотечественники готовы помочь русским в походе через безводные пески и степи. Сведения от Ходжи Нефеса угодили, что называется, в яблочко.

Буквально накануне, в конце 1713 года, сибирский генерал-губернатор князь Матвей Петрович Гагарин сообщил Петру, что на Сырдарье, в районе города Эркет, издавна моют золотой песок. Слухи о среднеазиатском золоте поступали и из других источников.

Но куда ценнее золота для Петра было сообщение о возможности достичь Индии через Каспий водным путем, повернув сток Амударьи в старое русло. Через систему каналов, считал царь, этот водный путь можно будет продлить до Балтики, получив заветный ключ от главного и наиболее удобного торгового маршрута между Востоком и Западом. Впрочем, и среднеазиатское золото нельзя было сбрасывать со счетов.

Петр и прежде знал о том, что еще в недавние времена Амударья текла в Каспий. Об этом свидетельствовали многие западноевропейские источники. И вот теперь выяснилось, что река переменяла свое русло не из капризов природы, а по воле восточных ханов. Упустить такой исторический шанс царь не мог.

Не откладывая дела в долгий ящик, Петр уже в мае того же 1714 года дал Сенату ряд указов по организации военной экспедиции в Среднюю Азию.

Командиром отряда назначался Бекович-Черкасский.

1716 год, февраля 14. — Из именного указа Петра I командиру Хивинской экспедиции капитану А. Бековичу-Черкасскому — о посылке поручика А.И. Кожина в Индию.

(л. 39) Февраля в 14 день.

Указ капитану от гвардии князю Черкасскому.

(л. 40) ...7. Также просить у него судов и на них отпустить купчину по Амму-Дарье реке в Ынгею, наказав, чтоб изъехал ее, пока суды могут итти, и оттоль бы ехал в Ындию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо — водяной к Индии тою или другими реками, и возвратица из Индии тем же путем, или, ежели услышит в Ынгеи еще лутчей путь к Каспийскому морю, то оным возвратица и описать.

Будучи у хивинского хана, проведать и о бухарском, не мочно ли его, хотя не в подданство (ежели того нельзя зделать), но в дружбу привести таким же маниром, ибо и там тако ж ханы бедствуют от подданных.

Для всего сего надлежит дать регулярных четыре тысячи человек, судов и сколько потребно, грамоты ко обоим ханам, также купчине к ханам же и к маголу.

(л. 40 об.) 10. Из морских офицеров порутчика Кожина и навигаторов человек пять или более послать, которых употребить в обе посылки, первая под образом купчины, другая к Эркету.

...Порутчику Кожину приказать, чтоб он там разведал о пряных зельях и о других таварах, и как для сего дела, так и для отпуску товаров придать ему, Кожину, двух человек добрых людей ис купечества и чтоб оные были не стары.

По сим пунктам господам Сенату с лутчею ревностию сие дело как наискоря отправить, понеже зело нужно.

Над пунктом 13 надписано рукой Петра I: Х Кожину. 4-й пункт. Смотреть какие товары и особливо пряные зелии и прочее, что идет, из Индии.

ЦГАДА. Госархив, разр. IX. Кабинет Петра I. Записная книга указов 1716 г., л. 39—40 об. Отпуск. Опубл. в сб. «Материалы Военно-учебного архива Главного штаба», т. I. СПб., 1871. С. 213—215.

1716 года, февраля 14. Именной указ Петра I поручику А.И. Кожину.

Указ порутчику Кожину в 14 день февраля в Либау 1716.

1. Ехать ему, как его отпустит капитан-порутчик князь Черкасской Александр Бекович, водою Амму-Дарьею рекою (или иными, откои в нее впади) и сколько возможно до Индии под образом купчины, а настоящее дела — дабы до Индии путь водяной сыскать.

2. И когда уже нельзя будет ехать водою, то оттоль ехать сухим путем в Индию и там разведывать о том же тайным образом.

3. Назад возвратитца тем же путем, разве ежели уведает еще иной способнейший путь водяной, то им возвратитца, и везде, как водяным, так и сухим путем, все описывать и делать карту.

4. Осмотрить, какие тавары, а особливо пряные зельи и прочее, что идет из Индии.

5. Прочее, чего здесь и не описано, а в чем может быть интерес государства, смотреть и описывать.

ЦГАДА, ф. Госархив, разр. IX. Кабинет Петра I. Записная книга именных указов, 1716 г., л. 49. Отпуск. Пункты 1—3 указа — автограф Петра I. Оpubл. в 1 ПСЗ, т. V, № 2994.

Этот любимец Петра происходил из кабардинских князей и в детстве носил имя Давлет-Кизден-Мурза. Сызмальства он был взят ко двору русского царя, позднее вместе с другими отпрысками знатных родов направлен для учебы в Европу. Князь получил блестящее по тем временам образование с уклоном на мореплавание и кораблестроение. Не чуждался молодой князь Александр и государственных забот. Так, вернувшись в Россию, он представил царю детальный проект замирения Кавказа. И вот теперь именно ему Петр доверил осуществление своей давней мечты по налаживанию прочного торгового моста Восток—Запад.

Казанский губернатор Салтыков и астраханский воевода Чириков получили от царя распоряжение о безусловном выполнении всех требований Бековича.

Рядом с Бековичем неотлучно находился Ходжа Невфес. Они беседовали часами, и туркмен подробно отвечал на все вопросы князя.

Лето и значительную часть осени Бекович провёл в Казани и Астрахани, отдавая все свое время подготовке экспедиции.

1716 года, февраля 14. Письмо канцлера Г.И. Головкина секретарю Посольской канцелярии П.В. Курбатову.

Копия с письма, отправленного к господину секретарю Курбатову.

Господин секретарь. Понеже его царское величество изволил определить князь Александру Бековичю-Черкасскому ехать послом к хивинскому хану, а к бухарскому хану и к моголу индейскому послать купчин, того ради писал я в Сенат, с которого при сем прилагается список, чтоб они тебе приказали написать верующие грамоты к ним и, высмотря, велели запечатать. И для того посылаю с титулов, каковы писываны к ханом хивинскому и бухарскому, списки, против того можешь написать

верющие, и черные сначала прочитать им. А потом когда прикажут набело написать, справясь и осведомясь имянно о ханских именах, кто ныне хивинским и бухарским, а о титуле могола индейского можешь справиться в Посольском приказе, и о том писать к Москве к секретарям, ибо изволил его царское величество сказывать, что от князь Петра Ивановича Прозоровского послан был туда купчина, и чаять, что с ним грамота послана была. А купчины имена напишешь в грамоте, о которых объявит он, князь Александр Бекович, от которого о его посылке будешь сведом, и по тому те грамоты и напишешь. А каковы оныя написаны будут, о том ко мне пиши и пришли с оных списки. И ежели что еще повелит Сенат вам исправить ко отпуску его, князь Александра Бековича, то с воли их чинить. А в грамоте верующей к хивинскому хану надлежит приписать и об отпуске с ним хивинского посла, которой удержан в Астрахани. Тако ж и о той матери, о которой с ним, послом, писано было в грамоте, надлежит в ту верующую внести, понеже у хивинского посла прежнюю грамоту велено отобрать.

Гаврила Головкин.

Из Либау в 14 день февраля 1716 году.

Получено в 4-й день марта.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Хивой, 1716 г., д. I, л. I об. Копия.

Наконец, 7 ноября экспедиция — около двух тысяч солдат, офицеров и специалистов — направилась на двух шхунах и 27 стругах к Гурьеву. Но разыгравшаяся буря заставила флотилию вернуться в Астрахань. Зимнее время Бекович использовал для постройки 20 новых судов, более надежных и быстроходных.

Поздней весной — 25 апреля 1715 года — экспедиция отплыла из Астрахани и благополучно достигла Гурьева. Здесь к Бековичу привели кочевников-туркмен, которых он долго и подробно расспрашивал о старом русле. Кочевники подтвердили сведения, полученные князем ранее от Ходжи Нефеса, добавив, что для поворота реки потребуется прорыть канал длиной 20 верст к заливу Красные Ворота.

Из Гурьева доплыли до залива Тюб-Караган на восточном побережье Каспия. Отсюда основные силы экспедиции двинулись берегом моря к заливу Красные Ворота.

Небольшой отряд во главе с дворянами Федоровым и Званным был послан в разведку для осмотра старого русла Амударьи и проверки сведений, полученных от кочевников. Вместе с разведчиками отправился и Ходжа Нефес.

От Тюб-Карагана разведчики шли десять дней по заброшенным караванным тропам, пока не достигли реки Карагач. За ней они увидели внушительный земляной вал высотой сажень с четвертью, шириной три сажени и длиной пять верст. Невдалеке за валом текла Амударья. От вала в направлении Каспия тянулась сухая долина, которая, по уверениям Нефеса, как раз и являлась старым руслом великой реки.

Доклад, с которым разведчики прибыли в лагерь у Красных Ворот, окончательно убедил Бековича в реальности затеянного предприятия. Князь тут же составил донесение и направил его с гонцом Петру. Вместе с тем было ясно, что для выполнения столь ответственной миссии потребуется более подготовленная экспедиция. Бекович отдал команду грузить корабли.

Осенью 1715 года экспедиционный корпус в полном составе вернулся в Астрахань. Князь незамедлительно выехал в столицу.

Петр находился в Митаве*, откуда лично руководил действиями армии против шведов в Прибалтике. Несмотря на занятость, царь отложил все дела, чтобы выслушать Бековича и поставить перед ним конкретные задачи касательно восточного похода. В частности, Бековичу предстояло: изучить возможности повернуть Амударью в старое русло, определив, «сколько к той работе потребно людей»; подчинить Хиву России и попытаться сделать то же самое в отношении Бухары; выяснить в точности места, где моют золотой песок; разведать новый путь в Индию и по возможности завязать торговые отношения с этой страной.

* *Митав*а — столица Курляндии, с 1917 года — Елгава в Латвии.

Петр ограничился директивами, он наметил и способы достижения каждой цели. Так, при впадении старого русла Амударьи в Каспий Бековичу надлежало возвести «крепость человек на тысячу» как опорную базу для дальнейшего продвижения в глубь Средней Азии. После разрушения земляной плотины (Петр поверил, что разведчики видели именно плотину) и поворота реки вблизи этого места следовало построить вторую крепость, дабы воспрепятствовать попыткам ханов вновь взять ситуацию под свой контроль. Петр особо подчеркивал, что Хиву и Бухару следует склонить на свою сторону мирными средствами, неустанными заверениями в дружбе. И в Хиве, и в Бухаре местные феодалы нередко устраивали заговоры и свергали своих ханов с престола. Петр был готов гарантировать ханам наследственные права, а также предоставить им для личной охраны русскую гвардию в обмен на верность и речение «в наших интересах». Ханам и наиболее знатным вельможам, говорил Петр, необходимо вручить от его имени богатые подарки. Однако и порох требовалось держать сухим. Особое внимание Петр уделили задаче разведать водный путь в Индию. Необходимо было в точности выяснить, возможно ли по Амударье достичь этой страны. Если да, то следовало подробно описать весь маршрут, а также изучить другие, быть может, более удобные пути. С этой целью к экспедиции прикомандировывалась особая группа «купчин», находившихся в распоряжении поручика Кожина, навигатора и картографа.

Петр неоднократно подчеркивал, что Бекович должен называть свой отряд посольством и требовать от подчиненных доброго отношения к местному населению.

От царя Бекович вышел в чине гвардейского капитана.

1716 год, марта 17. Грамота Петра I к бухарскому хану.

Грамота к бухарскому владетелю с купчиною.

Послали мы, великий государь наше царское величество, чрез Бухарскую землю в Индию купчину Александра Иванова сына Кожина и тебе Бухарские земли владетелю хану, тому нашему купчине позволить чрез твою землю с обретающимися с ним людьми и с товары свободно

проехать и в прочем по чину его надлежащую иметь и употреблять вольность и в требованиях его учинить ему вспоможение, как туда едущему, так и назад возвращающемуся, за что в государстве нашем твоим присланным обещаем мы, великий государь, нашу милость и благоволение показывать.

Писан в нашем царствующем граде Санкт-Питербурге лета от рожества Христова 1716-го марта 17 дня, государствования нашего 34-го году.

(под текстом на л. I об.) Писана на александрийском меньшом листу заставицею с короною и по сторонам проведены фигуры, запечатана малой российской печатью отворчестою, кустодия гладкое.

Титло государево писано по-московски золотом; ханское титло — по наше царского величества поздравление — золотом; на имя как и в начале, так и в обороте места остановлены.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ, Сношения России с Бухарой, грамота № 20, л. I об. Отпуск.

Во второй половине сентября 1716 года экспедиция снова двинулась к восточному побережью Каспия. Теперь это была целая армия из 70 судов, на которых разместились более 5 тыс. человек — 3 пехотных и 2 казачьих полка, 500 пензенских и 100 астраханских драгун, артиллеристы, инженеры и строители, а также купцы, подьячие, переводчики, лекари...

К этому времени затраты на восточный поход уже составили порядка 220 тыс. руб. — сумму баснословную, да еще при пустой казне! Это лишний раз доказывает, какое значение придавал Петр осуществлению своей идеи прорубить «окно в Индию». 9 октября суда причалили у знакомого берега в заливе Тюб-Караган, где их встретил Ходжа Нефес с небольшой свитой. Здесь Бекович оставил пехотный полк полковника Хрущева, поручив тому строить крепость, хотя в инструкциях Петра такой пункт отсутствовал. Надо полагать, именно по этой причине между Бековичем и Кожиным, который держался подчеркнуто независимо, произошла первая крупная размолвка. Кожин доказывал, что местность тут пустынная,

вода в колодцах гнилая, следствием чего станут болезни в гарнизоне. Но Бекович настоял на своем, указав, что именно отсюда начинается старая дорога на Хиву.

По этой дороге князь направил в Хиву послов с грамотами и подарками. К хану Шергози поехал дворянин Воронин. Другому дворянину — Алексею Святому — поручалось обхаживать родственника хана, влиятельного вельможу Колумбая.

1716 год, марта 31. Именной указ Петра I поручику А.И. Кожину.

В 31 день. К порутчику Кожину, а послано на почте в 3-й день апреля.

Когда будешь в Ост-Индии у магола, купи довольное число птиц больших всяких, а имянно струсов, казеариусов и протчих, также и малых всяких родов, также зверей всяких же родов, а больше малых всяких же родов, и привези с собою бережно.

ЦГАДА, Госархив, разр. IX, Кабинет Петра I. Записная книга именных указов 1716 г., А. 87. Отпуск.

Одновременно другое посольство во главе с дворянином Давыдовым было направлено к бухарскому хану. Но добираться до Бухары Давыдову предстояло через Персию. Доставить его морем в персидский город Астрабад (Горган) Бекович поручил Кожину. Затем основные силы экспедиции двинулись к заливу Красные Ворота, где также была заложена крепость на месте будущего города Красноводска.

Через некоторое время сюда прибыл Кожин, а с ним Давыдов, так и не попавший в Бухару. Оба объяснили, что иранские власти не пропустили посольство через свою территорию.

Не поверив Кожину, Бекович тайно направил в Астрабад князя Самонова — крещеного персиянина, получившего свой титул на русской службе.

Тем временем Кожин развил бурную деятельность. Осмотрев местность и проведя ряд топографических съемок, он уверенно заявил, что никакого старого рус-

ла здесь нет, что вода самотеком тут не пойдет и потому строить крепость не имеет смысла. Кроме того, «купчины» Кожина собрали тревожные сведения. Никто в степи не верил, что русские пришли с миром. Враждовавшие между собой Хива и Бухара якобы договорились воевать вместе против чужаков и уже готовились к боевым действиям.

Однако Бекович не собирался внимать предостережениям Кожина. Князь был уверен в своих силах. В конце года он отправился в Астрахань, чтобы завершить подготовку к решающему этапу похода. А чтобы Кожин не мучил воду в его отсутствие, князь взял строптивного поручика с собой.

Вскоре в Астрахань прибыл и Самонов, побывавший в Астрабаде. Он доложил, что иранские власти и не помышляли чинить препятствий Давыдову. Все это интриги Кожина, отговорившего посла от рискованной поездки в Бухару.

Между Бековичем и Кожиним произошел очередной крупный разговор. Бекович, как глава экспедиции, потребовал безоговорочно выполнять все его указания. Закончилось тем, что Кожин самовольно отправился в Петербург, намереваясь убедить Петра и Меншикова в целесообразности отмены похода.

1716 год, мая 18. Выпись в Сенате о грамотах русских царей к падишахам Индии.

(л. 42 об.) Такова грамота написана к слушанию, чтена в Сенате майя в 7-м да в 10-м числах и притом докладывано о подчеркнутых словах. А имянно.

1. В грамоте 183-го году, которая вся списана сего титла (государь Иверские (л. 43) земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинские земли черкасских и горских князей) не писано. А в других писано ль, сего в ведомости, с Москвы присланной, не написано.

2. Во 159 году в грамоте от ц. в. к индейскому шаху в титле писано брату нашему, великому государю. А во 183 году — велеможнейшему брату нашему, великому государю. А в 203 году в проезжей написано в титле шахов против грамоты 159 году — брату нашему, великому

государю, а велможнейшаго не писано, и ныне в титуле шахове велможнейшаго писать ли?

3. В прежних грамотах писано к шаху индейскому и персическому — братом. А во 194 году по именному царского величества указу персического шаха братом писать не велено и не пишется.

4. О имени, понеже подлинной ведомости не имеетца, того для порозжее место оставлено на разсуждение как написать, так ли как в печатной немецкой книге 171.1 написано, или по скаске в Москве индейцов, или оставить так и за отворчатою печатью послать, и тамо, уведомляясь, велеть вписать.

5. Наше царского величества любительное поздравление ни в которой грамоте (л. 43 об.) к индейскому шаху не писано. А к персическому шаху и к салтану турецкому пишется.

6. В прежних грамотах писано, чтоб товары купчи не продавать и покупать беспошлинно. И сие ныне писать ли?

И 1716 мая в 10 день. По указу великого государя Правительствующий Сенат, слушав той грамоты, приговорили против того грамоту к шаху индейскому написать и послать. И в титуле царского величества государь Иверские земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинские земли черкасских и горских князей написать, ибо того к одному только персическому шаху писать не велено. А в шаховом титуле велможнейшему писать. А братом, понеже к персическому шаху по именному царского величества указу писать не велено, (л. 44) то и к нему не писать. Имя написать то, которое в печатной немецкой книге, именуемой лексикон, напечатаной в Лейпциге в 1711 году Шауалем, царского величества любительное поздравление писать. О том, что товары продавать и покупать беспошлинно, написать против прежняго обыкновения. Что ж в титуле шаховом наперед сего писывано всеа восточныя страны повелителю, и то отменить, а написать кроме слова всеа просто восточныя страны повелителю.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Индией, д. 16, л. 42 об. — 44.

Надо сказать, что и Бекович понимал всю сложность своей миссии. В Астрахани он получил весточку от своих послов, отправленных в Хиву. Воронина приняли дурно. Хан Шергози находился в походе, и русского посла содержали фактически под арестом. Лишь благодаря Колумбаю, получившему подарки от Святого, удалось добиться для Воронина некоторого послабления. В марте 1717 года вернулся из похода хан Шергози. Он принял послов, выслушал их, но продолжал удерживать в Хиве, не давая никакого ответа. В городе, писал Воронин, заметны явные признаки военных приготовлений.

Итак, надежды привлечь хана на свою сторону не оправдались, но Бекович полагал, что Шергози станет сговорчивее, когда увидит мощь русского войска.

В Астрахани Бекович собрал дополнительные силы, к которым присоединились татарские, армянские и русские купцы.

Между тем численность основного контингента неуклонно снижалась. В новых крепостях, как и предсказывал Кожин, начались болезни. К маю 1717 года в каждом из двух гарнизонов умерло по 500 человек.

Бекович надеялся усилить свой отряд за счет туркмен, которые страдали от притеснений хивинских феодалов. Но туркмены союзнических намерений не проявляли. Напротив, сообщили в Хиву о численности и вооружении русских.

1716 год, мая 18. Грамота Петра I персидскому шаху о пропуске А.И. Кожина через Персию в Индию.

(л. 51) Божию милостию мы, пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, и многих государств и земель восточных и западных и северных отчич и дедич и наследник и государь и обладатель, наше царское величество, объявляем чрез сие всем, кому ведати надлежит, а особливо великому государю его шахову величеству персицкому, что послан от нас, великого государя от нашего царского величества, купчина Александр Иванов сын Кожин с некоторыми вещами и товары в государство его шахова величества индейского

и для покупки тамо про нас, великого государя, потребных (л. 51 об.) индейских товаров. Сего ради всех областей, а особливо его шахово величество персицкое, дружески просим подданных же их управителей городов, мест и пристаней морских и кому где какое на земле и на море управление и надсмотрение приказано и вверено, благоволительно желаем, дабы, вышепомянутого посланного от нас, великого государя, купчину Александра Кожина, со всеми обретающимися при нем мореходными судами, людьми, лошадыми и вещьми, не токмо свободно и без задержания как в Ындию едущаго, так и оттуду назад возвращающегося пропускать, но и когда где случится ему зачем в том пути остановиться и побыть, то ему соизволить и в прочем всякие приятные вспоможения (л. 52) и благоволения оказывать, за что мы, великий государь наше царское величество, взаимно в наших государствах тех областей, а особливо его шахова величества персицкого подданным такими ж меры воздавать повелим.

Во свидетельство сего гана сия наша царского величества грамота за нашею государственною печатью, в нашем царствующем граде Санкт-Петербурге лета от Рождества Христа спасителя нашего бога 1716 мая 18 дня, государствования нашего 34-го году.

Запечатана малой росийскою печатью.

Подписал граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Хивой, 1716 г., д. I, л. 51—52. Отпуск.

К концу весны у Бековича оставалось 2200 человек, пригодных к дальнему походу. С этими силами и двинулись на Хиву. Шли извилистым, неисследованным маршрутом: река Эмба — урочище Богату. Затем повернули к Аралу и долго шли берегом моря. У колодца Чильдан сбегали последние туркмены-проводники. Остался один верный Ходжа Нефес. Он и повел отряд караванными тропами от колодца к колодцу.

Стремясь не доводить дело до военного столкновения, Бекович выслал вперед отряд в 100 казаков под командой Корейтова с письмом к хивинскому хану, в котором вновь заявлял о мирных намерениях посольства.

На одном из привалов в устье Аккул в лагерь прискакали гонцы от Корейтова, сообщив, что письмо передано и что сюда следует посол хивинского хана. Встретив посла, Бекович всячески заверил его, что идет с миром. Посол уехал к хану.

Вскоре отряд вышел в долину Амударьи, откуда до Хивы было рукой подать.

Здесь, у озера Айбутар, дорогу экспедиции преградили хивинские войска.

Так совпало, что правление Шергози (1715—1727) было периодом восстановления могущества Хивинского ханства. Хан положил конец междоусобицам, укрепил свои позиции, собирал дань с покоренных племен. Он чувствовал себя уверенно и в конце концов склонился к военному решению возникшей проблемы.

Боевое столкновение было неизбежно.

1716 год, мая 18. Грамота Петра I падишахи Индии Джахандар Шаху о посылке в Индию с товарами и грамотами А.И. Кожина.

(л. 39) К шаху индейскому Божиею поспешествующею милостию мы, пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, московский, киевский, владимерский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский, государь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных государь, и великий князь Новагорода Низовские земли, черниговский, резанский, ростовский, ярославский, белоозерский, угорский, обдорский, кондинский и всеа Северный страны повелитель, и государь Иверские земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинские земли, черкаских и горских князей и иных многих государств и земель (л. 39 об.) восточных и западных и северных отчич, и дегич, и наследник, и государь и облаагатель, велеможнейшему великому государю высокопрестольному шаху Шауалем, вашему величеству индейскому восточная страны повелителю, наше царского величества любительное поздравление. Понеже мы, великий государь

наше царское величество, за потребно разсудя, послали в государство ваше, великого государя вашего шахова величества, купчину Александра Иванова сына Кожина, дав ему из нашей казны несколько потребных товаров и велели ему те товары в государстве вашего шахова величества продав, также и купить тамо потребных индейских товаров. Сего ради мы, великий государь наше царское величество, вас, (л. 40) великого государя ваше шахово величество, просим: да благоволите того купчину нашего к себе допустить, и сию нашу грамоту у него приняв, показать к нему вашу милость, и повелеть ему посланные с ним товары в государстве вашего величества продать, и тамошних товаров купить повольно и безпошлинно. И по отправлении того паки к нам с милостию отпустить и в пути по чину ево тако же надлежащую иметь и употреблять вольность. А в чем вашему шахову величеству в государстве нашем есть потребность, о том изволите с ним, купчиною, к нашему царскому величеству писать или словесно наказать. И мы, (л. 40 об.) великий государь, то по желанию и для дружбы и любви вашего величества охотно исправить укажем. При сем желаем мы, великий государь наше царское величество, вам, великому государю вашему шахову величеству, благопостоянного на лета много здравия и всякого благоповедения.

Писан в нашем царствующем граде Санкт-Питербурге лета от Рождества Христа спасителя нашего бога 1716-го мая 18 дня, государствования нашего 34-го году.

(под текстом приписано) Писана та грамота на большом александрийском листу з заставицы и фигуры золотыми, как х королям пишется. Титло царского величества по московский, а шахова титла велеможнейшему великому государю высокопрестольному шаху Шауалем писано золотом. Копии не вложено. Запечатана малой росийскою печатью, кустодия фигурная.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Индией, д. 16, л. 39—40 об.

Русские войска расположились вдоль озера, используя его как естественный рубеж, и загородили обозом.

Разведка боем продолжалась весь световой день. К вечеру хивинцы отступили, чтобы напасть завтра. Но за ночь русские вырыли глубокий ров и обнесли свой лагерь валом. Важное значение имели пушки. У хивинцев их не было. Да и выучка русских войск была выше. Несмотря на численное превосходство наступавших (их было от 16 до 24 тыс.), прорвать оборону русских они так и не смогли.

Тогда Шергози начал переговоры. Его посол, Ишимходжи, сообщил, что на русский лагерь напали без ведома хана, о чем тот весьма сожалеет.

Бекович направил к хану своего посла — татарина Усейнова. Тот вернулся с вестью, что хан устроил совещание с приближенными и утром даст ответ.

Утром хивинцы снова атаковали и снова были отбиты.

Но Бекович по-прежнему верил в возможность договориться мирным путем. Усейнов снова помчался к хану. На этот раз Шергози сделался будто шелковым. Он отвел войска от озера и обещал наказать виновных. В знак особого уважения к Бековичу он прислал к нему Колумбая с другими вельможами, которые дали понять, что готовы на существенные уступки.

Назавтра Бековича пригласили к хану для личных переговоров. Шергози заявил, что принимает все условия русского царя. Очевидно, его «покорность» обманула Бековича, почувствовавшего себя победителем.

Шергози пообещал разместить русских солдат в своих владениях со всеми возможными удобствами, но посоветовал, что в Хиве не найдется в достатке ни жилья, ни провианта, ни фуража. Поэтому он предложил разделить силы русских на пять частей, разместив каждую в соседних с Хивой городах.

По одним сведениям, Бекович простодушно угодил в эту коварную ловушку и недрогнувшей рукой отдал соответствующий приказ своим войскам.

Только этого раздробления русских и ждали хивинцы. Едва разделенные отряды разошлись в разные стороны, как на них напали из засады. Большую часть изрубили, остальных взяли в плен. Самого Бековича, а также Самонова и других командиров зарубили на глазах хана в его парадной палатке.

По другой версии, Бековича пленили и под пытками заставили написать приказ о разделении единого отряда. Старший в лагере офицер — майор Франкенберг, немец по происхождению, — не верил хивинцам ни на грош. Опытный командир, он понимал, что пороха, картечи и съестных припасов в лагере хватит на несколько месяцев, пресной воды — целое озеро за спиной, да и пушки могут сказать свое решающее слово. Экспедиционный корпус вполне мог контролировать положение, несмотря на десятикратный перевес сил в пользу противника. Окажись на месте майора волевой поручик Кожин, он, несомненно, поступил бы вопреки приказу и, глядишь, спас бы служивых. Но у майора в крови была немецкая дисциплинированность. Вопреки логике и собственному видению ситуации он, зная руку Бековича, подчинился нелепому письменному приказу.

В результате был изрублен весь корпус. С Бековича, еще живого, содрали кожу и набили ее соломой. Та же участь постигла Самонова. Затем головы русских князей носили на палках по улицам Хивы, после чего послали их бухарскому хану. Шергози похвалялся своей победой. Но бухарцы не приняли сомнительного подарка, опасаясь мести со стороны могущественного русского царя.

1716 год, ноября 18. Из доношения А. Бековича-Черкасского Петру I.

...Порутчику Кожину дано из Сенату на товары 5000 рублей; ему и товарищем, которые будут с ним в том пути, на проезд 1000 рублей, как в. в-во изволит, которые знают путь тот, сказывают на проезд одной 1000 будет мало и товаров кажется малое число, от лица вашего посылаются в дальнее государство и главное, чтоб не было и ему какого подозрения, и чем бы мог возвратиться назад.

(у подлинного письма приписано ниже) ...нижайший раб капитан гвардии Александр Черкасски.

От Новой крепости. Месяца ноября 18, 1716 году.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Хивой, 1716 г., д. I, л. 49. Копия. См. док. М 23.

В Хиве уже назначили публичную казнь русских, но местная знать выступила против, опасаясь последствий. Казнь отменили.

Лишь спустя годы многие из пленников сумели вернуться домой.

В крепостях на восточном берегу Каспия о гибели экспедиции узнали от кочевников. Причем кочевники, еще недавно терпимые к русским солдатам, теперь проявляли возросшую агрессивность. В условиях фактической осады, не получая ни подкреплений, ни помощи, удерживать крепости в пустынной местности было бессмысленно. В октябре 1717 года гарнизон крепости у Красных Ворот отплыл на имевшихся судах в Астрахань. В пути флотилию захватила сильная буря. Часть судов погибла. Уцелевшие отнесло к устью Куры. Здесь перезимовали и лишь весной 1718 года смогли вернуться в Астрахань.

Гарнизон крепости у залива Тюб-Караган перезимовал на месте, отражая набеги туркмен, но весной 1718 года тоже вернулся в Астрахань.

Что касается Кожина, то в Петербурге он был арестован и отдан под суд. Очевидно, симпатии Петра I были все же на стороне Бековича. Но после известия о страшной и нелепой гибели экспедиции Кожин был прощен.

Молва о неудаче хивинского похода прокатилась по всей России. Выражение «пропал как Бекович» одно время сделалось нарицательным и попало затем в словарь Даля.

Ходжа Нефес остался в живых, был пленен хивинцами и позднее отпущен на свободу. О его истинной роли в этих исторических событиях историки гадают до сих пор.

Пётр глубоко сожалел об исходе хивинского похода. Он не отказался от своих планов, но уже не имел средств для организации новой экспедиции.

Тем не менее, в оставшиеся годы жизни император предпринимал еще множество других, менее затратных попыток найти дорогу из России в Индию. К осуществлению своих глобальных планов он пытался даже привлечь «пиратскую республику» с острова Мадагаскар. Но эта история произошла уже в самом конце жизни императора...

ДЕВЯТИЛЕТНИЕ СТРАНСТВОВАНИЯ ФИЛИППА ЕФРЕМОВА

Воистину необъятна подчас география странствий наших героев: один из них теряется в Гималаях, второй оказывается в джунглях один на один с дикими слонами, третий проходит казахские степи, снежные вершины гор Центральной Азии, плывет из Калькутты мимо Южной Африки в Лондон и Санкт-Петербург. Мемуары о подлинных происшествиях напоминают авантурные романы.

Авторы этих сочинений различны по социальному положению, образованию и характеру. Вот и Ф.С. Ефремов — унтер-офицер и провинциальный таможенный чиновник. Сержанта Ф. Ефремова канцлер А.А. Безбородко представляет самой императрице Екатерине II. Ведь описания путешествий по странам Востока как раз ко двору — они пользуются успехом в различных читательских кругах, и успехом немалым, если судить по количеству изданий и переработок.

Екатерининский век вообще отмечен активным интересом к Востоку. России сопутствует удача в войнах с Османской Портой, усиливается ее влияние в Закавказье и среди кочевников казахских степей, появляются планы дальнейшей экспансии в Среднюю Азию, проникновения в Восточную Индию. Как и в странах Западной Европы, дипломатическое и военное продвижение в Азию, несомненно, способствовало самому пристальному вниманию к этому региону со стороны русского правительства и общества. Но было бы ошибкой рассматривать восточную тему в европейской культуре конца XVIII века лишь в контексте колониальной политики. Развитие науки того времени требовало энциклопедизма. Эпоха Просвещения расширяла духовный кругозор,

освобождала человека от религиозных предубеждений, предрассудков национальной ограниченности. Недаром в сочинениях той поры появляются слова «человечество» и «гражданин Вселенной» (космополит).

Отношение к странам Востока складывалось противоречивое. С одной стороны, просвещенный человек с насмешкой и негодованием должен был относиться к азиатскому деспотизму и суевериям, с другой — он с особенным любопытством присматривался к нравам и обычаям иных народов, приходя к выводу, что человек — везде человек, имеющий душу, открытую истине и добру. Для понимания чужой культуры необходимо лишь освободиться от «предрассудка исповедания вер» и не спешить с легкомысленным суждением о народе, исходя лишь из того, что внешние обычаи его — одежды, бороды и выражения вежливости — кажутся странными европейцам.

Для России Екатерининского века были характерны те же черты духовного развития, что и для Западной Европы, в том числе и в отношении к Востоку. Трудно переоценить вклад в науку, который был внесен знаменитыми академическими экспедициями в восточные провинции империи. Обстоятельные труды о народностях Азии, созданные П. Палласом, И. Лепехиным, П. Рычковым, составляют гордость отечественной науки. Значительно меньше было сделано для изучения стран Востока. Однако благодаря публикации переводов, составлению компиляций и обзоров буквально все новинки европейской науки становились известны русскому читателю. Восточные темы не сходили со страниц литературно-научных журналов и альманахов. Немало сообщений такого рода появлялось и в газетах, в частности в «Санкт-Петербургских ведомостях». География и этнография народов Азии находила отражение в таких изданиях, как «Географический лексикон Российского государства» Ф.А. Полунина (1773), «Полный географический лексикон, содержащий в себе... подробное описание всех частей света...» К.Г. Лангера (1791). Наконец, именно в России публиковались знаменитые «Сравнительные словари всех языков и наречий», где учитывались данные по 149 языкам Азии (в издании 1787 года).

На волне этого интереса к Востоку и появились публикуемые ниже записки путешественников. Авторы их совершили странствия в большей или меньшей мере по неволе и, во всяком случае, без особой к тому подготовки и научной цели. Как подлинные документы двухсотлетней давности, они сохраняют ценность исторических источников и содержат порою довольно любопытные историко-географические или бытовые детали. При первой публикации они оценивались современниками прежде всего как пособия к познанию стран Востока.

Описание маршрута Ф. Ефремова, например, использовалось в английской географической литературе, а его бухарский словарь был переведен на немецкий язык известным востоковедом-библиографом Ф.П. Аделунгом. Неслучайно к сочинениям Екатерининской поры вновь было привлечено внимание почти сто лет спустя — в период территориальной экспансии России. Тогда появились статьи и публикации записок Филиппа Ефремова — его сведения все еще признавались важными для изучения Центральной Азии...

Немногословные записки «российского унтер-офицера» Филиппа Ефремова отличаются на редкость авантюрным сюжетом. Мы видим здесь сцены пленения и рабства, службу автора в гареме восточного вельможи, кражу печати и побег с переодеваниями — то в гонца, то в купца, то в благочестивого паломника, направляющегося в Мекку. Герой повествования преодолевает степи, пустыни, заснеженные горные перевалы, пересекает границы многочисленных, враждующих друг с другом государств и, наконец, через два океана благополучно возвращается домой. В коротком повествовании мелькают самые разнообразные персонажи: милосердный кочевник, излечивший автора от ран, нанесенных ему пугачевцами, а затем продавший его за четыре выделанные телячьи шкуры; самовластный бухарский правитель, подвергнувший его мучительной казни, дабы обратить в истинную веру, а после — пожаловавший офицерским чином и красным кафтаном; влюбленная персиянка; армянские купцы, путешествующие между Астраханью и Калькуттой; немец-священник, живший некогда в Ора-

ниенбауме, а ныне оканчивающий дни свои в североиндийском княжестве Ауд; просвещенный английский судья, выражающий свою благосклонность лишь после того, как получил в подарок чернокожего мальчишку-раба. И на последней странице рукописи появляется екатерининский вельможа А.А. Безбородко, обрядивший автора в азиатское платье и демонстрирующий его самой государыне императрице.

К этому надо еще добавить вставные новеллы о заговорах и коварных убийствах при бухарском дворе, а также о воинских доблестях русских солдат, оказавшихся там, по несчастью, в плену. Бесхитростный рассказ простого человека — и целая эпоха встает перед глазами: XVIII век, Европа и Азия — от Калькутты до Лондона и Санкт-Петербурга.

В одной из рецензий на издание «Девятилетнего странствования» оно названо «первой географией Узбекистана», в которой лаконично, но с острой наблюдательностью затрагиваются почти полностью все разделы географического описания страны. Не менее существенными представляются и содержащиеся здесь исторические и этнографические сведения. Обращение к этому ценному источнику позволяет дополнить и уточнить характеристику политической ситуации в Средней Азии, отдельных сторон экономики (например, развитие шелководства), внешних особенностей быта (формы женской одежды).

Все биографические сведения об авторе — с его слов и по документам — содержатся в изданном тексте, характер человека легко угадывается по запискам. Сын стряпчего духовной консистории, Филипп Ефремов, конечно, еще дома был обучен грамоте. Мальчишкой тринадцати лет попал он в солдаты, а к девятнадцати годам дослужился до сержантского чина. Попад к бухарцам в рабство, и здесь отличился — за храбрость произведен в офицеры, командовал сотней всадников. После возвращения в Россию служил и переводчиком, и судебным заседателем, и директором таможни в разных городах. К величайшей его гордости, был пожалован грамотой на дворянское достоинство.

В молодости Филипп Ефремов, несомненно, отличался физической силой и выносливостью. Будучи ранен и

связан мятежниками, не только сам освободился от пут, но еще и помог товарищам; прошел зимой казахские степи там, где другие пленники умирали от голода и холода, вынес пытки и болезни, преодолел хребты Тянь-Шаня, Кузнь-Луня и Каракорума. Храбрый солдат, он предстает со страниц записок как человек прямой и честный, не склонный к рассказам или повторению чужих выдумок. Долгие годы он помнит каждого, кто сделал ему добро, будь то казах, первый его хозяин, армяне Айваз и Симион, какой-то кашмирец, а на тех, кто мучил и преследовал его, как будто и зла не держит. К чужим нравам и обычаям он относится скорее с любопытством, чем с осуждением, а внешним особенностям быта подражает без особого труда — два месяца шел с мусульманами как паломник в Мекку, и те не заподозрили обмана. Но даже суровые пытки не принудили его отказаться от веры отцов, военной карьере и спокойной жизни на чужбине он предпочел жесточайшие опасности — лишь бы вернуться на родину.

Каждый из русских дипломатов, посещавших Хивинское или Бухарское ханства, старался выкупить из рабства соотечественников. Записки путешественников того времени полны сообщениями о страданиях пленников. Павел Яковлев, бывший в Бухаре в начале XIX века с миссией А.Ф. Негри, сообщает трогательные детали о жизни тех русских, судьба которых сложилась еще относительно благоприятно. Например, некий Андрей Родиков, капрал, захваченный под Оренбургом, командовал бухарской артиллерией в чине топчи-баши. Он, как «бухарский гражданин, получал жалованье, каждую пятницу являлся к хану на поклон и завел мелочную лавочку». Но, рассказывает П. Яковлев, «почти каждую неделю собираются к нему несколько земляков молиться и разговаривать о милом, отдаленном отечестве; в Светлое же Воскресение все русские, живущие в Бухаре, идут к Родикову; запираются в его тесную каморку и слушают заутреню, которую отправляют Родиков и Василий Егоров, пленный дьячок из Оренбурга». Завершая свой рассказ, автор отмечает, что «нет ни одного из русских пленников, который бы не покушался бежать из Бухарии... но большая часть жестоко наказана за побег. Киргизцы, сколько

для собственной безопасности, боясь доноса на похитителей, столько и в надежде получить хорошую плату, не пропускают наших беглецов к русской границе».

Путь в Россию через казахские степи был крайне опасен. Ф. Ефремов, очевидно, не раз обдумывал возможность бегства через Кызылкум. Он записал маршрут, которым купеческие караваны шли из Бухары в Астрахань. Вероятно, и с туркменами, прибывшими в Бухару с полуострова Мангышлак, он познакомился с той же целью — разузнать дорогу в Россию через Хиву и Каспийское море. Расхождения в сроках пребывания в пути между упомянутым маршрутом и тем, что сообщили ему туркмены, очевидно, объясняются тем, что сведения получены из разных источников: в одном случае речь идет о караване верблюдов, а в другом — о конном походе. Расспрашивал он о пути в Бухару и кого-то, пришедшего из Оренбурга. Правда, сведения эти содержатся только в печатных изданиях «Девятилетнего странствия», и можно было бы заподозрить получение их в более позднее время, в тот период, когда автор служил в Азиатском департаменте. Однако упоминание о местах, где кочует хан Нурали, позволяет датировать текст временем ранее 1783 года, и, следовательно, запись маршрута, скорее всего, сделана тоже в Бухаре.

Эти вопросы должны были обсуждаться в беседах с теми русскими стариками, которые когда-то служили у хана Абул-Фейза и спаслись бегством от гнева узурпатора Мухаммеда-Рахима. Их рассказ об этих драматических событиях, по всей видимости, Ф. Ефремовым был — как и маршруты — своевременно записан. Характерно, что он воспроизводится практически без изменений от издания к изданию. Подробное описание того, как следует выращивать шелковичных червей, тоже представляется законченным сюжетом, своего рода практическим рецептом по шелководству. В Бухаре у Ф. Ефремова явно была тетрадка для памятных записей.

Внешний вид города, где автор жил годами, наряды и украшения женщин в гареме, который он охранял несколько месяцев, военное снаряжение и размер жалования он, конечно, всегда мог вспомнить и спустя много лет. Но перечень названий городов с указанием их укрепле-

ний и расстояний между ними явно указывает на то, что автор вел путевой журнал. Записи в нем велись краткие, сухие, но регулярно и по определенной системе: после названия населенного пункта говорится обычно о числе ворот, о том, какая там вода — речная или колодезная, сообщается расстояние до следующего пункта (иногда — и характер дороги), кому подчиняется город и где проходит граница. Это то, чему учили солдат. Записи подобного рода появляются лишь после мервского похода, за два года до бегства — может быть, уже тогда и родилась у него сама мысль бежать не на север, а на юг.

Систематическими они становятся сразу же после отъезда в Коканд.

Не внутренняя духовная потребность и не пытливый интерес к окружающему миру заставляют Ф. Ефремова вести свой дневник. Цель его сугубо практическая — беглец хочет вернуться на родину не с пустыми руками.

О путешествии Ф. Ефремова от Средней Азии до Индии есть некоторые сведения, дополняющие его собственные записки. Мы имеем в виду статью Вильфорда, опубликованную в 1808 году в VIII томе журнала «Азиатские исследования», издававшегося Азиатским обществом в Калькутте. Автор — лейтенант инженерных войск Френсис Вильфорд, которого упоминает картограф конца XVIII века Джеймс Реннелл. Путешественник Георг Форстер также говорит о нем как о знатоке географии.

Ф. Вильфорд описывает путь из Бухары до Кашмира, который, по его словам, в 1780 году прошел русский по фамилии Чернышев. И далее: «Его журнал мне любезно предоставил П. Вендль из Лакнау. Чернышев был взят в плен калмыками на сибирской границе и продан в рабство узбекским татарам. Хозяин вместе с ним отправился торговать в Кашгар, Яркенд и Кашемир. Будучи доволен его поведением, он отпустил слугу на свободу. Вместе с несколькими армянами Чернышев прибыл в Лакнау, где ему помог сэр Эйр Кот, великодушно доставивший возможность вернуться на родину.

П. Вендль отзывался о нем как о простом и честном человеке. У своего хозяина он достаточно научился персидски, чтобы объясняться». На это место в статье

Ф. Вильфорда уже более ста лет назад обратил внимание наш известный индолог И.П. Минаев.

Здесь нам кажется уместным сделать экскурс в хронологию путешествий Ф. Ефремова. Некоторые существующие оценки ее представляются ошибочными: так, например, Н.И. Веселовский полагал, что мервский поход относится к 1780 году, а П. Кемп датировала пребывание Ф. Ефремова в Тибете зимою 1778/79 или 1779/80 года.

На заставу Ф. Ефремов отправился в июне 1774 года. Сражение с пугачевцами произошло вскоре (шел сенокос — беглецы прятались под скошенной травой). Два месяца он жил у казахов в ауле, но, видимо, раньше он долгое время скитался, ибо дорога до Бухары занимает не более месяца, а между тем гнали его туда зимою, в самый мороз. Таким образом, у ходжи Гафура пленник мог оказаться в начале 1775 года, а уже весною сторожил вход в гарем аталыка Даниила. Так как посланник мулла Ир-Назар отбыл из России в самом начале 1776 года, в конце того же года он должен был прибыть в Бухару. К этому времени и может относиться эпизод с пыткой, присягой и назначением Ф. Ефремова на должность пензибаши.

Теперь можно начать отсчет с конца путешествия. В августе 1782 года состоялось посещение А.А. Безбородко в Санкт-Петербурге. Следовательно, в Англию корабль из Калькутты мог прибыть в начале лета. Морское путешествие мимо Африки заняло в общей сложности пять месяцев. Пребывание в греческом монастыре в Калькутте, следовательно, относится к зиме 1781/82 года. Деревня Муагенч (Ноангандж) находится на том рукаве устья Ганга, который, по навигационной карте конца XVIII века, судоходен лишь часть года (то есть осенью — в сезон дождей). От Лакнау до Калькутты путешественник ехал без задержки, торопясь с письмом к «мистру Чамберу», а общее количество переходов составляет около месяца. Путь Дели — Лакнау занимает около двух недель, но еще следует прибавить какое-то время на пребывание в доме Симиона, у голштинского священника, под стражей у коменданта Мидлтона и т. д. Месяц составляют также переходы между Шринагаром (Кашмир) и Дели, а еще месяц — болезнь в Джамму.

Вряд ли были другие длительные задержки в пути, так как богомольцы торопились в Мекку и не желали ждать даже выздоровления больного. По этому расчету, пребывание в Кашмире должно относиться к весне 1781 года. Судя по описанию местного климата, сезон был прохладный. Заболевание риштой от бухарской воды свидетельствует о том, что с момента бегства из Бухары прошло лишь несколько месяцев.

Пребывание в Лехе (в Тибете) продолжалось около месяца. П. Кемп резонно предполагает, что путешественник выжидал, когда откроется дорога через перевал Зоджи в Кашмир. Речь, следовательно, должна идти о зиме 1780/81 года. Судя по описанию растительного мира Восточного Туркестана, путешественник был здесь осенью. Он месяц жил в Яркенде, месяц ушел на поездку в Аксу и обратно, месяц добирался до Тибета и еще месяц до Кашгара. В его интересах было как можно быстрее выбраться за пределы Бухарского ханства — в роли гонца он и не имел возможности останавливаться. Прожить какое-то время пришлось лишь в Кашгаре — по торговым делам. Судя по этим расчетам, бегство Ф. Ефремова произошло в середине 1780 года, очевидно, после летней кампании под Хивой (походы обычно устраивались летом, чтобы нанести ущерб посевам). Эта дата подтверждается и указом Екатерины II о дворянстве: «Продан в Бухарии, откуда, в 1780 году высвободясь, прошел многие страны в Азии...» Если же учесть, что мервский поход был за два года до бегства, следовательно, он относится к 1778 году, года через полтора после назначения Ф. Ефремова пензибашой.

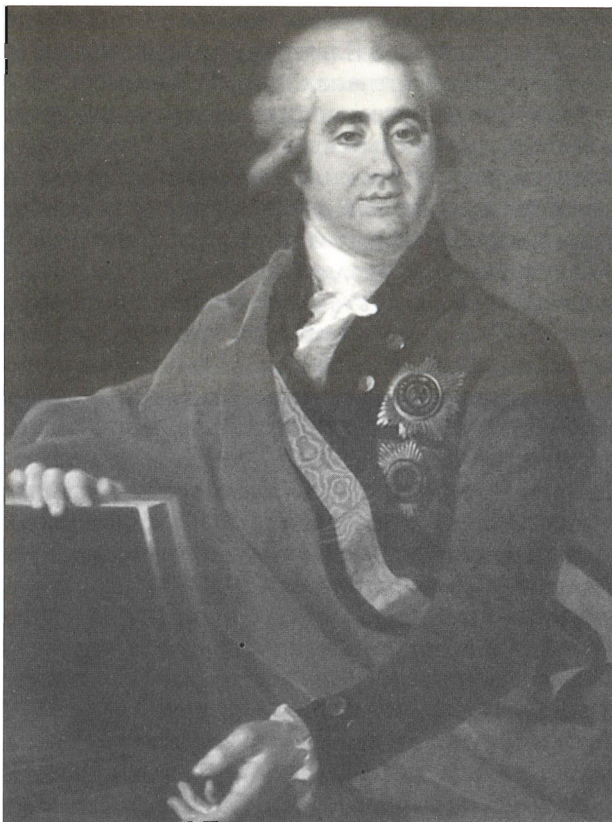
Вернемся вновь к сообщению Ф. Вильфорда. Совпадают имя, которым назвался Ф. Ефремов в Лакнау («родственник генерала Чернышева»), и дата путешествия. Почти полностью совпадают маршруты, время в пути — только дорога из Ходжента в Коканд по журналу, цитируемому у Ф. Вильфорда, занимает два дня, а Ф. Ефремов говорит об одном дне. Однако надо учитывать, что сам город Коканд «гонец» предпочел объехать стороною.

Изложение у Ф. Вильфорда чуть подробнее — упоминается, например, местечко Гхераба, или Чалсатун, накануне прибытия в Ош и местечко Гиррел после выхода

на равнину, за день до Кашгара с его «глинобитной крепостью». Вероятно, Ф. Ефремов из осторожности не совсем точно поведал священнику о своих злоключениях, превратив побег в отпуск на волю. Приход же в Лакнау с армянскими купцами вполне согласуется с тем, что шел он из Дели от армянина Симиона. Вендль и был, конечно, тем самым «голштинским священником». Дж. Реннелл использует карту Северо-Западной Индии, которая составлена была неким «Pere Wendell». Речь идет об иезуите Ф. Кс. Венделе (1726—1803), о котором поныне напоминает закладной камень католического храма в Агре. Преподобный Франц Ксавье Вендель и выпросил журнал у несчастного русского беглеца, едва не взятого насильно в британскую колониальную армию.

Сейчас уже невозможно проверить, принимал ли в этом деле участие знаменитый британский военачальник и политик Эйр Кот (о чем со слов патера Венделя говорит Ф. Вильфорд), но видно, что в Индии проявили живейшую заинтересованность в путешествии «российского унтер-офицера». Дело в том, что Бухара и Хива — те районы Азии, которые с XVII века, со времен путешествия Антони Дженкинсона, почти полностью были закрыты для европейцев. Карты конца XVIII века очень ярко иллюстрируют состояние географических знаний: район севернее Кашмира — Китайский Туркестан и Средняя Азия — представлял собою практически белое пятно. Путь, которым прошел Ф. Ефремов, не только чрезвычайно труден — для западного человека он был запрещен китайскими властями. Неслучайно поэтому известный путешественник Георг Форстер, в 1880-х годах частично повторив маршрут Ф. Ефремова по Индии — от Калькутты до Кашмира, далее вынужден был свернуть к Кабулу (а затем через Персию добрался до Каспийского моря и из Астрахани приехал в Санкт-Петербург). Территория Кашгара и Бухары и для него оставалась неведомой.

Рукопись Ф. Ефремова, переданная им Ф. Венделю, хранилась в Азиатском обществе в Калькутте. Судя по цитате, приведенной у Ф. Вильфорда, это был типичный путевой журнал, то, что в старину называлось «дорожник». Другую копию журнала автор захватил с собою и привез в Санкт-Петербург.

А.А. Безбородко. Художник Д.Г. Левицкий

У русского консула в Лондоне, у вице-канцлера А.А. Безбородко в Санкт-Петербурге, да и у самой императрицы Ф. Ефремова расспрашивали о виденных им странах и пережитых приключениях. Видимо, кто-то проявлял научную любознательность, а кто-то простое любопытство, приходилось и просто отчитываться о годах, проведенных унтер-офицером на чужбине,— восстановлен на службе он был в звании прапорщика почти через год.

Бухарский пленник явно пользовался успехом, а его возвращение пришлось как нельзя кстати. В Екатерининскую эпоху в России уделялось серьезное внимание изучению географии Азии и быта восточных народов. Экспедиции направлялись главным образом в труднодоступ-

ные районы самой Российской империи — в Сибирь и на Камчатку, на Северный Кавказ, в монгольские и киргизкайсацкие степи. О странах, расположенных в центре Азии, к югу от границ империи, составлялось представление лишь по случайным сведениям.

Разнородные и отрывочные данные поступали с перерывами в десятилетия: то отчет о Бухаре посла Флорио Беневени в начале века, то сообщение самарского купца Данилы Рукавкина в середине века.

Значительно больше стало появляться сочинений о государствах зарубежной Азии в последние годы правления Екатерины II, затем при Павле I и Александре I — но это уже было позже первого издания записок Филиппа Ефремова. Назовем лишь несколько примечательных путешествий, имен и судеб. В 1793—1794 годах в Хиве побывал майор Бланкеннагель, приглашенный для излечения больных глаз ханского родича. Он составил отчет о том, что видел и слышал. Вернулся в Россию Герасим Степанович Лебедев, основавший в 1790-х годах в Калькутте первый бенгальский театр. Он, как и Ф. Ефремов, но уже при Александре I, служил переводчиком в Азиатском департаменте. Г.С. Лебедев опубликовал книгу о верованиях и обычаях брахманов Восточной Индии.

Со слов армянских купцов Григория и Данилы Атанасовых делались записи о пройденных ими в 1790—1791 годах маршрутах от Средней Азии до Индии через Восточный Туркестан.

Грузинский дворянин Рафаил Данибегашвили рассказал в небольшой книжке о своих странствиях по Индии начиная с 1795 года (познакомимся с ними ниже).

Купец Исмаил Бекмухамедов описал (на татарском языке) свои многолетние путешествия по Хиве и Бухаре, Ирану и Индии, Аравии, Палестине, Турции.

Другой татарин, Губайдулла Амиров, подобно Ф. Ефремову, был захвачен казаками во время Пугачевского бунта, а затем через Бухару попал в Мерв, Герат, Кандагар и проехал всю Северную Индию. Вернувшись наконец в Россию, он служил переводчиком в Оренбурге и оставил записки о «тракте чрез Бухарию до Калькутты».

Есть сообщения и о русских пленниках, добравшихся до родины через несколько десятилетий пребывания

в рабстве. С одним из них Ф. Ефремов мог быть даже знаком. Некий Ларион Кашлев, солдатский сын из Железинской крепости, был продан в рабство в Бухару в 1775 году, а вернуться ему удалось лишь почти через полвека, в 1821 году.

Многих, кто побывал на Востоке, расспрашивали о том, что он смог повидать, но далеко не всегда таким образом удавалось получить хоть сколько-нибудь ценные сведения.

Информации о среднеазиатских ханствах явно не хватало. Отчеты полувековой давности устарели, расспросы восточных торговцев были малорезультативны. И. Бекмухамедов, специально отправленный из Оренбурга с караваном А. Хаялина для налаживания постоянной торговли с Индией, вернулся лишь через 35 лет. Майора Бланкеннагеля в Хиве содержали почти как пленника, взаперти. Он был переполнен эмоциями, но мало что мог рассказать о стране. С большой предупредительностью принимали в России бухарского посланника муллу Ир-Назара, всячески стараясь через него наладить контакты. Воспользовавшись его визитом, в 1781 году из Оренбурга в Бухару отправили переводчика Мендияра Бекчурина. Оренбургский губернатор Иван Рейнсдорп дал ему обстоятельный наказ разузнать поподробнее о «политическом и физическом тамошнем состоянии», «содержать всей тамошней бытности повседневный журнал или же инако хотя и краткую записку и замечания». Но М. Бекчурин принят был плохо, вскоре отправлен обратно и почти не видел даже сам столичный город.

И вот удача — именно в это время в Санкт-Петербург и приехал Филипп Ефремов, сотник-юзбаши бухарской армии, по собственной инициативе ведущий тот самый журнал или «хотя бы краткую записку». Его рукопись довольно точно отражала те требования, которые должны были ставиться перед путешествующими по малоизвестным странам. Отправляя Джорджа Богля в Тибет, Уоррен Хастингс давал ему инструкцию записывать в путевом дневнике, каковы там дороги, климат, еда и нравы жителей. Будто следуя такой же инструкции, строит свое повествование и наш соотечественник.

Ф. Ефремов начинает традицию географических и этнографических описаний, достойно продолженную уже в следующем веке трудами Е. Мейендорфа и Н. Ханькова о Бухаре, Н. Муравьева и Г. Данилевского о Хиве и многими другими. Но и спустя десятилетия после его путешествия У. Муркрофт отмечал, что Средняя Азия хуже известна в Европе, нежели Центральная Африка. Так как для европейцев дорога в Бухару из Индии через Китайский Туркестан была закрыта, по его поручению ее разведаль в 1812—1813 годах местный уроженец Мир Иззет Улла. Но к тому времени уже забылось, что «российский унтер-офицер» описал этот путь тридцатью годами ранее.

Первая редакция «Десятилетнего странствия» датируется 1784 годом (очевидно, она составлена после возвращения автора из Оренбурга). В это время он служил в Азиатском департаменте. По всей видимости, Ф. Ефремов не пользовался никакими пособиями и даже географическими картами тех мест, которые посетил. В транскрипции названий не чувствуется ни малейшего влияния существовавших западных образцов. Характерно и ложное прочтение собственной записи: город Илебаш вместо Илебат — беглого взгляда на любую карту Индии было бы достаточно для исправления названия города Илахабада. В основе этого варианта рукописи лежали путевой журнал-дорожник и, очевидно, те воспоминания, которыми он уже не раз делился со слушателями после возвращения.

Тетрадь хранится ныне в рукописном отделе Пушкинского Дома. Текст написан аккуратным почерком того времени. Пунктуация весьма произвольна, но орфография правильна. Названия и термины, как правило, подчеркнуты теми же чернилами, а на полях названия повторены и выделены основные смысловые куски.

В 1786 году появилось первое издание. На титульном листе значилось: «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне Коллежского Ассессора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда чрез Англию в Россию. Писанное им самим. В Санкт-Петербурге, печатано с дозволения Указного у Гека» (видимо, в результате опечатки в оригинале: «десятилетнее»).

Текст явно готовился на основе упомянутой рукописи, и нередко встречаются дословные с нею совпадения. В то же время объем сочинения был расширен и внесены существенные изменения. Добавлено вступление, содержащее восхваление Российской державы, а также мудрости и человеколюбия правящей императрицы — напыщенный книжный стиль его резко контрастирует с последующим изложением. Текст разбит на две основные части: в первой речь идет о судьбе автора, а во второй содержится описание посещенных им стран.

Во второй части введена и более подробная рубрикация, впрочем не вполне согласующаяся с самим повествованием, так как содержание в основном осталось прежним. Мелкие добавления, очевидно, принадлежали автору — не существовало таких письменных источников, из которых можно было бы почерпнуть дополнительный материал об этих странах. Завершается основной текст двумя приложениями: маршрутами Бухара — Астрахань и Оренбург — Бухара, а также списком из 625 «бухарских слов» (в связи с этим были сокращены лексические материалы, имевшиеся в тексте рукописи). Словарик составлен Ф. Ефремовым так, что слова группируются по значению (например: телега, колесо, ось, оглобля и т. д.), он включает и несколько случайных фраз, напоминая примитивный разговорник.

Появился в печатном издании и довольно обширный новый раздел — о Тибете. Он написан необычным для автора стилем, употребляются иные слова (например, вместо «воздух» — «климат» и т. д.). Проявляется интерес к тем сюжетам, которые не занимают сочинителя в других частях его труда: отражены, например, верования и мифы тибетцев.

Кроме того, здесь содержатся прямые ссылки на обширный труд француза Ж. де Гиня и на безымянных путешественников, посещавших различные районы Тибета. Э.М. Мурзаев замечает, что автор «основательно познакомился с литературой» и «это делает ему честь». Раздел о Тибете действительно написан на основе литературы, но он вовсе не принадлежит Ф. Ефремову. Это буквальный перевод с немецкого статьи И.Ф. Гакмана.

Второе издание появилось в 1794 году. Видимо, Ф. Ефремов, находившийся тогда в отставке, испытывал значительные финансовые трудности — у него была семья, не менее двух детей, тех самых, которые в 1811 году числились на военной службе. Издательские расходы принял на себя литератор Петр Богданович. На титуле значилось: «Странствование надворного советника Ефремова... Новое, исправленное и умноженное издание. В Санкт-Петербурге 1794 года. Печатано на иждивении П.Б. и продается на Невской перспективе у Аничкова мосту в доме Графа Д.А. Зубова».

Книжка Филиппа Ефремова рассматривалась как сочинение по географии и этнографии малоизвестных стран Востока. Однако читала ее и не очень образованная публика. Последнюю привлекал рассказ о страданиях и превратностях судьбы, преодоленных как удачей, так и силой духа «российского унтер-офицера», в конце концов вернувшегося домой и милостиво принятого государыней императрицей.

Надо отдать должное Ф. Ефремову — он не стремился поразить читателя чудесами, нигде не сгущал краски, строго заботился о достоверности повествования. Манера изложения его, как правило, предельно лаконична — и нередко приходится даже досадовать, что автор столь деловит и сух.

После многих перемен в служебной карьере Ф. Ефремов в сентябре 1810 года как пенсионер поселяется с семьей в Казани. Здесь он знакомится с молодым магистром исторических наук Петром Сергеевичем Кондыревым (1789— после 1823), тогда помощником библиотекаря, читавшим в университете лекции по всеобщей истории, географии и статистике. Последний принял на себя подготовку третьего издания книги. Описание путешествия он частично заменил пересказом в третьем лице, добавив — очевидно, по желанию самого героя — изложение дальнейших событий в его жизни. Вторую же часть — описание стран Востока — П.С. Кондырев значительно расширил, превратив в своего рода общее пособие по географии. Стил, отличавшийся прежде грубоватой выразительностью, стал тяжеловесно-ученым.

В середине века «странствование» Ф. Ефремова было почти полностью забыто. Некоторый интерес оно вызвало лишь в период русских завоеваний в Средней Азии. Тогда в Еженедельнике «Новое время» появился рассказ о нем, озаглавленный «Русский путешественник поневоле в Азии». Судя по архивным материалам, И.П. Минаев предполагал подготовить новое, комментированное издание текста. В 1893 году М.И. Семевский в «Русской старине» опубликовал рукописный вариант, но, к сожалению, это издание не привлекло внимания и впоследствии почти не использовалось исследователями. В 1950 году в Географгизе вышла перепечатка «Девятилетнего странствования» по тексту 1786 года с некоторыми сокращениями и комментарием Э.М. Мурзаева — преимущественно по части географии. Почти без изменений издание было повторено в 1952 году.

В справочной литературе о Ф. Ефремове повторяются обычно те сведения, которые были сообщены П.С. Кондыревым. Год смерти путешественника не установлен.

Следует подчеркнуть такую редкую особенность записок, как точная передача местных названий. Достаточно сравнить ефремовский текст с русскими или европейскими картами Азии конца XVIII — начала XIX века, чтобы убедиться в бесспорных его достоинствах. Ф. Ефремов тонко реагировал на фонетические особенности даже тех языков, которые были ему совершенно неизвестны.

Но едва ли не главное, чем способна привлечь читателя небольшая книжица путешественника, — красочный образ стран Востока, когда они едва вступили в соприкосновение с Западом, и не менее яркий облик русского человека, на исходе XVIII столетия совершившего столь необыкновенное, хотя и невольное путешествие.

(По материалам А. Вигасина.)

...ИНДОСТАН

(Из книги Филиппа Ефремова, российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Ин-

гии и возвращение оттуда чрез Англию в Россию, писанное им самим в Санкт-Петербурге 1784 года.)

Большую часть года воздух здесь умеренный, летом жары чрезвычайны. Поверхность земли ровная, гор весьма мало или почти совсем нет; почва сероватая, песков не находится; только в некоторых местах земля удобряется; впрочем, она весьма плодородна и почти везде возделана; пустых мест очень немного. Земля производит все необходимо нужное, служащее для пользы и удовольствия; немалое количество собирается сорочинского пшена, проса, лимонов, померанцев, винных ягод, гранатов, кокосовых орехов, шелку, сахару-леденцу и хлопчатой бумаги; находятся также рудокопные заводы, золотые и серебряные, жемчуг, алмазы и другие дорогие камни. Весьма много слонов, дромадеров, львов, тигров и барсов; лесу мало.

Люди, по причине больших жаров, черны, ленивы и весьма сластолюбивы; язык арабский употребляется ими при ученых занятиях, а гузуратский в делах торговых. Мужеской пол ходит наг. Головы обвертывают кушаками, на ногах имеют туфли, а на плеча накидывают широкие кушаки; чресла свои и гораздо ниже их опоясывают кашемирскими кушаками, называемыми у нас шали. Достаточные люди в одежде отличаются тем, что на шее носят золотое ожерелье наподобие жемчужного и в одном ухе кольцо, а на руке перстень. Женщины накидывают на головы платки; рубашки имеют весьма короткие с рукавами в два вершка и покрывают почти одну грудь; юбки длинные; на ногах носят башмаки, у достаточных же в ушах, ноздрях и на руках кольца и перстни с бриллиантами.

В стране, по обе стороны реки Ганг лежащей, воздух весьма жаркий; народ цветом черен, росту среднего; земля изобилует различными произведениями, также жемчугом и алмазами, особливо к берегам Коромандельским. Сахарного тростнику, называемого здесь найшакар, находится в большом количестве; из него делают сахар и сидят вино для себя и на продажу. Жители нрава грубого, не столь разумны, ленивы, работу отправляют невольниками.

Во всей Индии знатные ездят по большей части на слонах, на коих кладут с зонтиками ящики, а в ящики ковер и подушку, первые обиты сукном, подзор же у зонтиков вышит шелком с золотою, серебряною или шелковою бахромою, смотря по достатку хозяина. Другие вместо езды на слонах употребляют носилки, то есть ящики вышиною в четверть, длиною в два, а шириною в полтора аршина, с зонтиками; их обивают различными сукнами с подзорами и бахромами. Впереди у ящика утверждено выгнутое дерево, а сзади прямое выкрашенное. Если сядет в оный человек довольно тяжелый, то спереди и сзади по четыре и по пяти человек несут его на себе попеременно, а впереди один идет с тростью для очищения дороги. Иные делают четверугольную будку шириною и длиною в полтора, а вышиною без малого в два аршина со стеклянными дверьми по двум сторонам и обивают кожею. Таковые носилки называются палки. Лошадей же имели там весьма мало; их приводят туда для торговли из других земель и продают очень дорого; в корму терпят также большой недостаток: от сего сходнее иметь двадцать человек, нежели содержать одну лошадь.

Многие из индейцев веры магометанской или идолопоклоннической, отчасти же и христианской. Весьма знатная часть боготворит солнце, месяц, звезды, коров, болванов и другие творения и приносит им жертвы. Поклоняющиеся солнцу при восхождении оного входят в реку по колена и глядят на него, читают молитву, плещут к нему вверх раза три в месяц воду; иногда также глядят на него, читают и бросают землю вверх три раза. Почитающие корову не убивают ее и вовсе не едят говядины, а держат скотину только для молока и масла; когда она издохнет, то снимают кожу и делают из нее сапоги, если кто из иноверцев вознамерится оную убить, то покупают, не имея же достатку на что купить, плачут.

Чтящие болванов или истуканов ставят их по большей части на перекрестках; очертив у реки для своего семейства круглое место, вымазывают его коровьим, разведенным в воде калом, на средину ставят котел; как скоро место сие высохнет, то все они садятся в черту и тем же навозом вместо дров варят для себя пищу, сваривши оную, едят и потом приходят к болванам и маслом или разве-

денною в воде краскою, а иногда и водою обливают им головы. Заметим при сем, что варение пищи в домах происходит таким же образом; если кто во время варения придет чего-либо просить, тогда им своя пища соделывается уже поганую, ее отдают пришедшему с требованием за сие денег, во что самим хозяевам стоит; в случае неплатежа оных самый суд приказывает заплатить, однако ж если пришедший знает сии обряды. Тела умерших сожигают у реки и потом пепел с костями сметают в оную. Случается, что больного, не имеющего почти движения и языка, приносят к реке, близ воды сажают на землю; старый человек, а буде есть, то жена, сын или родственник берет больного за голову и окунывает дотол, пока он захлебнется, после чего совсем сталкивает его в воду. Когда вода прибывает от морского прилива, то тела, носящиеся на поверхности оной, при отливе вместе с течением воды уплывают в море.

Калькутта, или Калькатта, стоит на правой стороне Ганга, местоположение имеет ровное, таковые же и окрестности, улицы здешние прямы и широки, дома по большей части каменные и часто довольно огромны. Город в окружности менее Дели вдвое; в нем находятся греческий монастырь, многие английские церкви, несколько магометанских мечетей и большое количество индейских капищ. Жители суть англичане, греки и многие роды индейцев. Город Калькутта есть главное место для всех английских владений в Индии. Садов здесь, так же как и в прочих индейских городах, весьма много. Не в дальнем расстоянии находится море; река же при Калькутте довольно велика, шириною с полверсты и очень глубока, так что суда свободно могут ездить к самому городу почти во всякое время; берега не круты, однако ж левый берег гораздо выше правого. Расстояние от города до моря, простирающееся верст на тридцать, наполнено, так сказать, селениями индейскими. В Калькутте находится небольшая крепость, окруженная каменными стенами и башнями и заключающая в себе здания для солдат и сохранения военных снарядов. В предместьях есть два весьма обширные каменные караван-сарай на образец прочих азийских.

ОДИССЕЯ ГЕРАСИМА ЛЕБЕДЕВА

Его биографию пришлось восстанавливать по крупицам.

Герасим Степанович Лебедев (1749—1817) происходил из духовной семьи. Сообщения современников о его крепостном происхождении ошибочны. Родиной, возможно, был Ярославль. Одаренный музыкант-виолончелист, Лебедев сопровождал графа Кирилла Григорьевича Разумовского в 1777 году в Вену, а оттуда один поехал в Париж и в Лондон.

Из Англии Лебедев отправился в Индию, где первые два года работал музыкантом в Мадрасе, а затем переехал в Калькутту, где познакомился с бенгальцем Голокхнатхом Дасом (Дашом), у которого учился бенгальскому, хинди и санскриту, а сам обучал своего учителя европейской музыке.

(Записка Г.С. Лебедева о его жизни и деятельности в Индии.)

12 февраля 1785 года я отплыл из Грэвсенда на корабле почтенной Ост-Индской компании «Родней» под управлением капитана Уэкмана и направился в Портсмут, откуда 25 марта мы продолжили путешествие к цели нашего назначения — Мадрасу (называемому также Форт-ом Св. Георга в честь английского святого) на Коромандельском побережье в Ост-Индии. Английское поселение, теперь второе по значению, но ранее первое из принадлежащих Ост-Индской компании — ввиду того что королевская Палата юстиции, созданная около 1773—1777 годов (дата расходится у разных авторов) в Форт-Вильяме, придала ему большее значение. Палата общин, конечно, превзошла мадрасские суды, во главе которых стоит только так называемый «гражданский мэ́р» в тучный Совет министров, который как-то, томясь от единственного кушания — плова наваба (набоба), улуч-

шил свой стол как бы по вдохновению некоторыми блестящими лакомствами на золотых блюдах и сам позаботился о себе, что, конечно, нужно признать, было наиболее верным путем показать миру свою действительную ценность. Вот в это-то место мы прибыли, «насладившись непродолжительным пятидневным пребыванием на острове Иоанны», 27 июля.

На следующий же день после нашего приезда меня с большой вежливостью пригласил на берег капитан Вильям Сигенгэм (тогда градоначальник Маграса, но с тех пор по заслугам и к моей неизреченной радости получивший высокий чин подполковника), который, будучи доволен тем, что я сыграл ему, дабы он имел представление о моих музыкальных способностях, немедленно почтил меня не пустым набором выпренных восхвалений, но договором на целых два года на специальных условиях, предложенных им самим, которые я тогда считал, и сейчас с благодарностью считаю, весьма достаточной оплатой, а именно: жалованье 200 фунтов в год, не считая многих случайных, но ценных наград — и это свое предложение он тут же с щедростью уговаривал меня принять.

Овладев языками, Лебедев организовал в Калькутте с помощью Голокхнатха Даса первый индийский театр европейского типа (взяв за образец театр Волкова в Ярославле). Для этого театра Лебедев перевел на бенгальский язык две английские комедии, переработав их при этом на индийский лад, то есть перенеся действие из Испании в Калькутту и Лакхнау и сделав действующими лицами бенгальцев.

(Записка Г.С. Лебедева.)

Я настойчиво в течение многих лет продолжал изучение пяти частей азбуки и, расположив их в соответствии со своими собственными идеями в наиболее удобном порядке, откровенно представил свой труд некоторым выдающимся пандитам, которые, к моему большому удовольствию, похвалили мое усердие в деле, до сего времени столь темном, и которое, как я им прямо говорил, было со своекорыстной целью и поджигательной помо-

щью слепых предрассудков по крайней мере замаскировано, а по возможности, и полностью скрыто от всего мира, кроме них самих.

После этого я перевел словарь и составил несколько диалогов на разные темы как на бенгальском, так и на индустани и утешал себя надеждой, что вскоре я смогу разговаривать. Однако тут я очень ошибся, потому что я не понимал общеупотребительных говоров. Я открыл, что они происходят от бенгальского санскрита и дабе-нагри, и это меня побудило написать грамматику их, чтобы самому понять разницу. Я сделал это и установил те говоры, которые присущи группам, занимающим разное положение в жизни, и нашел, что как диалект высших, так и низших повсеместно пишется санскритскими буквами и на высшем и низшем смешанном диалекте говорят во всем восточном мире.

Проделав эти изыскания, я перевел две английские пьесы: «Притворство» (в сильно сокращенном по сравнению с оригиналом виде по невозможности заполнить все роли на первое время) и «Любовь — лучший врач», на высший бенгальский язык.

...Когда я закончил свой перевод, я пригласил нескольких ученых пандитов, которые несколько раз очень внимательно прочли мой труд, и я тогда мог наблюдать, какие фразы показались им наиболее приятными и возбудили их чувства.

...После похвал пандитов Голокнат Даш, мой лингвист, предложил мне: если я захочу публично поставить эту пьесу, он берется обеспечить меня туземными актерами и актрисами...

На открытие своего театра Лебедев пригласил всю индийскую интеллигенцию города Калькутты и его окрестностей. Первые два представления прошли при огромном стечении публики. Однако создание театра на бенгальском языке с современным репертуаром было совершенно невиданным для того времени начинанием и вызвало яркую вражду колонизаторов, в особенности владельцев английского театра Ост-Индской компании.

Стремясь всеми мерами к закрытию театра Лебедева, они сманили индийских актеров, подстроили порчу

গদ্যৰ জ্ঞানৰেল অনুযতি পুথি—

লোৰোজৰ যশস এৰ

নতন নাট ঘৰ নং ২৫ যোকাৰ-জোকাৰিৰ পাথে—

এক বাঙ্গালি নাট সৎ বাদ্যন নায়ে পুকাৰ কৰাজাৰ্হবক—

কাল নাট ইহঁবক এই যাহ ১৪ আগুহাঘন ইংকৰাজি ২৭ নবাব
বাঙ্গালি পুকাৰ বচনা ইহঁযাজে পৰস এবাণ্ডি ইহাচে নাট. বন
বেলাতি আৰ বাঙ্গালি জনএৰ সঁহিচ গিভবাণ্ড ইহঁবক—

ছাভাহত চু বায়েব কবিচা জনএৰ গান ইহঁবক—

৬৬পেৰে-৩০০ পাৰ্ৱে ৰাৱে প্ৰদেস্তাৱনা

নিচৰ বাৰাণ্ডা এও আৰব ডিভৰ সিককা

উপৰে বাৰাণ্ডা

—

—

৬

৪

মাত্ৰেৰ ইকীৰ নাট ইহঁৰ পাওয়া আৰ্হবক—

Афиша на бенгальском языке о первом спектакле
Герасима Лебедева с его рукописными пометками

декораций и подговорили работавших у Лебедева столяра, плотника, садовника и повара предъявить ему ложные денежные иски. Высокопоставленные английские патроны Лебедева в Калькутте, оказывавшие ему покровительство прежде, когда он лишь услаждал их слух своей музыкой и не устраивал представления индийцам, теперь отвернулись от него, и разоренный и больной Лебедев был вынужден вернуться в Европу.

Поскольку он не был в состоянии платить крупные суммы за проезд, помощник капитана и шкипер английского корабля, на котором он ехал, издевались над ним, били его и попортили его вещи. Все попытки Лебедева найти на них управу у английского губернатора Капской колонии были тщетны.

Раздобыв немного денег концертами в Капштадте, Лебедев прибыл, наконец, в Лондон, где обратился за помощью к князю С.Р. Воронцову и к Я.И. Смирнову. Будучи в Индии, Лебедев их сильно идеализировал, полагаясь на их просвещенность и горячую заинтересованность в рас-

пространении знаний. Однако в Лондоне Лебедеву пришлось в них разочароваться. Оба они отнеслись к нему как к нахлебнику и авантюристу.

Опубликовав в Лондоне свою грамматику бенгальского диалекта хиндустани в 1801 году, Лебедев уехал в Россию, где выпустил в 1805 году свою вторую книгу, в которой не только сообщал о древнеиндийском календаре, о философии, религии и обычаях индийцев, но дал сведения и об английском господстве в современной ему Индии. При этом Лебедев писал в духе глубокого уважения к индийцам и негодования по отношению к их английским властителям.

Лебедев положил начало изучению санскрита в России и составил бенгальский шрифт для типографии Академии наук. Над этим он трудился до конца своей жизни.

Яркая фигура Г.С. Лебедева мало привлекала к себе внимание в царской России. Возможно, что в прошлые века его бескорыстный энтузиазм казался чудачеством или даже сумасшествием, как полагал Павел I.

Г.С. Лебедев опубликовал отчет о своей деятельности и своих злоключениях в Индии в предисловии к своей книге о грамматике языка хиндустани и сообщил отдельные биографические данные о себе в другом своем крупном труде — о нравах и обычаях населения Индии. Некоторые сведения о Лебедеве привел также его современник И.Х. Аделунг. Отдельные сообщения о Лебедеве имеются в книге Ф. Аделунга. В 1880 году в 24-й книге «Архива князя Воронцова» было опубликовано письмо Г.С. Лебедева Воронцову и одновременно вышла большая биографическая статья о Лебедеве, написанная Ф.И. Булгаковым, наиболее вероятным автором и заметки о Лебедеве в «Русском биографическом словаре». Булгаков использовал неопубликованные записные книжки Лебедева, хранившиеся тогда в архиве князя П.П. Вяземского. Позднее краткие заметки о Г.С. Лебедеве были опубликованы в различных биографических словарях, а Д.И. Успенский напечатал сведения, касающиеся устройства Г.С. Лебедевым в Петербурге типографии с индийским шрифтом.

В Англии только в начале XX века появилась краткая биография Г.С. Лебедева в словаре индийских биогра-

фий Бакленда. Наряду с аутентичными сведениями, почерпнутыми из предисловия Г.С. Лебедева к его грамматике хиндустану, в заметке имелись неизвестно откуда взятые измышления, например, о том, что Лебедев был театральным директором у Великого Могола и т. п. В 1923 году о роли Лебедева в развитии бенгальского театра упомянул в Индии Дж. Грирсон, источником которого было все то же предисловие Лебедева к его грамматике хиндустану.

В СССР в 1940-х годах оживился интерес к нашему примечательному соотечественнику, так много сделавшему для укрепления русско-индийских культурных связей. В своих статьях академик А.П. Баранников упомянул о Лебедеве в 1946-м и 1948 годах, но широкий советский читатель узнал о Герасиме Лебедеве из небольшой заметки в «Огоньке», написанной Е.Л. Штейнбергом в связи с покупкой им у букиниста книги *Asiatic Annual Register* за 1799 год, принадлежавшей ранее Г.С. Лебедеву и имевшей на полях его пометки. Е.Л. Штейнберг опубликовал также дневник русского мореплавателя XVIII века Ю.Ф. Лисянского, в котором есть запись о встрече Лисянского с Лебедевым на мысе Доброй Надежды.

В 1956 году К.А. Антоновой были опубликованы выдержки из тетрадей Лебедева. В том же году вышли две статьи о нем в сборнике Института народов Азии АН СССР. В статье талантливого молодого ученого В.С. Воробьева-Десятовского были использованы документы, хранившиеся в ленинградских архивах, а статья Л.С. Гамаюнова базировалась на анализе взглядов Лебедева, высказанных им в книге «Беспристрастное созерцание... брагменов» и в его записных книжках. В следующем году Л.С. Гамаюновым была опубликована биография Лебедева отдельной брошюрой.

Находка новых материалов — дневника Г.С. Лебедева периода его возвращения из Индии в Англию и пребывания в Капской колонии — вызвала появление интересной статьи М. Медведева в «Неделе» — популярном приложении к газете «Известия».

(Из книги Г.С. Лебедева «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных об-

рядов их и народных обычаев» — посвящение Александру I, Предуведомление к книге и часть III ее — «О священных брамгенских обрядах и народных обычаях», 1805 год.)

Всеавгустейший монарх, всемилостивейший государь!

На сердце еще Петра Великого лежало возыметь сближение с великим моголом, как то явствует из бывшей в 1716 годе в великую Тартарию экспедиции под начальством Александра Беккевича Черкаскаго, равно как и из монаршей того же великаго императора грамоты (который не возгнушался обещись в простейшую одежду ремесленника), посланной в 1723 годе чрез вице-адмирала своего Вильстера к тогдашнему индийскому самодержцу, да то же самое усматриваем и из ответного письма французскаго аббата Биньон, которому от его величества препоручаемо было перевести кальмуksкия, или (монгольския) монгольския писания.

Ревнующая преславным делам Петра I, премудраго установителя Российской империи Екатерина II, каких ни предпринимала мер к достижению той же цели.

О храмах и украшениях, к оным принадлежащих

Молитвенные у индейцев храмы, именуемые Мондира, а европейцами называемые погода, как от вне, так и внутри отчасти похожи на языческие и отчасти на христианские.

Они разделяются у них, во-первых, на общенародные, в которые свободно все желающие приносить богу молитвы собираются, и частные или домашние, в домах вельможей и богачей сооружаемые; в сии не возбраняется входить в большие праздники не токмо единоверцам, но и разнoverцам.

Во-вторых, публичные храмы индийцы разделяют на одноглавные Эк-тора или Экъ-чюра; на двоеглавные Дуй-тора или Дитио-чюра; троеглавные Тритио-тора или Тин-чюра; пятиглавные Панч-тора или Панч-чюра; девятиглавные Нобор-ортон.

На главе храма вместо обыкновенного у христиан креста поставляется одна из чистейших птичек белого цвета, зделанная из дерева или металла, и иногда на место

главы и птички поставляется над храмом шпиль с соразмерным наверху одного шариком и без одного.

Внутренность храмов их особенно украшается разными описанными книги сей в первой части иконами, представляющими на себе преславные дела божия.

В каждом храме безизъятно изображается у них в разных аллегорических видах вседействующая премудрость божия, называемая Дурга, с разными по их обычаю украшениями, называемыми Олонкар...

...В каждом публичном их храме имеется особое некое отделение, представляющее форму алтаря, пред дверми которого на средине в некоторых церквах стоит жертвенник или престол, называемый шинкь-ашон, составленный из разных затвердевающих смесений, гладкостию, и блеском мрамору подобный, однакож весь черного цвета; которым изображается у них первобытное состояние света, состоявшего в хаосе, по-индейски называемом Калпа.

На нем во время богослужения курится из разных благовонии составленный фимиам и совершаются разные тайнодействия одними только бромгенами; кроме же их никому прикасаться оному не позволено. Совершаемое в храмах их богослужение состоит больше в пении, нежели в чтении приличных молитв, с помещением при оных истолкования веры и закона.

О нравах и обычаях индийцев

Из всего выше нами сказанного довольно явствует, что индийцы ни мало не похожи на диких и что более имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожадные лютые звери.

Они не похожи на идолопоклонников, а признают такими тех собою надмевающихся нашельцов, которые, жертвуя ненасытной своей алчности на обогащение, нещастию рода человека пожирают целыя государства.

Они признают единого истинного бога и ранее многих европейцев содержат христианский закон, с тем только различием, что более или менее имеют у себя оставшихся языческих суеверий, которые, может статься, и поныне еще не у одних у них не совсем очищены, по причине без-

прерывных на их край неприятельских нападений, почти насильно понуждающих забыть и самое человечество.

При всех, однакож, чинимых им притеснениях и тиранствах, при всех вносимых к ним соблазnych удерживают они достойную подражения непреклонность во благочестии.

Странными кажутся для пришельцов аллегорические их изображения, в которые вникать не могут они за неведением первоначального их шомскритского языка, но индийцы более имеют права сим пришельцам издеваться, когда они, хвалясь своим православием, забывают, по-видимому, что и сам Спаситель притчами учение свое предлагал.

Благоговение их к верховному существу уже доказано всеми выше реченными обрядами и праздниками, в воспоминание великих благодеяний божиих и в засвидетельствование их благодарности установленными.

Данную присягу весьма свято они наблюдают, и лучше избирают лишиться чести, имения и самай жизни, нежели клятися или нарушить клятву, что и собственным опытом мне испытать удалось, да еще и над служительским состоянием, ибо когда домоправитель мой ширкар потребован был по жалобе садовника моего к гражданскому суду, якобы не уплатил он принадлежащих истцу сему четырех (рублей) рупей, которые действительно были заплачены и в книгу мною самим записаны, то он лучше соглашался вторично их заплатить или по строгости коммерческого закона сесть в тюрьму, нежели по принуждению корыстолюбивого судии омочить руку свою пред ним в воде, принесенной из святой реки их Къанкъки, ибо клятва у них, при важнейших случаях, обыкновенно совершается по изречении клятвенной формы, омочением перстов в сей воде.

Родители почитают себе за великой стыд оставить дитя свое невоспитанным в законе божем и, не пропуска ни мало способных к обучению лет, отдают их в учрежденные для сего в некоторых местах в общественные, а больше в вольные училища, каковых не токмо в городах, но и по селам весьма довольно имеется.

Дети из пределов повиновения и почтения к родителям выходить не смеют, под опасением строгих наказаний.

Сему подобный наблюдается порядок между начальниками и подчиненными, между хозяевами и служащими, между старшими и младшими.

Но как выше мы уже упомянули, что каждого класса чины не имеют обычая из одного в другой род жизни переходить, то брамгены и все духовенство стараются научать своих детей глубочайшим познаниям, как то: закону божью, грамматике, реторике, философии, математике, физике, астрономии, астрологии и прочим важнейшим познаниям, и посему в их роде более ученых, нежели в других классах, отыскать можно.

...От кровопролития индийцы так угалены, что не токмо животных, но и пресмыкающихся и насекомых убивать почитают за грех, чего ради никогда они не употребляют ни мяса, ни рыбы, а довольствуются только земными произрастениями и плодами.

Обыкновенное их кушанье есть вареной чъаль, по европейски называемой рис; поутру и вечером употребляют они сию пищу холодною, а в полдни ту же самую едят они теплую с некоторыми горькими приправами и фруктами, едят также печеной ям, который видом и величиною походит на нашу редьку, имеющий красноватое тело, но вкус имеет сладковатой. Он у мореплавателей столько же употребителен, как и земные яблоки, называемые картофель.

На место пирожного большею частию употребляют у них пресные сладкие лепьошки, называемые Мутто кьонго, и олады Кал баташа или подобные нашим пряничные орехи.

Кушают инные в день два раза, а некоторый и три. Они наблюдают также и посты, установленные у них в разные года времена.

Но возобладавшие ими европейцы стараются, противу воли индийцов, определить их к торговле мясами, и хотя уже составили и самый мяснический цех, не из индийцов, однакож, а из магометанцов и париев, дабы тем самым приучить их к единообразному с европейцами житию, однакож из сего предприятия нередко раждается более огорчений и неустройств, нежели желаемого единообразия.

Первосуществующие природные индийцы любят много чистоту и опрятность и как пред столом, так и по

сле одного умываются, и каждый день два раза купаются в реке Къанкэ.

Они для предохранения своего здоровья, по наставлению их врачей, употребляют некоторые травы и древесные соки, и для сбережения тела своего от воздушных перемен, и для доставления оному свободного и легкого движения намазывают маслом, называемым Норелька тель или коконатовым.

В домах своих ходят они все нагие, имея только легкие препоясания для прикрытия срамных частей. А когда из домов выходят, то некоторые из мужчин покрываются легкими кисейными наметами, а некоторые носят из таковых же материй, подобныя нашим руским, сборки кафтаны, а на ногах шитые золотом, серебром или шелками туфли с выгнутыми кольцом острыми носами. Женский индийцов пол носит белые и разноцветные кисейные наметы и такие ж мужинские туфли. Знаменитых мужей жены довольно приятно украшают свои головы, руки и ноги драгоценностями, которых можно видеть в праздничные только дни, когда приносят их по улицам во открытых паланкинах.

Сластолюбивые и пышные вельможи их редко ходят пешие, а большею частию носят их в паланкинах, устроенных двояко: или наподобие коретных ящиков, или наподобие кроватей, укрепленных на шестах легкого, но весьма крепкого дерева Бамбу. Носильщики их, именуемые Бира, заменяют место наших извозчиков и лошадей силою и проворством бега. Они ходят также нагие, с одними только, как выше сказано, обвязками.

У тех же самых вельможей, когда они покоятся дома, есть обычай заставлять тех же носильщиков обмахивать себя большим махалом, называемым Панка, как для охлаждения их от жара, так и для отгнания насекомых, и все тело слегка разминать. Те же самые слуги, и не один раз в день, омывают им ноги, к которому служению так они привыкли, что есть ли кто из иностранцев по незнанию сего окажет к сим обыкновениям презрение, то не признают его и господином, да и в самых нужных его требованиях окажутся ему нерадивыми...

...Индийцы столько отвращаются от пьянства, что не токмо простого вина или водки, но и виноградных вин

никто из них не употребляет, кроме париев, иначе называемых гари. А вместо сего довольствуются они соком, изъемаемым из дерева норель. Сей сок, покуда свеж, нимало индейцам не обременителен, но как скоро постоит день или более закупаренный, то он окрепнет и охмеляет их не менее, как вино и водка...

...У них также в великом употреблении курение табаку, смешенного с опиум, коего и самые женщины столь много курят, что от того упадают в обморок, и от того остаются на несколько времени безчувственными...

...Чужова похищать (исключая учеников) они не расположены и завидовать никакой нации не имеют нужды. Однако ж примером обращающихся с ними чужестранцев, под видом нашего хлеба, соли и фруктов, а индийскаго Чаля, Нимок и попельмосов, умеют и подборными ключами отворить сердце, и золотым дождем орошать набожные души притворных политиков.

ИНДИЙСКИЕ ДНЕВНИКИ ЮРИЯ ЛИСЯНСКОГО

Будущий блестящий морской офицер и путешественник Юрий Федорович Лисянский (1773—1837) родился в городе Нежине Черниговской губернии. После окончания морского кадетского корпуса с 1793-го по 1799 год служил на британском королевском флоте, куда вместе с 15 другими молодыми офицерами, в том числе с И.Ф. Крузенштерном, был отправлен для практики по повелению Екатерины II. За время этой службы он посетил Америку, Африку и Азию. В конце службы осуществилась его мечта: 21 октября 1798 года он писал своему другу И.Ф. Крузенштерну с мыса Доброй Надежды: «Наконец мое желание совершилось, и несет меня к востоку со всею тою радостью, каковую только может внушать человеку, оставившему Европу, чтобы видеть Индию и который провел 15 смертных месяцев в ожидании к тому случая...»

Вернувшись на родину в 1799 году, Ю.Ф. Лисянский стал командиром фрегата «Автроил». В 1803—1806 годах Ю.Ф. Лисянский на судне «Нева» и И.Ф. Крузенштерн на судне «Надежда», идя частично совпадавшими курсами, совершили первое кругосветное путешествие русских кораблей. Во время этого похода Ю.Ф. Лисянский открыл остров в северо-западной части Гавайского архипелага, названный островом Лисянского, и атолл, названный по имени Крузенштерна. В 1809 году Ю.Ф. Лисянский в чине капитана 1-го ранга вышел в отставку и посвятил себя семье, а также обработке своих дневников. В 1812 году была опубликована его книга «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах» с подробным географическим атласом. В 1814 году она вышла на английском языке в Лондоне. После смерти Ю.Ф. Лисянского, согласно его завещанию, в Румянцевский музей поступила большая коллекция предметов (одежда, ружья

Русский мореплаватель
Ю.Ф. Лисянский.
Художник А. Ухтомский

и т. п.), привезенных Ю.Ф. Лисянским из стран, где он побывал.

Дневник Ю.Ф. Лисянского представляет собой тетрадь, исписанную четким почерком коричневыми чернилами, с позднейшей авторской правкой. По-видимому, он намеревался издать свои записи, но по какой-то причине не смог. В XX веке дневник был частично перепечатан, но опять до издания дело не дошло. Эта копия находится в РГАЛИ,

фонд 1337, «Коллекция дневников и мемуаров», опись I, № 135.

1799 год, января 6. Из журнала лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденного им во время службы на судах английского флота.

...Октября 10-го адмирал получил повеление от Англии отправить 1200 человек пехоты в Маграс, а как корабль «Септер» требовал починки, то он его назначил для конвоя сих войск. Для меня ничего не могло быть приятнее сего обстоятельства, а потому я тотчас перебрался на корабль и приуготовился к походу. К нам поместился генерал-майор Бирд, командующий войсками, и с ним до 400 солдат.

27 октября оставили Столовую бухту...

1799 года генваря 6-го в 10 часов поутру увидели гору Поликат на W, к которой, погошедши к вечеру, мы положили якорь...

Подходя к Маграсу, стараться надобно при О-м монсуне править на гору Поликат, ибо оную можно видеть

около 10-ти лигов, прочие же берега столь низки, что деревья на оных растущие сперва оказываются, а другое, что оная гора лежит на ветре.

7-е. Не успели мы стать на якорь у Маграса, как пристал к кораблю индеец на катамаране с приказанием, чтобы не занимать места противу батарей и не принимать никого из европейцев к себе без повеления правительства. Катамаран есть вещь весьма удивительная, это не что иное, как три четырехугольные бруса дерева, связанные вместе травяными веревками, два из коих равной величины, а третий немного боле половины. Голые индейцы сидят на оных и гребут разщепленною бамбуковою тростию. Они разной длины и поднимают от двух и до четырех человек. Гребцы сии, хотя весьма искусны, но при всем том часто опрокидываются и принуждены бывают ловить свои суда вплавь, для чего находятся всегда нагими, а имеют токмо на голове из травы плетенный колпак фигуною сахарной головы, который подвязывают под шею и в который кладут письма или другие посылки. Сии плотники употребляются в Маграсе обыкновенно для разсылок и ходят весьма скоро. В одно же время приехало к нам несколько индейцев для предложения своих услуг. Мы этим сперва шутили, говоря, что имеем своих людей, но напоследок принужден каждый из нас был взять одного, узнавши, что инако с берегу ничего достать не можно. Услужники сии известны в Индии под именем дебашев, которые со всем своим бездельничеством весьма нужны для новопроезжих.

Рейд маграсский совершенно открытый, большие корабли обыкновенно становятся в 2 или 2 ½ милях от берегов, а малые суда гораздо ближе 5. Хотя оный защищается батареями, но неприятелю весьма легко напасть на внешние корабли, особливо когда флоту нет на рейде. Вход в оный весьма прост даже ночью; мы нашли там довольно число купеческих судов и фрегат «Ла Сибиль», також де три небольшие коммерческие судна нейбоба Арктического под зелеными флагами и два военные под белыми.

8-го я съехал на берег; это здесь вещь немаловажная, ибо бурун повсюду престойкий. Подъехавши к оному, мы пересели на масюла-бот, ибо наши гребные суда без опасности далее идти бы не могли. Масюла же есть тон-

кая лодка, сшитая травой, которая управляется так искусно, что самая большая опасность на оной есть только быть перемочену. Индеец в середине буруна действует с большою проворностью, не успеет лодка приблизиться к берегу, то ее тотчас и вытащат, для чего народ на берегу всегда в готовности с хорошею веревкою.

Я остановился с капитаном своим в довольно хорошем трактире, где не успели мы успокоиться, как принуждены были принимать людей толпами. Сапожники, портные, купцы и шуты разных родов то и дело что приходили; последние столь навязчивы были, что зачинали свои пустяки без всякой церемонии, и признаться, что в Европе дорого бы заплатили за эти штуки, которые здесь не стоят почти ничего. Мне кажется, что в Мадрасе более фигляров, нежели во всей Европе. Между прочим нам доставил большое удовольствие индейский Карло Доминикина (лицо не установлено. По-видимому, речь идет об эквилибристе Доминике, сведения о котором содержатся в коллекции вырезок из газет, которые имеют отношение к карликам, великанам, чудовищам и т. п., преподобного Лисонса, которая хранится в Британском музее. — Авт.), он плясал и кувырчался удивительным образом, хотя от природы был изуродован чрезвычайно.

К вечеру сцена переменилась, и мы окружены были разными партиями танцовщиц, которая большею частию были девочки молодые и весьма красивые. Каждая труппа приходила с двумя бандурищиками и уже почти неволею уходила; последняя же как красотой, так и богатым убором превозвышала прочих, она прибыла около десяти часов и, кажется, с другим намерением, нежели показать искусство своих ног. Девиц было точно такое же число, как нас, и оне употребляли все старание, дабы сделать свою пляску наипрелестнейшею, но без всякого успеха принуждены были возвратиться домой. Хозяин наш советовал нам иметь часового у дверей, уверяя, что в противном случае мы всякий день будем в подобном беспокойстве, на что капитан наш согласился, хотя нельзя сказать, что сегодняшний день для нас был скучен.

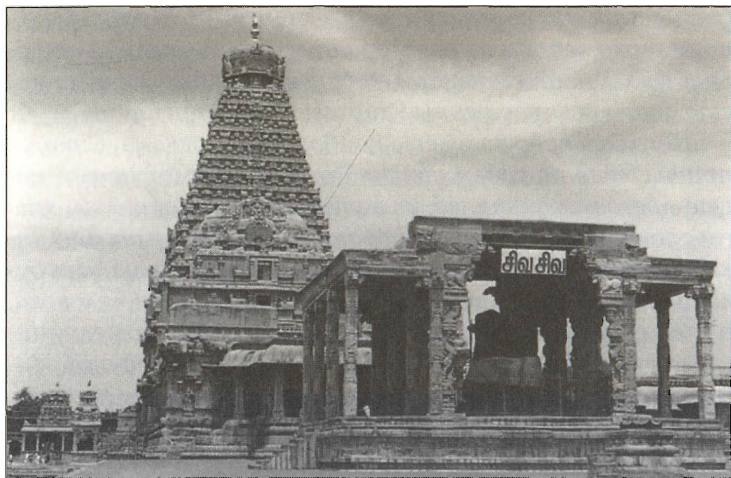
9-е. Целое утро я с капитаном занялся делать визиты, начиная от генерал-губернатора лорда Моринтона. Они все нас приняли ласково, и мы к вечеру званы были обе-

дать на целую неделю вперед. Сие вышло к случаю, ибо армия уже вся выступила противу неприятеля, а остались только одни генералы, которым главные жители места дают безпрестанные пиршества на прощание.

10-го был представлен к нейбобу Аркотскому. Старик принял меня на своем диване, он любопытствовал о месте моего рождения, но, кажется, не много понимал, что говорено ему было на сей предмет, хотя разумел английский язык весьма хорошо, он напоследок подарил мне булатную саблю. Не всякому можно видеть сего человека, ибо он совершенно почти содержится под стражею у англичан подобно всем прочим владетелям восточной Индии, где эта нация поселилась. Я испросил на сие позволения у лорда Кляйва и был сопровождаем его адъютантом. Дворец нейбобский находится на берегу моря, оный построен в европейском вкусе и вместе с садом может назваться царским жилищем. У оного содержится караул не столько для почести, сколько для осторожности. Итак, маграсский государь занимает токмо место, а управляет владением Аркотским компанейский губернатор.

11-го. Нейбоб Аркотский на случай женитьбы старшего своего сына давал ужин всем знатным особам, к которому и я имел счастье быть приглашен. Генерал-губернатор и прочие вельможи прибыли со всем великолепием индейским и были встречены самим нейбобом в диванной. Около десяти часов вечера стол начался и кончился не прежде трех часов утра, в продолжение которого времени пушечная пальба и музыка гремели безпрерывно. Нейбоб сидел на возвышенном месте под балдахинном с нами, лорд Морентон по правую, а лорд Кляйв по левую его сторону; гети же нейбобские имели особое место, которое блистало драгоценными камнями. По окончании ужина дан был знатный фейерверк, а потом индейский танец, который по множеству [танцорок] и новости заслуживал большого внимания. Оный составляло до пятидесяти богато убранных женщин. В 5-ть часов утра мы разъехались и прибыли домой в чрезмерном удовольствии около 7-ми часов утра.

Город Маграс лежит при берегу Коромандельском и принадлежит английской ост-индской компании. Его разделить можно на европейский и индийский города,

Храм Шивы в Мадрасе

первый обнесен регулярною крепостью и наполнен каменными домами, где находятся также компанейские магазины, а последний окружен невысоким валом, в котором, исключая нескольких европейцев, живут сами остынцы. Жилище их небольшие мазанки с галереями на улицу, кои однако содержатся довольно чисто. Место сие называется черным городом и купно с их храмами делает неважную фигуру.

Мадрасская окружность весьма заселена и довольно приятная, но дорога от города до горы Святого Фомы, по обе стороны которой построены прекрасные европейские дачи, безподобною назваться может. Она простирается на $8 \frac{1}{2}$ миль и представляет одну из значнейших аллей в свете. Я ее имел случай видеть наполненную народом в разных повозках, когда у горы был конный бег, и скажу безпристрастно, что таковой картины мне никогда не представлялось прежде.

Европейцы здесь живут в удивительной роскоши, они на лето удаляются в свои загородные маленькие дворцы, а в городе бывают только по должностям от 10-ти часов утра до 5-ти вечера. Экипажи их так же великолепны, как и все прочее; кроме карет и фаэтонов все употребляют паланкины или род четырехугольного ящика около семи фут длиною и трех шириною, окруженного жалюзя-

ми. Сии покойные повозки обыкновенно носят люди, которые подпрягают себя под длинный шест, утвержденный на середине. Они одеваются достаточными в кисейные платья, как и те, которые бегут впереди и позади с короткими копьями для церемонии.

По малому пребыванию мне нельзя много сказать об индейцах, но, по-видимому, жизнь их довольно порядочная. Они вообще роста довольно высокого, построены хорошо и имеют черты лиц приятные, а особливо женский пол, который, исключая темного цвета тела, не уступят много своим товарищам в Европе. Бедная часть ходит совершенно почти нагая, кроме небольшого куса полотна, покрывающего наготу, богатые также одеваются в миткаль или кисею. Они также употребляют род юбок и корсетов с глиняными рукавами, но все генерально носят на головах тюрбаны. Мужчины бреют свои глиняные волосы и оставляют токмо одну макушку и усы, а некоторые носят бороды; женщины же подкалывают свои косы, скручивая наверх.

Оба пола здесь весьма любят украшать себя разными побрякушками; они не только носят цепи или бусы на шее, перстни на пальцах и брыслеты на руках, но надевают толстые металлические кольца на ноги и имеют серьгу в носу от 3-х до 4-х дюймов в диаметре. Уши женщин вокруг увешаны украшениями, а у многих даже пальцы на ногах в перстнях, ибо они ходят босые, а мужчины только употребляют туфли, носки которых загибаются наверх.

Индейцы ездят в паланкинах, верхами на слонах или лошадях и в одноколках, везомых парюю быками, но если последние особливо принадлежат мусульманам, они не что иное, как небольшие круглые с верхом балдахины с занавесками, под коими сидеть должно с поджатыми под себя ногами, я видел весьма богатые из них, которые казались весьма красивыми.

Исключая европейцев и армян, место сие населено родом женту и мусульманами. Хотя последние произошли от монгольцев — победителей Индостана, но теперь составляют одну массу с настоящими жителями. Они имеют свои мечети, но последователи Браммы не вмешиваются в их религию, а занимаются своею, к которой столь много привержены, что селения их генерально наполне-

ны храмами и нет переулка, где бы не находилась часовня с иколом. Прогуливаясь по городу вскоре после восхождения солнца, я часто видел расложенные огни на перекрестках и предместиях, богослужения, вокруг которых толпы народа приносили свои молитвы светилу, озаряющему все творение, которым, видно, индостанцы представляют себе Всевышнее Существо.

Нет в свете народа, который мог бы сравниться с женту в разсуждении чистоты; можно сказать, что они не ложатся и не встают без обмывания всего тела. Люди сии также могут служить примером по скромности своей жизни, пища их состоит из сорочинского пшена и зелени, а питье из чистой воды; при всем том рабочий народ трудится не менее нашего. Быстрота ума индейцев безподобная, ибо со всевозможною бережливостью редко кому удастся скрыть свою мысль от слуги или дебоша, а колыми паче от последнего, который безпрестанно смотрит в глаза и старается узнать, чем лучше может обмануть. Этот дворецкий не требует никакой платы, а довольствуется тем, что перепадет в его руки от покупок; удивительно видеть, с какой пылкостью народ сей в уме делает арифметику, у них в минуту тысячи множатся, слагаются и делятся.

С приезде нашего на берег мы каждый вечер забавлялись здешними свадебными церемониями, которых в городе было великое множество. Сие время предвозвещено было по их религии счастливым, следовательно, каждый, кто имел сына или дочь у себя, старался их женить не теряя времени. Не успеет солнце опуститься за горизонт, как повсюду сделаются слышны трубы и барабаны, церемонии за церемонией протекают улицы, которые от факелов кажутся издали горящими. Бывши однажды приглашен на свадьбу к богатому купцу, мне хотелось узнать весь обряд оной, а потому я решился присутствовать с начала и до конца. В 6-ть часов вечера мы вышли из дому в таковой процессии. Сперва шла музыка, перед которою один трубил в предлинную трубу, потом ехал мальчик верхом в знатном азиатском уборе, оному последовали азиатские и европейские коляски, наполненные мальчиками и девочками от 4-х до 10-ти лет. После сего везен был жених с невестою верхом на лошади. Оне были убра-

ны бриллиантами с ног до головы, лошадь же вели два индейца, по бокам которой шло для церемонии по три человека с копьями и по одному, который держал по большой парасоли над женихом и невестой. За сею группой ехало несколько мальчиков на лошадях; они были одеты в разные европейские мундиры и представляли весьма смешную фигуру, а колыми паче когда проезжали толпу зрителей и снимали шляпы.

Каждая из ихних лошадей имела также двух провожатых, что с факелами, парасолями и другими принадлежностями составляло немаловажный вид. Мы посещали все улицы до 8-ми часов, а тогда прибыли в дом, назначенный для свадебного пиршества. Я принужден был дожидаться на улице, покуда обряд церковный женитьбы не кончился, ибо в продолжение оного людям другой религии присутствовать не позволяется, о чем хозяин при первой встрече извинился, а между тем представил меня молодым, которые тогда уже сидели под великолепною балдахинью, одетые в белое кисейное платье. Мальчику не было более 10-ти, а девочке около 6-ти лет. По здешнему обыкновению отцы всегда составляют партии и нередко женят детей 4-х или 5-ти летних, которые до пришествия в возраст живут порознь. По обе стороны балдахина было поставлено по корзине с кокосовыми орехами, подле которых сидело по человеку с бумагой.

К молодым подходили их знакомые по порядку и свидетельствовали свое почтение им, обмокнувши палец в большую чашу краски и потом дотронувшись лба жениха и невесты. После сего приветствия каждый давал подарок, состоящий из денег (которые тогда же и записывались в приход), и получал в обмен кокосовый орех. В продолжение сего публика забавлялась танцовщицами, которых мне однако не понравились. Все их движения состояли в двух или трех выступках вперед и назад, что только производило шум побрякушек, которыми ноги их были покрыты. Я было позабыл упомянуть, что правые руки новобрачных были связаны тонким бумажным шнурком, которого конец висел на шее жениха, а сие и представляло священную связь замужества.

Здесь обыкновение, чтобы для свадеб строить временные строения перед домом отца жениха. Сие дела-

ется по гостаткам, так что другие занимают великое пространство. Оные обыкновенно разделяются на 3 или 4 горницы, первые три бывают наполнены простым народом, а последняя остается для гостей почетных и фамилии хозяйской. Сия убирается лучше прочих, хотя и те увешаны коврами, цветами и разными фигурами, сделанными из фольги, что все вместе с люстрами, фонарями и музыкою походит более на игрище украшенное.

Хотя жара была чрезвычайная, но мы принуждены были взойти на довольно порядочную возвышенность и весьма обрадовались достигнуть предместья пещеры, которое укрыло нас от зноя солнечного. Сия славная пещера глиною в 50 шагов совершенно выбита из крепкого дикого камня и разделена на три отделения ужасной толщины столпами на четырехугольных основаниях. На правой стороне оной находится алтарь, половина коего уже разрушилась. Все стены сего удивительного храма покрыты резьбою, представляющею баснословие Гиндыстана, и хотя многого уже рассмотреть невозможно от гревности, но нельзя чтобы не удивляться искусству старинных жителей сих мест, к которым нонешние должны походить весьма немного. Жаль, что место сие содержится в небрежении, от которого приходит ежедневно в разрушение, инако оное могло бы служить еще долгое время памятником величества тех, которых потомки сделались почти невольниками горсти европейцев.

В рассуждении же слова отменного ничего сказать не можно, кроме что оный до половины уже изломан молодыми вертопрахами, часто приезжающими на остров для гулянки. На возвратном пути в Бомбей я заехал в Масагал, в котором строятся небольшие суда, дабы видеть закладку нового судна. По окончании весьма большой необыкновенной на сей случай церемонии адмирал Рейнир вбил серебряный пятидюймовый гвоздь в киль и тем кончил закладку.

Город Бомбей лежит на острове того же имени и обнесен довольно знатною крепостию, которая требует по крайней мере 5000 человек для защиты. В нем жительство имеет губернатор Малабарского берега и с советом вместе составляет третье правление английской компании в Индии. Внутри крепости жительство име-

ют европейцы, армяне и богатые персияне, бедный же народ живет в загородных местах, как то: в Манагале, Донгори, где также обитают женту и христиане, происшедшие от индейского поколения.

Из всех народов персияне держат себя величественнее и почти пренебрегают не только индейцами, но даже европейцами: они все люди достаточные, и некоторые из них имеют до полумиллиона фунтов стерлингов капитала. Здесь никогда не слышно было, чтобы персидская женщина занялась кем-либо из другой секты, но сие, я думаю, происходит оттого, что персияне имеют право в ту же минуту умертвить свою жену, в которую они увидят ее неверной. Они женят детей своих от 5 до 7 лет возраста, как прежде было упомянуто. Сии люди, хотя изгнанники из своего отечества, но по их трудолюбию приобрели себе почтение от настоящих жителей. Они обоготворяют солнце. И потому всегда толпы их видны поутру на лугах, расположенных к восхождению, а ввечеру на удобном месте к захождению сего светила. Они сперва умываются из медного сосуда, который имеется у каждого, а потом садятся на разостланные полотенца по-азиатски к солнцу и начинают свои молитвы довольно громким голосом, но каждый про себя. Сие продолжается довольно долго, а особливо ввечеру. Персы хотя приняли многие индейские обычаи, но в рассуждении пищи остались по-своему. Они употребляют все, кроме говядины и свинины, но сие должно быть изготовлено в их собственных сосудах. От обоготворения солнца происходит, что огонь между ними считается также божеством, и потому ежели бы целый город, а не только дом горел, то эти лица (секта), собравшись вместе, приносила бы свои моления и ни один не осмеливался бы спасти что-нибудь от священного пламени.

В Бомбее, как и во всех прочих местах Индии, есть род, называемый паярской. (Паяры — по-видимому, автор неправильно передает название одной из самых многочисленных низших каст Южной Индии — параян, или парий, как называли их в Европе, неправильно считая, что они представляют собой изгоев из всех высших каст. На самом деле параян — одна из низших, но не самая низшая каста — происходит от тамильского названия бара-

бана parai; таким образом, традиционно представители этой касты были барабанщиками, но в XVIII—XIX веках параян часто нанимались слугами к европейцам. — *Авт.*). Он^{ый} составлен из тех, которые, принадлежавши особлив^{ым} своим сектам, не выполняли их уложения, а потому были изгнаны. В таковом положении никто даже из родных их и не только из знакомых не должны с ними иметь дела. Паяры здесь обыкновенно занимаются торговлею, нередко составляют порядочные капиталцы, а особливо на европейские и китайские вещи, которые иногда продаются в 500 % дороже своей цены. Они одеваются как все прочие индейцы, кроме персов, которые [носят] особливого рода чалмы из разноцветных ситцев.

Бомбей при всем том мне не так показался, как Маграс, хотя он окружен загородными домами и садами, но не в таком вкусе. Европейские здешние жители, кажется, более расположены к нажитию, нежели к издержанию денег, хотя сие место, а особливо в рассуждении провизии отменно дешево.

ИНДИЙСКИЙ ПОХОД ВОЙСКА ДОНСКОГО

Царствование Павла I осталось в памяти потомков как некий скверный анекдот. Мол, пытался в полубреду он перекроить всю русскую жизнь на прусский манер, ввел вахтпарады, возвысил Аракчеева и унизил Суворова, какой-то полк целиком сослал в Сибирь, а казаков отправил завоевывать Индию... И слава богу, что его убили!

Граф фон дер Пален стоял во главе заговора, и версия сумасшествия государя была, понятно, ему весьма

*Павел I в короне Гроссмейстера Мальтийского ордена.
Художник С.С. Щукин*

выгодна. Но Павел, при жизни нареченный «русским Гамлетом», в полном смысле слова является фигурой драматической. Поэтому обратимся к более достоверным источникам. Например, к «Истории XIX века» французских профессоров Лависса и Рамбо, вышедшей во Франции в 1920-х годах, а вскоре переведенной и на русский язык. В ней можно прочесть совершенно неожиданное: «Так как у обоих властелинов (Наполеона и Павла I) был один и тот же непримиримый враг, то, естественно, напрашивалась мысль о более тесном сближении между ними ради совместной борьбы с этим врагом, чтобы окончательно сокрушить индийскую державу Англии — главный источник ее богатства и мощи. Так возник тот великий план (выделено в тексте), первая мысль о котором, без сомнения, принадлежала Бонапарту, а средства к исполнению были изучены и предложены царем».

Получается, что план Индийского похода — это совсем не плод больного воображения безумного русского царя, и вообще он принадлежал гениальному полководцу Бонапарту. Допустимо ли это?! Безусловно. Версия эта даже не требует особых доказательств — они, что называется, лежат на поверхности.

Откроем «Очерки истории Франции»: «19 мая 1798 года армия под командованием Бонапарта (300 кораблей, 10 тыс. человек и 35-тысячный экспедиционный корпус) покинула Тулон... и 30 июня начала высадку в Александрии».

На вопрос, что именно было нужно французам в Египте, то же издание отвечает так: «После распада первой (антифранцузской) коалиции войну против Франции продолжала одна Англия. Директория намеревалась организовать высадку войск на Британских островах, но от этого пришлось отказаться из-за отсутствия необходимых сил и средств. Тогда появился план нанести удар по коммуникациям, связывающим Англию с Индией, план захвата Египта».

Кстати, идея французского десанта в Египет в первоначальном своем варианте принадлежала еще герцогу Шуазелю, министру иностранных дел короля Людовика XV, правившего до 1774 года.

Таким образом начинает выстраиваться логическая цепь «наполеоновских» (в прямом и переносном смысле) планов: сначала перерезать коммуникации, потом двинуть войска этими дорогами к «жемчужине Английской короны», как издавна именовали Индию.

И действительно, об этих планах пишет тот же Дмитрий Мережковский в романе-биографии «Наполеон»: «Через Египет на Индию, чтобы там нанести смертельный удар мировому владычеству Англии, — таков исполинский план Бонапарта, безумная химера, вышедшая из больного мозга».

Подтверждая эту версию, современный французский историк Жан Тюлар, автор самой известной монографии в зарубежном наполеоноведении — книги «Наполеон, или Миф о "Спасителе"», с которой наш читатель познакомился в издании серии ЖЗЛ, гораздо менее экспрессивен: «Оккупация Египта позволяла решить сразу три стратегические задачи: захватить Суэцкий перешеек, блокировав тем самым один из путей, связывавший Индию с Англией, заполучить новую колонию... завладеть важным плацдармом, открывающим доступ к основному источнику процветания Англии — Индии, где Типпо-Сахиб вел освободительную войну с британскими колонизаторами».

12 января 1801 года. Рескрипт Павла I атаману Войска Донского генералу от кавалерии В.П. Орлову о подготовке казачьего войска к походу в Индию.

С.-Петербург

Англичане приготавливаются зделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих шведов и датчан; я и готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают. Заведении их в Индии самое лучшее для сего. От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, да от вас туда месяц, а всего месяца четыре. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему, Василий Петрович. Соберитесь вы со оным и вступите в поход к Оренбургу, откуда любыю из трех дорог или и всеми пойдите и с артилериею прямо чрез Бухарию и Хиву на реку

Индус и на заведении англинския по ней лежащий, войска того края их такового же рода, как ваше, и так имея артиллерию вы имеете полный авантаж; приготовьте все к походу. Пошлите своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги, все богатство Индии будет нам за сию экспедицию наградою. Соберите войско к задним станциям и тогда уведомяте меня; ожидайте повеления итти к Оренбургу, куда пришед ожидайте другого итти далее. Таковое предприятие увенчает вас всех славою, заслужит по мере заслуги мое особое благоволение, приобретет богатство и торговлю и поразит неприятеля в его сердце. Здесь прилагаю карты, сколько у меня их есть. Бог вас благослови.

Есм ваш благосклонной

Павел

Карты мои идут только до Хивы и до Амургары реки, а дальше ваше уже дело достать сведении до заведений аглинских и до народов индейских им подвластных.

П.

РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 323, л. 1—1 об. Копия.

Итак, план вторжения в Индию представляется объективной реальностью. Но нужно ли все это было России?

Война в Европе продолжалась добрый десяток лет и показывала примерное равенство сторон — Франции и Англии. Это противоборство с переменных успехом могло продолжаться еще довольно долго, если бы на континенте не существовало третье великое государство — наше Отечество. Русский царь, каким бы его ни изображали при жизни и впоследствии, понимал, что, во-первых, с победителем нужно дружить и, во-вторых, что победителю должна определить именно Россия.

Известный советский ученый А.З. Манфред так оценивал ситуацию: «Россия в то время экономически и политически значительно отставала от Англии и Франции. Но она намного превосходила их огромной территорией, населением, военной мощью. Сила России основывалась на ее военном могуществе».

Добавим, что так было до 1990-х годов, и поэтому с нашей державой всегда считались в мире. Но вернемся к

*Англичане в Индии во время войны 1752—1804 гг.
Гравюра XIX в.*

книге Манфреда «Наполеон»: «В 1799—1800 годах решающая роль России на сцене европейской политики была показана с полной наглядностью. Разве Итальянский поход Суворова за три месяца не перечеркнул все победы и завоевания прославленных французских полководцев? Разве он не поставил Францию на край поражения? И затем, когда Россия вышла из коалиции, разве чаша весов не склонилась снова в пользу Франции?»

Можно подробно рассуждать, почему русский царь предпочел возрождающуюся французскую монархию своекорыстной Англии, во всяком деле стремящейся достичь своей выгоды в ущерб другим. Можно вспомнить, что тесные русско-французские отношения существовали в определенные периоды царствований и Елизаветы Петровны, и Екатерины II...

Однако ошибаются те, кто считает, что Индийский поход был начат исключительно в угоду новым французским друзьям.

«Чуть позже пойдут разговоры об умопомрачении Павла, отправившего казаков в поход на Индию, — пишет в книге «Александр I» историк А.Н. Архангельский. —

О том же, что план разрабатывался совместно с Наполеоном, равно как о давних планах Екатерины воевать берега Ганга и Персидском походе Петра, как-то забывалось».

Так чем же вызваны резко отрицательные оценки большинства русских, а вслед за ними и советских историков «Индийского плана» государя Павла Петровича?

Вот, например, что сообщает знаменитый русский историк генерал-лейтенант Николай Карлович Шильдер, автор книг «Император Павел I», «Император Александр I» и «Император Николай I»: «Павел не обошелся без обычных фантастических увлечений: был задуман поход в Индию. Хотя о совместном действии русских войск с французскими в этом направлении мечтал также и первый консул, замышляя окончательное поражение Англии, и с этой целью разработал проект похода в Индию, но император Павел вознамерился решить эту трудную задачу самостоятельно, при посредстве одних казаков».

Да, тяжела роль «придворного историка», ибо ему следует не только заглядывать в прошлое, но и постоянно оглядываться на настоящее. Писать об императоре, убитом с молчаливого согласия его сына, можно только в строжайшем соответствии с высочайше утвержденной версией... А она гласит: «безумец, губивший Россию». И нет нужды, что наследник-отцеубийца заключал потом с тем же Наполеоном позорный для России Тильзитский мир, а другой сын убиенного императора опять-таки позорно проиграл Восточную войну тем же французам и англичанам... Интересно, на какую ступень вознеслась бы Россия в союзе с наполеоновской Францией и какое место досталось бы в том разделенном на две сферы влияния мире Англии, если бы не цареубийство?

Попробуем беспристрастно восстановить события более чем двухсотлетней давности. Итак, 12 (24) января 1801 года император Павел отправил атаману Войска Донского генералу от кавалерии В.П. Орлову 1-му несколько рескриптов, поручая ему двигаться «прямо через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские, по ней лежащие».

Двадцать тысяч казаков —
В Индию, в поход! —

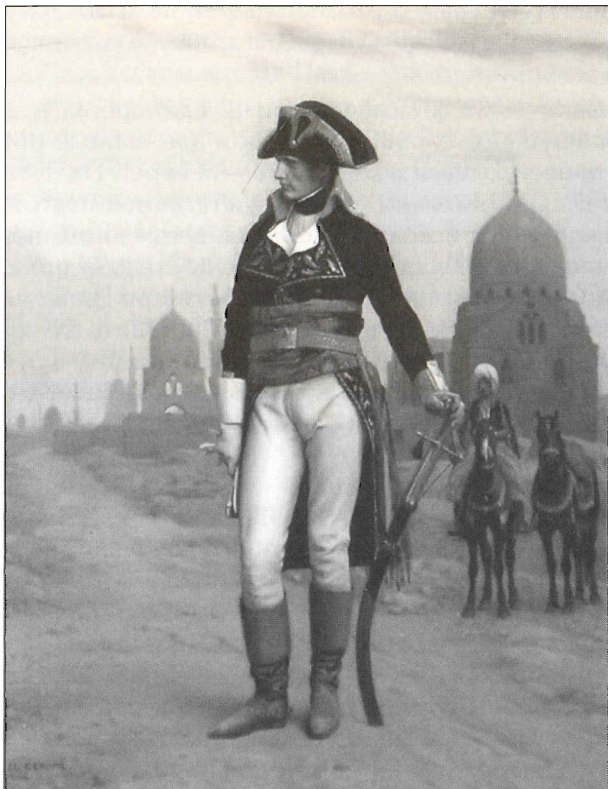
Павел I приказал
В свой последний год.

Казаки — 22 507 сабель при 12 единорогах и стольких же пушках, сорок один полк и две конные роты — пошли, преодолевая в день по 30—40 верст. Их путь оказался весьма нелегким из-за недостаточной подготовки, дурных дорог и погодных условий, в том числе непредвиденно раннего вскрытия рек. «Если... отряду пришлось преодолевать невероятные трудности при движении по собственной земле, то легко себе представить плачевную участь донцов при дальнейшем движении их, в особенности за Оренбургом!» — буквально восклицает в своей книге генерал Шильдер.

Не роптали, выполняли
Волюшку царя.
Казаки, конечно, знали,
Что всё это зря.

Если верить ему и другим «традиционным» историкам, то из похода получилась невероятная глупость, и ничего более. Но лучше не поверить и взять изданную в 1982 году книгу Натана Яковлевича Эйдельмана «Грань веков». Основанная на неизвестных ранее документах, она воистину потрясла читателей. Из нее можно узнать о существовании следующего плана: «35 тысяч французской пехоты с артиллерией во главе с одним из лучших французских генералов, Массена, должны двинуться по Дунаю, через Черное море, Таганрог, Царицын, Астрахань... В устье Волги французы должны соединиться с 35-тысячной русской армией (понятно, не считая того казачьего войска, которое «своим путем» идет через Бухарию). Объединенный русско-французский корпус затем пересечет Каспийское море и высадится в Астрабаде».

Россия вышла из Второй антифранцузской коалиции из-за противоречий со своими союзниками. Неудача совместного с Великобританией вторжения в Нидерланды положила начало разрыву, а оккупация англичанами Мальты разгневала Павла I, российского императора, который в то время владел титулом Великого магистра Маль-

Наполеон в Египте. Художник Ж.-Л. Жером

тийского ордена. Он спешно разорвал союз с Британией и вошел в альянс с Наполеоном, который и предложил план совместной экспедиции с целью захвата Индии.

15 февраля 1801 года. Рапорт генерала от кавалерии В.П. Орлова Павлу I о необходимости прикомандирования к казачьему войску переводчиков восточных языков и медицинского персонала.

Кочетовская станция.

Всемилоостивейший Государь.

Всевысочайший Вашего Императорского величества рескрипт от 3 числа сего месяца удостоился я получить и всеподданнейше Вашему Императорскому величеству

доношу, что со сборных мест войска, по учинении пересмотра, поспешу выступить в поход с первого числа будущего марта. Осмеливаюсь Ваше Императорское величество всеподданнейше просить, не благоугодно ли будет всемилостивейше повелеть прикомандировать ко мне знающих национальные тех мест переводы, буде таковые найдуться могут. Я потому Всемилостивейший Государь считаю нужным иметь оных, что можно обнадежиться на их верность, нежели приисканного в местах обязанного по жительству. А также всеподданнейше Вашего Императорского величества прошу и о медицинских чинах, кои на всякий случай будут войску нужны.

Повергаю себя к освященнейшим Вашего Императорского величества стопам, Вашего Императорского величества Всемилостивейшего Государя всеподданнейший Василий Орлов.

(на документе пометы) Писать к генералу-прокурору и посылать двенадцать лекарей с одним штаб-лекарем, к войску Донскому. Писал письмо кн. Гагарин от себя. Получено 23 февраля 1801 года с фельд-егерем Зимняковым.

РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, л. 683. Подлинник.

Секретный план экспедиции предусматривал совместные операции двух пехотных корпусов — одного французского (с артиллерийской поддержкой) и одного российского. Каждый пехотный корпус состоял из 35 тыс. человек, общее количество человек должно было достигнуть 70 тыс., не считая артиллерии и казацкой конницы. Наполеон настаивал, чтобы командование французским корпусом было поручено генералу Массена. По плану французское войско должно было перейти Дунай и Черное море, пройти через Южную Россию, останавливаясь в Таганроге, Царицыне и Астрахани.

Объединиться с российским войском французы должны были в устье Волги. После этого оба корпуса пересекали Каспийское море и высаживались в персидском порту Астрабад. Все перемещение из Франции в Астрабад, по подсчетам, занимало восемьдесят дней. Следующие пятьдесят дней занимал поход через Кандагар и Герат, и к сентябрю того же года планировалось достигнуть Индии.

По планам индийский поход должен был походить на Египетский поход Бонапарта — вместе с солдатами отправлялись инженеры, художники, ученые.

Можно смеяться над попыткой захватить Индию двадцатитысячной казачьей ордой, но если к ней прибавить 70 тыс. регулярной русской и французской пехоты, представлявших две лучшие армии мира, то тут уже кому-то и улыбаться не захочется. А ведь в Египте еще оставались силы той армии, которую в 1798 году привел к пирамидам Наполеон! А с Камчатки в Индийский океан должны были подойти три русских фрегата, которые

могли составить достойную конкуренцию находящимся там английским кораблям...

Кстати, с пресловутым казачьим походом дело тоже обстоит далеко не так просто, как кажется с первого взгляда. Ведь на Дону тогда было очень даже неспокойно. Одно только то, что осенью 1800 года в Черкасске были казнены «за мятежные замыслы» полковник лейб-гвардии казачьего полка Евграф Грузинов — из бывших гатчинцев, то есть из самых верных, преданных, служивших при Павле еще в бытность его великим князем, — и брат Евграфа отставной подполковник Петр Грузинов, свидетельствует о многом. Император не раз высказывал желание «встряхнуть казачков»,

*Портрет казачьего атамана
В.П. Орлова.
Неизвестный художник*

вот и отправил их «своим путем» — в целях «воинского воспитания». Неслучайно, значит, возвратились к своим полкам генерал Платов и иные офицеры, выпущенные перед походом из крепости.

Пройдет два с лишним десятилетия, и после «Семеновской истории» государь Александр Павлович вознамерится «проветрить гвардию». Так как войны не было, то царь отправил ее походом в западные губернии. Думается, пребывание в необустроенных местечках доставило гвардейской аристократии не меньшие неудобства, чем закаленным казакам поход через зимнюю степь.

Один из лучших французских генералов А. Массена

Где индийские алмазы,
Пряности, ковры?
Где роскошные подарки:
Груз из Бухары? —

вопрошает поэт.

12 марта 1801 года. Рескрипт Александра I генералу от кавалерии В.П. Орлову о прекращении похода в Индию и возвращении казаков на Дон.

Петербург

Господину генералу от кавалерии Орлову 1-му

По получении сего повелеваю Вам со всеми казачьими полками, следующими ныне с Вами по секретной экспедиции, возвратиться на Дон и распустить их по домам.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Т. 1. М., 1960. С. 11.

В общем, как выясняется, в поступках русского царя все имело свой четкий глубокий смысл. И неуютно вдруг стало тогда на Британских островах, и забеспокоилось английское правительство, и в Россию пошло по тайным каналам еще больше денег, которые... Впрочем, это уже относится к другим печальным событиям.

Не вызывает сомнения, что с точки зрения французских интересов военное вторжение в Азию с конечной целью завоевания Индостана стало бы стратегически важным шагом. Это привело бы к полному краху Великобритании и изменило геополитический расклад сил в мире. Впервые идея об индийском походе была высказана Бонапартом в 1797 году, еще до его экспедиции в Египет. Позднее, придя к власти, он настойчиво внушал мысль о совместном походе в Индию императору Павлу I. И определенных успехов ему удалось добиться. Правда, российский государь, даже не заключив союза с первым консулом Франции, захотел решить эту задачу самостоятельно и отдал приказ об отправке казачьих полков для поиска путей в малознакомую тогда для русских страну. Исполнять его пришлось частям войска Донского. Его 41-й полк и две роты артиллерии (22 тыс. человек) в феврале 1801 года выступили — через безлюдную Оренбургскую степь — на завоевание Средней Азии. С этого плацдарма им легче было достичь Индии — главной жемчужины в короне Британской империи. Но, преодолев за три недели 700 верст, казаки получили из Петербурга одно из первых повелений вошедшего на престол молодого Александра I — возвращаться на Дон.

Экспедиция русских в Среднюю Азию тогда серьезно обеспокоила англичан, и не без их помощи российский император Павел I был убит заговорщиками.

...Летопись павловского царствования оказалась настолько скрыта или искажена за более чем полувековое правление двух Павловичей, что к ней в таком виде просто привыкли. Между тем эти времена ждут еще своих исследователей, которые должны не только воскресить позабытые события прошлого, но и понять, как и для чего создаются легенды, кому выгодно подменять ими подлинные страницы нашей отечественной истории.

КСТАТИ...

В России шла Гражданская война. В то время, когда падение германского рейха в Ноябрьской революции и поспешное бегство германских оккупантов так и не принесли большевикам контроля над Югом России, когда Добровольческая армия шла на Москву через Киев и Харьков, командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе начал формирование кавалерийского корпуса для «похода на Индию», чтобы «нанести удар британскому империализму, который является самым сильным

Командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе

врагом Советской России». Корпус должен был иметь в составе 40 тыс. всадников. Примерно столько же «сабель» донских казаков насчитывал корпус генерала Матвея Платова при государе Павле Петровиче, в 1800 году «брошенный на Индию». Но и в 1919 году дальше проекта дело не пошло.

(По материалам А. Бондаренко.)

МЕХТИ РАФАИЛОВ: «УСЕРДНЫЕ УСЛУГИ МОИ РОССИИ НЕБЕСПОЛЕЗНЫ»

В донесении генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича министру иностранных дел К.В. Несельроде от 20 декабря 1821 года сообщается: «Посланный в июне месяце сего года для прикрытия отправленного из крепости Семипалатинской в Кашкарию купеческого каравана здешнего линейного казачьего войска отряд в числе 146 человек под командою одного казачьего офицера, сопроводив караван тот... возвратился прошлого ноября 27 числа в крепость... Командир сего отряда по прибытии своем донес мне, что повстречавшийся с ним за границую... бухарец Ахун объявил ему, что отправленный по высочайшему соизволению прошлого 1820 года в

Одна из улиц Яркенда. Современный вид

последних числах апреля по особым поручениям в Тибет надворный советник Мехти Рафаилов на пути своем... не доходя до города Яркенда, помер...»

«Особое поручение» осталось невыполненным. Заключалось же это поручение в том, чтобы доставить письмо российского министра иностранных дел К.В. Нессельроде к махарадже Пенджаба Ранджит-Сингху. В письме сообщалось о желании России вступить с ним в «дружественное сношение», чтобы «подданные купцы российские» и индийские «имели свободный проезд во взаимные области».

Для такой гигантской в территориальном отношении страны, какой была Российская империя, обладающей огромными земельными малоосвоенными пространствами, большим населением, проникновение на средневосточный, в частности индийский, рынок не было сколько-нибудь острой необходимостью. Да и Индия была далеко, труднодоступна.

В конце XVIII — начале XIX века продолжался ее колониальный захват англичанами. Российским купцам трудно было конкурировать с иностранными купцами, прежде всего английскими, везшими высококачественные изделия своих мануфактур, и они ограничивались вывозом таких традиционных русских товаров, как, например, лес, лен, пенька, юфть, деготь и т. п. Азиатская торговля занимала в русском экспорте и импорте незначительное место.

Вместе с тем российское правительство стремилось к завязыванию прямой торговли с Индией с целью получения непосредственно из этой страны местных товаров, находивших большой спрос в России (красители, ткани,

*Портрет К.В. Нессельроде.
Художник Ф. Крюгер*

шали, благовония, пряности, сахар, лаки и др.), главным образом хлопка-сырца, необходимого для российских мануфактур. Как известно, еще с петровских времен Россия стремилась наладить постоянные прямые коммерческие связи с Индией, создать через территорию России выгодные для нее транзитные торговые пути, связав Индию и Западную Европу. Между тем в начале XIX века большая часть хлопка ввозилась в Россию не из Индии непосредственно, а из стран Европы, главным образом из Англии. И это был, естественно, не английский, а тот же индийский хлопок. Он часто фигурировал в сделках под наименованием «американский».

Английское посредничество, высокие пошлины, естественно, были невыгодны для экономики России и тем кругам, которые занимались торговлей или были заинтересованы в ее развитии. Для них установление прямых торговых связей с Индией было очень заманчиво.

Это нашло отражение в ряде официальных документов. Например, в марте 1802 года на имя Александра I была подана записка «Общее обозрение торговли с Азией», составленная известным генералом, членом Непременного совета В.А. Зубовым. В ней имелся специальный раздел, касающийся Индии: «Что торговля с Индией, отколе Европа извлекает знатнейшую часть богатств своих, весьма удобовозможна для России, в том нет ни малейшего сомнения. Лучшие индийские товары, даже драгоценные металлы и камни, провозимые на оренбургскую линию, в Мангышлак и Астрабад, подтверждают то очевидно. Итак, мне кажется,— писал В.А. Зубов,— дабы усилить торговлю сию чрезвычайным пользам России, стоит только правительству обратить на оную деятельное внимание...» Записка рассматривалась 31 марта 1802 года, но какого-либо конкретного решения по ней принято не было.

Заинтересованность в развитии торговли с Индией проявлялась не только в столице, но и местными чиновниками в пограничных и торговых городах, лежащих на восточных путях, прежде всего в Астрахани, Оренбурге, Семипалатинске.

В начале XIX века, как уже отмечалось, продолжался колониальный захват Индии англичанами. Мирный по

Махараджа Пенджаба Ранджит Сингх. Гравюра XIX в.

своей религии, своим традициям и характеру народ многочисленных индийских государств относительно легко подчинялся солдатам Ост-Индской компании. И лишь на севере Индии, там, где жили воинственные сикхи, оставались свободными княжества Пенджаб и Синд, а также Кашмир, номинально входивший в состав Афганистана.

С 1799 года махараджей Пенджаба был талантливый и мудрый правитель Ранджит-Сингх — «Лев Пенджаба», как называли его. Ранее князь одной из пенджабских областей, он обновил по европейскому образцу армию, усилил ее и вел борьбу за объединение разрозненных пенджабских земель. Образно сказал об этом известном политическом деятеле своей эпохи один из современников — замечательный русский ученый, ди-

пломат и писатель Е.П. Ковалевский: «Реджит-Синг — одно из тех немногих лиц в Азии, на котором отрадно отдохнуть душой, как взором на роскошном оазисе посреди дикой пустыни».

К 1811 году Ранджит-Сингх завершил объединение Пенджаба, создав сильное централизованное государство с современным шестидесятитысячным войском, просуществовавшее до английской аннексии в 1849 году. Вот с этим свободным и сильным государством прежде всего и можно было бы установить полезный и взаимовыгодный торговый контакт.

В начале XIX века отправным пунктом для торговых караванов, следовавших в Восточный Туркестан и далее в Северную Индию, стал Семипалатинск — город, лежащий на Иртышской (Сибирской) пограничной линии. Он был основан в 1718 году как крепость, название свое получил от построенных в новом форте семи зданий, или палат.

Среди имен купцов, совершавших через Семипалатинск крупные торговые операции со странами Западного Китая и Северной Индии в начале XIX века, история сохранила, например, имена С. Мадатова, А. Поленко, М. Рафаилова, З. Шаргилова.

Дальние экспедиции на Восток, в Северную Индию в частности, в то время были опасны как в силу географических условий — трудностей пути, так и в силу частых грабежей на степных и горных дорогах. И хотя такие экспедиции для купцов были очень заманчивы, сулили им большие прибыли в случае успеха, но совершались они очень редко — несколько раз в несколько лет. Гораздо чаще отправлялись купцы в ближайшие города Синьцзяна.

С 1804 года иностранные купцы стали завозить в Семипалатинск кашемировые шали — товар, бывший тогда в большой моде, изящный, прибыльный. Мода на шали пришла в Европу в конце XVIII века, после египетских походов Наполеона. Шали во Франции, а затем и в других европейских странах стали неременной частью женского аристократического костюма. Скоро мода на шали пришла и в Россию, где они стали пользоваться большим спросом. Узорчатые, тканые из пуха тибет-

ских коз платки и шали стоили огромные деньги — от 1 тыс. до 15 тыс. рублей за штуку.

Особенно заманчивой для купцов была именно торговля шальями, и ради доходов, какие она сулила, они пренебрегали опасностями.

В 1807 году из Кашмира приехал с тюками шалей Мехти Рафаилов, приказчик крупного купца Семена Мадатова. Оба они, а также еще два приказчика — Е. Артемов и З. Шаргилов — сами повезли товар в Петербург.

Надо думать, что удовлетворение от успешной торговли имели не только купцы. За развитием этой торговли внимательно следило и российское правительство, заинтересованное, как уже отмечалось, в установлении и постоянном развитии прямых торговых связей с государствами Центральной Азии. Кашмирскими шальями М. Рафаилова сразу же заинтересовались в МИДе.

В Петербурге купцам было поручено министром иностранных дел Н.П. Румянцевым снова отправиться с товарами в Западный Китай и Северную Индию. За его подписью им был вручен 21 февраля 1808 года указ о свободном пропуске туда и обратно и денежное «вспоможение». Тогда же, в феврале, купцы покинули столицу. 4 августа 1808 года они с новыми товарами выехали из Семипалатинска, о чем имеется отметка в выданном им и сохранившемся до нас паспорте.

За три года они побывали в Кульдже, Аксу, Кашгаре, Яркенде и Кашмире и возвратились в Семипалатинск в

*Женщина в кашемировой шали.
XIX в.*

начале марта 1811 года. 11 марта командующий войсками Сибирской линии Григорий Иванович Глазенап отправил «Его сиятельству господину канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву» свою «Записку», составленную со слов одного из путешественников — Мехти Рафаилова. «Отправленны Вашим сиятельством в прошлом 1808 году чрез крепость Семипалатинскую в китайские пределы грузинской дворянин Семен Мадатов, кобульской житель из еврей Махти Рафулла, в числе четырех человек. Дворянин Мадатов по своим делам остановился в Семипалатинске, а еврей Махти Рафулла препровожден с караваном нашим до китайского города Кулжи, — писал Г.И. Глазенап, — отколе пустился по границе китайской к достижению Кашемира. Махти Рафулла исполнил свое предприятие, был в Кашмире довольно время, испытал ход тамошней торговли, и ноне возвратился в пределы наши к Семипалатинской крепости. Я, осведомясь о сем, вытребовал его ко мне в Омск, дабы получить от него сведения о тех отдаленных китайских городах и владениях, в коих он успел быть во время своего путешествия, с тем намерением, чтобы с точностию воспользоваться такими известиями на распространение в Сибирском крае торговли послушающее... Еврей сколько был в силах удовлетворил требуемое от него, и с его показаний составлена записка, кою я за долг вменил себе представить к усмотрению Вашего сиятельства. Рассмотрел я также товары, приобретенные им в Кашмире. Они состоят из одних шалей тамошней выработки, но превосходного достоинства, все эти вещи повез он с собою, таможеню запечатанные в тюки, до Санку Петербурга, ноне по приказанию моему должен явиться Вашему сиятельству».

Мехти Рафаилов — купец, побывавший в Кашмире прежде всего по своим торговым делам, но доставивший российскому правительству важные сведения о тех странах, где побывал. Что известно о нем? Сам он сообщает о себе в одном из документов, что в Россию приехал в первый раз в 1802 году. Сведений о нем, относящихся ко времени до его появления в России, практически нет. В архивных делах говорится только, что он — «кабульский житель» или «кабульский еврей». Кое-что, хотя тоже немного, нам рассказывает Уильям Муркрофт, англичанин,

офицер и разведчик Ост-Индской компании, много ездивший по Востоку и находившийся в конце первого — начале второго десятилетия прошлого века в Северной Индии. Он был знаком с приказчиками М. Рафаилова и, вероятно, знал и его самого. Согласно У. Муркрофту, Рафаилов — выходец из Персии, его мать была когда-то рабыней, а отец — купец. Родители рано умерли, и мальчика воспитали товарищи отца. Он начал работать слугой, был разносчиком, приказчиком, сам стал торговать и именно как купец попал в Россию, где поменял религию, крестившись в православной церкви.

У. Муркрофт отмечал, что Мехти Рафаилову были свойственны ум и хитрость, благодаря которым он смог выдвинуться и занять в купеческой среде видное место. Он был компетентен, по словам английского офицера, в политике, географии, знал многие восточные языки, что тоже способствовало его успеху. У. Муркрофт упоминает кашмирский и пенджабский языки. А сам М. Рафаилов пишет об этом в одной из своих записок следующее: «И не к похвале моей осмеливаюсь донести, что при малом богатстве языка российского имею я основательные познания в языках турецком, персидском, индийском и татарском, с помощью коих надеюсь и обязуюсь оказать усердные услуги мои России небесполезны».

Мехти Рафаилов, «сколько был в силах, удовлетворил требуемое от него», — писал Г.И. Глазенап. Записка, составленная с его слов, обстоятельная, содержит подробное описание путешествия, географические и этнографические данные о народах и странах, сведения о занятиях населения, торговле, государственном управлении, организации войск, отношениях с соседними странами и т. п.

Подобные документы о «современном» состоянии интересующих стран правительство получало не так часто. На данный момент представленная М. Рафаиловым записка была единственной. Автор заслуживал награды.

27 июля 1811 года Рафаилов обратился к Н.П. Румянцеву с просьбой об исходатайствовании у императора «медали для ношения на шее... за описание об открытом мною ближайшем пути к китайским границам».

26 ноября 1811 года «всемилоостивейше пожалована кабульскому жителю Мехти Рафаилову золотая медаль с

надписью "За полезное" на красной ленте для ношения на шее».

В марте 1812 года Рафаилов обратился к министру с новой просьбой — исходатайствовать для него классный чин, «в коем, — как он писал, — могу я с большею удобностью и пользою посвятить себя деятельнейшим мерам в предприятиях, поспешествующих преимущественным выгодам нового отечества моего», а «не из бесполезного тщеславия».

Конечно, чин, хотя и небольшой, придавал вес, особенно вдали от столиц. И например, весьма убедительно звучат здесь слова такого крупного чиновника, как министр внутренних дел О.П. Козодавлев, сказанные им однажды в докладе царю несколько лет спустя (в 1819 году при случае, о котором упомянем ниже): «Доктор Сальватори не имеет никакого чина, а по России без чина ездить невозможно, пока еще большинство голосов остается на стороне необразованных и безграмотных...»

Мехти Рафаилов не имел, по его словам, бесполезного тщеславия, но, можно догадаться, не был вообще лишен этого чувства. Потому что, обращаясь с просьбой о чине, между прочим, замечает, что о нем в свое время даже в газете было «троекратно опубликовано на российском и немецком языках». Публикации такие действительно имеются в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «St. Petersburgische Zeitung». Относятся они к февралю 1808 года (то есть ко времени, когда он и другие купцы, мы помним, были отправлены министром иностранных дел с торговой миссией на Восток) и помещены в разделе «Отъезжающие» («Abreisende») на последней странице: «Семен Мадатов, грузинский дворянин, Мехтира Фулло, еврей, Захар Шаргилов, тифлисский житель, и Егор Артемов, тифлисский же житель, жив. близь церкви Владимирской Богоматери, в Московской части в Шишовом доме», то есть это простое, самое обыкновенное извещение об отъезде из столицы, подобные помещались всегда и обо всех с деловыми целями. Но даже такие совсем скромные строки в столичной «прессе», можно догадаться, были очень приятны и запомнились надолго бывшему «кабульскому жителю», бывшему простому лоточнику, тем более что на той же странице подобное было

напечатано о таких людях, как «Густав Корсар, кондитер, королевско-шведский подданный», «Роберт Бук, сафьянный мастер, великобританский подданный», «Иоганн-Фридрих Кисель, седельник, франкфуртский уроженец, с женою своею Анной-Маргаритою» и «Осип Треска, французский купец»...

А мог ли он в самых невероятных мечтах представить свое имя напечатанным через 200 лет?

В 1812 году Мехти Рафаилов подал на имя Н.П. Румянцева свой «Проект на открытие путей, ведущих из России в Индию». Документ очень интересный, большой по объему и информации, составленный автором на основе своего немалого опыта «путешественника» и накопленных знаний о виданных им странах.

«Проект» содержит, подобно прочим запискам М. Рафаилова, сведения о народах и странах, лежащих на пространствах между Россией и Индией, их экономике, торговле, географии и т. п. И хотя он изложил все, как сам пишет, «в самой кратости, но не упуская из виду главной цели», и все, что он написал, «основано на строжайшей истине и на существующем ныне порядке вещей во всех сказанных странах», автор иногда несколько наивен или пересказывает легенды, как, например, при упоминании того, что жители Коканда хлеб и овощи не продают проезжающим, а подносят «все из того потребное в подарок, разве токмо от богатых людей примут иногда аршина два или три бумажной бязи», или что в Балхе цены на продукты такие низкие, что семь пудов пшеницы продаются лишь за одну серебряную монету...

Получить чин М. Рафаилов не успел. В сентябре 1813 году он был послан с караваном товаров на 160 тыс. руб. в города Северного Китая. Генерал Г.И. Глазенап сообщал в Петербург, что поручил Рафаилову доставить письмо к «тибетскому владельцу... приглашая его вступить с нами в торговые сношения. Самому ж Рафаилову поручил... делать путевые замечания свои насчет удобства таковых сношений и прочем».

А за год до этого Г.И. Глазенап информировал Н.П. Румянцева о следующем: «По случаю открываемых торговых сношений с китайскими городами... нахожу я нужным, дабы достоверно изведать пути, туда ведущие,

*Знаменитый ученый
и путешественник
Ч.Ч. Валиханов*

отправить тайно при кабульском жителе Михти Рафулле... омского военного сиротского отделения учителя Лешева, хорошо знающего инженерную науку... Но как он не знает татарского языка, почему и должен представлять из себя немого, то в переводчики ему командировать урядника сибирского линейного казачьего войска Белевцова, бывшего несколько раз за границей, кои уже по приказанию моему растят бороды».

Знаменитый ученый и путешественник Ч.Ч. Валиханов в 1850-х годах

неоднократно бывал в различных городах Восточного Туркестана и, готовясь к своим поездкам, изучал материалы, связанные с поездками своих предшественников в те края. В архивах Омска он законспектировал документы об упомянутом выше новом путешествии М. Рафаилова в 1813 году.

Итак, караван Мехти Рафаилова выступил из Семипалатинска под прикрытием отряда из 70 казаков под командой сотника Е. Старкова. Через Семиреченский край, озеро Иссык-Куль за 54 дня караван достиг Турфана. Пробыв здесь 11 дней, он отправился в Аксу. Там М. Рафаилов оставался четыре недели, ведя успешную торговлю: он продал часть своих товаров, получив взамен ямбовое серебро (ямба имела форму «подковы с круглой китайской печатью»), а затем выехал в Кашгар, где также вел торговлю, но менее удачно, так как обменял свой товар не на серебро, а на местные товары (которые намеревался уже продать на Нижегородской ярмарке).

В Кашгаре М. Рафаилов оставался в течение 13 месяцев, за это время к нему прибыл из Семипалатинска его приказчик с новыми товарами, которые Рафаилов очень быстро и выгодно продал на серебро. Затем он двинулся в Яркенд, а еще через два месяца — в Тибет. Здесь на второй день по приезде он встретился с ханом Агбар-Махмудом и передал ему письмо Г.И. Глазенапа.

Рафаилову в Тибете был оказан очень милостивый прием, было разрешено беспошлинно торговать, и хан обещал ему, что будет и впредь покровительствовать русской торговле. В Тибете российский купец прожил 34 дня. Он намеревался ехать дальше в Кашмир, чтобы там купить шали, но по случаю купил их в Тибете и от поездки в Кашмир поэтому отказался. Перед отъездом из Тибета М. Рафаилова хан дал ему аудиенцию, вручил письмо для передачи генералу Глазенапу и чрезвычайно милостиво сообщил о своем большом желании вступить в торговые сношения с Россией и о намерении отправить туда своего посланника. Из Тибета М. Рафаилов уехал в Кульджу и через восемь месяцев возвратился в Семипалатинск.

Почти два года продолжалось это путешествие Рафаилова и его спутников. Одним из результатов его явились для российского правительства новая записка «кабульского жителя», составленная им по приезде, и написанное по-персидски упоминавшееся выше письмо на имя Г.И. Глазенапа от тибетского «раджи» Махмуд-хана — документы очень важные.

«В бытность мою в вышепомянутых городах, — пишет уже М. Рафаилов, — по короткому знакомству моему с индейскими, ауганскими, кашемирскими и персицкими знатными купцами [узнал], что они охотно желают завести на границах российских и внутри оных постоянной торг и учредить купеческие конторы, даже на таких условиях, какие предложит российское правительство». И еще одна важная информация, сообщаемая М. Рафаиловым. «Не смею умолчать, — пишет он Глазенапу, имея в виду постоянную борьбу Пенджаба с английской Ост-Индской компанией, — чтобы не доложить... что владелец индейской провинции и города Лагора Ранджицын Бадша (Ранджит-Сингх. — *Авт.*) ищет покровительства, но не знает, где его найти».

Возможно предположить, что эти слова не остались без внимания и о них вспомнили через несколько лет, когда решили отправить своего посланника с письмом в Пенджаб.

Прошло еще более двух лет. В 1819 году Мехти Рафаилову был пожалован новый чин — надворного советника. И осенью этого года начала готовиться новая его поездка в Северную Индию. На этот раз правительство поручило ему важную миссию — доставить письмо К.В. Нессельроде «владельцу Панджабских областей Ранджит Дсинг. Таково же содержание письма... к правителю Кашемирскому и к независимому владельцу одной части Тибета Ранджет Акибету, с некоторыми переменами только в титулах».

«Имею честь сим уведомить Ваше Высочество, — говорилось в письме российского министра, — что ныне в столь счастливое время высокопочтенный наш чиновник надворный советник, знаменитый между торгующими персидскими и великотатарскими купцами, с давних времен Вам известный и верноусердствующий Ага Мехти Рафаилов, приехав к нам в Россию, представил всю Вашу славу, великолепие и могущество... наконец, гостеприимство, оказываемое приезжающему из разных соседственных мест купечеству, а особливо великороссийским подданным купцам. Все сие для меня приятное донес я Его Императорскому величеству... государю Александру I. Его Императорское величество... указать соизволил мне вступить в дружественное сношение с Вами чрез верных и усердных чиновников, дабы подданные купцы российские и Ваши имели свободный проезд во взаимные области».

На проекте писем Александр I 17 января 1820 года написал: «Быть по сему».

Все письма, написанные по-персидски и уложенные в мешочки из красной узорчатой парчи (образчик которой сохранился до сих пор, подшитый к делу вместе с черновиками дипломатического письма и с финансовыми счетами из лавки, мешочки стоили 50 руб. 50 коп. «с работаю»), были вручены М. Рафаилову для передачи их правителям Тибета и Кашмира. Вместе со своими помощ-

никами — бухарцами М.З. Зариповым и Муса-Ханом — он выехал из Петербурга в Семипалатинск.

Проезжая через Омск, сделал там остановку, встретился как правительственный курьер с местным начальством.

В Петербурге М. Рафаилову было поручено и еще два задания: купить шесть лучших туркменских жеребцов для государственных конных заводов (на это было ассигновано по 1,5 тыс. руб. за каждого коня), а также купить в Тибете и доставить в Россию несколько кашмирских коз для разведения их породы в дальнейшем где-нибудь в Сибири.

М. Рафаилов предлагал закупать ежегодно в Тибете козий пух и устроить в Петербурге казенную фабрику для выделки кашмирских шалей. Он лично брался найти в Тибете и в попутных городах торговых агентов, закупить в Тибете на первый раз не менее 50 пудов пуха и убедить кашмирского владельца отменить запрет на вывоз пуха и шерсти из Тибета в другие страны, кроме Кашмира. В этом М. Рафаилов надеялся на близкое знакомство с кашмирским правителем и на дружбу с его визирем. Вместе с тем он обещал нанять и привезти с собой в Петербург пятерых местных мастеров по выделке и тканию шерсти, закупить все необходимые для этого дела станки и даже самому ознакомиться с техникой ткачества шалей. В будущем он предлагал устроить фабрику, на которой, кроме кашмирских шалей, могли бы производиться изделия из пуха других пород коз.

Этот план М. Рафаилова был одобрен министром финансов и при дворе. Ему было обещано за каждый пуд привезенного пуха по 100 голландских червонцев и за каждого нанятого ткача по тысяче. Предприятие это, по словам Д.А. Гурьева, «обещало России неисчислимые выгоды».

30 апреля 1820 года М. Рафаилов выехал из Семипалатинска со своим караваном. Его вел опытный караванбаши ташкентец Мулла-Мансур Мамасеитов, а до ближайшего пограничного поста Бадельдован караван сопровождал отряд из ста казаков под командой хорунжего Мокина. На пути они подверглись нападению кочевников-киргизов, отогнавших 500 лошадей, принад-

лежавших каравану и отряду. Казаки сумели отбить и возвратить 436 из них. Мы не знаем подробностей этой стычки: подобное никем не описывалось и было вполне обыкновенным, недостойным особого внимания делом. Но часто в результате оказывались убитые и раненые. Путников поджидали и другие тяжелые испытания — непогода, болезни. И сама смерть на караванной дороге была частым встречным, и ее появление было, конечно, страшно, но неудивительно. Мы говорим об этом потому, что данное путешествие и для М. Рафаилова тоже оказалось последним...

Но пока он и его спутники — приказчики Муса-Хан и Мухамед Зугур Зарипов (Мамзур) — более или менее благополучно прибыли в город Турфан в Восточном Туркестане, где, пробыв 20 дней, приехали затем через Аксу (где с частью товаров остался Муса-Хан) в Яркенд. Здесь М. Рафаилов в течение двух с половиной месяцев вел успешную торговлю, а потом с оставшимся товаром на 18 верховых и выючных лошадях двинулся в Тибет.

Двадцать дней путешествие протекало нормально. Но за шесть дней до цели М. Рафаилов неожиданно заболел. Болезнь длилась три дня, и от «опухоли всего тела» он умер. Его похоронили здесь же, у дороги, которою он столько раз когда-то ездил со своими тюками. У. Муркрофт сообщает с чужих слов, что все это случилось в местечке, называемом Кара-Корум.

Имущество и товары М. Рафаилова не были разграблены, все они поступили в распоряжение его спутника Мухамеда Зугура Зарипова. Он и «товарищи его, два татарина и бухарец, достигли Тибета», где с товаров была взята пошлина, а «по объявлении ими о смерти Рафаилова начальство отобрало от них его (личное) имущество» в казну «по обычаю». Среди прочего в этом «имуществе» находились и письма российского Министерства иностранных дел.

Мухамед Зугур отправился затем в Кашмир, где вел успешную торговлю в течение десяти месяцев и разменял все товары М. Рафаилова на шали. А о возвращении его вещей из Тибета хлопотал находившийся в Яркенде кокандский посланник, который знал, по словам Ч.Ч. Валиханова, «связь Коканда с Россией и требовал от тибет-

ского владельца выдачи имущества Рафаилова», чтобы «немедленно представить» его своему хану, а уже тот передал бы его в Россию.

Вскоре же после смерти М. Рафаилова письмо из его «имущества» к Ранджит-Сингху оказалось вдруг у англичанина У. Муркрофта. По его словам, он «не испытывал больших угрызений совести», что читал это письмо, ибо о нем и его содержании знали вообще «очень многие». С самого начала путешествия М. Рафаилова Муркрофт следил за ним: наводил справки, посылал своих агентов, которые интересовались личностью российского купца и его не просто купеческой миссией.

И такое внимание именно англичан к этому, и то, что именно англичанину в итоге досталось в руки письмо, которое вез российский посланник, было неслучайно и даже естественно.

Англичанин сообщает далее, что намеревался встретиться с М. Рафаиловым и кое-что узнать у него лично и волновался при этом, так как знал, что тот не просто купец, но «занимается политикой». И лишь из-за внезапной смерти Рафаилова эта встреча не состоялась.

Можно догадаться, что офицер Ост-Индской компании не очень жалел об этом: во-первых, планы русских, то есть противников Англии, в отношении установления контактов с североиндийским государством рушатся; во-вторых, можно попытаться завладеть и самими письмами, какие российский посланец вез (что и удалось). Правительство России, в свою очередь, знало о «происках» англичан в этом районе. Во многих документах российского МИДа, например, У. Муркрофт и его коллега Д. Требек называются «фискалами», то есть шпионами, а также сообщается, что они подкупами добивались расположения начальников в Кашмире и в Тибете и т. п.

Российское правительство знало об этом и иногда пыталось предпринимать какие-либо ответные меры.

В конце 1820-х годов очевидной стала бесперспективность развития непосредственно русско-индийской сухопутной торговли. Царское правительство и торгово-промышленные круги все большее внимание уделяли Средней Азии как рынку сбыта и потенциальному источнику сырья для текстильной промышленности. Дальней-

шие территориальные захваты, продолжающаяся экономическая колонизация Индии Англией, активизация ее борьбы за овладение и среднеазиатским рынком подталкивали российское правительство к более решительным действиям в Средней Азии. Хотя русско-индийская торговля полностью не прекратилась, но все более приобретала случайный характер, а ее масштабы были весьма скромны.

Сведения, доставленные Мехти Рафаиловым, как мы уже отмечали, представляли для правительства России большой интерес и важность: это были одни из очень немногочисленных «современных», новейших документов, посвященных соседним и ближайшим восточным странам.

Конечно, сейчас, два века спустя, с высот современной науки легко отыскать в сочинениях М. Рафаилова некоторые ошибки и неточности, как, например, в тех или иных географических и этнографических описаниях. Сам он не бывал, естественно, везде и не мог всегда с точностью знать тот или иной маршрут, местность, населенный пункт, но пользовался иногда слухами, какие существовали в его среде, чужими сведениями, отсюда иногда и его весьма приблизительные оценки. Автор их не был ученым, не был «путешественником-профессионалом». Он был торговым человеком, опытным, знающим, но прежде всего купцом.

(По материалам В. Воловникова.)

РАФАИЛ ДАНИБЕГАШВИЛИ — ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ В СТРАНСТВИЯХ

Почти двести лет отделяют нас от времени, в которое жил замечательный грузинский путешественник и дипломат Рафаил Данибегашвили (Данибегов) (путешествовал с 1795 по 1827 г.), и все же, несмотря на столь сравнительно недолгий срок, многое в его биографии по-прежнему остается окутанным туманом, который полностью, быть может, и не рассеется никогда. Мы не знаем дат рождения и смерти путешественника, его семейного положения, не знаем, какова была его внешность, и лишь предполагаем об истинной цели его путешествий...

Основным источником сведений о жизни Данибегашвили является книга на русском языке, опубликованная в 1815 году и содержащая путевые записки путешественника.

Рассказ самого Данибегашвили дополняют и уточняют три грузинских письменных памятника, а именно: дарственная грамота последнего царя Восточной Грузии Георгия XIII, пожалованная Р. Данибегашвили перед третьим его путешествием, расписка Р. Данибегашвили в получении индийских монет от армянского священника, прошение брата Рафаила — Иосифа Данибегашвили на имя русских властей Грузии о назначении ему пенсии, датированное 1808 годом, а также хранящийся в Омском областном архиве отчет о четвертом путешествии и составленная на русском языке запись начальника Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса о пятом путешествии Р. Данибегашвили. Кое-какие сведения о путешественнике и его близких можно почерпнуть из других источников, например из журнала переписи населения города Тифлиса (Тбилиси), произведенной русскими в 1803 году, из документов, сохранившихся у потомков рода Данибеговых.

Еще в XIX и начале XX века личность Р. Данибегашвили и его своеобразная книга привлекли к себе внимание некоторых исследователей. В 1825 году в «Азиатском вестнике» была напечатана статья А.Р. (А.Ф. Рихтера), в которой упоминался труд Р. Данибегашвили. Знаток грузинской культуры, французский ученый-ориенталист Мари-Фелисите Броссе, работавший в России и являвшийся членом Петербургской академии наук, составляя в 1837 году каталог личной библиотеки грузинского царевича Теймураза, внес в него книгу Р. Данибегашвили.

Известный грузинский филолог А.С. Хаханашвили (носивший в России фамилию Хаханова) коснулся деятельности Р. Данибегашвили в двух своих публикациях: в 1891 году — в статье, помещенной в тбилисской газете «Новое обозрение», и в 1901 году — в монографии о грузинской литературе, одна из глав которой была специально посвящена Данибегашвили. Хаханашвили отмечает мастерство путешественника, с каким он описывает дальние страны, сжатость изложения и меткость языка и находит, что записи Р. Данибегашвили во многом напоминают «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Армянский исследователь А. Ерицов в той же газете «Новое обозрение» вкратце коснулся путешествия Данибегашвили и высказал некоторые соображения о его причинах. Все замечания Ерицова относятся главным образом к первому путешествию Р. Данибегашвили.

Знаменитый русский исследователь Г.Е. Грумм-Гржимайло (1860—1936) поместил в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в 1893 году краткую характеристику маршрута «замечательного грузинского путешественника Данибегова». Этот факт является авторитетным признанием заслуг Данибегашвили со стороны научной общественности России.

Грузинский издатель и писатель Захарий Чичинадзе упоминает о Р. Данибегашвили и его путешествиях в своем труде, посвященном грузинско-индийским отношениям (1900).

Все названные выше работы дореволюционного периода (до 1917 года) сыграли определенную, хотя и довольно слабую роль в деле популяризации литературного наследия Рафаила Данибегашвили. В то время мало

кто имел представление об интересной книге Р. Данибегашвили. Многие обстоятельства биографии путешественника оставались невыясненными. В советское время интерес к грузинскому путешественнику пробудился вновь. В 1925 году путешествие Р. Данибегашвили было отмечено в труде известного русского востоковеда В.В. Бартольда. В 1949 году грузинский историк Ш. Месхиа обнаружил в архиве М. Броссе (Ленинград) и опубликовал весьма интересный документ — грамоту, пожалованную царем Георгием XIII Рафаилу Данибегашвили в 1799 году, перед отправлением его в третье путешествие. Это открытие пролило свет на многие вопросы биографии путешественника и позволило установить, в частности, факт повторного посещения им Индии на рубеже двух столетий. В 1950 году в Тбилиси вышло второе, на этот раз грузинское издание «Путешествий» под редакцией видного грузинского ученого Соломона Иорданишвили. Ученый снабдил выполненный им самим перевод «Путешествий» комментариями и древнегрузинскими историческими документами. Заслуги С. Иорданишвили в деле выяснения связей народов Грузии и Индии в прошлом и создании фундамента для углубленного изучения деятельности Р. Данибегашвили весьма значительны.

В 1967 году опубликована статья Р. Р. Орбели «К литературной истории "Путешествия в Индию" Рафаила Данибегова».

В свое время стало известно, что в 1815—1820 годах Р. Данибегашвили совершил еще одно (третье по порядку выявления и четвертое по времени осуществления) путешествие в Индию. Имеющийся отчет об этом путешествии скреплен собственноручной подписью Р. Данибегашвили. Кроме того, в свете новых документов на карте маршрутов путешествий Р. Данибегашвили нанесены маршруты, относящиеся не ко второму и третьему путешествиям, как значится в легенде, а соответственно к третьему и пятому.

В 1964 году советский ученый-индолог Е.Я. Люстерник в Оренбургском архиве открыла документ, проливший новый свет на деятельность Р. Данибегашвили как путешественника. Выяснился до того никому не известный факт пятой поездки Данибегашвили в Индию и другие страны

Азии, совершенной притом по новому маршруту, который пересекал территории государств, ранее им не посещенных. Можно предполагать, что найденный документ отнюдь не самое последнее открытие, касающееся личности Рафаила Данибегашвили. Не исключено, что в архивах России и зарубежных стран со временем будут обнаружены новые, пока еще неизвестные материалы, касающиеся биографии замечательного путешественника.

Прежде чем приступить к описанию жизни Данибегашвили и для того, чтобы правильно оценить причины и значение его путешествий, необходимо хотя бы вкратце обрисовать историю взаимоотношений Грузии и России с Индией и некоторыми другими странами Азии, а также политическую обстановку, сложившуюся на южных границах Российской империи к концу XVIII — первой четверти XIX века.

Связи Грузии с Индией восходят к глубокой древности. Еще задолго до начала новой эры между этими странами существовали тесные экономические взаимоотношения. Через Закавказье, и в частности через города Мцхета, Фазис (ныне Поти) и другие, проходил великий торговый путь, связывающий Индию со средиземноморскими странами. Индийские товары перевозились по Амударье в Каспийское море (куда в то время впадала Амударья), затем их везли вверх по Куре, переправляли через Сурамский перевал и по реке Риони доставляли в Фазис. Сведения о том, что путь этот был весьма оживленным, имеются уже у греческих авторов, живших на рубеже IV и III веков до н. э.

В Средние века указанный торговый путь уже не функционировал, но связи Грузии с Индией не прерывались. Написанная в эпоху расцвета феодальной Грузии поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», в которой главными героями выступают царевна и амирбар (главнокомандующий войсками и флотом) мусульманизированной Индии, свидетельствует о наличии в Грузии того времени некоторых представлений об Индии и окружающих ее областях (Тибете, Китае, Хорезме и др.). В конце XIV века неоднократно вторгавшийся в Грузию самаркандский властитель Тамерлан принудительно обратил в ислам часть жителей Месхети, Картли и Кахети

Памятник Георгию Саакадзе в Тбилиси

и увел их с собой в Среднюю Азию. Исторически доказано, что один грузин проделал морское путешествие из Индии в Португалию и достиг в конце концов Грузии, где с ним в 1449 году беседовал посол последнего византийского императора Константина XI Палеолога — Георгий Франдзес. Сведения об Индии и ее народах проникали в Грузию также и другим путем — через грузинских полководцев и воинов, принимавших участие в военных походах на восток властителей Ирана.

В 1622 году грузинские воины во главе с выдающимся полководцем Георгием Саакадзе участвовали в войне Шах-Аббаса с Индией за право владеть областью Кандагар, попеременно принадлежавшей то Персии, то Индии. В 1738—1739 годах персидский шах Надир предпринял поход в Индию. Его сопровождали грузинский царевич (впоследствии царь Картли и Кахети) Ираклий II, находившийся в Иране в качестве заложника, и грузинские воины.

Торговые взаимоотношения Грузии с Индией поддерживались на протяжении XVIII века и первой половины XIX века регулярно. В Грузии существовали потомственные семьи купцов, издревле доставлявших товары из Грузии в Индию и обратно. При этом торговлей с Индией занимались главным образом грузинские католики (по-

следние их представители — Григол Хурсидзе и Стефане Зубалашвили дожили до 1830—1840-х годов), а также армяне. В городе Варанаси сохранилась могильная плита, надпись на которой, сделанная на грузинском языке, сообщает, что здесь в 1782 году был похоронен грузинский купец из села Коджори (близ Тбилиси) Худуашвили Тамаз. Из Индии в Грузию доставлялись славившиеся своим высоким качеством товары: бумага, медикаменты, оружие, порох, финики, пряности, алмазы, кашмирские ткани; взамен из Грузии в Индию вывозились шерсть, воск, мыло и прочие товары.

Международная политическая обстановка периода, в котором совершал свои путешествия Р. Данибегашвили, была весьма напряженной и изобиловала крупными событиями. К последним относятся дипломатические и военные успехи России и Англии в Азии (первой — на Кавказе, второй — в Индии), борьба Наполеона за мировое господство, дворцовый переворот 1801 году в Петербурге, присоединение в 1801 году Грузии к России и т. д.

Биографические данные о Рафаиле Данибегашвили весьма скудны. Род Данибегашвили (Данибеговых), живших в Тбилиси по крайней мере с середины XVIII века, принадлежал к той части грузинского народа, которая начиная с XVI века была приобщена к католицизму итальянскими и французскими миссионерами в Тбилиси и Месхети. Несколько поколений этого рода занимались торговлей с Индией, совмещая ее с выполнением всякого рода дипломатических поручений грузинских царей.

Дед путешественника, которого также звали Рафаилом, служил царю Теймуразу II в звании «дагбаши», или десятника. Отец путешественника, Осефа (Иосиф), находился на службе у царя Ираклия II, который пожаловал ему должность «хутасис-тави» («глава пятисот»). Сохранился документ (составленный в 1786 году список государственных сановников Грузии), свидетельствующий о том, что Иосиф Данибегашвили получал жалованье из царской казны. Все это вместе с обязанностью ездить в Индию перешло по наследству к нашему путешественнику. Мать его под именем «католички Анны-Розы» фигурирует в русской переписи населения города Тбилиси 1803 года, а под именем «Розы» — в приписках к дар-

ственной грамоте Георгия XIII на имя путешественника. Брат Рафаила — Иосиф Данибегашвили, дворянского звания, упоминается в той же переписи 1803 года. Семья Данибегашвили владела в окрестностях города Тбилиси поместьями, находившимися близ средневековой церкви Лурдж-Монастери — на нынешней Вере. Часть этих владений была дарована предкам путешественника грузинскими царями или персидскими шахами, а часть приобретена Данибегашвили на свои средства. Рафаил Данибегашвили начал самостоятельную деятельность путешественника, дипломата, купца, по-видимому, в 1795 году, но еще раньше он мог ездить в дальние страны с отцом, набирая опыт под его руководством. Последние годы своей жизни Р. Данибегашвили, по всей вероятности, провел в России, куда он возвращался из третьего, четвертого и пятого путешествий. Умер он, во всяком случае, после 1827 года. В России он носил звание губернского секретаря и русифицированную фамилию Данибегов, имел друзей и покровителей, содействовавших ему в издании путевых записок.

Число путешествий Р. Данибегашвили окончательно еще не установлено, но, по-видимому, он предпринял 5 поездок в зарубежные страны.

Первое путешествие: 1795—1796 годы.

Второе путешествие: 1797—1798 годы.

Третье путешествие: 1799—1813 годы.

Четвертое путешествие: 1815—1820 годы.

Пятое путешествие: 1822—1827 годы.

Первые два путешествия были предприняты Р. Данибегашвили по приказу царя Ираклия II. О них известно очень мало, хотя в результате какого-то пропуска создалось впечатление, будто описанные в книге Данибегашвили страны и города были посещены им за время именно первой поездки. Относительно причин второго путешествия мы находим прямое указание в самом тексте — доставка грамоты царя Ираклия II жившему в Мадрасе (Индия) армянскому богачу патриоту Шамир-аге (Шахамирян). Действительные цели поездки освещают составленные на армянском и на английском языках документы, доказывающие стремление Ираклия II соз-

дать (через посредничество Шахамиряна) независимое грузинско-армянское государство. Как известно, Данибегашвили уже не застал Шахамиряна в живых (он умер в 1797 году), и миссия его оказалась безрезультатной. Первая поездка продолжалась 2 года. Известны только конечные пункты маршрута: Тбилиси и Мадрас.

Третье путешествие является главным как по своей продолжительности и длине маршрута, так и по разнообразию объектов наблюдения и полноте литературно-художественного отражения. Именно рассказ об этом странствии и составил содержание книги «Путешествия».

Данибегашвили был отправлен в Индию, как об этом свидетельствует дарственная грамота царя Георгия XIII, по заданию последнего, и его третья поездка преследовала те же цели, что и прежняя: «Теперь тебя, Рафаила, мы посылаем в Индию к сыну Шамир-аги». Конкретные задачи путешествия в грамоте указаны не были. Третье путешествие Р. Данибегашвили началось в существенно иной политической обстановке, чем первые. В 1795 году персидский шах из Каджарской династии Ага-Магомед-хан с войском вторгся в Грузию, желая отомстить Ираклию II за его дружбу с Россией и за отказ повиноваться Ирану. Грузинские войска во главе с престарелым царем не смогли отразить жестокого врага. Воспользовавшись изменой, персы взяли Тбилиси и сожгли его. Через три года царь Ираклий скончался, и престол занял его старший сын Георгий XIII, не обладавший талантом военачальника и администратора. Опасаясь новой агрессии со стороны Ирана, он направил к русскому императору Павлу I послов, прося его покровительства и защиты от врагов. Император Павел щедро наградил Георгия XIII и послал в Грузию для охраны ее границ 17-й егерский полк под командованием генерала Лазарева. В 1799 году в Грузию прибыл и второй полк, мушкетерский, а с ним посол русского правительства П.И. Коваленский.

С этого момента все внешнеполитические вопросы Грузинского царства контролировались Россией.

Маршрут третьего путешествия, продолжавшегося в общей сложности около 14 лет, подробно изложен самим путешественником в его книге, но до самого последнего

времени некоторые этапы маршрута оставались неясными, а иногда даже неправильно толковались. Трудности в идентификации местностей, упомянутых Р. Данибегашвили в тексте, объясняются тем, что многие географические названия в книге были неправильно транскрибированы самим автором или же подверглись с тех пор изменению. В трех случаях Данибегашвили обозначает города названиями стран, в которых они расположены: Лех — Тибет, Сринагар Кашмирский — Кашемир, Рангун — Беку (искаженное название царства Пегу). Сринагар Гарвальский на большинстве современных карт не обозначен из-за того, что был полностью разрушен во время стихийного бедствия, происшедшего уже после путешествия Данибегашвили, и потерял свое бывшее значение. Автором искажены или приведены в малоизвестных вариантах названия городов Аракана (Бахар-Канн), Чинсуры (Чичра), Кокъяра (Кокиар) и др. Используя указания самого Данибегашвили относительно географического положения посещенных им пунктов, а также сочинения древних авторов и другие исторические материалы, удалось установить маршрут третьего путешествия. Пройдя путь общей протяженностью более 20 тыс. км (за вычетом более или менее длительных остановок в городах), Данибегашвили провел в дороге 450—500 дней и, следовательно, двигался со средней скоростью 40 км в день. Максимальная скорость передвижения на участке из Семипалатинска в Омск в почтовом экипаже достигала более 100 км в день. Большую половину всего пути Данибегашвили прошел по суше. Календарных сроков прохождения отдельных пунктов путешественник не указывает, однако на основе некоторых косвенных показаний, разбросанных в его же собственной книге, можно предположить, что в Бирме он побывал между 1802—1805 годами, когда там находился английский резидент (Майкл Сайме), а в Дели после 1803 года.

Расселение по всему миру армян, которые не могли противостоять жестоким натискам своих южных соседей и вынуждены были эмигрировать в дальние страны, имело для Р. Данибегашвили и свою светлую сторону — он находил для себя опору и содействие во многих городах Южной Азии, где жили армянские эмигранты.

Пятое путешествие Р. Данибегашвили продолжалось 5 лет. Свой путь Данибегашвили начал в России. Далее он прошел через Астрахань, пересек Каспийское море, побывал в Мазандеране (современный Бендер-Шах), Тегеране, Исфахане, Ширазе, Абушире (Бушир). От берегов Персидского залива путешественник отправился морем в Бомбей. Возвращался он в Россию через Лахор (Западный Пакистан), Сринагар (в Кашмире), Кабул, Бухару, Орск (на реке Урал) и Оренбург. В Оренбурге Р. Данибегашвили встретился с Г.Ф. Генсом, который записал его рассказ и создал, таким образом, единственный известный сейчас документ о последнем путешествии грузинского купца.

Маршрут пятого путешествия только на сравнительно коротких отрезках (Бушир — Бомбей и между Лахором и Сринагаром Кашмирским) совпадает, соприкасается или пересекается с маршрутами третьего и отчасти, возможно, других путешествий, в целом же он проходит по новым для путешественника странам (Иран, Афганистан, Узбекистан).

Обратимся к письменному памятнику путешествий Данибегашвили — его книге о главном (третьем) путешествии и записи Г.Ф. Генса.

Каков круг интересов путешественника, какова манера его описания своих путевых впечатлений? Насколько верны и точны его наблюдения и в чем заключается их научно-историческая и культурная ценность?

Книга «Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова» издана в Москве в 1815 году. На титульном листе книги, под ее заголовком, отмечено: «Перевод с грузинского».

За титульным листом следуют два листа, на которых отпечатано авторское посвящение. На первом из них значится: «Его величеству государю императору Александру I с глубочайшим благоговением посвящает сочинитель», а на втором листе — более развернутый текст посвящения: «Всемиловитейший Государь. Благосклонное и отеческое внимание Вашего Императорского Величества на каждого сына России, по возможности сил содействующего к общему благу, и великодушное, снисходительное одобрение самонаималейшего труда, предпринимае-

мого для пользы Отечества, даст мне смелость повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества ничтожный труд мой. Странствуя осьмнадцать лет по Индии и пространным землям, вокруг нее лежащим, я собрал некоторые черты обычаев и нравов обитателей тамошних, образа их жизни, их богослужения и некоторые сведения о качествах самой земли. По возвращении моем в отечество, желая Россиянам, моим соотечественникам, передать все мною виденное и таким образом ознакомить их не только с теми странами, но и с их жителями, перевел сие путешествие с Грузинского на язык Российский. Жребий мой возвысится на самый верх щастия, ежели сие ничтожное мое приношение удостоится великодушного Вашего Императорского Величества благоволения. Всемилоостивейший Государь. Вашего Императорского Величества верноподданнейший Рафаил Данибегов».

«Путешествия» написаны в своеобразном жанре путевых записок. Данибегашвили ведет рассказ в последовательности главных событий его жизни в пути и порядке прохождения им городов и стран.

Сжатый очерк Данибегашвили насыщен разнообразными географическими сведениями о встреченных в пути странах, городах и народах. Путешественник подмечает и удачными выражениями характеризует природные особенности различных местностей, наиболее яркие черты жизни и быта населяющих их народов. Особенно обстоятелен рассказ Данибегашвили о пребывании в Индии. Об этой стране он сообщает много интересных подробностей, касающихся ее городов, климата, растительного и животного мира. Обращает Данибегашвили внимание и на чужеземные обычаи: похоронные обряды индийцев, самосожжение индийских вдов, тибетскую полиандрию, налоги на торговлю бетелем и др.

Рассказ Р. Данибегашвили деловит и немногословен. Однако рамки чисто эпического повествования нередко раздвигаются, давая место лирическим излияниям и размышлениям автора, и тогда он обстоятельно рассказывает о путевых происшествиях, постигших его невзгодах и сопутствовавших им чувствах отчаяния, печали, страха. Таков эпизод в Рангуне, когда его, нечаянно нарушившего местные правила, окружила толпа, угрожавшая ему смер-

тью; кораблекрушение в Бенгальском заливе; присутствие автора в городе Нурпуре во время церемонии самосожжения вдов; переход через перевал Каракорум и т. д.

Все симпатии Данибегашвили на стороне Индии. Путешественник сочувствует отважной борьбе индийского народа с завоевателями и дважды с удовлетворением отмечает, что все попытки англичан овладеть городом успеха не имели.

Запись Г.Ф. Генса о пятом путешествии Р. Данибегашвили представляет собой краткое изложение маршрута пути и политических наблюдений путешественника, касающихся Индии и Бухары. Более пространно описана деятельность британского разведчика Уильяма Муркрофта в Бухаре. Как известно, Муркрофт, исследовавший Гималаи и Тибет, впоследствии под видом закупщика лошадей через Афганистан проник в Бухару. Рассказ Данибегашвили о бухарской операции Муркрофта содержит ряд подробностей, не лишенных общего интереса (например, о переодевании англичанина и его спутников, о взаимоотношениях разведчика с местными племенами и правителями, вооружение его отряда, плата за коней и ослов). Затем автор записи касается состояния английских дел в Индии — взятие города Бхаратпура, численность гарнизонов в Бахавалпуре и Лахоре, нахождение французского генерала-перебежчика на службе у индийского раджи и т. п. Естественно, что этот лаконичный перечень фактов, показавшихся Г.Ф. Генсу наиболее интересными в сообщениях Р. Данибегашвили, слабо отражает результаты путешествия в целом. В нем не содержится, в частности, никаких сведений об Иране и Афганистане, пребывание в которых Р. Данибегашвили было достаточно длительным.

Жизнь Рафаила Данибегашвили, прошедшего более тридцати лет в путешествиях по дальним странам, достойна изучения. Р. Данибегашвили, возможно, был первым из числа жителей Российской империи, посетившим Бирму. Во всяком случае, его путевые заметки — самое раннее известное нам описание этой страны на русском языке. Его своеобразная книга отличается точностью сообщаемых сведений, правильных для своего времени. Насыщенная непосредственными и живо изложенными

впечатлениями человека, исходившего Турцию, Индию, Бирму и Западный Китай, она, без сомнения, должна была в определенной мере удовлетворить любознательность тогдашнего русского общества по отношению к жизни Востока. Путешественник собрал и сообщил интересные сведения о пути из Восточного Туркестана в Западную Сибирь. Р. Данибегашвили был, очевидно, полиглотом, зная, помимо грузинского, армянского и русского, также некоторые восточные языки. Человек нестигаемой воли, твердого характера и большой физической силы, деловитый и предприимчивый, горящий желанием послужить своей родной земле,— таким рисуется нам портрет замечательного грузинского путешественника. Наконец, умение подметить, правильно понять и изложить наиболее характерные черты жизни целых стран, городов и народов составляет еще одно из достоинств Рафаила Данибегашвили — исследователя дальних стран.

(По материалам Л. Маруашвили.)

ПО ПРОЗВИЩУ ИНДЕЕЦ

Князь Алексей Дмитриевич Салтыков (1806—1859), приехав в Индию в 1841 году, еще не носил прозвища Индеец, но уже был известен экстравагантным образом жизни и нестандартными мыслями. Он родился в Петербурге, имел 3,5 тыс. душ во Владимирской губернии, и жизнь его сначала развивалась по сценарию, разработанному поколениями Салтыковых.

Восемнадцать лет он поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел, через пять лет уехал за границу — сначала в Константинополь, потом в Афины, Лондон, Флоренцию, Рим, Тегеран, снова в Лондон.

В Персии он окончательно понял, что больше всего в жизни любит не официальные бумаги и рауты, а живопись и путешествия, что его влечет Индия, а не карьера дипломата. В 34 года в чине надворного советника он вышел в отставку, поселился в Париже, запланировал и осуществил путешествия по Индии и по Европе, серьезно занялся рисунком.

Несколько необычный быт — восточный костюм, уклонение от светских приемов, что рассматривалось многими как отшельничество, превращение квартиры в музей восточных редкостей — не сделал его «чужаком», посмешищем среди знакомых. Современники успели заметить и оценить его открытый, мягкий характер, отсутствие зазнайства и княжеской фанаберии. А.Д. Салтыков был плоть от плоти российской интеллигенции, его гуманизм, пылливость, интерес к чужой культуре были частью мировоззрения передовых людей того времени. Сохранились свидетельства его дружбы с поэтом П.А. Вяземским и композитором М.И. Глинкой.

Путешествие в Индию, предпринятое А.Д. Салтыковым, было явлением выдающимся само по себе. В то время, чтобы только добраться до Индии, требовалось несколько месяцев. Внутри страны не было современных средств сообщения. Правда, это не значило, что путеше-

ственник обязан был идти пешком. Основным средством передвижения европейцев был паланкин — шесть пар чужих босых ног. Путешествовать надо было ночью, когда спадала жара. А.Д. Салтыков с юмором описывает, как носильщики несколько раз за ночь роняли его на дорогу. Это не больно, но приходилось просыпаться.

До А.Д. Салтыкова подобный маршрут совершил только Виктор Жакмон в 1829—1832 годах. Русский путешественник в 1841—1843 годах сразу, еще на корабле, попал в «английскую» Индию, но больше его интересовала «туземная». Он был на приеме у Великого Могола Бахадуршаха II в Дели, бесславно доживавшего свой век, еще не знавшего, что ему суждено навеки остаться в истории, сыграть заметную роль в 1857 году, когда он, скорее всего подчиняясь обстоятельствам, возглавил Сипайское восстание. Он был в Пенджабе в смутное время, когда создатель этого государства Ранджит-Сингх умер, а достойного наследника у него не нашлось и до присоединения Пенджаба к английским владениям оставалось несколько лет. При нем шла Первая англо-афганская война, закончившаяся бесславым поражением англичан. Он непосредственно наблюдал процесс аннексии Синда. Другими словами, его письма и рисунки — это важнейшие документы, источники по истории Индии XIX века.

Завершение британского завоевания Индии, происходящее на 1840-е годы, было лишь одним из процессов, знаменовавших особый период индийской истории, называемый по-научному периодом эксплуатации методами промышленного капитала. Другими словами, англичане стали наводнять Индию своими товарами и видели свою задачу в том, чтобы продавать их как можно больше. А для этого надо было расширять внутренний рынок. Это означало, в свою очередь, уничтожение феодальной вольницы и анархии, сметание внутренних политических и таможенных границ, новые захваты, приобщение индийцев к ценностям и вкусам европейцев, в конечном счете — ломку традиционной социальной культуры. В английской администрации и, если можно так выразиться, в «колонизаторской мысли» верх взяли люди, считавшие, что все европейское заведомо выше азиатского, что в древней и средневековой истории Индии не

было ничего положительного, что задача белого человека в Индии — цивилизовать эту страну путем европеизации и решительного отбрасывания всего традиционного. Их называли утилитаристами или евангелистами.

Не так уж много разрушили и преобразовали «прогрессивные» колонизаторы в первой половине XIX века, но сделали это так грубо и неумело, с таким явным высокомерным презрением ко всему индийскому, настолько не заботясь о том, как все это воспринимается в массах, что вызвали волну ненависти, захлестнувшую в 1857 году всю Северную Индию и почти на год вышвырнувшую их из этих районов.

Восстание англичанам удалось подавить, но они извлекли из него уроки, в частности излечились от евангелических иллюзий. У них было два пути — продолжать социальные преобразования, опираясь на передовые слои индийского народа, которые к тому времени уже оформились, или же отказаться от преобразований ради спокойствия в своих владениях и опереться на реакционную часть индийского общества. Они избрали второй путь.

Таким образом, Салтыков застал наиболее «прогрессивный» колониализм, настолько прогрессивный, насколько он вообще может быть таковым. В 1829 году англичане запретили сати — обычай сжигать вдову на погребальном костре мужа, бытовавший среди ряда высших каст. Был запрещен и жестко преследовался другой варварский обычай — убийства новорожденных девочек в семьях раджпутов (воинская каста). В 1843 году между двумя путешествиями А.Д. Салтыкова в Британской Индии было запрещено рабство. В 1793—1833 годах были введены земельно-налоговые системы, приведшие к середине XIX века к торжеству частной собственности на землю. Однако вблизи эта революция выглядела совсем иначе. Проводимая сверху, безразличными господами, ставшими как можно меньше общаться с теми, кого они в собственных интересах «облагодетельствовали», она ассоциировалась не с прогрессом, а с произволом и подчинением. А.Д. Салтыков, казалось бы (учитывая его происхождение и воспитание), должен был воспринять как должное британский снобизм и отстранение от наро-

да. Напротив, стремление к социальным реформам, если бы он его заметил, могло бы неприятно поразить князя. Нет, мы видим совершенно обратное. Колониальная социальная революция не похожа на революцию в независимой стране. Никакого «революционного энтузиазма», меньше всего правители заняты мыслями о благе подданных, зато презрение, неуважение, брезгливость по отношению к управляемым поражают даже российского аристократа.

А.Д. Салтыков приезжает в Индию как гость англичан — и рекомендательные письма у него к английским губернаторам, и общие знакомые, и постоянные приглашения он получает на чисто английские или чисто колониальные увеселения. Но вместе с тем мы видим, как постепенно возникает, растет и увеличивается непонимание между английской колониальной администрацией и одиноким путешественником, как растет охлаждение и как сокращается расстояние между А.Д. Салтыковым и индийским народом. Это настолько ясно, когда читаешь письмо за письмом, что приходят на память даже какие-то современные назидательные исторические романы, где положительный герой обязан проделать именно эту эволюцию.

Салтыков начинает уклоняться от приглашений жить в английских домах — на Англию он насмотрится в Англии! — заводит друзей на делийском базаре, в его речи все чаще попадают слова на хинди. Индия настоящая, Индия улицы и деревни, навсегда остается в его сердце. Доказательством служит хотя бы то, что в 1845—1846 годах он совершает второе путешествие в Индию и на Цейлон, имея ясный план — как можно больше зафиксировать на бумаге карандашом и красками, а в Европе устраивает свой быт так, что получает прозвище Индеец.

«Путешествие в Персию», которое А.Д. Салтыков издал в 1849 году в Москве, было встречено сочувственно и с интересом, но особой сенсации не произвело. «Письма об Индии» ожидала другая судьба. Их приняли восторженно. Сыграли свою роль как большой интерес русского читателя к стране, где, по словам персонажа более поздней оперы, «не счесть алмазов пламенных в пещерах, не счесть жемчужин в море полуденном», так

и художественные достоинства писем. Они писались с дороги родным и друзьям, не предназначались для печати и, хотя и были отредактированы, сохранили непосредственность впечатлений, давали «эффект присутствия». Они отличались простотой, безыскусственностью, в них много от личности автора, они в хорошем смысле субъективны. А такая проза ценилась тогда так же, как ценится и теперь.

Салтыков писал по-французски. Он, правда, опубликовал несколько писем в переводе на русский в «Москвитянине», но первое полное издание всех писем в виде книги вышло на языке оригинала в Париже и стало событием во французской литературе. В 1853 году второе французское издание составило три тома. В него было включено много иллюстраций — авторских гравюр и акварелей. Отдельно вышел альбом рисунков большого формата, части которого сохранились в хранилищах Русского музея в С.-Петербурге, Исторического музея и Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве. В переводе на русский язык «Письма об Индии» без иллюстраций вышли в 1850 году и вторым изданием в 1851 году.

(По материалам Л. Алаева.)

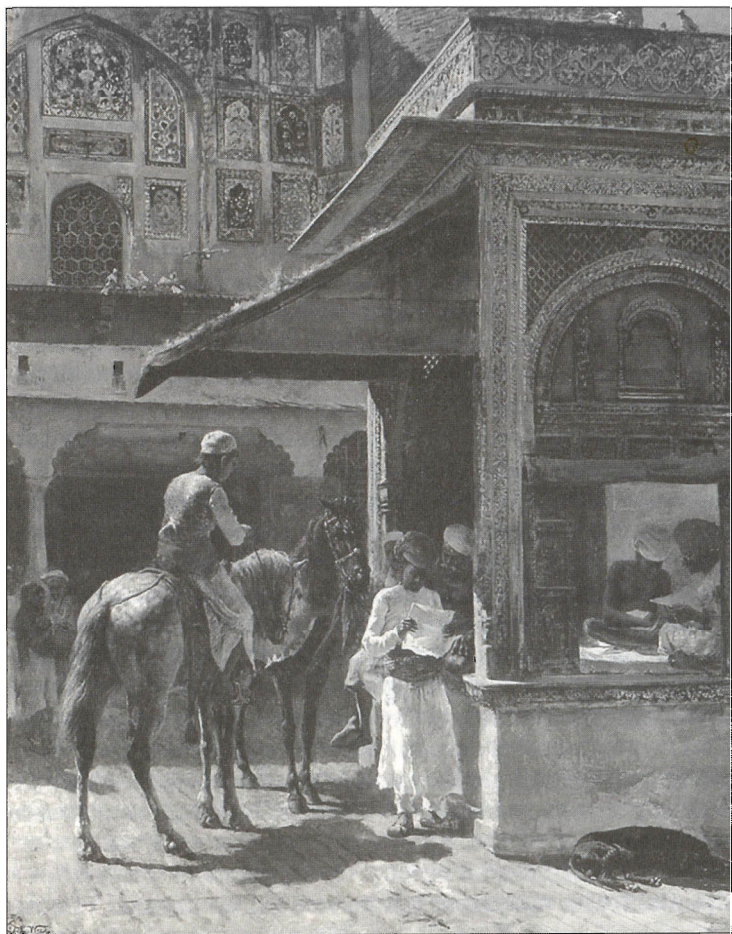
ПИСЬМА ОБ ИНДИИ

Бомбей, 18 марта 1841 года.

Обширный город Бомбей расположен посреди пальмового леса. 280 тыс. индийцев и гебров (приверженцы зороастризма. — *Авт.*) населяют его... Перед вами — люди полунагие, в белых полостях, с медяным цветом лица, с разрисованными плечами и руками, в чалмах белых, алых, желтых или зеленых. Перед вами — женщины, также едва облаченные в разноцветные, прозрачные, как паутина, ткани, разукрашенные золотыми и серебряными ожерельями, кольцами, подвесками на шее, на руках, на ногах, серьгами в ушах, в ноздрях, раздушенные благовонными цветами, вплетенными в волосы...

Окинув беглым взором этот роящийся народ, вы торопитесь взглянуть на странные капища, уставленные

бесчисленным множеством истуканов: тут толпы факиров, увечных, иссохших, худых, как оглоданные кости, с длинными, крючковатыми ногтями на руках и ногах; тут безобразные старухи, волосы растрепаны, взоры дики. Тут обширные пруды с каменной набережной — в них обмывают покойников. Далее безмолвные часовни гебров, шумные пагоды индийцев, — тяжелый запах мускуса от множества мускусных крыс, живущих под землею, разлит по воздуху; странные звуки неумолкающей

Уличная сценка в Индии. Художник Э. Викс

музыки... Вот что с первого раза овладеет вниманием путешественника.

Проходя по улицам, часто видишь решетчатые здания, в которых горит тьма свечей: это храмы индийцев, где совершают обряды свадьбы: женят десяти- или двенадцатилетних мальчиков на пяти- или шестилетних девочках. Жених и невеста почти нагие, но обвешанные кольцами, ожерельями, обмазанные желтой краской, окруженные множеством народа. Их то обмывают, то окрашивают снова, и это продолжается беспрестанно три или четыре дня, при громе барабанов и скрипок, день и ночь, и превосходит всякое описание.

Здесь все — игрушка, кроме пальмовых лесов. В городе и в окрестностях, по всем направлениям и по всему острову проведены превосходные шоссе; впрочем, остров невелик. Выезжая в коляске за город и видя разбросанные кругом красивые дачи англичан, выстроенные в итальянском вкусе, можно подумать, что находишься в Палермо; но посмотришь на этих голых, длинноволосых людей, выделяющихся на фоне светлой зелени бананов, темных листьев кокосовых пальм и стройных арековых, и тотчас же переносишься воображением в Южную Америку.

Губернатор Бомбея живет в великолепном дворце, выстроенном посреди роскошного сада и называемом «Парел». На лестнице сидят индийцы, одетые в английские ливреи. Вы входите в огромный и высокий зал; во всю его длину висит опахало, подвешенное посреди потолка: это деревянный щит с полотняной бахромой, беспрестанно приводимый в движение. Окна закрываются шторами, сплетенными из благовонных трав, постоянно смачиваемых. В комнатах, несмотря на постоянный душливый зной, всегда прохладно. Губернатор сэр Джеймс Карнак в настоящее время оставил этот дворец и живет на возвышенности, называемой Малабар-Пойнт. Дом окружен пальмами, постоянно колеблемыми свежим морским ветром. Сэр Д. Карнак почтил меня ласковым приемом и пригласил на праздник, делаемый им по случаю прибытия сэра Колина Кэмпбелла. Он предлагал мне даже поселиться у него в Пареле; но мне хотелось жить в городе,

и я отказался. Непростительный промах, за который я потом дорого расплатился, вынося долгую пытку от страшного жара и различных насекомых.

Сегодня у губернатора бал. По словам сэра Карнака, в числе гостей будут индийцы и гебры. Английское общество в Бомбее очень многочисленно. Здесь нет хороших гостиниц, и поэтому я занимаю верхнее жилье одного выморочного гебрского дома; внизу помещился барон Леве-Веймар: мы наняли дом пополам. Дом наш состоит из огромных ветхих покоев, без дверей, без окон, с несколькими террасами. Птицы летают по моим комнатам как ни в чем не бывало и, кажется, не намерены для меня оставить своих привычек. Рядом с нами празднуют свадьбу: барабаны и скрипки гудят день и ночь. Мисс Эмма Роберте в своем занимательном сочинении справедливо замечает, что в Бомбее круглый год праздник: точно — праздник, но преварварский.

Вечером бывают у меня обыкновенно странные сцены: пляски баядерок, за которыми можно посылать в любое время. Баядерки составляют особую касту, касту очень многочисленную; единственные их занятия — пляска, пение и жевание бетеля, вяжущих рот листьев, которые, говорят, очень полезны для желудка и от которых сильно краснеют губы. Эти плясуньи ловки и милы; платья на них из белой, розовой или малиновой дымки с золотыми и серебряными узорами, на обнаженных их ногах навешены металлические кольца и цепи, которые во время пляски производят звук, похожий на бряцание шпор, только несколько серебристее. Приемы баядерой так отличны от всего, что я раньше видел, так восхитительно свободны, так своеобразны, песни так плачевны и дики, движения так сладострастны, мягки и живы, сопровождающая их музыка так «раздирательна», что трудно обо всем этом дать приблизительное понятие.

С баядерками обыкновенно ходят мужчины сурового вида, которые во время пляски следят за плясуньями, как тени, трезвоня на своих инструментах и беспрестанно топая ногами. Невольно задумаешься о таинствах чудесной Индии при мысли, что эта пляска, значение которой утрачено, вероятно, восходит к самой глубокой древности и что плясуньи повторяют ее бессознательно

в продолжение тысячелетий. Баядерки занимают целые улицы; дома их высоки, легкой постройки и напоминают китайскую архитектуру. Вечером они освещены, в них гремит музыка; вход свободен для всякого. Но англичане не умеют ценить этих индийских Терпсихор. Вчера у меня во время пляски англичане схватили этих нежных дев и начали с ними кружить вальс. Это так их обидело, что они бросились на землю, расплакались, долго не соглашались плясать и хотели уйти.

Слишком занятые положительными интересами, англичане нисколько не наслаждаются тем, что составляет роскошь, изящество и очарование Индии. Для них все это кажется пошлым и обыкновенным. Вообще они презируют все, что несходно с привычными им понятиями. Тщетно раскрывается перед ними природа Индии, пленительная, простодушная и вместе с тем дикая и величественная: в отношении «сени» они допускают только парки. Близ английских зданий все отстранено, что напоминает Азию.

[Ему же]

Конджеверам [Канчипурам], 27 июня, вечером.

Прошлую ночь я провел в паланкине, а сегодня утром прибыл в Конджеверам. Это только прогулка, и послезавтра утром я возвращусь в Мадрас. Конджеверам — небольшой городок, рассеянный в священном лесу; в нем 50 тыс. жителей (в том числе 10 тыс. браминов) и бесчисленное множество пагод. Я остановился в уединенном, чистеньком домике, выстроенном для путешественников. Мадрасский губернатор, лорд Элфинстон, выслал мне туда трех служителей с различными съестными припасами; перед завтраком я по обыкновению взял ванну.

Предваренные о моем приезде, брамины выслали к нам слонов и танцовщиц, молоденьких, хотя вовсе красивых. Одна из них, довольно, впрочем, хорошенькая, играла на странном инструменте из кокосового ореха, звук которого походил на гобой и вместе с тем на плач маленького ребенка. Эта малютка, играя, делала большие усилия, к которым вынуждала ее мать, толстая, смуглая мегера. Я выгнал мать из комнаты, а дочери подарил несколько рупий, дав себе обещание попросить лорда Эл-

финстона, чтобы он принял меры к прекращению такого ревностного обучения юношества.

Слоны, отделявшиеся от зелени палм и лужаек, были необыкновенно красивы, и вся толпа, наполнившая мои комнаты, носила на себе какой-то особенный отпечаток. Разумеется, этот народ пришел ко мне за подаванием, и я вынужден был сыпать рупии пригоршнями.

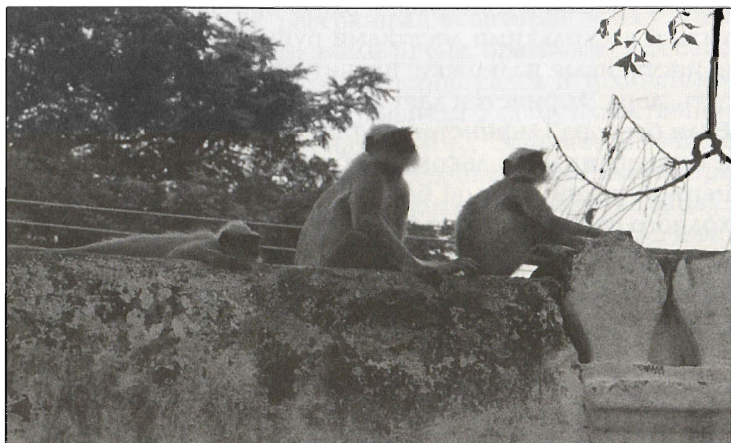
Я осмотрел одну пагоду, потом другую. Оба здания великолепны, величественного зодчества, с самыми странными украшениями, с изображениями вымышленных чудовищ; и все это перемешано пальмами, огромными бананами, крытыми ходами и переходами, двориками, площадками. Толпа браминов, молодых и старых, полунагих, испещренных желтой и белой красками на лице и на груди, была погружена в моление; одни, служители Шивы, истребителя, лежали ниц, другие, служители Вишну, сохранителя, молились стоя. Все они поклоняются Бrame, верховному существу, творцу мира. Баядерки плясали под звуки оглушительной музыки; слоны следовали за мной повсюду, как тени. Вся эта картина, и в целом и в подробностях, была волшебно-очаровательна.

Мне показывали сокровища храма, принадлежности одеяний и украшений идолов, которых время от времени возят по городу в огромных колесницах, украшенных странными деревянными изваяниями и изображениями уродливых божков; и здесь пришлось мне поплатиться несколькими десятками рупий, впрочем, это мои единственные издержки: правительство или, лучше сказать, лорд Элфинстон дает мне помещение и стол даром. Если бы лорд Элфинстон не был так внимателен ко мне и не снабдил меня лакомыми блюдами своей безукоризненной кухни и целой батареей бутылок из его превосходного погреба, может быть единственного в целой Индии, я был бы в крайнем затруднении. Пришлось бы есть одни кокосовые орехи: все, что можно найти на конджеверамском базаре, и все баснословные кушанья браминов до того противоречат нашим представлениям о съедобном, что ни один человек в мире, исключая коренного индийца, не отважится на подкрепление себя подобной пищей. Туземный стол состоит из плодов и овощей, но до того приправленных духами, маслами и сахаром, что ста-

новится тошно. Возьмешь кусок в рот и подумаешь, что раскусил или мускус под ламповым маслом, или фиалковую помаду, или неаполитанское мыло. В этом отношении здесь нельзя подражать туземцам, как я это делывал в Турции, Италии, Персии, Грузии и даже Сицилии.

В Конджевераме держат очень много обезьян; их видишь повсюду — и в домах, и на кровлях, и в храмах, и всем им оказывают большее или меньшее уважение. Первое, что бросилось мне в глаза при моем приезде в Конджеверам, были эти обезьяны, а потом — огромный пруд с превосходной гранитной набережной и спусками. По набережной двигался почтенный слон... Нужно заметить, что здешним слонам проводят на лбу горизонтальные или вертикальные линии, смотря по тому, посвящено животное Вишну или Шиве. На описываемом мной слоне сидел выбритый догола брамин, поклонник демона; в руках у брамина был медный сосуд с пучком зеленых листьев. Впереди шли музыканты, ехал на корове мальчик и изо всех сил колотил в цимбалы, что доставляло ему видимое удовольствие; к слону были привешены колокольчики, два колокола и что-то вроде рога или трубы. Я вылез из паланкина и любовался этим важно-шутовским шествием. Однако пора кончать. Прощай.

P.S. Я остался в Конджевераме до вечера и случайно попал на праздник. Представь себе... посреди странной

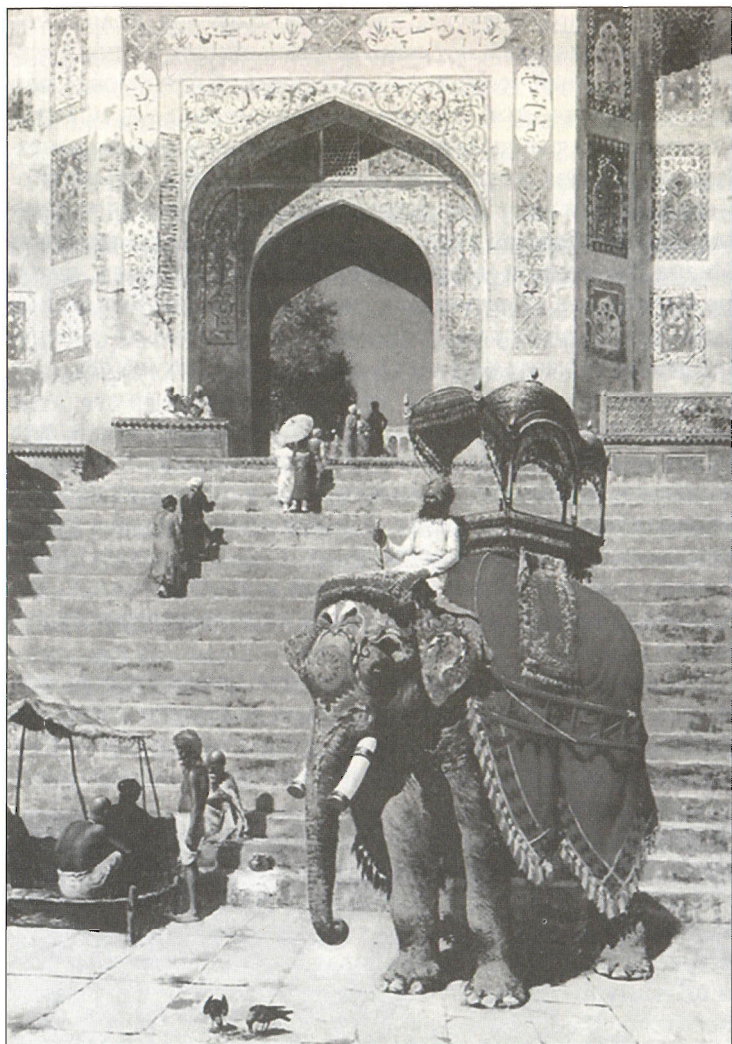
Обезьяны и в современной Индии пользуются почетом

индийской архитектуры при свете факелов колоссальный позолоченный истукан, поставленный на подмости и движимый толпою людей, казалось, шествовал сам собой, окруженный браминами. К этому надо прибавить беснующихся музыкантов, сидящих верхом на коровах. Кумир обошел круг во внутренности храма по обширным дворам и вышел из портика высокой гранитной башни, превосходящей размерами московскую колокольню Ивана Великого и насчитывающей, по сказаниям, четыре тысячи лет. Шествие двигалось по улицам Конджеве-рама и по перелескам, посреди пения и грома по распротертым богомольцам, при блеске потешных огней.

...В Тричинополи я в первый раз в жизни видел, как курят индийскую хукку. Мне показалась странною привычка курить вместо хорошего табаку сахарный песок и банановую пастилу, вспрыснутые розовым маслом. Впрочем, кажется, эта привычка укоренилась во всей Индии. Банан — хороший плод, здоровый и удобоваримый, похож на большой огурец. Я до сих пор предпочитаю его есть, а не курить.

Недалеко отсюда есть деревушка. Сегодня утром двигалось оттуда погребальное шествие под звуки песен, барабана и трубы. На носилках, устланных пальмовыми листьями, несли труп женщины, вероятно, по здешнему обычаю, на костер.

Мадрасский губернатор, лорд Элфинстон, показывал мне однажды на морском берегу место, предназначенное для сжигания трупов. На костер бедняков идет коровий помет, на костер богатых — сандаловое дерево. Я не большой охотник присутствовать при подобных сценах и поэтому не искал случая поглядеть на обряд сжигания поближе. Говорят, что, когда ветер дует с моря, от погребального костра доносится запах жареных бараньих котлет, точно с кухни. Хорошо еще, если бы жгли только мертвых, а то здесь поджаривают иногда и живых. Мать моего нового знакомого — Пудукотского раджи — очень умная и очень добрая женщина, любит своих детей без памяти, а когда умер ее муж, непременно хотела взойти на костер; насилиу отговорили ее от этого намерения именем детей.

Королевский слон. Художник Э. Викс

Но после смерти Танджорского раджи дело обошлось не так просто: его жена сожглась с удивительным хладнокровием. Еле уговорили ее, чтобы она не всходила на костер, где лежал труп ее мужа, и предпочла смерть на большом огне. Она согласилась и бросилась в яму с пылающим хворостом, где испепелилась в одно мгновение.

Перед смертью она простилась с домашними и с министрами, которым поручила своих детей. Впрочем, мне говорили, что этот обычай принят только в высших классах, и то во владениях раджей; в областях, принадлежащих Ост-Индской компании, он давно исчез. Лорд Элфинстон написал вдове Пудукотского раджи убедительное письмо, в котором упрасивал ее не следовать безумному обычаю, и его настояния могли послужить ей достаточным извинением в глазах соотечественников. В простом народе женщины никогда не сжигаются.

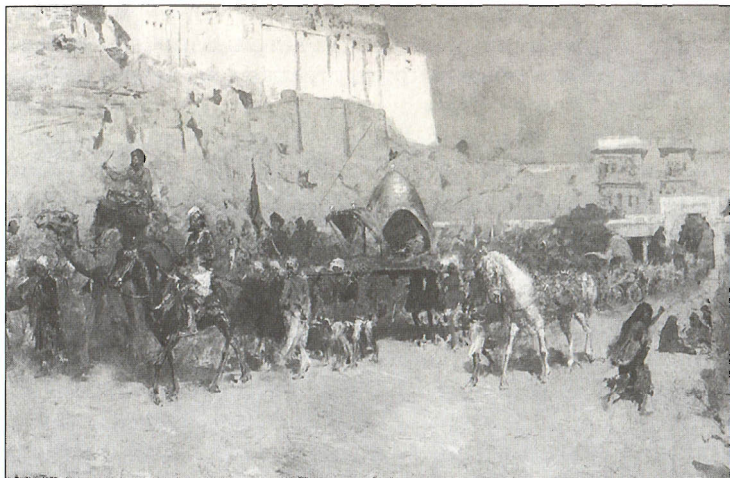
Я теперь на дороге в Траванкор [Траванкур], сижу на станции. Люди, сопровождавшие поутру погребальное шествие, подошли к моему дому со своими барабанами и трубами и хотят войти в мою комнату. Все они пьяны, кроме двух или трех, которые противятся их желанию.

Ты знаешь, что это за люди: голые, подпоясанные какой-то тряпкой, черные, как негры, но с длинными волосами. У иных половина головы выбрита и оставлен длинный чуб. Все они малабарцы, или тамилы, говорят на малабарском наречии, отрасли санскритского языка, как меня уверяли. Кроме различия племен есть еще различие каст, как ты очень хорошо знаешь, и каждая каста считает себя отдельным народом. Вообще стоит заметить, что не годится изучать касту со слов ее членов: вместо надлежащих указаний вам наговорят нелепости, подсказанные заблуждением и предубеждением.

[Ему же]

Калькутта, 15 октября 1841 года.

Хотелось бы мне описать тебе поподробнее столицу Индии, да жара [стоит] невыносимая: местность низменная, влажная, воздух удушливый... Просто не хочется ни за что приниматься. Все англичане, исключая геркулесов и крепких голов, встают в 5 часов утра на рассвете, когда по небу тянутся еще розовые полосы, а отдаленные леса подернуты сизоватым туманом, и отправляются на берега реки, кто в кабриолете, кто в коляске, кто верхом, но легкой рысцой. Всякое излишнее движение здесь губительно, и после 6 часов солнце печет так жарко, что сердце замирает. Обитатели Калькутты спешат укрыться в дома, и панкха («опахала») приводятся в движение.

Свадебная процессия в Джогпуре

В 5 часов вечера начинают показываться красивые экипажи на Корсо и на берегах Ганга; из экипажей выглядывают бледные, истомленные лица. Англичане по образу жизни находятся под постоянным страхом смерти; туземцы, не употребляющие ни мяса, ни вина, — другое дело. Обыкновенная их пища состоит из рису, саго, овощей, плодов, молока и пшеничных лепешек. Пьют они единственно рисовую и кокосовую воду. Белая чалма защищает от солнца знатных индийцев, а простой народ обходится и без чалмы; впрочем, эта способность выносить жар не дается привычкой, а лежит в самой природе туземцев, потому что дети англичан, рожденные в Индии, не могут переносить здешнего жара и посылаются своими родителями в Англию более для подкрепления здоровья, чем для образования. Словом, индийское солнце действует на европейцев губительно.

[Ему же]

Между Калькуттой и Бенаресом, на Ганге, 3 декабря 1841 года.

Я 15 дней нахожусь на барке, прицепленной к пароходу, а Бенарес еще далеко. Дней в 10 доплывем.

Мы носились в продолжение нескольких дней по узким речкам, составляющим дельту Ганга, лавируя меж-

ду необитаемыми, болотистыми островками, поросшими непроходимой трущобой леса и кустарника. Каждую ночь мы вынуждены были бросать якорь в этом безлюдье, опасаясь мелей, которые очень часты на Ганге. Сопровождавшие нас молодые офицеры в одну из таких ночных стоянок вздумали снять шлюпку и прогуляться вдоль берега. Один из них попробовал пустить ружейный выстрел в чащу; на выстрел откликнулась стая шакалов, но заунывный голос их был заглушен продолжительным ревом, похожим на отдаленные, подземные раскаты грома. Это был рев тигра, который заставил неосторожных поспешно возвратиться.

При первом красноватом свете утренней зари мы снова снимались, и, когда встающее солнце разгоняло сырой, но теплый туман злокачественной атмосферы, мы могли видеть жильцов этой пустыни — крокодилов, лежавших на берегу и металлическим блеском своей кожи и неподвижностью подобных отлитым из меди; они как будто сторожат свою землю, обращая к воде раскрытую пасть, скрывая туловище под густой сенью тропической растительности. Каждое из этих животных было от 15 до 20 футов длины. В одного из них выстрелили с парохода мелкой дробью: раненый спрыгнул и скрылся в воду.

Таким образом прошло около недели, пока мы наконец повстречали первую бенгальскую лодку дровосе-

Водоносы на Ганге. Художник Э. Викс

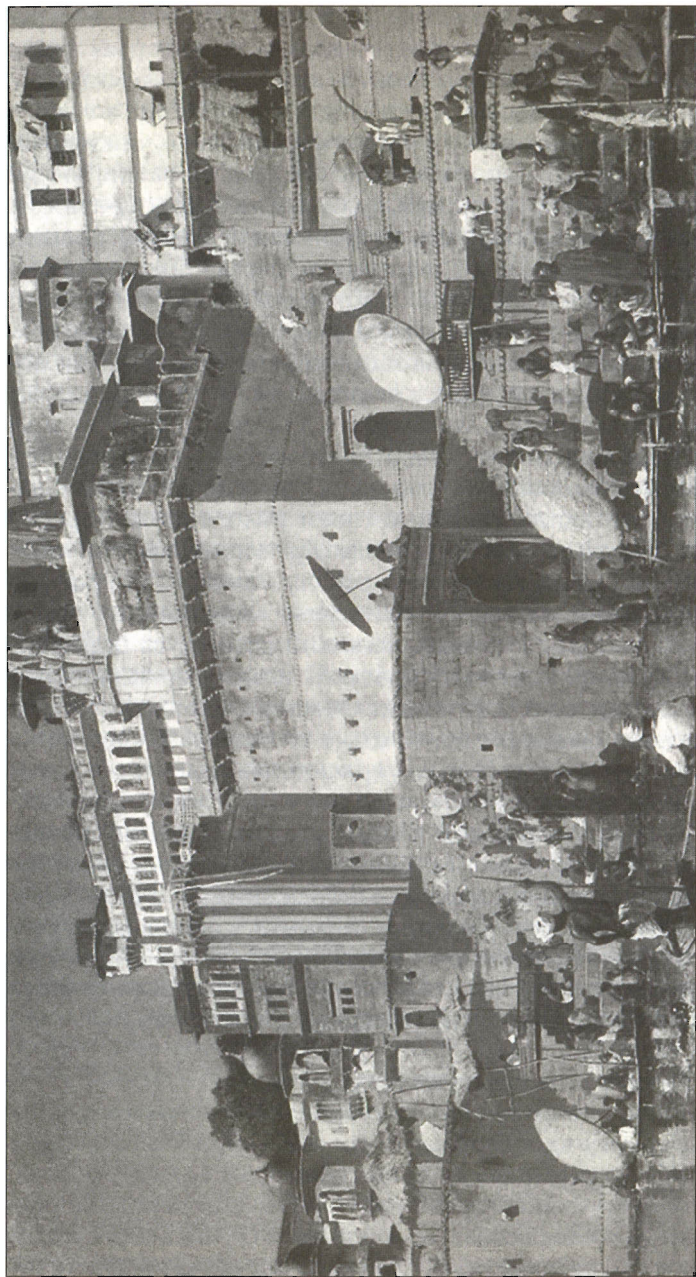
ков и по берегу, сквозь кокосовые рощи, стали виднеться поселения: легкие и красивые хижины, построенные из бамбука и покрытые пальмовыми циновками. Этот вид оживлялся образами женщин в простой, но красивой драпировке и мужчин, пасмурно взглядывающих на пришельцев из-под косматой своей прически. Старцы и дети отдыхали или резвились на прибрежном песку. Иногда я ходил с офицерами в лес стрелять попугаев. Через 8 дней мы въехали в большой Ганг, реку от 10 до 12 верст в ширину, с песчаными берегами. До сих пор рукава Ганга были до того узки, что ветки деревьев врывались в окна моей каюты и нестерпимо шелестели по доскам; одно из деревьев, наклонившихся над водой, сломало нашу мачту.

Ходя по узким улицам Бенареса, думаешь, что видишь сон. Перед глазами пестреют точеные, наподобие шахматных башен, пагоды, в которых толкутся расписанные различными красками брамины и факиры, белые, горбатые телята с цветочными венками на рогах, полуобнаженные женщины в поручнях и кольцах, орошающие водой бесчисленное множество маленьких идолов и цилиндрических камней. Порой проносятся чужеземные всадники на выкрашенных хной и индиго конях, с надетыми через плечо луком и стрелами без колчана за спиною, словно мифологические боги. Посреди этой подвижной и живой толпы движется иногда тяжелый слон в своей странной сбруе, с трудом и грохотом пробирающийся между теснящих друг друга храмов, домов, балконов и лавок, которых навесы, поддерживаемые шатками бамбуковыми подставками, нередко опрокидываются неловким прохожим. Изредка мелькает и исчезает за одним из поворотов улицы легкий дромадер, покрытый ярким чепраком желтого, красного или зеленого цвета. Недавно мне пришлось в голову прогуляться по городу на слоне. Три часа провел я в этой прогулке, объезжая улицы, переулки и базары; впереди меня сидел корнак (по-индийски — магут), сзади слуга с зонтиком: и спокойно, и весело! Можно заглядывать в окна вторых этажей, видеть внутренности комнат и раскланиваться со знакомыми. Кажется, что чудовищное животное давит своими ногами тысячи женщин и детей, но, к счастью, это толь-

ко обман воображения: ни дети, ни женщины не обращают никакого внимания на великана, который очень учтив, осмотрителен и боится обеспокоить чем-нибудь прохожих. Не один ловкий всадник в чалме из золотого или серебряного газа, в кашемировой шали, накинутой на плечо, на бешеном коне, с целой ватагой рабов, вооруженных саблями и пиками, с длинными посеребренными палками и хукка в руках, не один такой всадник должен был давать мне дорогу, потому что лошади боятся слонов. Но я, со своей стороны, принужден был избегать верблюдов и обращаться к их хозяевам с учтивыми просьбами пощадить меня. Вы понимаете, в чем дело? Слоны питают врожденный страх к верблюдам, и мой наделал бы много отчаянных и гибельных для меня прыжков, если бы сидевшие на верблюдах всадники не отъезжали при моем приближении в сторону. Странные индийские кабриолеты, единственные в своем роде, также сторонились. Кроме этого я встречал по временам таинственные экипажи, закрытые сверху донизу наметом из красных или испещренных цветами тканей, запряженные парой быков, то белых с позолоченными рогами, то окрашенных красной и зеленой краской, то испещренных хной с головы до копыт. В этих колесницах, окруженных толпою вооруженных людей, ездят женщины. Порой попадались ручные леопарды, украшенные подбитыми ватой чепраками и водимые по улицам на сворах или привязанные у дворцов раджей. Стены этих дворцов, выстроенных в мавританском вкусе и похожих на венецианские палацы, покрыты иногда изображениями фантастических птиц, плясок баядерок и раджей, сидящих на своих тронах. На некоторых домах, низеньких и обитаемых, вероятно, изуверными браминами, нарисованы самыми яркими красками боги индийской мифологии.

Гурдвар, 10 апреля 1842 года.

Я уже с неделю живу на гурдварской ярмарке, в сборном месте индийских племен, на берегах Ганга, у подошвы Гималаев. Здесь есть несколько пагод, вокруг которых беспрестанно купаются в Ганге тысячи индийцев и индианок. Священная река не очень глубока под Гурдваром, я въезжаю на моем слоне до половины реки и люблю

Река близ Бенареса. Художник Э. Викс

юсь оттуда, как толпы народа сходят в воду по каменным спускам. К берегам пристроено множество деревянных плотиков, на которых стоят маленькие дети, представляющие различные индийские божества и принимающие приношения от богомольцев. Мужчины, женщины и дети входят в воду, не снимая одежду и с громкими песнями; несмотря на страшную жару, они дрожат от холода, потому что вода в Ганге от близости нагорных снегов очень свежа. Вечером повторяется то же самое, и река освещается плавучими кострами. Здешний базар завален индийским оружием и мелочным металлическим товаром. На пригородной равнине расставлены тысячи лошадей на продажу, а в ближайшем лесу — сотни слонов. Дикие обезьяны уродливо кувыркаются на ветвях и дразнят слонов. Я хотел было купить слоненка ростом с небольшую собаку, да передумал, потому что его трудно было бы выкормить и притом он, вероятно, не перенес бы переходов в горах. За слоненка просили шестьсот франков: взяли бы и меньше. После обеда я взбираюсь на слона и дышу свежим вечерним воздухом, пробираясь по темным и тихим улицам. По временам до моего слуха долетают дикие песни, и где-нибудь в стороне попадаетесь толпа, освещенная факелами: это нотчи, на которых плясуны, одетые женщинами, превосходно заменяют баядерок.

Богомольцы стоят лагерем: проезжая мимо него, я был привлечен женскими голосами к одной из низеньких палаток и сошел со слона. В темноте я наткнулся на какую-то индианку и стал ее расспрашивать; она меня не поняла, но взяла за руку и повела в палатку, где при свете трехрогой лампы я увидел мертвого брамина и несколько женщин, которые тихо и заунывно пели над трупом. Я поспешил выйти, вскарабкался на слона и отправился домой. Ганг нужно было переехать вброд.

Вчера меня звали на охоту с англичанами, но я отказался, запуганный жарой. Теперь я очень ослабел и жду не дождусь, как бы поскорее добраться до гималайских высот: холод укрепит меня. Охотники отправились на 8 слонах в самый полдень и жар, а воротились поздней ночью при свете факелов; на одного из слонов был положен огромный тигр, на другого — кабан, лань и множество павлинов. Зажарили одного павлина; мясо похоже

на фазанье. Тигр был длиной в 9 английских футов: парии сняли с него шкуру, а мясо было роздано по разным рукам: в некоторых случаях оно считается лекарством.

Аллахабад, 17 октября 1845 года.

К одному из лучших зрелищ этих процессий я отношу праздник богини Кали, богини смерти и разрушения. Ее представляла женщина, выкрашенная в синюю, почти черную краску, с распущенными волосами и стоящая на носилках; она топтала ногами мужчину, выкрашенного в белое и розовое, которого голова была спрятана между тряпьем, замаранным красной краской, так что все это было похоже на человека, которому бы отрубили голову.

В одной руке она держала за волосы картонную голову; другой махала мечом и опускала его над умершим. Рот ее был в красных пятнах. Был еще маленький ребенок, желтый: он сидел на носилках, поджав ноги, и представлял старичка, что-то вроде брамина, плешивого и с бородой совершенно белой. Вечером при свете факелов показывались, между прочим, войны великанов, картонных уродов, вышиной с дом, из-под которых видна была беготня маленьких ножек. Эти ночные сцены происходили по соседству загородного дома раджи бенаресского, ибо есть еще и по сие время бенаресский раджа, толстый, черный юноша, улыбающийся, жующий бетель и разъезжающий на слоне. Я сам разъезжал на слоне среди толпы зрителей и действовавших лиц. Но уже в городе, увлеченный потоком одной из этих процессий, на которые бросают массы цветов со всех крыш, окон и балконов, ломящихся под бесчисленную толпою, — в городе я нечувствительно вмешался в процессию с моей белой шляпой и, только услышав смех зрителей, а наконец, целого Бенареса, заметил мое положение: можно было подумать, что мне хотелось играть роль в этой сцене.

ПЕТР ПАШИНО: ЗАБЫТЫЙ СТРАННИК

Однажды в середине 1950-х годов один старик в отрогах Тянь-Шаня, вспоминая прошлое, вдруг назвал фамилию Пашино. Произносил он ее несколько искаженно, но речь точно шла о Петре Ивановиче Пашино, русском путешественнике-востоковеде, ныне, к сожалению, незаслуженно забытом.

— Он мог говорить с любым человеком, знал язык каждого, был отважный и добрый, и люди любили его. Мой прадед был у него проводником. Много о нем говорил. Забыл я уже...

В феврале 1861 года Петр Иванович Пашино был отправлен в Персию вторым секретарем посольства. Для большинства это могло быть началом дипломатической карьеры. Но ни отличное владение восточными языками, ни основательное знание быта местных жителей, ни исключительная наблюдательность не продвинули его по служебной лестнице. Больше всего он любил встречи с различными людьми и поездки по стране. Так, однажды, путешествуя, Пашино повстречался с кавалькадой хорошо вооруженных всадников.

— Что это за народ? — спросил Пашино у спутника-иранца, наемного слуги.

— Разбойники, — спокойно ответил слуга.

— Чего же они хотят?

— Известно, ограбить хотят, — флегматично ответил тот.

Но, узнав, что Пашино иностранец, разбойники оставили его в покое: недавно за грабеж проезжавшего француза пострадали, по шахскому повелению, 60 деревень той местности, где было совершено ограбление.

Но не всегда так удачно заканчивались встречи в пути.

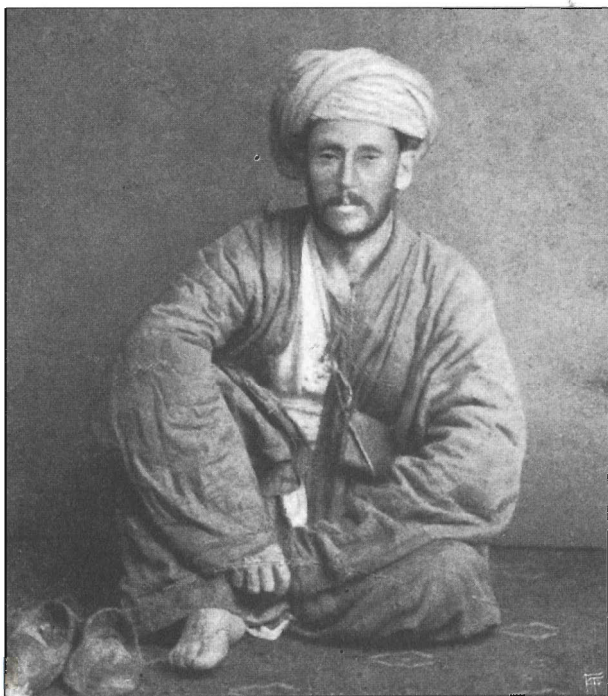
В другой раз, когда Пашино с проводником ехали по узкой горной дороге, их остановили трое. Они отобрали всю поклажу, забрали несколько монет, но, к счастью, не догадались прощупать пояс, куда Петр Иванович предусмотрительно зашил деньги. После грабежа бандиты стали обычными приветливыми людьми, предложили вместе поесть лепешек, только что отобранных у Пашино. Остро отточенным обрезком ножа один из них даже побрил Петра Ивановича. Мыла, конечно, не было, поэтому «парикмахер» поплевал на голову клиента, намочил ее водой и довольно чисто выбрил, сделав не так уж много порезов. Два предприимчивых бандита уехали, а третий предложил Пашино стать его проводником и в дальнейшем исправно выполнял свои новые обязанности.

Трагичное и смешное были рядом. Так, однажды в пути Петр Иванович натер ногу. Рана болела, но, лежа на кошме, с одной стороны жарко обогреваемый костром, с другой — обдуваемый ледяным ветром, слушая хохот и визг шакалов, он был счастлив. Ночью проснулся, почувствовав прикосновение чего-то теплого к больному месту: это гиена лизала его рану. Зверь мгновенно исчез, как только путешественник сделал движение...

О своих путешествиях Пашино писал немало, он был издателем, редактором и сотрудником уличного листка «Потеха», сотрудничал в «Современнике», готовил книгу о Персии на основании своих дневников. О точности изложения и прекрасном слогe Пашино можно судить хотя бы по одному отрывку: «Проехавши версты две все так же по берегу той же горной речки, названия которой мы никак не могли добиться... мы должны были перебираться через нее вброд при впадении ее в широкую и чрезвычайно величественную реку Талар. Река Талар берет начало на вершинах Эльбруса и, спускаясь несколькими каскадами, оmyвает подошвы хребта со стороны Мазендерана, а потом впадает в реку Бабр. Вода Талара с голубым отсветом, прозрачна, как чистейший хрусталь; на вкус жидка и отзывается железом. Бродом или, иначе сказать, самую рекою мы ехали около часа. Берега густо засажены то плакучими ивами, повисшими над водой и играющими по поверхности ее своими продолговатыми, как ногти персидской красавицы, листочками, то высо-

кими тонкоствольными чинарами, которые при легчайшем порыве ветерка покачивают своими вершинами, сплетаются между собой, то лепечут, как влюбленные, то поднимут шум и свист, наводя этим на суеверного странника панический страх, в котором он сознает зловещую ноту горного духа. Мы вытянулись вдоль реки длинной вереницей на большом расстоянии друг от друга, чтобы брызги, летящие во все стороны из-под копыт мерно ступающих по мозаиковому дну Талара коней, не кропили нас... Дорога тесна, рядом ехать нет возможности, поэтому нет и разговоров. Топот копыт, отдаленное чириканье мелкой птички, шум Талара и изредка вспархивание золотистого фазана нарушают тишину...»

Во время пребывания в Персии, в июне 1862 года, Пашино встретился в Тегеране с известным ученым-тюркологом, этнографом и путешественником Вамбери.

А. Вамбери в одежде дервиша

Арминий (Герман) Вамбери был венгром. Он владел двумя десятками европейских и азиатских языков, в том числе в совершенстве говорил на персидском, старо-узбекском, турецком, арабском.

Несколько лет Вамбери жил в Стамбуле. Затем едет в Персию, а потом идет в Хиву, Бухару, Самарканд — в облике дервиша, возвращающегося с группой паломников из Мекки, в заплатанном рубище, с Кораном в сумке-куржуме, все время под страхом разоблачения. Ибо, если бы фанатики-спутники разоблачили его как европейца, смерть была бы неминуемой.

Он прошел там, где не бывал ни один европеец. С торговыми караванами через великие азиатские пустыни, испытывая жажду и голод, нередко сопровождаемый подозрительными взглядами ревнителей шариата. Прошел все, одержимый жаждой знаний.

Пашино встретился с Вамбери и с восторгом слушал рассказы знаменитого путешественника. Но когда поделился своими планами действовать его методами, Вамбери предостерег его.

— Вон, посмотрите на него, — указал он кивком.

Худой, жилистый дервиш с бесстрастным лицом в свободно болтающемся плаще-балахоне чуть ниже колен, обтрепанном и грязном. На голове — островерхий, такой же грязный, войлочный колпак. Неопрятная патлатая борода свисала на грудь, прикрывая узкий вырез серой рубахи из грубой ткани. За несколько шагов от дервиша чувствовался тяжелый гниlostный запах пропотевшей одежды и немытого тела. Из-под края колпака враждебно, по-звериному блестели глаза. Небольшой куржум висел на плече, а в руке дервиш держал традиционный посох — из крепкого дерева, с острым металлическим наконечником. Это было довольно опасное оружие в умелых руках, и в то же время нередко в нем имелись небольшие тайники, умело скрытые от постороннего взгляда. Небольшой сучок мог выниматься, приоткрывая емкость для опиума, гашиша или записки, которую нужно было кому-то передать в конце пути.

Дервиш мог идти в группе с такими же угрюмыми как и он, мог долгие сотни верст идти один, питаясь по-

Хор дервишей. Художник В.В. Верещагин

даянием и дарами природы — для него все живое и растущее было съедобно. Никто не знает, откуда и куда он идет, да никто его об этом и не спрашивает. Он или отмалчивается, или отвечает коротко невпопад. А иногда дервиши и сами не знают, куда они идут, что заставляет их всю жизнь в угрюмом молчании скитаться по пыльным дорогам Азии...

Некоторые из них бродят по своим, только им известным, маршрутам, никому не подвластные, не признающие границ и законов.

Непонятные, коварные люди. Говорят, они без жалости могут убить человека, который чем-то не понравился им, крадут детей, из которых готовят себе замену, приучая ходить по горным дорогам, просить милостыню, не имеют ни дома, ни семьи. Если есть у них хоть какая-то цель, то почему об этом никто не знает? У каждого народа есть свои предания, памятники, книги, история. У дервишей нет ничего: ни храмов, ни книг, ни даже песен. Но всех их объединяет железная дисциплина. По указанию своего наставника каждый из них, не задумываясь, пойдёт на смерть. Фанатики, шпионы, торговцы наркотиками — некоторые дервиши очень богаты, но богатство никак не отражается на их образе жизни и облике.

— Нет, не советую вам, никак не советую связываться с этими типами. Вспомните хотя бы о Грибоедове! — воскликнул Вамбери. — Вспомните, как зверски был убит он персидскими фанатиками...

Перед каждой поездкой в другую страну Пашино обращался в Русское географическое общество с просьбой снабдить его тем, что издано обществом об этой стране. Со многими учеными и путешественниками он был дружен, часто встречался. Как правило, Пашино посылали все нужные ему материалы, и часто прилагалась записка секретаря общества с горячей благодарностью за предоставляемые Петром Ивановичем сведения и отчеты о путешествиях.

В феврале 1866 года «по высочайшему государя императора повелению» в Туркестанскую область были командированы генерал-майор Д.И. Романовский и флигель-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков. Вместе с ними в качестве драгомана (переводчика) был отправлен и Петр Иванович.

Отношения Петра Ивановича с начальством не складывались. Его попытки внушить чиновникам, что «грязные азиаты» такие же люди, как и все, а многие из них умнее и честнее наглых колонизаторов, раздражали их. «Он считал совершенно лишним исполнять мои поручения и в чем-либо помогать мне серьезно. Это человек ско-

рее упрямый ученый, нежели дипломат» — так характеризовал его генерал Романовский, который в конце концов приказал выслать Пашино из Ташкента под конвоем казака, причем сделано это было с такой поспешностью, что Пашино не смог взять с собой ни вещей, ни денег. «Я отправляю Вас из Ташкента, — писал генерал, — как человека неблагонадежного и вредного для службы в Туркестанской области по своим объясне-

*Флигель-адъютант
граф И.И. Воронцов-Дашков*

ниям и сношениям с туземцами, а равно и суждениям о делах здешнего края и лиц, здесь находящихся».

В Петербург Пашино вернулся в марте 1867 года и принялся за обработку своих материалов по Средней Азии. Но болезнь задержала выход в свет его книги... Осенью с ним случился удар. Но и после лечения он волочил ногу, хромал, не мог писать правой рукой. Однако железная воля, ежедневные утомительные тренировки помогли перебороть болезнь; и в конце концов, не совсем поправившись, он совершает два путешествия в Индию и вокруг света.

Его путешествия по Индии и другим странам Востока были совершены в то время, когда российское общество имело об этих странах очень смутные представления. Поэтому публикации П.И. Пашино в русской прессе, основанные на личных наблюдениях, были особенно важны и пользовались заслуженным вниманием.

Русский путешественник П.И. Пашино не был официальным лицом и путешествия совершал по своей инициативе. Причина, по которой он заслужил пристальное внимание английских властей, кроется в их русофобской

политике. Они панически боялись продвижения русских к индийским границам через Среднюю Азию, тем более что в широких слоях индийского общества жила неистребимая вера в то, что избавление Индии от колониального порабощения придет из России. Поэтому прибытие в Индию едва ли не каждого русского встречалось властями с подозрением и неприязнью.

28 мая 1874 года. Резюме помощника секретаря секретно-политического отдела Индия, офис 22, Р. Мичелла, составленное по выступлению в Русском географическом обществе П.И. Пашино о своей попытке пройти в 1873 — 1874 годах из Индии в Русский Туркестан через Кашмир и Центральную Азию.

Секретно-политический отдел № XCIX.

Недавно на заседании Русского географического общества перед большой аудиторией выступил г-н Пашино, который рассказал о результатах своей попытки пройти из Индии в Русский Туркестан через Кашмир и Центральную Азию. Он отправился из Санкт-Петербурга в июне 1873 года и через Вену и Триест добрался до Александрии, где приобрел арабское платье и пропуск, которым удостоверялось, что он является турецким подданным из Смирны. Затем сел на корабль, направлявшийся в Калькутту, оттуда по железной дороге доехал до Аллахабада и затем до Чамбы (в Кашмире). Там он был на некоторое время задержан, но после поездки в Лахор с особой целью добиться помощи от г-на Дэвиса в его дальнейшем путешествии г-н Пашино продолжил путешествие под видом турецкого доктора в плетеной люльке на спине своего слуги.

Благодаря прекрасному знанию персидского и других языков он успешно выдавал себя за турецкого доктора, но, когда заметил, что его подозревают, поменялся местами со своим слугой, снял с себя всю одежду, вымазался ослиным пометом, чтобы придать темный цвет своей коже, и следовал за своим слугой, имея только чалму на голове и набедренную повязку.

В Даркхоте его все же узнал афганец, который сказал ему: «Ты русский, которого я видел однажды в Самарканде»

с генералом Кауфманом. Если ты не дашь мне тысячу рублей, я разоблачу тебя перед вали». Он сдержал свое слово, и Пашино рассказывал, что ему удалось сбежать от вали с огромным трудом. Он отрицал, что он русский, и поносил своих соотечественников. Вали заявил, что он до смерти забьет камнями любого русского, который попытается прийти в его страну. Пашино тайно покинул Даркхот, а вали тем временем послал ему вдогонку большую группу людей. Эти люди убили кого-то в горах, а сообщение об этом вызвало слухи в Ташкенте о том, что Пашино умер насильственной смертью. Этот русский путешественник, который одно время работал в министерстве иностранных дел в Санкт-Петербурге, по какой-то причине был уволен, добрался в конце концов снова до Лахора и покинул Индию через Маграс и Бомбей.

Страна, которую посетил г-н Пашино, пишет «Русский мир», очень интересна, но рассказ г-на Пашино о его путешествии, к сожалению, не может быть опубликован. «Иксчейндж газет», однако, отмечает, что полный текст этого рассказа скоро появится в печати.

Г-н Пашино готовится предпринять новую попытку, он намерен, несмотря на риск, пройти от Кашмира до Русского Туркестана.

Индия офис, 28 мая 1874 года.

Роберт Мичелл.

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, 1874, June, № 53.

По документам, собранным российскими учеными, можно проследить, как тщательно собирались сведения о его прошлой деятельности, устанавливались личные связи, как осуществлялся назойливый, каждодневный надзор за каждым его шагом. Чиновник департамента иностранных дел Хенвей именуется его «опасной личностью», генерал-губернатор Индии пишет в 1875 году, что «его присутствие в странах, которые он намерен посетить, может вызвать существенное неудобство». В П.И. Пашино без всяких оснований видят подозрительного соглядатая, высматривающего пути для возможного вторжения русских войск в Индию. Власти особенно озабочены тем,

чтобы помешать Пашино пройти северным путем из Индии в Русский Туркестан, и запретили ему пересекать северную границу британских владений.

Во время путешествий П.И. Пашино, будучи не вполне здоровым (у него были частично парализованы правые рука и нога), совершал полные опасностей тяжелые переходы, иногда попадал в трудные ситуации и бывал на грани гибели. Свойственные ему изобретательность и находчивость нередко помогали. Пашино приходилось маскировать свою внешность, переодеваться арабом или выдавать себя за турецкого доктора. Случалось, что его предприимчивость переходила в авантюризм, основанный, впрочем, на трезвом расчете. Так, учитывая, что король Бирмы заинтересован в союзниках в связи с угрозой английского порабощения, Пашино, путешествуя в 1876 году с сыном купца-миллионера Е.А. Хлудовым, выдал себя за русского аристократа, прибывшего в Бирму с поручением от императора России. Пашино и Хлудову был организован королевский прием, они получили по 500 рупий, но были разоблачены, хотя все кончилось для них благополучно, так как бирманский премьер передал с Пашино письмо для военного министра России.

То обстоятельство, что Пашино был в конфликте с официальной Россией, жил случайными заработками, в конце концов остался без средств к существованию и пенсии и мог легко представить трагический конец, который его действительно ожидал, толкнуло его на поступок, который едва ли согласовывался с его убеждениями: он предложил свои услуги англичанам, соглашаясь поступить к ним на службу. Трудно сейчас оценить все аспекты этого поступка: было ли это результатом заранее обдуманного решения, выполнял ли он чье-либо задание, или ему хотелось заручиться поддержкой властей для очередной мистификации — теперь установить вряд ли возможно. Характерно, что английские власти отнеслись к этому предложению очень настороженно и не приняли его. Их отношение к Пашино не изменилось и впоследствии: во время его нового путешествия, в 1876 году, его по-прежнему считали нежелательным гостем в английских владениях. Пашино теперь вызывал даже еще большее подозрение, характеризовался как «чрезвычайно

опасная личность», за ним следили с еще большей назойливостью.

17 февраля 1879 года. Письмо секретаря по иностранным делам правительства Индии А.К. Лайелла политическому секретарю вице-короля Индии в Бомбее К. Тонне о необходимости опознания П.И. Пашино и тщательно наблюдения за его действиями в Бомбее с целью недопущения его проникновения в туземные княжества.

Калькутта.

Мой дорогой сэръ!

Сегодня Вы получите телеграмму, касающуюся русского г-на Пашино, которого ожидают в Бомбее. Я надеюсь, что чиновник-европеец из Пенджаба уже прибыл, чтобы установить его личность.

Пашино должен был покинуть Константинополь 5 февраля на «Мессажерье Маритим» и отправиться в Александрию, затем в Бомбей и далее в Пешавар. Иногда он путешествует в восточной одежде, но, как нам сообщили, он путешествует сейчас как корреспондент русской газеты «Голос», и мы пока не уверены, в каком обличье он появится на этот раз. Его будет сопровождать поляк по имени Пауль Чойка, и есть основания предполагать, что Чойка, возможно, не откажется сотрудничать с британскими властями, если обеспечить возможность для приватной беседы или контакта подобного рода между ним и лично сэром Ф.Соутером или каким-либо другим чиновником, который смог бы вести это дело с должной проницательностью и благоразумием. Любая полученная информация должна быть передана мне или майору Гендерсону в Дели или Лахор. Сэр Ф.Соутер будет знать его адрес.

Главная наша цель в Бомбее — установить личности этих двух людей и помешать им проникнуть в Индию без надзора. Когда они будут опознаны, следует держать их под строгим наблюдением, но не вмешиваться в их действия каким-либо другим образом. Если они откажутся признаться в том, кто они на самом деле, следует установить за ними более тщательное наблюдение, а если они откажутся отвечать на любые вопросы или возник-

нут какие-либо другие трудности, следует предупредить их, что правительство вынуждено будет использовать свою власть и выгнать их из страны. Нельзя допустить, чтобы они проникли в туземные княжества через Бароду или Хайдарабад.

Г-н Пашино среднего роста, около 40 лет, темноволосый, с небольшой бородкой и усами, слегка прихрамывает. Искренне Ваш (подпись) А.К. Лайелл.

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, 1879, September, № 186—250, Monsieur Pachino.

П.И. Пашино, со своей стороны, весьма резко отзывался об английском господстве в Индии, с глубоким сочувствием писал о простом индийском человеке, задавленном английскими налогами, о надменности англичан, относившихся к поработанному народу с высокомерным презрением. С удовлетворением отмечал он нарастание народного протеста против английского господства.

Подготовка к «приему» Пашино в Индии велась с большой энергией: тщательно разыскивались лица, с которыми он был знаком, для его опознания в случае нелегального въезда были размножены его портреты, местным властям отданы строгие распоряжения о тщательном наблюдении за ним.

Но откуда англичане получили сведения, которые так их встревожили? Изучение архивных документов привело к выводу о том, что Пашино сам распространил такие слухи. Многократно испытав на себе, что означает хронический недуг англо-индийских властей — русофобия, он остроумно решил на ней сыграть и пошел на мистификацию, четко рассчитав ее совершенно безвредные для него самого результаты. Распустить слух для него не составило труда, англичане проглотили наживку, и отлаженная машина английского сыска заработала на полную мощность. Даже Пашино не мог, по-видимому, в полной мере представить, какой он вызвал переполох. О его личности и «планах» было доложено вице-королю, министрам по делам Индии и иностранных дел. П.И. Пашино был бы, несомненно, весьма польщен, если бы узнал, ка-

кое значение придавали его особе эти государственные деятели.

Документы, которыми они обменивались, разрабатывая план пресечения «акции» Пашино, ценны прежде всего тем, что раскрывают всю глубину враждебности к России и всему русскому, которая была характерна для английских правящих кругов того времени.

К Пашино был приставлен специальный констебль из английского консульства в Каире по фамилии Кроэн, фиксировавший каждый его шаг, что было не так уж сложно, поскольку Пашино и не думал скрываться. Кроэн с недоумением писал в своем отчете: «Этот джентльмен никогда не пытался маскироваться каким-либо образом». Чуть ли не ежедневно он открыто приходил в российское консульство в Александрии, присутствовал на званых обедах, куда приглашался персонал этого консульства, но даже такие очевидные несообразности в поведении «опасного шпиона» не побудили англичан пересмотреть свое отношение к нему.

П.И. Пашино же время от времени подогревал напряжение, передав англичанам через своего спутника П. Чойку книгу, которую якобы использовал для шифровки донесений, и распуская слухи о том, что вскоре должен получить деньги для продолжения путешествия в Индию.

Мистификация явно удалась Пашино, который более трех месяцев дурачил англичан. 28 мая сам вице-король Индии запросил по телеграфу английского генерального консула в Каире К. Вивиана, не покинул ли еще Пашино Египет, и распорядился «не терять его из виду». Но уже на другой день — 29 мая — Пашино покинул Александрию, отправившись не в Индию, а обратно в Константинополь, где был сдан, так сказать, «с рук на руки» — под наблюдение английского посла А.Х. Лайарда. Министр иностранных дел Солсбери также был извещен об этом «важном» событии. Англичане могли вздохнуть с облегчением. Возможно, кто-нибудь из них уже догадался, что они стали жертвами шутки, но фиксировать это в документах никто не стал. Насколько нам известно, Пашино не стал об этом распространяться, тем более что он не мог знать всех последствий своей проделки.

19 сентября 1873 года Пашино прибыл на пароходе в Бомбей, откуда направился в Амритсар, где сделал некоторые покупки для дальнейших странствий. Из Амритсара проехал к Джамму, мимо слонохранилища магараджи. Оно представляло собой большую территорию, обнесенную стеной, где содержалось до 150 слонов, которых ежедневно водили на «дежурство и поклонение магарадже».

В Барзиле Пашино купил осла, нагрузил на него пожитки и вдвоем с нанятым в том городе проводником Абдуллой-Тани отправился в дальнейший путь. Шли на большой высоте по узкой тропинке, часто едва просматриваемой. «По ней мы плелись целый день, положительно лепились, — пишет Пашино. — Однако ж благополучно прошли этот отчаянный путь, на котором я, как хромым и безрукий, несколько раз кричал, вздыхал и стонал, не имея возможности выразить иначе свои страдания... Несколько раз я обрывался и падал сажени на три, потом взбирался, хватаясь за колючки вьюнов, растущих по обрыву, внизу которого была бесконечная пропасть... Здесь нет ни селений, ни деревушек, нет решительно ничего; только где-то внизу, в пропасти, журчит и шумит горный ручей. Вьюги и бураны не прекращались — шел ноябрь месяц, и в горах установилась уже зима...»

Перешли неглубокий в это время года Инд и далее, по берегу реки Гилгит, вошли в город Гилгит.

Петр Иванович во время перехода тщательно выполнял все мусульманские обряды. Чалма на голове, повязка на бедрах, простыня через плечо, сандалии на деревянной подошве — он выдавал себя за турка. Подводила его светлая кожа, и он старательно обмазывался «всякой встречной грязью» и ни разу не мылся во время путешествия. Но это не помогло, его узнал афганец, встречавший его в Ташкенте. Он немедленно донес куда следует, и Пашино со слугой повели к верховному правителю — вали. «Я испугался ужаснейшим образом, полагая, что уж конец жизни пришел», — вспоминает Пашино.

20 февраля (3 марта) 1876 года. Письмо Е.А. Хлудова отцу А.И. Хлудову о своем путешествии по Индии в сопровождении П.И. Пашино.

Калькутта.

Дорогой папаша!

Спешу поздравить Вас с днем Вашего Ангела и пожелать Вам всего лучшего на свете.

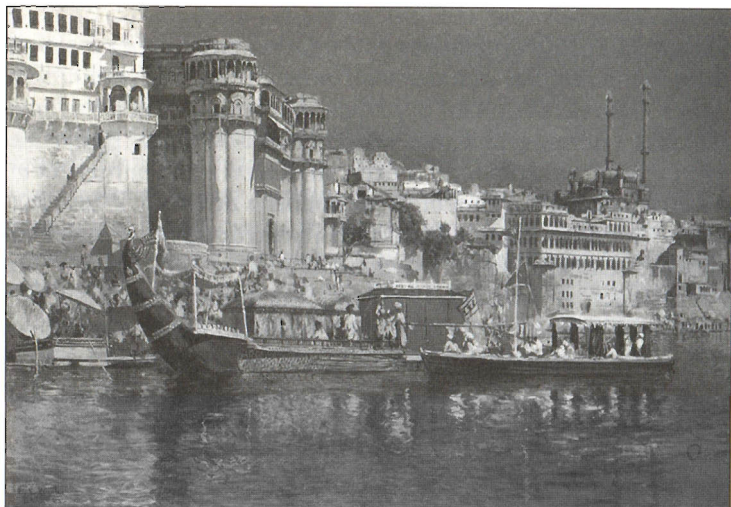
В Калькутту прибыл с неделю тому назад. По дороге в Калькутту заезжал в Джюбельпур, Кавенпур, Лекнау и Бенарес. Кавенпур и Лекнау замечательны восстанием в 1857 году сипаев (правительственных солдат из туземцев), от которых англичанам досталось порядком. Лекнау очень красив дворцами магараджей (царей), которых в Индии еще много. В Джюбельпуре замечательные мраморные скалы или, скорее, горы; они белы как снег. Между

Дервиши. Художник В.В. Верещагин

скалами протекает святая река Нарбугда. В одном месте падает большим водопадом. Проездом из Джюбельпура к скалам я увидал множество идущего по тому же направлению народа с палками на плечах, к концам которых прикреплено по корзине. «Что такое?» — спрашиваю Пашино. «Это фокусники!» — отвечал он. Захотелось мне посмотреть фокусников. Зовем их — не подходят. Спрашиваю кучера: «Почему они не подходят?» «Они и не пойдут, — отвечает он. — Это же богомольцы, которые идут на поклонение к святым местам». Я посмотрел на Пашино и расхохотался. Они отправлялись к тем же скалам на поклонение и умошение к реке Нарбугда. Я проехал мимо них и между двух скал на самой дороге увидал трех дервишей, сидящих и лежащих (на деревянных кроватях) на торчащих на два вершка острых гвоздях, которыми усеяна вся кровать. Двое сидели, а третий спал. Я вылез из экипажа и подошел посмотреть поближе. Гвозди были острые, и они сидели и лежали на них, как будто под ними ничего не было. Гвозди имели один от другого вершок расстояния. Я кинул дервишам денег. В это время спящий проснулся, зевнул и с наслаждением потянулся, и это все на острых гвоздях, что меня поразило; я как только приехал домой, то и нарисовал их на память. Вы увидите сами. Крови не видел.

Бенарес самый священный город индусов, там насчитывают более 5000 храмов. Я был в некоторых. По случаю праздников народу было множество. Я пожелал осмотреть храмы. Двое проводников и предупредительные полицейские доставили мне доступ в храмы, а деньги — в алтари. Храм индусский состоит из двух частей: двора и алтаря. Во дворе непременно священный колодезь, множество идов — статуй священных, жирных, откормленных до бешенства коров и быков разных цветов. Тут же показывают изукрашенную самую священную корову о 6 ног; к ней прикладываются. Благодаря браминам я увидал и алтари, и они без всякой церемонии выгоняли богомольцев из алтарей, маленьких темных помещений, и мы в дверях могли видеть главного идола. Это небольшой камень в диаметре 4 вершка... Мне объяснили, что в этом камне сидит дух силы, от которого благодать. На этот камень льют благовонные масла, льют воду, броса-

Барка махараджи Бенареса. Художник Э. Виск

ют цветы самые душистые. На дворе храма сидел дѣрвиш, правая рука его была высоко поднята, а в левой он держал железный трезубец; он в таком положении сидит день и ночь. Мне говорили, если бы он захотел согнуть свою руку, то он этого сделать бы не мог потому, что рука его окостенела.

Был в храме священных обезьян (они тоже считаются священными животными). На дворе храма множество ручных откормленных обезьян, больших и маленьких, я дал им лакомство, но они есть не стали — так сыты; в алтаре сидел идол, который имел форму обезьяны.

Нас при осмотре алтарей украшали священными венками с иголов. Мне посоветовали в семь часов утра проехать по Гангу (священной реке), и я не раскаялся, что поехал. Город Бенарес расположен на этой самой реке, он стоит на горе и имеет вместо набережной лестницу, которая сплошной массой на расстоянии 5—6 верст спускается к реке (т. е. вдоль всего города). Выехав на середину реки, я был поражен красотой города. Храмы с золотыми главами блистали в вышине, по лестнице было расположено тоже много маленьких, очень красивой архитектуры, храмов и два громадных, лежащих во всю длину лестницы идол в золоченых коронах (этим идолам по-

клоняются женщины и просят у них даровать им детей). На лестнице на протяжении 5 верст копошились тысячи индусов, которые купались в Ганге. Мужчины, женщины, дети, богачи, бедняки, дервиши, брамины — все вместе. Нгэ все одетые, как они обыкновенно ходят. Вдруг перед лодкой, на которой я ехал, показался чей-то хребет, потом показался хвост, и животное исчезло. «Что такое?» — спрашивал. «Крокодил (аллигатор)», — отвечали мне. «Отчего их не уничтожают?» — спросил я. «Они священны», — отвечал сердито мой проводник-индус. Из Бенареса поехал в Калькутту. Калькутта больше Бомбея, она разделяется рекой Гангом на два города — Ховру и Калькутту. Население туземцев разнообразно. Как в Бомбее парси, так здесь бабу (образованный индус) занимает главную роль. Отличить его очень легко. Бабу ходят всегда с непокрытой головой. Вся торговля в их руках. Они занимают официальные должности, и все служащие на железных дорогах бабу. Англичане очень заботятся о разведении садов вообще во всех городах, а в Калькутте есть более 7 громадных садов.

Пишу это письмо под громом и молнией. Вот уже два дня, как здесь гроза. Она была очень сильна сегодня ночью. Молния блистала, не прерываясь ни секунды в продолжение $\frac{3}{4}$ часа, и последний удар был очень близок от нашей гостиницы, он разбил в пятидесяти шагах от нее маленький домик! После этого гроза стихла, но еще и теперь утром слышатся перекааты грома.

Торговля хлопком в Калькутте не производится. Торгуют опиумом, индиго, чаем, шеллаком и шелком. Дела здесь плохи, все жалуются.

Англичане боятся русских и пишут в газетах статьи о принятии сильнейших мер для укрепления северных границ Индии и занятия самим Афганистана. Положительно, они трусят.

От Деккера получил перевод, по которому получил 3339 рупий (£ 300).

Здоровье мое хорошо, забыл Вам написать, что ездил из Калькутты в Шандарнагор, французскую колонию, час езды от Калькутты, где был принят очень хорошо у тамошнего губернатора, генерала Ферье, с которым нас познакомил здешний богач, генеральный консул Ламору.

Колония состоит из 30 тыс. человек, все индусы католического вероисповедания и говорят по-французски. Город стоит на реке Ганг.

Я выезжаю из Калькутты 6-го сего месяца в Рангун (Британский Бирман). Смотреть в Калькутте, право, нечего. Старался достать здешних семян, но продажных нет, а начальники ботанических садов хотя и обещали прислать, но до сих пор не прислали. Скажите Оле, что семян кактусов в Индии нет, а можно достать их только в Америке. Скажите Мише, что я ему купил бамбуковых удок. Кланяюсь всем. Поцелуйте Леню. Затрудняюсь, какой подарок привезти Короткову, авось отыщу ему что-нибудь в Китае.

Пашино лежит и кричит мне: «От меня кланяйтесь и поздравьте с днем Ангела Вашего папашу».

Желаю в радостях встретить Пасху. Мне приходилось Рождество и Новый год встречать в море, так же, вероятно, придется встречать и Пасху.

С желанием всего лучшего на свете остаюсь истинно Вас любящий и уважающий сын Ваш Егор Хлудов.

Опубликовано: Письма Егора Алексеевича Хлудова. М., 1878.

Здесь уместно будет вспомнить, что, еще будучи студентом Казанского университета, Петр Иванович любил шутки и розыгрыши. Однажды в центре внимания на балу оказалась элегантная, красивая девушка с прекрасной фигурой, веселая и общительная. Вокруг нее столпились молодые люди. После бала, как было принято, лучшую маску вместе с ее друзьями пригласили на ужин. Вечно голодные студенты с энтузиазмом устремились к столикам с закусками, но тут кто-то из присутствовавших узнал в «прекрасной маске» переодетого в женское платье Петра Пашино. Об этом стало известно университетскому начальству, и только заступничество преподавателей, ценивших Пашино за хорошую успеваемость, особенно в изучении языков, спасло его от исключения из университета.

Не думал тогда Петр Пашино, что его актерские способности не только помогут в странствиях, но и спасут ему жизнь...

Вали, седобородый старик, уже ждал Пашино. Он сидел, окруженный своими приближенными, в основном духовного звания. В стороне стоял доносчик. Петр Иванович поприветствовал вали и сел против него на корточках, как подобает мусульманину. Начался допрос. Пашино рассказал выдуманную биографию. Затем вали и представители духовенства решили экзаменовать его по Корану.

— Знаешь ли ты, нечестивец, что говорится в Коране о таких, как ты? — грозно спросил вали, устремив на него суровый взгляд.

Ни на секунду не задумываясь, Пашино завопил:

— Во имя Аллаха Милостливого, Милосердного! «Он распределяет свое повеление с неба на землю, потому оно восходит к нему в некий день, протяжение которого — тысячи лет... Он ведает скрытое и явное, славный, милосердный».

Вспомните, вали, слова суры Корана: «Приемлет вашу кончину ангел смерти, которому вы поручены, потому вы к вашему Господу будете возвращены».

Тем же, кто оклеветал меня, скажу великие слова из Корана: «Да, они не верят во встречу со своим Господом!» И тридцатое из той суры: «Отвернись же от них и жди! Ведь и они ждут!»

Фанатики и ненавидящие Пашино дервиши-шпионы смотрели на него, не смея прервать: он цитировал одну за другой суры Корана, и прервавшего его ждала смерть.

Утомленный Петр умолк. Передохнув, он убежденно, со зловещим, похожим на завывание полусшепотом, произнес слова суры тридцать второй (Поклон): «Наказание ближайшее означает наказание в земной жизни!»... Далее он прочитал наизусть еще несколько глав Корана. Потом началось между духовенством перешептывание и продолжительный разговор, который кончился тем, что вали махнул Петру рукой, делая этим знак, чтоб он убрался вон. Видимо, решили, что «неверный» так прекрасно знать Коран не может. И все-таки вечером, видимо, по наущению доносчика, толпа побила его камнями. С трудом удалось Пашино вырваться из этого города.

Он решил уехать в Мадрас. Но в дороге новое несчастье: у него украли единственную ассигнацию в тыся-

чу рупий. В Мадрасе он сразу же написал письмо вице-президенту Географического общества, в котором рассказал о своих злоключениях и просил выслать ему 500 рублей.

На обратном пути он уже ехал как русский путешественник, «из любознательности отправившийся посмотреть на индийские владения, не принадлежащие английскому правительству».

Он совершил поездку вниз по Инду, останавливался в Мултане, Ширшахе, Чагире, Шикарпуре. Побывал на Цейлоне.

В 1874—1875 годах Петр Иванович совершает свое второе путешествие в Индию. На этот раз о его маршруте писали газеты, в частности, что Пашино намеревается проникнуть через Лахор в страны, доселе не посещенные еще ни одним из европейских путешественников, как то: Баджаур, Суат, Миян, Киян, Дир, затем, перевалив через Гималаи, посетить Читрал и оттуда через Гиндукуш попасть в Бадахшан. Из Бадахшана Пашино предполагает направить свой путь на Памир для осмотра истоков Аму-Дарьи и уже отсюда по Кокандской дороге, мимо озера Кара-Куль и через Ташкент возвратиться в Россию.

И вот Петр Иванович снова в пути. Отныне уже в качестве туриста, с документами на свое настоящее имя, в европейской одежде.

Теперь он уже не мог, как прежде, общаться запросто с народом: «В течение трехмесячного пребывания моего в Лахоре я не мог познакомиться с внутренней жизнью индустанского народа настолько, насколько мне пришлось узнать эту жизнь в первое мое путешествие, когда я был одет арабом и жил по караван-сараям в среде самого народа. Теперь же, кроме встреч разных процессий под стенами Лахора и сжигания трупов, я, в костюме европейского туриста, ничего не мог видеть».

Но, к сожалению, видели его.

28 ноября 1874 года Пашино снова высадился в Бомбее и по железной дороге отправился в Аллахабад. В этой непродолжительной поездке ему встретился в поезде высокий, худой человек.

Петр Иванович посмотрел на него и сразу узнал — магометанин в большой чалме, грязный и униженный, что присутствовал при выдворении его из Индии во время первой поездки, когда так стремительно выпроводили его из страны, что он не успел взять своих вещей, в частности белья, которое находилось у прачки.

Многое хотелось сказать наглецу, но Пашино сдержался. Он понял, что дальнейший его путь не будет усыпан розами. И когда поездка в так называемую туземную часть Аллахабада ему была запрещена, Петр Иванович вспомнил своего старого знакомого. Далее через Канпур, Агру он прибыл в Дели. После некоторой передышки он через Амбалу, Симлу, Амритсар прибывает в Лахор, где прожил около трех месяцев.

В начале января 1875 года Пашино получил разрешение пройти через Читрал в Туркестан до Ташкента, но вдруг это разрешение было отменено (опять пришлось вспомнить встречу с таинственным магометанином). А Петр Иванович уже нанял себе проводника — смышленого бухарца Хаджи Беграма, собрал немало сведений о пути следования. Путешественник не мог смириться с отказом и решил действовать без разрешения властей. Переодевшись в арабскую одежду, поехал поездом по намеченному пути.

Следили ли за ним, или он сам допустил оплошность, но на одной железнодорожной станции Пашино был жестоко избит полицейским за попытку выпить стакан чаю в буфете первого класса и отправлен в полицейский участок. Пашино намекнули, что ходу ему не дадут. И он решил вернуться домой, в Россию.

В дневниках второго путешествия Пашино дает очень полное и интересное описание Бомбея как города «туземного» и европейского одновременно — с музеем, памятником королеве Виктории, но тут же добавляет: «Храмов английских и католических не имел особого желания видеть, меня влекло совершенно в другую сторону».

Кстати, в Бомбее, в гостинице, где остановился Пашино, он вновь увидел человека, который преследовал его. Увидел вечером. А ночью, перед тем, как лечь в постель, привычно встряхнул одеяло, и из-под него комком выпала змея. Отведя левую руку в сторону, он правой ухва-

тил ее за хвост и осторожно понес к выходу. Змея извивалась, шипела, но дотянуться до хвоста не могла — об этом прекрасно знал Пашино.

Утром был шум — известный Пашино незнакомец был укушен ядовитой змеей и отправлен в больницу. Оказывается, он расположился в соседнем номере, видимо, и к нему заползла змея...

Вообще, в своих путешествиях по Индии Пашино не раз встречался со змеями. И многое для себя усвоил, наблюдая, как обращаются со змеями дервиши. Никто из них не боялся змей. Пашино не раз видел, как дервиш иногда осторожно, а порой и грубо отбрасывал посохом, а то и просто ногой встретившуюся на его пути огромную, разъяренную чем-то, ядовитую змею. Казалось на первый взгляд, он делал это непринужденно, но, приглядываясь, Пашино понял, что это была целая наука — опыт поколений, тренировка. Как правило, дервиши прекрасно разбирались, с какой змеей и как нужно обращаться. Одну достаточно отбросить в сторону, перед другой, скажем королевской коброй, стать на колени, потом уже стремительно ударить посохом или рукой в уязвимое место. Знали дервиши и как обращаться с хищниками — к каждому, в зависимости от времени года, состояния животного и многих других нюансов, был особый подход. Главное же, чему научился еще в юности Пашино, — никогда не бояться никакого животного или насекомого. Клещи, скорпионы, фаланги, каракурты, которых немало в Индии, были близки к туркестанским, и это помогло путешественнику.

В Петербурге Пашино не задержался. Счастливое стечение обстоятельств позволило ему отправиться вскоре в кругосветное путешествие. Известный московский миллионер Хлудов отправлял своего непутевого, вечно пьяного сына в Филадельфию — побывать на Всемирной выставке. Пашино было предложено сопровождать его: ведь «по пути» за океан предполагалось «объехать весь мир».

В Италии Пашино встретился с Адамоли, адъютантом Джузеппе Гарибальди, с которым Петр Иванович познакомился еще в Ташкенте в 1870 году. И теперь, спустя пять лет, в Риме Пашино попросил его устроить встречу со знаменитым героем Италии. И адъютант устроил эту

Знаменитый герой Италии Дж. Гарибальди

встречу. Гарибальди жил в загородной вилле. Он принял Пашино на террасе, сидя в глубоком кресле, положив больную ногу на табурет. Беседа продолжалась около 30 минут. Очень тепло Гарибальди отозвался о четырех русских, сражавшихся в рядах его войска.

В Османской империи Пашино был первый раз по пути в Индию. Вот как пишет Петр Иванович о Турции того времени: «Страна роскошная, в изобилии одаренная природой: в ней есть и множество богатств царства ископаемого, не говоря уже о всем том видимом материальном богатстве, которым она могла бы за пояс заткнуть всякую державу, если бы находилась под лучшим правительством». Управлял тогда Турцией султан Абдул-Гамид...

О Бирманской империи по возвращении в Россию Пашино сделал сообщение в Русском географическом обществе. В журнале общего собрания, в частности, писалось: «Последнее из прений заседания было посвящено описанию недавно совершенного членом-сотрудником П.И. Пашино путешествия по Бирманской империи. Изложив в общих чертах маршрут путешествия, г. Пашино остановился на некоторых подробностях, касающихся государственного и общественного устройства Бирмы, и рассказал в заключение несколько мелких случайностей путешествия».

В Сингапуре Пашино пробыл недолго, да к тому же и чувствовал тогда он себя неважно.

Затем путешественники прибыли в Китай. Часть пути в Пекин из Тяньцзина плыли на лодке по реке Байхэ.

С удивлением описывает Пашино способ орошения китайцами полей: они зачерпывали воду «в огромнейшие, сплетенные из соломы корзины и подбрасывали эту воду на уступы берега, откуда другая пара китайцев перечерпывала ее и бросала выше в водопроводную канаву для орошения своего поля. Видно, что здесь задельный труд ценится чрезвычайно дешево, — делал вывод Пашино, — так как до сих пор не придумано никаких приспособлений для орошения полей».

В Пекине Пашино поразили длинные, тянущиеся на многие километры торговые улицы, не похожие на уже виденные им ранее улицы других восточных городов. «Направо и налево повсюду развевались китайские надписи, прикрепленные на высоких шестах, изящно украшенных разноцветными фонариками. Чайные магазины играли, как мне показалось, последнюю роль. Большая же часть лавок была переполнена китайскими фарфоровыми и металлическими изделиями, причем не давалось разницы обыкновенному тазу и изящно отлитой бронзовой вазе. Самой простой работы фаянсовая посуда стояла рядом с превосходными фарфоровыми чашками изящного китайского фарфора».

Особенно поражали магазины шелковых тканей. Пашино восторгался расцветкой китайских шелков, говоря, что нигде в Европе нельзя встретить такого изящества и такого разнообразия узоров.

Из Китая направились в Японию. Побывали в Симоносеки («Огромнейший и роскошнейший японский город», — пишет Пашино), Киото, Осаке, Иокогаме, Токио.

В своих записках Пашино не раз отмечал необыкновенную чистоту городов и деревень и присущее японскому народу чувство прекрасного. Он пишет: «По дороге в Осаку почти все пространство мы ехали или возделанными полями, или изящными японскими деревушками, причем я заметил много элегантности даже в таких деревенских постройках, куда сбрасываются дрова и где делаются колеса». «Сколько требуется здесь терпения и самого заботливого ухода, чтобы достичь подобного превращения!» — восторгался он, любуясь карликовыми деревьями.

Пашино писал, что, по его мнению, через 50 лет Японию нельзя будет отличить от европейских стран. В этом он не ошибся.

Об Америке Пашино писал скупое. Видимо, сыграло роль и то, что там среди бела дня его обокрали, что он провел ночь в американской тюрьме, — все это отложилось в памяти.

Вернувшись на родину, Петр Иванович снова думает о путешествиях. Он побывал еще во многих странах. В Эфиопии, например, проехал на страусах за три дня около 300 верст... Одним словом, продолжал прежнее существование.

Остается сказать, что Петр Иванович Пашино умер всеми забытый и одинокий — в богадельне, куда был помещен с помощью друзей и знакомых. Погребен на Волковом кладбище...

(По материалам О. Назарова, Л. Митрохина, А. Райкова.)

МАЯК РУССКОЙ ИНДОЛОГИИ

С именем выдающегося русского индолога профессора Ивана Павловича Минаева (1840—1890) связана одна из наиболее ярких страниц в истории отечественного востоковедения.

Удивительно разнообразной была деятельность замечательного ученого. Крупнейший исследователь академического склада с европейским именем и блестящий публицист; одаренный педагог, в течение многих лет профессор Петербургского университета и талантливый организатор науки, отдавший немало сил работе в этнографическом отделении Российского географического общества; неутомимый путешественник, замечательный собиратель памятников письменности и культуры народов Востока и столь же талантливый популяризатор науки, познакомивший русского читателя с прошлым и настоящим народов Южной Азии.

Его научное наследие составляют работы в области буддологии (в самом всеобъемлющем значении этого термина) и истории, в том числе проблем современной ему эпохи; географии и этнографии; истории литературы и лингвистики, в частности сравнительного языкознания, санскритологии, языков пали и невари; фольклористики, археографии и текстологии.

Своими работами И.П. Минаев оставил заметный след в каждой из названных областей. Его исследования находились на уровне передовой науки своего времени и получили признание как в нашей стране, так и за рубежом. Многие труды И.П. Минаева и сейчас сохраняют свою оригинальность и не утратили научной и познавательной ценности.

Для И.П. Минаева был характерен не только широкий диапазон научных дисциплин, которыми он занимался, но и обширный географический ареал его исследований. Однако на протяжении всей научно-педагогической деятельности Ивана Павловича Минаева Индия остава-

лась главным объектом его пытливого ума. И поэтому мы вправе рассматривать его как индолога *par excellence*. В то же время он внес серьезный вклад в такие области востоковедения, как бирманистика, непалистика, цейлонистика, афганистика.

Эта многогранность Минаева как ученого поставила его в особое положение среди отечественных востоковедов той эпохи.

Фундаментом разносторонней и плодотворной деятельности Минаева были его энциклопедическая образованность и блестящая филологическая подготовка.

Иван Павлович Минаев родился 22 октября 1840 года в семье небогатого чиновника из тамбовских дворян средней руки. Французский и немецкий языки он начал изучать дома, а затем в Тамбовской гимназии. В 1858—1862 годах он продолжал образование в Петербургском университете на китайско-маньчжурском отделении факультета восточных языков.

Учителем и наставником Минаева в университете был выдающийся русский востоковед-буддолог и китаист профессор В.П. Васильев, с которым он сохранял тесную дружбу до конца своей жизни. Занятия с Васильевым несомненно определили основное направление всей последующей научной деятельности Ивана Павловича, то есть изучение буддизма. Следует заметить, что уже в студенческие годы он заинтересовался первоисточниками буддизма и в отличие от своего учителя занялся исследованием памятников буддизма не в странах Дальнего Востока и Центральной Азии, а на его родине — в Индии и сопредельных странах Южной Азии. Отсюда его серьезные занятия санскритом и пали. В университете Минаев изучал санскрит под руководством известного русского санскритолога профессора Каэтана Коссовича.

Еще будучи студентом, Иван Павлович обратил на себя внимание своими блестящими способностями и был оставлен при факультете для подготовки к профессорскому званию. По окончании университета его направили в длительную заграничную командировку (1863—1868). В течение пяти лет он совершенствовал свою индологическую и филологическую подготовку в университетах Германии, Англии и Франции.

Впоследствии, во время своих путешествий по Востоку, Иван Павлович использовал свое знание санскрита и пали не только для изучения письменных источников, но и для живого общения с индийцами, бирманцами и представителями других народов. В Бирме, Непале, на Цейлоне он вел на пали с учеными буддийскими монахами длительные диспуты на сложные религиозно-философские темы. В Индии он использовал санскрит в беседах с учеными-санскритологами.

Во время своих длительных поездок по Индии Иван Павлович овладел и хиндустани, о чем он говорит в своих дневниках. О занятиях новоиндийскими языками свидетельствуют его переводы фольклорных записей, сделанных на хиндустани, маратхи, диалектах пахари. Таким образом, поездки Минаева в Индию и другие страны Востока были для него еще одним университетом. Кроме того, его путешествия на Восток составили важную веху в истории развития научных и культурных связей России с этими странами.

Записи в дневниках Минаева, сделанные им после встреч с индийскими учеными, свидетельствуют о его глубоком уважении к своим индийским коллегам. Минаев с большим удовлетворением наблюдал за становлением новой индийской науки, отмечая процесс постепенного высвобождения индийских ученых из-под духовной опеки колонизаторов.

Индология как самостоятельная научная дисциплина стала развиваться в России с начала XIX века. В деятельности «отца русской индологии» Герасима Лебедева наметился своего рода комплексный подход к изучению Индии. Лебедев интересовался и прошлым, и различными сторонами жизни современного ему индийского общества. Однако он не создал своей школы и не имел последователей. В 1830—1860 годы в трудах Ф.П. Аделунга, Р.Х. Ленца, О.Н. Бётлингга, И.А. и К.А. Коссовичей, В.П. Васильева и особенно замечательного русского востоковеда П.Я. Петрова русская индология развивалась преимущественно как санскритология, то есть как изучение санскритского языка и санскритской литературы. Индология практически не выходила за пределы изучения культуры «классической» Индии.

Минаев решительно отбросил это традиционное представление, заимствованное главным образом от германской индологии XIX века. Он был первым русским и, пожалуй, европейским индологом, у которого исследования в области санскритологии и древнеиндийской культуры органически сочетались с таким же глубоким и серьезным изучением проблем современной ему Индии.

В России и до Минаева (1800—1860) отечественными авторами были опубликованы десятки статей и книг, посвященных Индии того времени. Однако не очень многие из этих работ являлись результатом научных исследований и имели самостоятельное значение. Громадная заслуга Ивана Павловича и заключается в том, что он впервые изучение проблем современности сделал полнокровной отраслью индологии как научной дисциплины.

Иван Павлович готовился занять кафедру истории восточных стран, однако после возвращения в 1869 году из-за границы он был вынужден сначала занять место доцента на кафедре санскритской словесности факультета восточных языков, а в 1871 году перейти на кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков историко-филологического факультета, которую он с 1873 года занимал вплоть до своей преждевременной кончины 14 июня 1890 года.

Как справедливо отмечал академик А.П. Баранников, «как ученый, И.П. Минаев прошел очень своеобразный путь. Он окончил факультет восточных языков по китайско-маньчжурскому отделению, но посвятил себя изучению Индии. Он готовил себя к преподаванию истории Востока, а должен был занять кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков...». И все же Минаев всегда оставался историком!

Его первой серьезной научной работой было исследование, с публикацией текста и переводом, Пратимокши-сутры (магистерская диссертация, защищенная в 1869 году). После возвращения из поездки в Бирму в 1886 году он выступает первооткрывателем целого ряда важных памятников буддийской литературы, публикуя их тексты в изданиях Лондонского общества по изучению литературы на языке пали.

Главный труд Ивана Павловича в области буддологии — книга «Буддизм. Исследования и материалы». К сожалению, при жизни автора, в 1887 году, вышел лишь первый том и работа осталась незавершенной. Это исследование И.П. Минаева было переведено на французский язык и высоко оценено его современниками.

И.П. Минаев вообще придавал большое значение всестороннему изучению материальных памятников буддийской культуры, о чем свидетельствуют его весьма пространные и точные описания буддийских храмов, ступ и т. д., виденных им во время его путешествий по странам Южной Азии.

Его главные филологические, в том числе узколингвистические, работы также непосредственно связаны с исследованиями в области буддизма. Необходимо выделить особо его докторскую диссертацию — «Очерк фонетики и морфологии языка пали» (1872). Эта работа была признана лучшей грамматикой пали для своего времени. В 1874 году она была переведена на французский, а в 1875 году — на английский язык. Известно, что в те годы именно по грамматике Минаева изучался пали в Индии и Бирме.

Несколько особняком стоит его научно-популярный «Очерк важнейших памятников санскритской литературы». Это — первая русская сводная работа по древнеиндийской литературе. Она отличается множеством превосходных переводов отрывков — образцов различных жанров древнеиндийской литературы, инкорпорированных Минаевым в основной текст. Многие частные выводы и наблюдения Минаева не устарели.

Третью группу индологических работ И.П. Минаева составляют историко-географические исследования. Его внимание сосредоточивается на вопросах исторической географии, истории географии и географических открытий.

По первой проблематике непреходящую ценность представляет исследование палийских источников, позволившее реконструировать связи Древней Индии с Вавилоном. Результаты этого исследования были обобщены И.П. Минаевым в небольшой статье — «Новые факты относительно связи древней Индии с Западом» (1870).

В известной степени пограничное место между работами по истории географии и исторической географии занимает его капитальный труд «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи», вышедшей в 1879 году. Эта работа и поныне сохраняет свое значение как источник по истории географии и исторической географии района Памира и сопредельных областей.

В области исторической географии И.П. Минаев прежде всего интересовался ранним этапом открытия и исследования Индии со стороны Европы. Вот почему он уделил столь большое внимание тексту «Записок» Марко Поло. И.П. Минаевым был выполнен лучший на русском языке, подлинно научный перевод этого старофранцузского текста, изданный уже после его смерти, в 1902 году, под редакцией выдающегося русского востоковеда академика В.В. Бартольда.

Как переводчик и комментатор Марко Поло И.П. Минаев поражает нас своей эрудицией, ювелирной техникой перевода, что обеспечило его неоднократные переиздания.

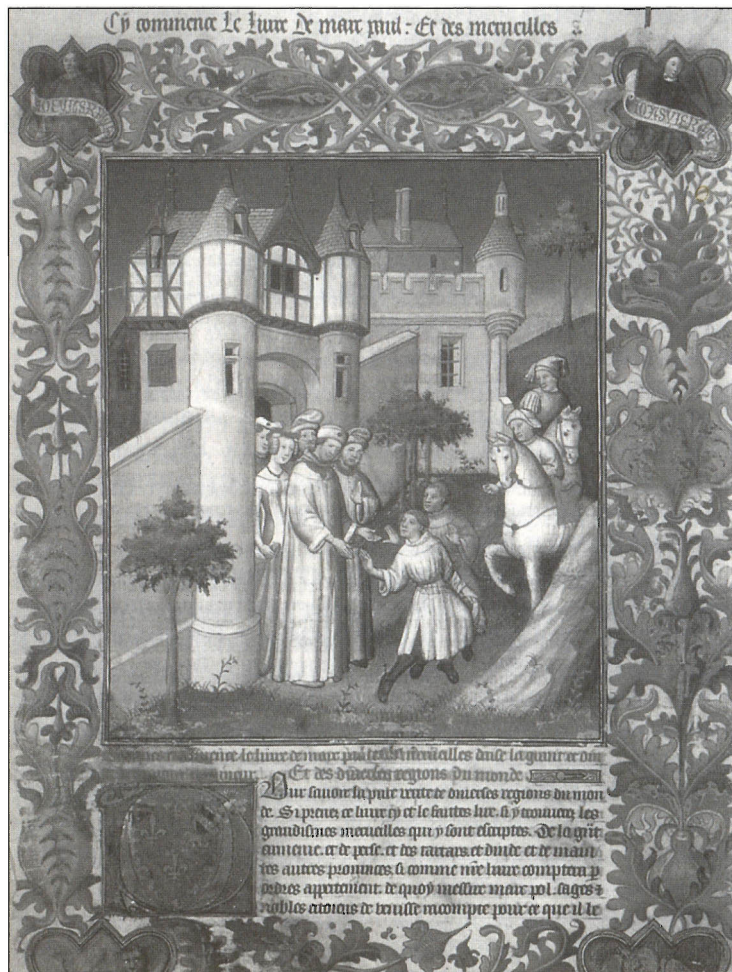
И.П. Минаев, сделавший так много для установления культурных связей России с Индией, не мог, естественно, не интересоваться историей русско-индийских отношений. Главное место в этой группе работ Минаева занимает его замечательное исследование «Старая Индия. Заметки на "Хождение за три моря Афанасия Никитина"», вышедшее в 1881 году

Эта работа далеко переросла первоначальный замысел ее автора — создать научный комментарий к тексту «Хождения». По сути дела, это блестящее исследование по проблемам истории Индии XV—XVI веков. Замечательно, что И.П. Минаев привлек для сравнительно-исторического изучения не только материалы индийских, других восточных и европейских источников, но и данные, собранные им во время поездки по Махараштре, где за несколько веков до этого бывал и Никитин.

Большой интерес представляет методика Минаева — исследователя «Хождения» Афанасия Никитина. Комментируя какое-либо место из записок русского путешественника, ученый не только сопоставляет сведения Никитина с данными других источников, но и дает весьма

полное аналитическое описание упоминаемого в «Хождении» института или явления экономической, социальной или духовной жизни Индии XVI века, часто прослеживая его дальнейшую эволюцию вплоть до современной Минаеву эпохи.

К этому исследованию И.П. Минаева тематически примыкает его небольшая работа «Русские помыслы об Индии в старину», представляющая превосходный раз-

Миниатюра из «Книги Марко Поло»

бор известных в то время сведений о русско-индийских отношениях XVI—XVIII веков. Написанная по поводу издания в 1884 году Д. Кобеко документа, относящегося к попытке завязать дипломатические отношения с Индией, предпринятой при царе Алексее Михайловиче, эта работа Минаева вышла далеко за рамки обычной журнальной рецензии и приобрела значение самостоятельного научного исследования.

С географией и этнографией Минаева связывала его разносторонняя деятельность как одного из ведущих членов Русского географического общества, в которое он был избран в 1871 году. На плечи Минаева легла значительная часть научно-организационной работы в обществе, особенно по его этнографическому отделению, после того как в 1878 году он был избран членом Совета общества.

Наконец, наиболее многочисленную группу индологических работ (около пятидесяти опубликованных) Ивана Павловича составляют исследования по проблемам современной ему Индии. Основное место среди них занимают многочисленные научно-публицистические статьи, но центральное место остается за вышедшими в 1878 году «Очерками Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского», а также за впервые опубликованными в 1955 году дневниками его второго и третьего путешествий в Индию и Бирму.

И.П. Минаев совершил три путешествия на Восток: первый раз — в 1874—1875 годах — в Индию, на Цейлон, в Непал; второй раз — в 1880 году — в Индию и третий раз — в 1885—1886 годах — в Индию и Бирму. Эти путешествия занимают особое место и в научной биографии самого Минаева, и в истории русской индологии в целом.

Во время путешествий Минаевым были собраны громадные коллекции рукописей, этнографических материалов и, наконец, книг. Все эти материалы, переданные после смерти ученого в различные научные учреждения Ленинграда, до сих пор играют роль серьезной базы различных отраслей отечественной индологии. В особенности это относится к книжным коллекциям И.П. Минаева.

И.П. Минаев как исследователь современной ему Индии раскрывается еще одной стороной своего незаурядного дарования — как блестящий публицист. К 1870-м годам, времени первых научно-публицистических выступлений И.П. Минаева, в русской журналистике сложилось свое востоковедческое направление. Научно-публицистические выступления И.П. Минаева в русской прессе, насыщенные фактами, оригинальными и глубокими мыслями замечательного ученого, яркие и живые по своей форме, несомненно составляют важную веху в истории дореволюционной востоковедческой публицистики.

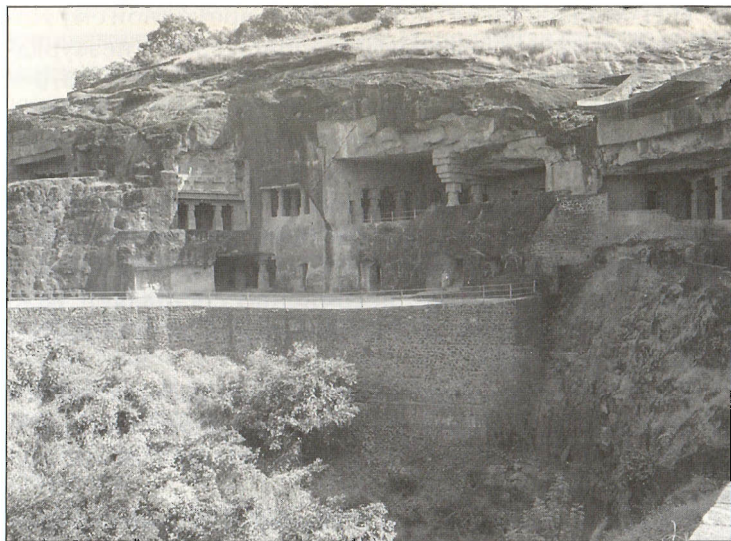
Как в своих более фундаментальных работах, так и в журнальных и газетных статьях Минаев рассказал русской читающей публике правду об английском колониальном режиме в Индии.

Во время своих поездок в Индию И.П. Минаев смог убедиться в том, что английская версия «русской угрозы», усиленно распространявшаяся в стране, была своего рода контрмерой против растущих в индийском обществе симпатий к России и русским. «Я сам могу подтвердить, что во все три мои путешествия по Индии я встречал много любезностей и видел много радушия, и не только от индийских пандитов и простого народа, но я не могу по чистой совести не отблагодарить правителей Низама и Непала за их содействие мне и вообще за их гостеприимный прием», — писал И.П. Минаев.

Эти русофильские настроения в Индии были вызваны тем, что многие в этой стране связывали надежды на освобождение родины с ослаблением Англии в борьбе с Россией и видели в последней своего союзника.

Все это не могло не быть известным реакционному руководству Российской академии наук и Петербургского университета. Благодаря интригам этих кругов он не получил вполне заслуженного им звания академика.

Работы И.П. Минаева, опубликованные еще при жизни ученого, а также его дневники и черновые наброски поражают глубиной и разносторонностью его интереса к жизни современной ему Индии и сопредельных с нею азиатских стран. И.П. Минаев старался не упустить ни одной крупинки информации во время своих поездок в

Храмы Эллары

эти страны. В этом отношении весьма характерно его замечание в письме к племянницам, отправленном им из Эллары (Индия) 5 марта 1880 года: «Я прожил здесь главным образом с археологической целью, что не помешало мне видеть и слышать очень много интересного». Любое свидетельство непредвзятого и внимательного наблюдателя И.П. Минаев считал достойным внимания исследователя проблем живого Востока. Вот почему в своей рецензии на путевые заметки В.В. и Е.К. Верещагиных об их путешествии по Индии И.П. Минаев высоко оценил выполненные русским художником иллюстрации к этой книге как важный источник для познания жизни Индии того времени.

Многие десятилетия прошли со дня кончины замечательного русского востоковеда и путешественника, и с течением времени все более четко осознается громадная роль, которую сыграл Иван Павлович в отечественной востоковедческой науке. Особенно велик его вклад в индологию, и И.П. Минаев по праву может считаться основателем отечественного индоведения.

(По материалам Г. Котовского.)

РУССКИЙ ХУДОЖНИК В ГИМАЛАЯХ

...Над Калькуттой вставало солнце. Словно сказочный призрак сквозь утреннюю туманную дымку в его лучах вырастал над крышами домов огромный беломраморный купол, венчающий массивное здание с колоннами и арками.

Музей «Виктория-мемориал» — архитектурная доминанта многомиллионного города. Открытый в честь английской королевы Виктории в 1921 году, мемориал по иронии судьбы всего через четверть века, в 1947 году, когда индийский народ добился независимости, стал памятником и самой британской колониальной империи, жемчужиной которой была Индия.

Рассказывает В. Байков, в 1980—1990-е годы собственный корреспондент «Правды» в Индии:

— Бродя под гулкими сводами музея, я в одном из залов увидел огромную, во всю стену, картину, которая, словно магнит, притягивала к себе посетителей: по улице восточного города, мимо зданий с островерхими башенками, со стрельчатыми окнами, забранными ажурными решетками, мимо индуистского храма величаво шествует процессия покрытых дорогими попонами и коврами слонов, несущих на своих спинах надменных господ в шитых золотом мундирах. Гарцуют рядом на красавцах жеребцах телохранители с длинными бамбуковыми пиками в руках. Ослепительно сверкают на солнце их стальные латы и шлемы. Идут многочисленные слуги в белоснежных одеждах, музыканты, знаменосцы... Подпись под картиной гласит: «Процессия слонов в Джайпуре по случаю приезда в 1876 году принца Уэльского». Автор — художник В. Верещагин.

Неожиданный и приятный сюрприз! Конечно же, хорошо известно, что знаменитый русский живописец Василий Васильевич Верещагин дважды, в 1874—1876-м и в

1882 годах, путешествовал по Индии. Знал об этом и я, но не предполагал, что его работы есть в индийских музеях!

В.В. Стасову, Петербург. Воскресенье, 10[22] марта 1874 года.

Милостивый государь Владимир Васильевич!

На будущей неделе я уеду, наверно; гумаю сначала двинуться, коли позволит дорога, в Соловецкий монастырь, затем по Сибири в Приамурский край, Японию, Китай, Тибет, Индию. Сделайте божескую милость, присоветуйте, какие книги я могу приобрести в дорогу и какие должен прочитать у Вас в библиотеке — из описывающих этот путь с его природою и людьми. В последнем случае нет ли возможности получить несколько книг на дом?

Я забегу к Вам, если позволите, завтра или послезавтра.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Музей «Виктория-мемориал» — архитектурная доминанта
Калькутты

В первую поездку художник объездил многие города и районы Индии. Но все свои этюды, рисунки, этнографические коллекции отправил в Петербург. Задумав создать большую живописную «Индийскую поэму» в 20—30 картинах, художник предпринял второе путешествие в Индию. В письме к В. Стасову он раскрывает замысел этих картин. «Это будет история заграбастания Индии англичанами», — писал он.

Художник В.В. Верещагин

Такой замысел В. Верещагина пришелся явно не по вкусу английским колониальным властям. В печати была развернута кампания дискредитации художника. В ряде публикаций он был обвинен в том, что путешествует по Индии как агент царского правительства, изучая пути для проникновения русских в Тибет и другие азиатские страны.

В.В. Стасову, Агра. Около 12/24 апреля 1875 года.

Попросите Андрея Александровича Краевского напечатать прилагаемую статейку, найденную мною случайно в одной здешней газете, и против последней части, т. е. подозрения меня в шпионстве, протестуйте самым энергическим образом. Выскажите, что уже одна моя независимость, как человека и художника, исключает всякую возможность подобных подозрений. Надобно Вам сказать, что намеки на возможную цель моей поездки были высказываемы и прежде, и я боюсь думать, что когда я предприму тщательный обзор и объезд гималайской границы с ее в высшей степени интересными странами и племенами, подозрения эти обратятся в положительную уверенность. Меня бесит одна мысль о том,

что всюду полицейские агенты будут сгавать меня с рук на руки. Послал ли Беггров мои альбомы в Лондон? Пусть пошлет без расчета на аферу — афера будет в том, что более будут знать меня как художника и, следовательно, менее предполагать шпиона. Может быть, также понадобится еще несколько экземпляров для Индии.

Этюды посылаю на днях и самым положительным образом прошу никому не показывать. Посылаю много костюмов и других вещей — все старые вещи. Необходимо выпросить пропуск этюдов без таможенного досмотра. Впрочем, ящики с костюмами можно досматривать сколько угодно — вероятно, немного придется оплачивать. Дарджилинг — станция, с которой я отправился в сердце Гималаев. Газета, в которой я встретил эту статейку, называется «Pioneer», одна из лучших в Индии. Я теперь в Агре, уезжаю в Кашмир. Уж и жарища же здесь.

В. Верещагин.

В такой обстановке работать было невозможно — пробыв в Индии несколько месяцев, Верещагин вернулся на родину. Так и получилось, что все крупные работы на индийскую тематику он писал по своим многочисленным этюдам и рисункам уже вдали от экзотической страны.

В.В. Стасову, Сикким. 11/23 февраля 1875 года.

Я в самой середине Гималаев, в малом королевстве Сикким; в резиденцию великого монарха этой страны я теперь направляюсь и уже обменялся с ним несколькими витиеватыми письмами и более скромными подарками. Это время занимался в буддистских монастырях, а допрежь того на высоте 15 тыс. фут[ов] чуть не замерз со своею супружницею: снег, которым нам пришлось идти последний день подъема на гору Канчинга (28 тыс. ф[утов]), испугал моих спутников, и они за нами не изволили последовать. Между тем пошел снег, которым пришлось и питаться за неимением другой пищи, потушил наш огонь, и, кабы не мой охотник, который был с нами и отыскал и уговорил одного из людей внести на гору ящик с едою и несколько необходимых вещей, пришлось бы пло-

хо. Замечательно, что я выбился из сил и положительно заявил об этом прежде, чем моя дорогая спутница, моя маленькая жена, слабая и мизерная (Вы ее видели в библиотеке). Зато после, когда первое изнурение прошло, она, не говоря худого слова, грохнулась. Лицо мое за несколько дней пребывания на этой высоте непомерно опухло, и какое-то страшное давление на темя, от которого я непременно умер бы через пару промедленных дней, заставило спуститься прежде, чем все этюды, которые я намеревался сделать, были готовы. Сделаю еще попытку в другое время года и в другом месте — уж очень хоро-

Всадник-воин в Джайпуре. Художник В.В. Верещагин

ши эти горные шири и выси, покрытые льдом и снегом. Когда спущусь с гор, приеду в Агру, пошлю Вам оттуда с полсотни, а может, и более этюдов; многие из них — лишь наброски, но многие хорошо кончены, и из таковых каждый, надеюсь, стоит петербургского профессора (а все-таки профессором не хочу быть и не буду). То, что с помощью этих этюдов я надеюсь сделать, будет, как я гдую, иметь не англо-индийское только, а всемирное значение и не формою только. Впрочем, не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...

Я только что воротился с охоты на обезьян, охоты неудачной, но небезынтересной: представьте себе, самцы (огромные!) так озлились, что с ревом поскакали на меня, и я счел за лучшее ретироваться домой, где и ожидало меня Ваше письмо, живо прогнавшее мою досаду не только на обезьян, но даже и на туземцев, рыболовов, перегородивших реку и заперевших рыбу выше того, где после многого труда я установил вершу.

В. Верещагин.

Картина «Процессия слонов в Джайпуре», по мысли Верещагина, запечатлела триумф английского владычества, символизируя завершение окончательного захвата Индии колонизаторами. Принц Уэльский явился в покоренную страну как вице-король, назначенный английской королевой управлять огромной колонией. Он — главное действующее лицо пышной процессии. Гордо восседает принц на переднем слоне в позолоченном паланкине. К «европейскому сагибу» наклоняется сидящий рядом индийский магараджа. Верещагин сам был очевидцем демонстративного шествия. Укрывшись от посторонних любознательных взглядов, он наблюдал за торжественной встречей принца Уэльского с балкона одного из зданий, сделал зарисовки процессии.

Находящаяся в «Виктория-мемориал» картина В. Верещагина поражает не только богатством красок, но и размерами. Как мне сообщили в дирекции музея, ее размеры 25 футов в ширину и 17 в высоту (это примерно 7,6 на 5,1 м).

За сохранностью картины следил реставратор Санкар Рей. «В последний раз, — рассказал он, — полотно под-

робно, фут за футом, исследовалось три года назад. Наш вывод: состояние красочного слоя удовлетворительное».

А как же картина Верещагина оказалась в калькутском музее — ведь по одной из весьма распространенных версий она вскоре после того, как художник закончил над ней работу в 1879 году, попала в частные руки?

На этот вопрос Санкар Рей не смог ответить. Пришлось покопаться в архивах музея. В конце концов наткнулся на следующую справку: «Подарена в 1905 году (год, когда был заложен музей «Виктория-мемориал») магараджей Джайпура, который приобрел картину у г-на Эдварда Мэллей (Нью-Хейвен, США)».

Дар, следовательно, сделан тем самым магараджей, который запечатлен на картине рядом с принцем Уэльским.

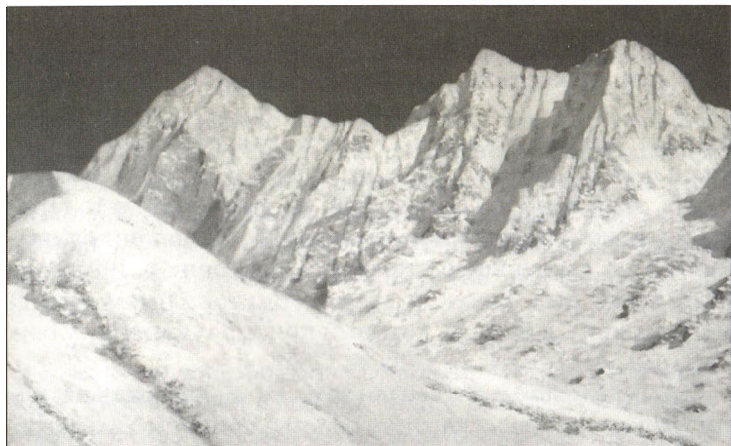
Но кто такой Э. Мэллей? И как картина оказалась в США? Может, кто-нибудь сможет ответить на эти вопросы?

(Из книги «Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных». М., 1883 г.)

Мы выехали из Дели на Умритсар и Лагор; Умритсар проехали, не останавливаясь: на станциях по обыкновению масса туземцев, ломящихся, давящих друг друга у входа и терпеливо выносящих удары палки полицейского.

Приехали в Лагор ночью и ненадолго остановились, чтобы пополнить комплект наших слуг. Наняли, во-первых, Бисти, т. е. водоноса, худощавого мусульманина с живыми глазами, клинообразной бородкой, оборванного, но против обыкновения не очень ленивого; во-вторых, Доби, — прачку (мужского пола), маленького, до нельзя подвижного человечка, всегда распространяющего около себя гурной запах, но негурно моющего; наконец Паварчи, или повара, также мусульманина с разбойничьей физиономией и большими глазами на выкате, особенный блеск которых объяснился после. Остальные слуги были у нас еще из Агры.

Описывать Лагор с его немногими достопримечательностями, крепостью, мечетью, мраморным павильоном и проч. я не буду. Даже гробница последнего короля Руджен-Санга не стоит того, чтобы распространяться о ней;

В Индии. Снега Гималаев. Художник В.В. Верещагин

и самые постройки и в особенности их украшения относятся ко времени упадка. Базар в городе большой и не гурной, но очень вонючий, благодаря канавкам, в которые все выбрасывается.

Не буду также уклоняться в рассказы о нравах, обычаях и истории Сейков, так как цель рассказа моего — поездка в горы.

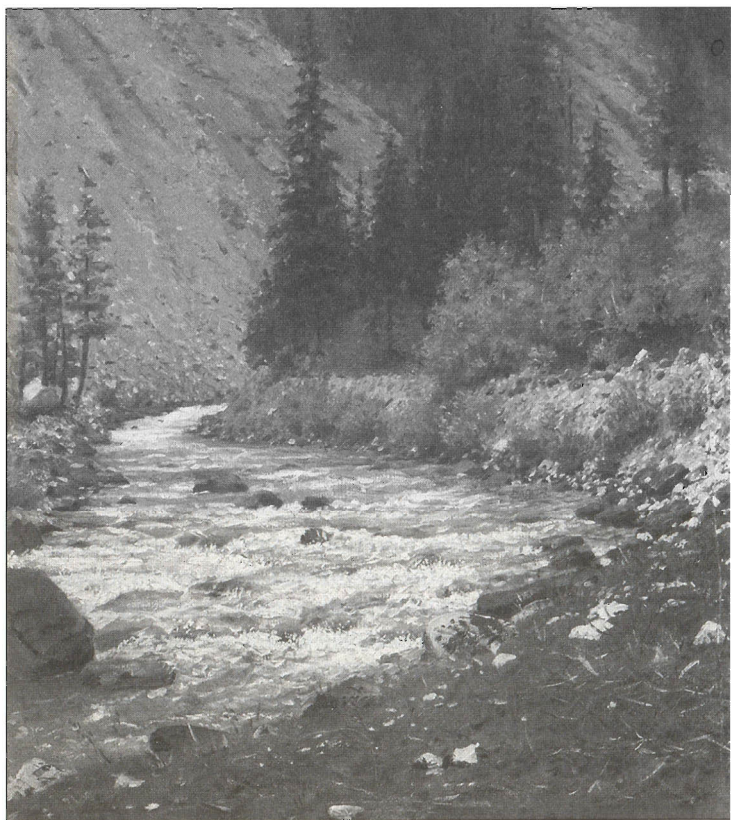
От Лагора до Гузерабада еще железная дорога, только что конченная, но далее уже почтовые лошади. Мы любовались на громадный прекрасный мост, строившийся через Джумну, а покамест перетаскились через реку самым жалким образом, на быках и едва не застряли в грязи.

В Гузерабаде был индусский праздник (16 апреля), но нам было не до него, пришлось разбирать и собирать наши замокшие, с трудом притащившиеся вещи. Мы заказали здесь для гор небольшую двойную палатку — здешняя тюрьма, по примеру Джобольнорской, готовится их всех сортов, величин и цен; обещали выслать нам вслед, на имя резидента в Кашмире.

Проехали от города почтою же, еще одну станция до деревни Вимбар, и на дороге не встретили ничего замечательного, если не считать мужика с верблюдом; мужик этот не только не ехал на верблюде, но, напротив, нес его на плечах; справедливо, однако, прибавить, что верблюд был маленький, вероятно недавно родившийся.

В деревне, первой станции, подведомственной Кашмирскому Магарадже, мы не нашли ничего кроме пустого грязного станционного домика. Достали на базаре кровати и спали на дворе. На другой день лошадей и носильщиков не оказалось, так как их было мало, а желающих ехать в Кашмир много. Муж мой записал свою жалобу в книгу, которая таким образом украсилась произведением оригинальной и красноречивой, но, кажется, безграмотной английской прозы.

Не скоро удалось собрать нужное число носильщиков; их приводили в одну дверь, а они убегали в другую. Пришлось самим следить и перехватывать беглецов и кое как наконец выбраться с этой несчастной станции.

Горный ручей в Кашмире. Художник В.В. Верещагин

На следующую приехали поздно, так что нам освещали путь к станционному дому огнями. Переезд этот мы сделали по высшей степени интересной дороге, по знаменитому старому Императорскому пути, по которому тысячи лет двигались из Кашмира в Индию и из Индии в Кашмир, Ладак и дальше торговцы, путешественники, войска. Этою дорогою совершались нашествия на Индию, этою же дорогою и индийцы ходили покорять горцев Кашмира, Ладака и гр. гималайских стран, этою дорогою великие моголы переезжали почти каждогодно в свои летние резиденции на Кашмирских озерах. На одном перевале дорога идет сплошь по голому утесу, в твердой породе которого выбиты тысячетными движениями глубокие правильные колеи. Мы с любопытством смотрели на эту живую летопись сотен веков; чего, чего не могли бы пересказать, если бы могли, эти камни, чего, чего они не видели!..

ПОЕЗДКА ПО ИНДИИ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ

(Из книги князя Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича 1890— 1891».)

...Давно носились слухи о том, что высочайше предположено далекое и многотрудное путешествие государя наследника цесаревича на Индию и Китай, с возвращением обратно или через Америку или через бесконечную Сибирь. Возможность совершения такого продолжительного и опасного путешествия сначала казалась положительно несбыточной; когда же к весне и к лету 1890 года осуществление замысла стало близким и несомненным, подробности о вероятных маршрутах естественно привлекли всеобщее внимание, ибо каждая должна была получить в будущем особое культурно-историческое освещение. Над составлением программы государственно-важного путешествия потрудились воспитатель цесаревича, генерал-адъютант Г.Г. Данилович, известный географ А.И. Воейков и капитан 1-го ранга Н.Н. Ломен, впоследствии командир фрегата «Память Азова», на котором благополучно совершилось знаменательное плавание.

План путешествия по Индии был составлен преимущественно по указаниям профессора Санкт-Петербургского университета А.И. Воейкова, при содействии нашего посла в Англии. Число лиц, избранных для неотлучного сопровождения его императорского высочества, было весьма ограничено и состояло из: главного руководителя, облеченного доверием Государя императора, свиты его величества генерал-майора князя Вл. Ан. Барятинского, флигель-адъютанта князя Н.Д. Оболенского и князя В.С. Кочубея.

За несколько дней до отъезда, с высочайшего позволения, меня откомандировали из департамента иностран-

*Цесаревич
Николай Александрович*

ных исповеданий министра внутренних дел в распоряжение князя Барятинского для письменных занятий и составления книги о путешествии. В Триесте к свите присоединился акварелист Н.П. Гриценко, а в Каире — военноморской врач В.К. фон Рамбах, о котором еще Сергей Петрович Боткин говорил как о выдающемся морском враче. Через Сибирь наследника цесаревича сопровождал флаг-капитан его императорского величества контр-адмирал В.Г. Ба-

саргин. Только пять вышеупомянутых лиц находились при особе его императорского высочества с минуты отбытия из Гатчины 23 октября 1890 года до возвращения домой 16 августа 1891 года.

23 октября 1890 года императорский поезд тронулся из Гатчины по Варшавской железной дороге на юг. Извивающаяся дуга предстоящей дороги пролегает через Варшаву, Вену, Триест, Грецию, Египет, Аден, Индию, Цейлон, Сингапур, Ботавию, Сиам, Французские колонии, Китай, Японию и, наконец, безграничную Восточную Россию.

Длинный, разнообразный путь, предстоящий цесаревичу, заранее был изучен его высочеством. На посещение дальних стран цесаревич смотрел не как на увеселительное путешествие, а как на исполнение долга, как на возможность приобретения опыта и сведений, могущих впоследствии быть полезными на службе государю и Отечеству. В Сибирь цесаревича влекло важное и политическое и экономическое значение этой части русского государства, влекло и желание изучить на месте вопросы сибирской железной дороги. Путь в Сибирь был выбран,

конечно, морской, вносящий новый интерес и высокую поучительность, кроме того, дальнейшее и продолжительное плавание ставило высокого путешественника лицом к лицу с условиями и трудностями военно-морской службы. Великого князя не могли не манить глубоко интересные классические страны древнейшего периода культуры — Египет и Индия, а также ближайшие соседи — Китай и Япония. В ожидании путешествия цесаревича в Пирейском порту собралась наша эскадра, в состав которой вошли: полуброненосные фрегаты «Память Азова», «Владимир Мономах» и канонерская лодка «Запорожец». Командующим этой флотилии был назначен флаг-капитан его величества свиты контр-адмирал Басаргин.

Бомбей и Элефанта

Том I, часть II

...Русская эскадра, замедляя ход, величаво направляется кильватерного колонной, замыкаемой «Корниловым», в широкую гавань, где ей предстоит весьма продолжительная стоянка. Три глухих выстрела возвещают, что мы замечены.

...До входа на рейд «Память Азова» принимает лоцмана. Оказывается, что местные власти давно уже ждут появления наших судов. Лоцман указывает на место стоянки. Командир королевского военного судна «Turquoise» — капитан Бракенбури, как старший на рейде немедленно приезжает с визитом на «Память Азова», вслед за ним с берега являются представиться государю наследнику назначенные стоять при его особе на все время пребывания в Индии: известный и у нас писатель — автор книги «Russia», искусный дипломат и бывший секретарь прежнего индийского вице-короля лорда Дэфферина, сэр Дональд Мэкензи Уоллас, превосходно знающий по-русски, и полковник Бенгальской армии Джерард, сопровождаемый двумя типичными туземными офицерами.

Наследник цесаревич изволят отправиться в Бомбей с кн. Барятинским, доктором Рамбахом, тремя гвардейскими офицерами-ординарцами, акварелистом Гриценко и автором этой книги.

Наши три фрегата, с которыми надо было расстаться для совершения путешествия в глубь Индии, — огром-

«Память Азова» и «Владимир Мономах» в Суэце. 1890 г.

ные, грозные, недвижные, среди бесконечной оживленной гавани — резко выделяются между прочими военными и коммерческими судами.

Ахмедабад

Том I, часть II

...Мы въезжаем в град «Ахмеда», названный так по имени знаменитого султана, царствовавшего в Гуджерате с начала XV века и здесь именно основавшего свою столицу, разросшуюся впоследствии до грандиозных размеров. Станция, как и везде, красиво декорирована. Платформа устлана красным сукном. Длинный почетный караул, нарочно привезенный из Бомбея, выставлен Глостерским полком.

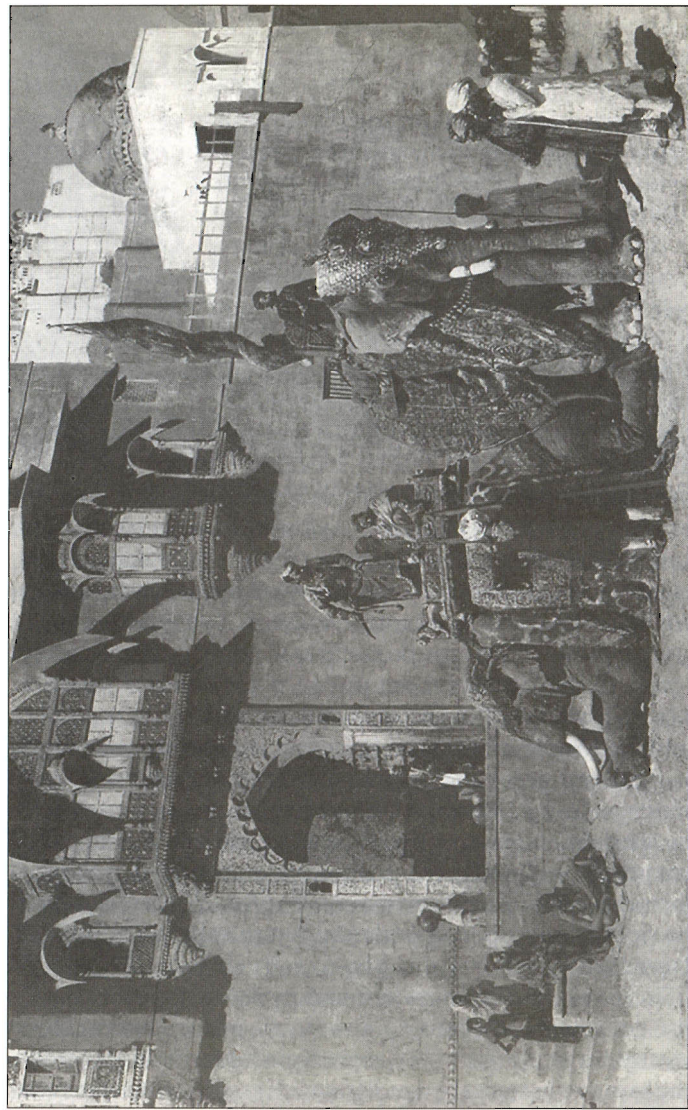
...Наследник направляется осматривать столицу Гуджерата. Чем дальше продвигаешься от станции к центру города, тем гуще пестрые толпы любопытных, тем звучнее туземная речь вокруг нашей коляски, тем осязательней действует совершенно новая и довольно диковинная обстановка. Августейшие путешественники въезжают за черту массивных стен, возведенных средневековыми султанами. Пыль встает на улицах от движения народных

масс. В Ахмедабаде насчитывается свыше 150 тыс. душ, и чуть ли не все они, да еще окрестные поселения собрались сегодня посмотреть на высокого гостя.

...Августейшие путешественники опять садятся в коляски для следования по городу. Последний, кажется, настроен радушно. По крайней мере приветствие на арке, около железнодорожной станции, гласило: «милости просим» — выражение туземных лиц, при проезде, отражало не одно любопытство, но и симпатию.

...За обедом (сегодня, надо напомнить, здесь и на Западе празднуется Новый Год) в центральной «шимианэ», гигантской гостиной-столовой из тканей, — много гостей (все представители местного европейского общества), между прочим, французский художник Моро с женой, приехавший сюда набираться свежих и ярких впечатлений. Одно только пугает на этом Востоке наших артистов: современная живопись, в лице ее талантливых представителей *fin du siecle*, слишком ищет реализма, которого окружающая нас тут действительность не признает, будучи тем не менее сама смесью жгучих красок, чувственных образов, — отчасти грубых и резких, а подчас даже и чудовищных очертаний. Иностранец, желающий проникаться правдою сложной туземной жизни и однородной с ней природы (ради воссоздания их путем творчества), обыкновенно не в состоянии проникнуться ими в полной мере, а так как пришельцы издалека (да еще особенно парижане!) на это, конечно, не способны, — это неотразимое влияние местной красоты и местного искусства должно по ним скользить, не входя в их плоть и кровь, ничего, в сущности, не говоря их сердцу и фантазии. Когда-то Запад созреет или, точнее, разовьется до знания и оценки отсталого Востока?! Без нея же и художественное проникновение в его чары и тайны недостижимо...

...Поздний вечер. Августейшие путешественники изъявили согласие совершить довольно продолжительную прогулку на колясках на озеро Канкария близ города, носящего это название от слова «Кап Каг», известняк, в котором при Кутбудинышахе, около 1450 года, искусственно созданся значительный в Индии водоем, — имеющий до 13 верст в окружности, — с великолепным кио-

Раджа Джодпура. Художник Э. Виск

ском и садом посередине, куда с высокого берега до сих пор ведут лестница и каменный мост, в данное время залитые огнями иллюминаций, подобно всему окрестному парку, разукрасившемуся в честь северного гостя.

У спуска к озеру горят и переливаются надписи над аркой: буквы «N.A.» и чересчур уж лаконичное приветствие «пожаловать!». Ярко иллюминированные лодки тихо плывут над озером здесь и там. Дебелые парсы с любопытством окружают нас на верхней платформе удачно задуманного киоска и даже не смотрят на беспокойную стихию, которая им так свята и дорога, — и на праздник огня, устроенный в память посещения Ахмедабада наследником цесаревичем...

Джодпур и Аджмир

Том I, часть II

...Рано утром (22 декабря, суббота) августейшие путешественники, под грохот салюта встреченные на джадпурской станции самим махараджею с его двором и английским резидентом (так сказать, советником-опекуном при туземном князе), направляются в устроенный для них обширный лагерь, слегка в стороне от города. Местные войска — при звуках русского гимна, впервые звучащего в Раджпутане, — приветствуют его императорское высочество. Впечатления въезда в его предместье до того глубоки, что и записывать даже трудно в последовательном порядке, какие чувства и мысли всплывают в расширяющемся сознании.

Джодпур! Настоящая, почти (можно сказать) доисторическая Индия, — та Индия, о которой каждый из нас невольно-бессознательно грезил наяву, читая отрывки из Рамаяны и Махабхараты, — тот индийский строй, в котором обрисовывалась фигура легкомысленного Наля, с его чисто славянским характером, и наряду с тем удивила мир идеальной самоотверженностью возвышенно-чистая княгиня Дамаянти.

...В 1803 году англичане впервые вступили в сношения со здешним правительством. Через несколько лет они простерли на княжество свой протекторат, а в 1839 году заняли город войсками. Около того времени старая династия угасла и пришлось выбирать властителя из младшей

побочной ветви (Идарской линии, утвердившейся в Гуджерате), вскоре действительно найденного и признанного туземными феодалами (так называемыми «такурами»). Августейшие путешественники теперь — в гостях у сына его, начавшего править после смерти отца, лишь с 1873 года. Правящий князь, еще смолоду, при отце, заботился о благоустройстве страны. Махараджа вообще считается большим любителем техники, вечно занят сооружением водоемов, в которых действительно нуждается население, при помощи инженера Хома провел в свою столицу (хотя узкоколейную) железную дорогу. До того сообщение с этим центром было крайне затруднительно и редко кто решался проникнуть сюда на слоне или верблюде. Оттого-то, вероятно, про Джодпур почти ничего не писано и мало известно в европейской литературе.

...Утром, в 8 часов, махараджа Джасвант Синг лично довез е.и. высочество до лагеря в своей оригинально-старомодной, высокой и просторной коляске, запряженной четверкой.

Согласно священному традиционному обычаю, за обменом приветствий следует при прощании увенчать посетителей гирляндами цветов. Джасванта Синга в памятный для него день собственноручно украшает первенец Белого Царя. Остальным гостям гирлянду на шею надевает кн. Барятинский. На специальном блюде приносится «Пан» (исконное угощение в виде тщательно свернутых пахучих листьев и кусочков бетеля для жевания). После краткого перерыва Их высочества в свою очередь едут в загородный дворец махараджи отдать ему визит. При этом наследник цесаревич и офицеры свиты — в русской военной форме.

Джайпур и Альвар

Т. I, часть II

...Поезд великого князя приближается к раджпутскому «городу победы» Джайпур. Опять торжественная встреча, с махараджою во главе. Английское «Добро пожаловать» гигантскими белыми начертаниями красуется сбоку на скалистом склоне горы, называемой «Нахаргар» (Тигровая твердыня). Босоногие солдаты, в красных мундирах старомодного покроя, расставле-

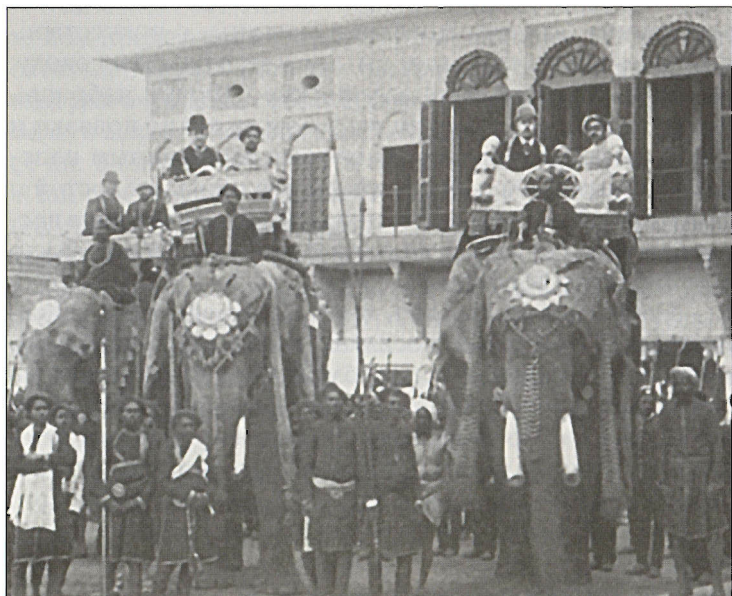
Джайпур. Современный вид

ны шпалерами на пути наследника цесаревича. Орудия запряжены быками. Арабские скакуны, с искусственно красивым изгибом головы, держатся рядом в поводу: цветные ожерелья и металлические цепочки наброшены им на шею, чепраки шиты золотом, яркие повязки и серебряные обручи надеты на ноги выведенным напоказ лошадям. Более двадцати слонов ожидают гостей и свиту е.и.в. Нескладная военная музыка, сияющая воспроизвести русский гимн и «God save the Queen», глухо слышится по сторонам...

...Наследник цесаревич, сидя с махараджею в своего рода драгоценных носилках «ховда» (от арабского «Наудай» — сиденье для верблюда) под балдахин, на спине богато разубранного слона, обозревает улицы «города победы». Проследовав городом, августейшие путешественники садятся в экипаж и, простившись с махараджею, направляется в «Residency» дом политического агента — г. Пикок. Его высочество — туземный владыка вскоре приезжает сюда с визитом. После полудня — поездка на тигровую охоту.

...Свыше 12 верст приходится мчаться в просторных шарабанах по отличному шоссе, дважды перепрыгая бы-

стрых лошадей. Затем ждут слонов, и надо, растянувшись в линию, медленно направиться в джунгли. Наследник цесаревич, держа ружье наготове, изволил поместиться в плетеной простой «ховде» с полковником Джерардом. Сзади шествует ручной гигант, везущий доктора Рамбаха и неразлучную с ним походную аптечку. Уверенно ровным шагом движутся царственные животные, погоняемые гортанным окликом сидящих на их голове «махаутов» (вожаков), вооруженных особыми острыми прутьями, чтобы наносить ими удары в темя ленивым и непослушным, — причем просто жаль видеть кровь, выступающую на толстой прорубленной коже бедных терпеливых слонов. Туземцы заботливо выслеживают крупного животного, зверь попадает на цепь стрелков. Результат охоты — огромная тигрица, смертельно раненная выстрелами е. и. в. и принца Георгия Греческого. Другой зверь пострадал от пули Кочубея, но уполз в густые кустарники, по которым в тщетных поисках рыщут некоторое время ученые слоны. Устройством охоты заведовал

*Цесаревич Николай Александрович и Георгий Греческий
верхом на слонах. 1890 г.*

здешний резидент — полковник Барр, майор Мастере и доктор Крофтс. Убитое животное приносят к палаткам, им любуются, сдирают с него шкуру. Пока это происходит, художник Гриценко тщательно делает зарисовки.

...В палатках джайпурского князя — в честь наследника цесаревича парадный обед, на котором присутствуют одни европейцы. К концу его, перед тостами (за государя императора и его императорское высочество, за королеву Викторию и короля Элинов), является хозяин (сам «радж, радж Индра», как принято величать владык, создавших Амбер). Придти раньше значило бы нарушить этикет. Принять участие в трапезе с иноверцами или даже людьми иной касты равносильно совершению тягчайшего проступка. Джайпурский махараджа Сэвай Мадхао Синг, сто сороковой потомок по прямой линии от героя Рами, не говорит по-английски. Его «диван» (главный советник) приносит за него спич, содержащий поздравления дорогому гостю и выражение удовольствия, что русские именно здесь испытали успех на тигровой охоте.

Надо добавить: туземцы любят не без гордости вспомнить, как принц Уэльский тоже тут убил первого тигра, зимой 1876 года.

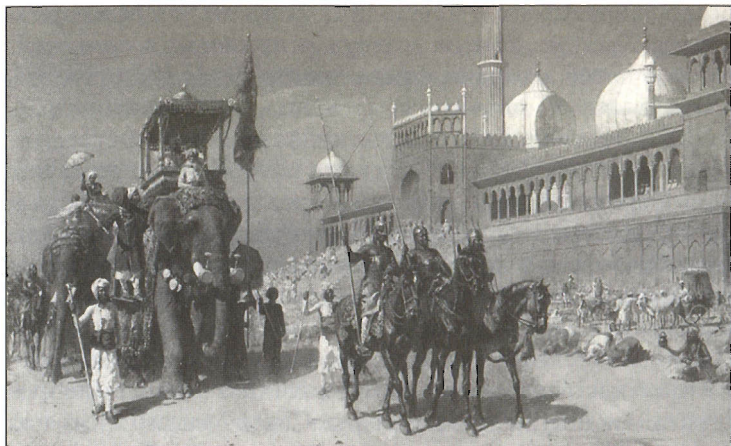
В царственном Дэли

Воскресенье, 30 декабря

...Наследник цесаревич ровно в 8 часов утра встречен на станции местными европейскими властями с генералом Sir John Hadson и главным администратором округа во главе.

После завтрака августейшие путешественники направляются осматривать достопримечательности Дэли в период владычества Моголов.

...За оба дня своего пребывания в номинальной туземной столице наследник цесаревич внимательно знакомится с производствами города. Купцы свезли в «Ludlow Castle» лучший товар, превосходнейшие образцы ювелирных работ, тканей и прочего, чем Дэли гордился в дни расцвета и побед. Целая огромная комната завалена принесенными на продажу заманчиво красивыми вещами. Такого выбора, такого изящества и (следует добавить) таких дутых цен еще не было нигде на нашем пути.

Великий Могол и его двор. Художник Э. Викс

...Первенство (в смысле вкуса и оригинальности) приходится тут отдать шелковым изделиям. Затем достойны упоминания и похвалы миниатюры, исполняемые на слоновой кости. Туземцы, тщательно рисующие на ней сцены и лица периода Моголов, суть потомки художников, подвизавшихся некогда при императорском дворе и унаследовавших это искусство от предков за три столетия. Теперь на таком труде мало ощущается спроса. Путешествующие иностранцы неохотно покупают лишние для них исторического значения чересчур своеобразные «bibelots», а так как навык мастеров передается от отцов к сыновьям, зачастую составляя семейную или цеховую тайну, то возможно и полное исчезновение некоторых производств, за отсутствием поощрения и покупателей.

От Пятиречья до Ганга

1 января, вторник

...Двенадцатый час пополудни. Лахор. Генерал-губернатор окраины (Sir John Lyall), командующий войсками (Sir Hugh Gough), римско-католические прелаты, много должностных лиц и дам ожидают е.и.в. на убранном флагами и зеленью дебаркадере, где длинный почетный караул выставлен от Уильтшайрского полка и Панджабскими волонтерами. Двадцать одним пушечным

выстрелом приветствует столица Пятиречья прибытие Престолонаследника в северо-западную часть Индии.

...Лахор, конечно, живописен по своему восточному колориту, но высказать о нем что-нибудь особенное, при беспрестанно повторяющихся описаниях того или иного города Азии, довольно трудно.

Амрицар

...Их высочества заезжают на фабрику ковров и шалей, которыми город особенно славится, несмотря на обширность его прочих торговых производств и ежегодных торговых оборотов. Дело ведется мусульманами, выходцами из Кашмира.

5 января, суббота

...Восемь утра. Агра. Парадная встреча военными и гражданскими властями. Их высочества долго любуются окрестностью, развертывающеюся перед мраморным павильоном работы итальянских мастеров, откуда виден Тадж.

...Тадж! «Поэма в камне». Он воздвигнут в предместье Агры, обнесен высокой оградой, украшен обступившим его парком, цветниками, водометами — служит мавзолеем, где схоронены Шах-Джахан и царица Арджманд Бану Бэгум, по прозванию «Мумтаз Махал» (избранница дворцовых чертогов).

Бенарес

Том II, часть I

...Его императорское высочество наследник цесаревич пребывает в самом любопытном городе Азии. Название города объясняется двояко: или прозвищем раджи Бенарь, отстроившего громадный разрушенный центр восемьсот лет назад, или слиянием близь него с водами Ганга двух окаймляющих столицу шиваизма рек Варана и Ази. Последнее, впрочем, маловероятно.

...Сближение туземцев Индии с русским простонародьем многими должно быть сочтено тенденциозным, почти невероятным или же просто-напросто фантастическим. Случайное подтверждение того, что не мне одному аналогия резко бросилась в глаза, я нахожу в ку-

пленной здесь трехтомной книге епископа Хебера, которая издана, когда о нашем воссоединении с Азией англичане серьезно и не помышляли. Заметки названного автора относятся к двадцатым годам, после того как он посетил Россию и проехал ее от столицы до южных границ, оставаясь под неизгладимым впечатлением церквей и палат Кремля, подобие коего иногда ему чудится потом в Индии при виде иного колоссального сооружения. Духом старой Москвы повеяло на Хебера, лишь только он вступил на бенгальскую землю. Раджпутские и маратские вершники, сопровождавшие его, показались ему схожими с кубанским казачеством: видно, недаром в Индостане принято именовать «козаками» тамошних смелых конных, а то даже воинов (например, джатов, во главе которых до сих пор выделяется бартпурский махараджа у Агры, своевременно являвшийся с визитом к августейшему атаману казачьих войск), которые воспитаны поэзией непрерывного напряжения и удалых наездов.

...Августейших путешественников встречает у пристани его высочество махараджа Бенаресский Прабу Нараян Синг со старшим взрослым сыном. (В посещаемую наследником цесаревичем крепость достопамятнейшим гостем приезжал раньше, к дяде нынешнего князя, принц Уэльский.)

Калькутта

Том II, часть I

...Утром местное купечество разложило перед комнатами наследника цесаревича разные нежные шелка, перевитые серебряными и золотыми звездочками, с кружевными украшениями из самоцветных камней. Кроме того принесены были на продажу всевозможные божки разной величины: из алебаstra с наложенными на него грубыми красками и металлические. Тут же предлагались тигровые кости, высоко ценящиеся туземцами как талисман.

...Станция Хаура. Еще не Калькутта, но почти что она... Вокзал пестро декорирован. Во главе собравшихся: маркиз Лэнсдоун, вице-король Индии и сэр Чарльс Эллиот, Бенгальский генерал-губернатор, со свитами. Грохот са-

люта приветствует момент прибытия русского престолонаследника, гремит «Боже, царя храни!».

...Картина, представляемая рекою, чрезвычайно любопытна по открывающемуся за нею изобилию величественных зданий. Хотя в столице сходятся четыре железнодорожные линии, сообщение водою играет важнейшую роль. Предметы ввоза и вывоза бесконечно разнообразны: скот, уголь, хлопок, овощи и плоды, хлеб и рис, гутаперча и смолы, кожи, циновки, масла, металлы, опиум, сера, шелк, пряности, соль, всякого рода машины. Тесные коммерческие отношения поддерживаются не только с Англией и вообще с Европой, но и с Индокитаем, Японией, Америкой, Мысом Доброй Надежды и Австралией. В Калькутту за год прибывает свыше тысячи океанских пароходов и четырехмачтовых парусных судов, морских гигантов новейшей конструкции. Особенно хорошо работает известная «Peninsular and Oriental» компания, чаще слывающая под сокращенным названием «Пиэндо» (P&O).

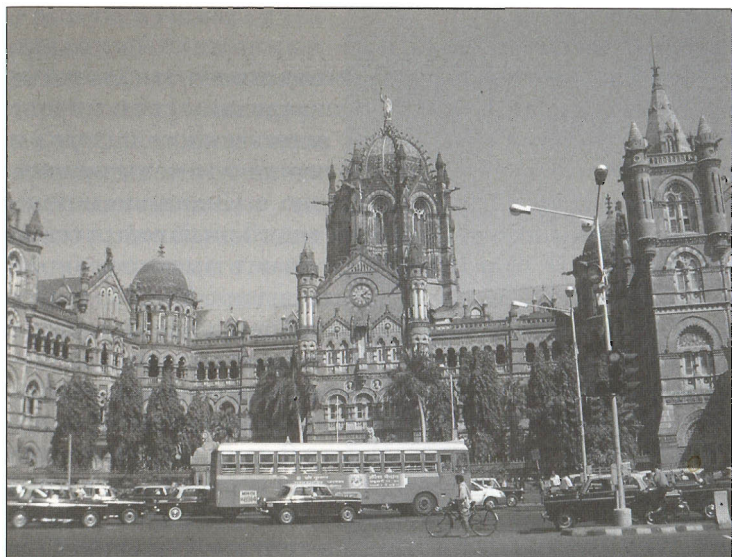
...Все путешественники по Индии, знавшие наш Петербург, охотно сравнивают его по внешности с Калькуттой. Сама судьба обеих столиц отчасти сходна. Основанные приблизительно в одно и то же время и в разгар борьбы великих народов за преобладание в мире, они параллельно возникли на болотной, миазмической почве, около устья 2-х исторически важных рек, в одинаковые периоды развивались, являясь очагами бодрой мысли и стремлением вперед в национальном смысле слова, где Востоку приходится мало-помалу высказываться под непосредственно-сильным влиянием Запада и вставать на защиту своих исконных прав. Вмещающая тысячи представителей в английском духе брамино-магометанской страны, Калькутта столь же типично олицетворяет в известном отношении все еще дремлющий полуостров, как «град Петра», наполненный учащимися из Европы, все сознательнее и разумнее определяет собою славяно-инородческий восточный мир. Спор Азии и Европы за настоящее разыгрывается в двух административных центрах мира — я разумею Петербург и Калькутту.

...В 7 часов 45 минут — обед у маркиза Лэнсдоуна (с 90 приглашенными), в числе последних — исключи-

тельно — мужчины. Местная знать. Также присутствуют: греческий священник отец Н. Паннас и греческий консул Петракино. Современная Эллада, как видно, дальше нашего шагнула на коммерчески важный юго-восток. Православный храм во имя Преображения Господня тут существует уже с 1780 года, когда тогдашний генерал-губернатор Уоррен Гастингс, женатый на уроженке из Архангельска, первый подписал на сооружение этой церкви 2 тыс. руб.

Архиепископ для Индии и Цейлона — Джонсон (The Right Reverend Lord Bishop & Metropolitan) благословляет трапезу. Рядом с наследником садятся вице-король и Бенгальский генерал-губернатор. В конце обеда провозглашаются тосты за государя императора и его величество «Queen Empress», за августейших путешественников. Трудно себе представить банкет оригинальнее и знаменательнее того, на котором мы сегодня присутствуем. В оправе восточного великолепия, среди неслышно скользящих бесчисленных слуг-инородцев, фактически правящая Индия чествует прибытие высокого гостя, почерпающего ежедневно на пути разностороннейшие данные об искусстве европейцев распоряжаться Азией, о ее великом прошлом и неопределенном будущем, о задачах истинной мировой культуры на Востоке.

...В Индии давно уже отличается некоторым влиянием армянский элемент, никогда не порывавший духовных связей с Эчмиадзином. При каждом избрании католика в пределах России есть голос и от его единоверцев с Ганга. Кавказ и наше государство вообще в интересах торговли давно углубились в Азию и заняли во многих краях видное экономическое положение. Но преобладающим из племен с кавказской кровью в Индии всегда были армяне. В качестве плантаторов (особенно в области разведения и сбыта индиго) потомки Гайка разбрелись по целому полуострову, основали по цветущей колонии. И в Калькутте возникла таковая в 1724 году. Калькуттская духовная чади Эчмиадзинского патриарха, осознавая значение для них России, захотели в 1891 году, при проезде через Бенгалию наследника цесаревича, хоть что-нибудь принести в дар его императорскому вы-

«Виктория Терминус» в наши дни

сочеству, и пользовавшийся авторитетом среди них еди-
новерец археолог-любитель Мелек-Беглар заказал с этой
целью модель знаменитого храма в Будда-Гайе.

Мадрас

Том II, часть I

...Отбыв 23 января с бомбейской главной станции
«Victoria Terminus»* в 10 ч. вечера, августейшие путеше-
ственники через Калиан и Пуну направляются Декканом
на Кальбаргу; в Гайдарабад, где правит могущественный
Низам, почему-то решено не ехать, хотя это оригиналь-
ный центр и лежит у дороги.

...Рельсовый путь заметно спускается к морю. Пло-
ский песчаный берег, низкие возвышенности за ними:
Мадрас. Губернатор — лорд Уинлок, власти, почетный
караул, масса разодетых туземцев ожидают наследника
цесаревича, между прочим, радостно встречают его пу-
тешествующие по Индии князь А.Г. Щербатов с женою,
урожденною О.А. Строгановой.

* Королева-императрица (англ.) — имеется в виду королева
Виктория.

Южная Индия

Том II, часть I

...Мы положительно находимся в стране, где далеко не проведены и пока, пожалуй, неопределимы связь и грань между явлениями совершенно естественного порядка и теми, которые на европейский взгляд отмечены признаками чудесного. Оттого-то именно в Индии, по инициативе одной много видевшей и много знавшей русской женщины (Е.П. Блаватской) зародилась мысль о возможности и необходимости основать целое общество теософов, искателей Истины в широчайшем смысле слова: с целью избирать адептами людей всякой веры и расы, глубоко вникать в сокровеннейшее учение восточных религий, привлекать азиатов к искреннему духовному общению с образованными иностранцами, поддерживать таинственные сношения с разными верховными жрецами, аскетами, чародеями и т. п. Здесь, у Мадраса, в предместье Ааіар (у маленькой реки того же названия) Блаватская учредила центр нового оригинального братства. Деятельным помощником и другом нашей талантливой соотечественницы, приобретшей в России литературную известность под именем Рада-бай, явился американский полковник Олькот. Огромное число разветвлений мадрасской теософической ложи возникло в Азии, и в Америке, и в Европе. Несколько органов периодической печати специально посвятило себя констатированию необъяснимых психических феноменов из области иогизма, т. е. магических актов воли человека, для которого условия пространства и времени перестают существовать. Блаватская вызвала бурю обличий в парламенте, чуть ли не в силу подозрительности англичан должна была навсегда покинуть преисполненный чудес и столь полюбившийся ей полуостров, но искусство ее вызывать к себе бескорыстную симпатию и преданность туземцев, их смутная жажда сплотиться под знаменем этой странной северной женщины из народа, радикально чуждого Альбиону, ее постоянные разъезды по стране ради сближения с волхвами и в попытках быть допущенной к разным заветным тайнохранилищам браминов и джайнистов — все, вместе взятое, создало ей исключительное положение, какого с давних пор никто и нигде не занимал

(пожалуй, начиная от тех отдаленно-блаженных дней, когда ясновидящие старицы на рубеже истории говорили со своими первобытно мыслящими единоплеменниками на вещем языке богов!). Для Индии настоящего и будущего Е.П. Блаватская не умерла и не умрет.

...Далекое и многотрудное путешествие е. и. в. наследника цесаревича до Японии и по Сибири, представляя не только государственно-русский, но и культурно-исторический, глубокий художественный интерес, — о чем свидетельствуют суждения всей иностранной печати, — чрезмерно любопытно

*Для Индии настоящего
и будущего Е.П. Блаватская
не умерла и не умрет*

было, и по разнородности предметов, приобретенных на Востоке или принятых в дар как выражение чужеземного привета или трогательнейших верноподданных чувств.

Подробная опись отдельных вещей в связи с их группировкой по странам своевременно была сделана в Управлении Собственным Его Величества Дворцом В.И. Сигелем и г. Пехом, под непосредственным наблюдением генерал-лейтенанта А.С. Василевского.

Пребывая в таких промышленных центрах страны, как Бомбей, как столица Гуджерата — Ахмедабад, Агра, Бенарес, е. и. в. имел возможность сделать хороший выбор из шелковых изделий туземного характера и колорита. Особенным изяществом отличаются приобретенные в северных частях полуострова тонкорунные, нежноцветные шали. Предметы, привезенные наследником цесаревичем из Индии, вдвойне ценны ввиду происходящего там ныне весьма быстрого упадка туземных искусств

и ремесел, вызванного неравной борьбой местных тружеников с наплывом английских дешевых товаров. Среди предметов — поднесенная калькуттскими армянами серебряная маленькая пагода (из священной для буддистов Будда-Гайи).

Удивительное по размерам и полноте путешествие Русского Престолонаследника на Восток явилось как бы замыкающим звеном в цепи наших исконно-родственных и в сущности необыкновенно тесных отношений к этому неоглядному, необъятному, до тонкостей нам понятному миру. Полубессознательный правительственный взгляд на Восток не мог от этого не стать яснее и шире.

6 апреля 1890 года. Письмо российского посланника в Японии Н.К. Гирсу о предполагаемом кругосветном путешествии наследника российского престола. Тут же план путешествия.

Милостивый Государь, Николай Карлович.

Государь император соизволил повелеть приготовить фрегат «Память Азова» для плавания осенью этого года с их императорскими высочествами наследником цесаревичем и великим князем Георгием Александровичем в Тихий океан до Владивостока, а затем от Владивостока до Сан-Франциско.

Отсюда дальнейшее путешествие предполагается по железным дорогам через континент Северной Америки до Нью-Йорка или какого-либо порта Соединенных Штатов, откуда их высочества возвратятся в Европу на одном из судов отряда, который будет своевременно послан в Америку из Кронштадта летом 1891 года.

Дав такие общие указания, его величеству благоугодно, чтобы я вошел в сношения с вашим высокопревосходительством относительно окончательного установления маршрута плавания фрегата и посещения Их императорскими высочествами наиболее замечательных портов и городов на пути.

Составил проект плавания, имею честь препроводить его вашему высокопревосходительству и прошу не оставить меня вашим заключением по этому предмету, добавляя, что посещение речных портов Китая, в том

числе и Пекина, не предполагается.

Примите, милостивый государь, уверения в моем совершенном почитении и преданности.

Мин-во иностранных дел. Секретный архив МИД, ф. 467, д. 114/1216, л. 1—4.

1890 год. По поводу заявления первого министра о посещении Индии наследником цесаревичем.

Великий князь
Георгий Александрович

Милостивый Государь, Федор Александрович.

10-го ноября нов. ст., на ежегодном обеде в Guild Hall (в Лондонской сити), первый министр лорд Солсбери в начале речи сказал: «Для мира вселенной и существования хороших отношений между нациями, я усматриваю благоприятное предзнаменование в предстоящем посещении Индии Наследником Императора Всероссийского, в качестве гостя Ея Величества и Индийского Правительства. Мы не можем не полагать, что это неожиданное совмещение понятий о России и об Индии может оказаться благожелательным для обеих стран и представить некоторое обеспечение для мира, к сохранению которого стремятся обе страны и с которыми столь глубоко связаны интересы обеих стран». (Рукоплескания.) «Предзнаменования, о которых говорю, характеризуют ту официальную деятельность, которая происходит на моих глазах. Мне представляется, что вопросы, которыми заняты нации, принадлежат к разряду тех, которые могут относиться до мирной, а не воинственной сферы».

Остальная часть довольно пространной речи лорда Солсбери касается разных политических вопросов, в которых Россия непосредственно не заинтересована; спе-

циально же военные вопросы изложены на том же обеде английским военным министром, по поводу речи которого доношу подробно за № 18.

Примите уверение в глубоком моем к Вашему Превосходительству уважении и совершенной преданности.

С. Бутурлин

(на полях помета) Его пре-ву Ф.А.Фельдману.

РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 7, л. 30 и об.

27 декабря 1980 года. Извлечение из бомбейской газеты «Таймс оф Индия» о прибытии его императорского высочества наследника цесаревича в Бомбей и пребывания там.

Его императорское высочество наследник цесаревич Николай Александрович прибыл в Бомбей во вторник (23-го) 11-го декабря утром и был принят с пышностью и почетом, подобающими его высокому положению. Прибытия русского фрегата «Память Азова», на котором следовал августейший путешественник, ожидали в понедельник вечером, почему немало лиц, явившихся на пристань, остались там в ожидании появления фрегата до поздней ночи. Происшедшее замедление несколько не охладило нетерпения публики. Как только настало утро, многочисленные толпы пешеходов из отдаленнейших частей города стали направляться к пристани Аполло-Бендер, и к 8 часам она была занята массами народа. На пристани был раскинут обширный шамианэ (шатер), в коем поместились гражданские и военные должностные лица в парадных мундирах, значительное число частных лиц, дамы в элегантных туалетах, толпа знатных туземцев в их живописных и богатых костюмах, без коих зрелище было бы неполно, и, наконец, почетный караул из ста человек от полка Глостера, под командою капитана Тёфнеля. К 7 ½ часам туда же прибыли их превосходительства губернатор бомбейского президентства лорд Гаррис и главнокомандующий бомбейской армией генерал-лейтенант сэр Джордж Гриве. Множество народу толпилось за пределами пространства, отгороженного для привилегированной публики.

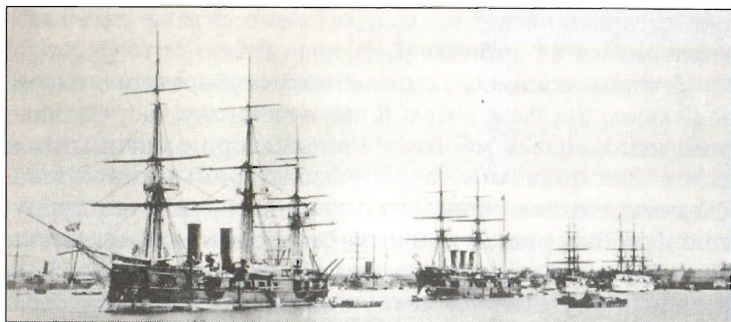
По обе стороны улицы, ведущей к пристани, народ также толпился; здесь можно было видеть представителей всех классов туземного населения. Окна и балконы главных зданий на улицах, по которым должен был проследовать поезд, были осаждаемы зрителями. Одним словом, всякое место, откуда только можно было увидеть августейшего посетителя, было занято с раннего утра. В ожидании редкого события толпы народа на улицах терпеливо выносили солнечные лучи, от которых некуда было укрыться.

В 8 часов раздался два выстрела, возвестившие о приближении фрегата «Память Азова»; все глаза немедленно устремились к входу в гавань, но висевший над водой легкий туман скрывал еще русский фрегат. Наконец сквозь туман проглянула весьма медленно надвигавшаяся черная масса, и вскоре после того можно было различить очертания судна с его тремя дымившимися трубами. Вслед за тем были замечены и две другие черные массы: фрегат «Владимир Мономах» и крейсер «Адмирал Корнилов», конвоировавшие «Память Азова». Все три судна, следуя одно за другим, подвигались крайне медленно. Приблизившись к стоявшему в гавани против лестницы, спускавшейся с пристани, английскому военному судну «Turquoise», передовое судно русской эскадры салютовало берегу, и затем были отданы якоря при оглушительном салюте в 21 выстрел с «Turquoise». Между тем командир английского судна капитан Брикенбери, как старший морской офицер, в отсутствие главного командира бомбейского порта, отправился на паровом катере на «Память Азова» для приветствования наследника цесаревича. В 9 ½ часов отправился туда же и губернатор. Полчаса спустя лорд Гаррис вернулся на пристань, а вслед за ним вернулись и сопровождавшие его офицеры с известием, что его императорское высочество съедет на берег на собственном катере. Приблизительно через четверть часа развевающийся на «Памяти Азова» флаг наследника цесаревича был спущен, и вслед за этим раздался с «Turquoise» новый салют, который был подхвачен другим английским судном «Reindeer» и тремя русскими судами, команды коих разместились по реям. В промежутках между выстрелами

раздавались с русских судов звуки русского национального гимна, на которые отвечали приветственные клики английских матросов. Салюты возвестили о том, что его императорское высочество оставил фрегат, и, наконец, среди порохового дыма показался парадный катер с четырнадцатью красиво одетыми гребцами. Под тен-том, устроенным над кормовую часть катера, находился его императорское высочество со свитою в парадных мундирах. Как только катер подошел к пристани, с береговой батареи был сделан салют в 21 выстрел, а затем губернатор и главнокомандующий бомбейской армией сэр Джордж Гриве со свитою спустились с лестницы навстречу наследнику цесаревичу и проводили его императорское высочество в шамианэ, где были представлены августейшему путешественнику лица, составлявшие штаб губернатора, судьи верховной палаты, иностранные консулы и некоторые европейцы и туземцы. Наследник цесаревич был в мундире лейб-гвардии гусарского полка; блестящие мундиры свиты его императорского высочества также обратили на себя внимание публики. Вследствие легкого нездоровья великий князь Георгий Александрович не мог сопровождать своего августейшего брата и остался на фрегате.

Как только окончились представления, наследник цесаревич в сопровождении губернатора, главнокомандующего армией и бригадир-генерала Беджена направился к месту, где стоял почетный караул. При приближении его императорского высочества караул отдал честь, а расположенный сзади оркестр заиграл русский национальный гимн. Пройдя вдоль фронта, наследник цесаревич направился к выходу из шамианэ при приветственных кликах собравшейся публики.

Его императорское высочество наследник цесаревич сел в парадный экипаж, запряженный четырьмя лошадьми с двумя ездовыми. По правую руку его императорского высочества поместился губернатор, а напротив — военный секретарь последнего — полковник Роде и флигель-адъютант князь Оболенский. Экипаж был эскортируем взводом личного конвоя губернатора под командой капитана Готта, а по левую сторону экипажа въехал верхом начальник местной полиции полковник

«Память Азова» и «Владимир Мономах» в Бомбее

Вильсон. В следующем экипаже поместился его высочество принц Георгий Греческий с полковником Джерардом и сэр Д. Макэнзи Уоллес. В трех других экипажах поместились лица свиты наследника цесаревича с английскими офицерами, назначенными сопровождать их. Во время следования поезда публики, смотревшая из окон, и занимавшие обе стороны улиц толпы народа приветствовали августейшего путешественника радостными кликами. Его императорское высочество отвечал на эти клики приветливыми поклонами.

В 11 час. и 10 мин. экипаж остановился у подъезда губернаторского помещения (Government House), где был выставлен почетный караул от 4-го стрелкового бомбейского полка со знаменем и оркестром, приветствовавшим августейшего путешественника звуками русского национального гимна. Губернатор вышел первый из экипажа и приветствовал наследника цесаревича, а на половине лестницы, по обе стороны которой были расставлены служители в красных ливреях, встретила его императорское высочество леди Гаррис, при коей находился личный секретарь губернатора г. Эджерли.

После полудня наследником цесаревичем, вместе с губернатором, леди Гаррис и небольшою свитою, предпринята была поездка на находящийся неподалеку от Бомбея остров Элефанта для осмотра знаменитых подземных храмов. Переезд от пристани Аполло-Бендер до острова был совершен на паровом катере «Вее». Осмотр продолжался около двух часов, а затем был сервирован чай, по-

сле которого наследник цесаревич со своими спутниками вернулся в Бомбей.

Вечером состоялся в помещении губернатора парадный обед, а в 9 ½ — бал. К назначенному часу бальная зала наполнилась многочисленными приглашенными, и вслед за тем вошли в залу, предшествуемые свитой, наследник цесаревич, вместе с губернатором и его супругою. Бал был открыт его императорским высочеством и леди Гаррис. Танцы продолжались до поздней ночи. Благодаря значительному числу приглашенных в зале было очень душно, но живописно освещенный китайскими фонарями сад представлял прохладное убежище.

В среду, после полудня, наследник цесаревич принял участие в устроенном в честь его императорского высочества в казенном саду Garden Party. Вечером состоялся обед у губернатора.

В четверг (13/25-го [декабря]), около 10 часов утра, наследник цесаревич вместе с принцем Георгием Греческим отправились на фрегат «Память Азова», чтобы перед выездом из Бомбея навестить великого князя Георгия Александровича, здоровье которого не вполне поправилось. Их высочества пожелали совершить поездку инкогнито, почему для переезда до пристани был приготовлен наемный экипаж, запряженный парой. У пристани высоких путешественников ожидал русский военный катер. Пробыв на фрегате около 3-х часов, наследник цесаревич возвратился в город, а после полудня была предпринята его императорским высочеством, в сопровождении принца Георгия Греческого и губернатора, поездка по туземным кварталам Бомбея. Эта поездка была совершена равным образом инкогнито, в наемном экипаже, благодаря чему высокие путешественники получили возможность совершенно свободно осмотреть весьма много из того, что туземный город представляет любопытного. По базарам, где народ обыкновенно толпится, приходилось ехать шагом, и их высочества могли видеть представителей различных народностей, населяющих Бомбей или его посещающих. На углу Эспланада-Роуд путешественники остановились, чтобы посмотреть на молодых парси (последователей религии Зороастра), игравших в криккет.

Затем новая остановка была сделана у Альблес-Баг, где празднуются обыкновенно браки парсиев. Августейшие путешественники имели возможность посмотреть на одну из таких церемоний, в которой участвовало от двух до трех сот последователей Зороастра в их обычных белых одеждах; приблизительно такое же число женщин, одетых в шелковые ярких цветов ткани, обшитые золотыми и серебряными галунами, и украшенных драгоценностями, сидело у окон домиков, расположенных по обе стороны Бага. Поездка была окончена в 6 ½ часа пополудни.

После обеда, в 9 ½ часа, наследник цесаревич и принц Георгий Греческий со свитой перешли в центральную залу и там выразили его превосходительству губернатору и его супруге свою искреннюю благодарность за оказанное им гостеприимство. Леди Гаррис проводила своих высоких гостей до крыльца и там простилась с ними, после чего августейшие путешественники отправились на железнодорожную станцию в том самом порядке, в коем состоялось их прибытие в губернаторский дом. Наследник цесаревич сел вместе с губернатором в экипаж, эскортируемый конвоем. На станции их высочества были встречены старшими военными чинами и железнодорожным начальством. В главной зале станции их высочества простились с офицерами русской эскадры и затем вышли на платформу, куда посторонняя публика не была допущена. Вся платформа была устлана красным сукном, и вдоль ее были расставлены, с одной стороны, чины железнодорожной полиции, а с другой — служители губернатора в красных ливреях, белых турбанах и белых же поясах. Благодаря заботам г. Миддельтона, начальника местного железнодорожного управления, экстренный поезд был устроен со всеми возможными удобствами; он состоял из шести вагонов-салонов, одного вагона 2-го класса, двух 3-го класса и двух багажных. Первый вагон был предназначен для наследника цесаревича и принца Георгия, а остальные вагоны-салоны для лиц свиты. В вагоне 2-го класса поместились: пять европейских служителей и четверо туземных ординарцев, а в вагонах 3-го класса — остальные служители в числе 25 человек.

Простившись с его превосходительством губернатором, Высокие Путешественники заняли свои места, и поезд двинулся под главным управлением г. Миддельтона. В поезде находились и гг. Сконнель, начальник уездной полиции, и Джефферис, заведующий пассажирским движением.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1004. Перевод с англ., современный оригиналу.

ИНДИЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Великий князь Борис Владимирович (1877—1943), двоюродный брат императора Николая II, третий сын родного брата Александра III Владимира Александровича, совершил длительное путешествие на кораблях «Пересвет» и «Сингора», в Индии пробыл более месяца. В отличие от знаменитого вояжа своего двоюродного брата путешествие великого князя Бориса Владимировича практически неизвестно широкой общественности.

17 апреля 1902 года. Письмо великого князя Бориса Владимировича отцу, Владимиру Александровичу, о пребывании в Индии.

Дорогой папа.

Мы только что приехали к моему гругу магарадже Капурталы, который, если ты помнишь, давал такой странный обед в Париже в 1897 году. Капуртала чудно устроенная резиденция. Дом, в котором мы живем, совершенно европейский. Но что довольно странно, что в большом салоне рядом с чудными картинами висят фотографии парижских кокоток. Это очень восточно. Я только что вернулся с теннис партии. Завтра охота на перепелов. В Джайпуре нам устроили pig sticking (кабанья охота. — Авт.), чудный спорт. Гревс, Фредерикс и я всего убили по одному кабану. В Бомбее нам был чудный прием. Англичане, я должен сказать, очень милый и гостеприимный народ. Я говорю о частных лицах. Вице-король был как нельзя более груб. Он в очень учтивой форме дал мне понять, что он меня не желает видеть. Что возмутило, странно сказать, почти всех англичан, которых я встретил. В воскресенье мы едем в Бенарес, оттуда в Калькутту на тигровую охоту, а из Калькутты прямо в Siam, куда я приглашен королем. Я, слава Богу, здоров и хорошо выдерживаю эту

Великий князь Борис Владимирович

страшную жару. Надеюсь, дома все здоровы и все благополучно. (Я только что узнал об убийстве Сипягина.)

*Крепко, крепко обнимаю тебя, маму, Андрея и Елену.
От всей души любящий тебя сын Борис.*

ГАРФ, ф. 652, оп. 1, д. 426, л. 35—36 об. Подлинник.

9 мая 1902 года. Донесение Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИДа о путешествии великого князя Бориса Владимировича по Индии.

Точные сведения о том, когда великий князь Борис Владимирович имел прибыть в Индию и через какой именно индийский порт, были получены мною лишь за несколько дней до приезда его императорского высочества в Туттикорин.

Имея в виду, что великий князь путешествует совершенно инкогнито, я не счел удобным завести переписку по телеграфу с центральным индийским правительством об оказании Его Высочеству надлежащего содействия, потому обратился к посредничеству управления Бомбейского президентства. Я попросил старшего секретаря губернаторской канцелярии, г. Эджерлея, доложить губернатору о предстоящем приезде в Индию великого князя и просить его снестись с центральным правительством о том, чтобы высокому гостю, хотя и путешествующему частным образом, было оказано должное содействие и внимание.

Осведомившись из телеграмм нашего вице-консула в Коломбо, что на о. Цейлоне в распоряжение великого князя предоставлены были местным правительством безвозмездно вагон-салон и вагон для свиты, я упомянул об этом в разговоре с г. Эджерлеем, добавив при этом, что я отнюдь не имею поручения просить о чем-либо подобном, но что было бы весьма желательно, чтобы великий князь был поручен особому вниманию и заботам управлений индийских железных дорог и лиц местной администрации.

Имея в виду необходимость озаботиться устройством помещения для Его Высочества при посещении им г. Бомбея, я спросил г. Эджерлея, можно ли рассчитывать на то, что великому князю, подобно другим знатым путешественникам, будет отведено помещение в губернаторском доме. На это Эджерлей заметил, что губернатор вскоре должен переехать на дачу в горы и что в отсутствие его превосходительства обыкновенно никого в губернаторском доме не помещают; но он тут же добавил, что в случае приезда каких-либо высокопоставленных гостей губернаторы обыкновенно приезжают на это время с дач, чтобы принять их лично и отвести им помещение у себя, и что поэтому он мне окончательного ответа на мой вопрос сейчас дать не может. Я отме-

чаю последнее заявление старшего секретаря как весьма важное при оценке дальнейших отношений к великому князю местных губернаторов.

После этого разговора с г. Эджерлеем я в тот же день должен был выехать в Тутикорин, чтобы встретить там великого князя. По приезде в означенный порт я получил телеграмму от г. Эджерлея, что приказано предоставить безвозмездно в распоряжение его высочества во время путешествия его по Индии вагон-салон, вагон первого класса для свиты и помещение для туземной прислуги. Это было, конечно, весьма любезно со стороны индийского правительства, но ввиду прецедента на о. Цейлоне ему было бы, пожалуй, неудобно поступить иначе. Зато этим ограничилось гостеприимство индийского правительства и во всем остальном не было никакого внимания, ни малейшего почета, ни даже простого содействия со стороны местных властей, которые абсолютно игнорировали присутствие высокого гостя. Это обнаружилось уже на первых порах, в Тутикорине. Местное таможенное управление отказалось предоставить свой паровой катер для переезда великого князя с парохода на берег, и только путем особого ходатайства моего перед начальником таможни удалось добиться того, что вещи великого князя и его свиты не были подвергнуты досмотру; но взамен этого пришлось спешно составить список вещей, согласно коему таможенной была взыскана установленная пошлина.

При дальнейшем посещении разных городов Индии, не исключая столиц (президентств. — Авт.) — Калькутты, Мадраса и Бомбея, никто великого князя не встречал, нигде помещений ему не отводилось и все, до найма экипажей включительно, должно было делаться путем частных моих сношений большею частью столичными моими знакомыми или иностранными консулами. Не будь в большинстве здешних городов прекрасно организованных клубов, которые по моей просьбе весьма любезно избирали великого князя и сопровождавших его лиц временными почетными членами, его высочеству пришлось бы останавливаться в крайне примитивных и грязных индийских гостиницах, которые всякий путешественник, имеющий

Вице-король Индии лорд Керзон

хоть какие-нибудь знакомства и рекомендации, старательно избегает.

Мадрасский губернатор за три дня до приезда великого князя выехал из своей резиденции на охоту. Его жена, леги Амтиль, которую его высочество удостоил своим посещением в Утакамунде, не только не предложила великому князю помещения в обширном губернаторском доме в этой местности, но даже не пригласила его к обеду или завтраку, что по индийскому этикету считается обязательным. Бомбейского губернатора также не было в городе, но к чести его надо сказать, что им были приняты меры к тому, чтобы о высоком госте позаботились, и если где-либо в Индии его высочеству было оказано некоторое внимание, то это было именно в Бомбее. Зная

лично лорда Норскота, я склонен думать, что он приехал бы в Бомбей и был бы рад принять великого князя, если б ему не было внушено свыше воздержаться от этого. После Маграса меньше всего внимания на великого князя обращено было в столице Индии — Калькутте.

Что касается вице-короля, лорда Керзона, то его поведение в отношении великого князя указывает ясно на принятое, вероятно, заранее решение уклониться от встречи с его высочеством.

Имея в виду болезненное самолюбие и самомнение Керзона и желая установить на первых порах хорошие отношения между ним и высоким гостем, я по прибытии великого князя в Тутикорин составил проект приветственной телеграммы от его высочества к вице-королю с выражением признательности за распоряжение по проезду по индийским железным дорогам. Ответ на эту телеграмму, составленный в очень сухих и даже небрежных выражениях, был получен только через пять дней и не заключал в себе никакого намека на какое-либо приглашение.

В первоначальную программу великого князя входило, между прочим, посещение самого главного индийского туземного княжества — Хайдерабада, куда в то самое время собирался и вице-король на большую охоту, приготавливавшуюся для него низамом Хайдерабадским. Это был весьма удобный случай для лорда Керзона оказать внимание и гостеприимство высокому гостю.

Имея в виду, что вице-королю могло быть неизвестно намерение великого князя посетить Хайдерабад, а равно ввиду настоятельных советов многих англичан в Утака-мунде, которые были твердо убеждены в том, что лорд Керзон, по принятому обычаю, не замедлит пригласить великого князя принять участие в охоте, я, с согласия его высочества, отправил из Утакаmunда телеграмму секретарю вице-короля, в которой значилось, что великий князь, намереваясь посетить Хайдерабад и освежившись о предстоящем приезде туда его превосходительства, поручил мне узнать, когда именно вице-король прибудет в Хайдерабад и может ли он с ним встретиться там. На эту телеграмму получен был срочный ответ, что вице-король будет так занят в Хайдерабаде госу-

государственными делами, что момент для свидания его с великим князем был бы самый неблагоприятный. В последовавших затем газетных отчетах о пребывании вице-короля в Хайдерабаде, как и следовало ожидать, очень много говорилось о тигровых охотах и почти ровно ничего о «государственных» делах.

С чисто формальной точки зрения сам Керзон и все прочие англо-индийские власти были, разумеется, правы: великий князь путешествовал частным образом, никаких предварительных уведомлений о его приезде здесь получено не было и т. г., а следовательно, они могли считать себя свободными от каких-либо обязательств. Но между обязательным гостеприимством и умышленным пренебрежением есть много ступеней, и все зависит от доброй воли, которой в данном случае и не было. На Востоке понятие об «инкогнито» очень смутное. Местные газеты трубили о поездке великого князя, и всюду народ знал, что этот гость один из близких родственников русского царя; знал он также, как это всем известно в Индии, что выдающиеся путешественники всегда пользуются вниманием и гостеприимством местных властей. Я представляю себе на месте великого князя принца Орлеанского или другого какого-нибудь иностранного принца, и, по индийским традициям, я не сомневаюсь, что им был бы оказан прием совершенно иного свойства. Это не только мое мнение, но и мнение многих англичан и иностранных консулов, которые высказывали мне свое удивление и негодование по поводу пренебрежения, оказанного великому князю. Понятно, какое впечатление должен был вынести народ из приема, сделанного его высочеству; но, очевидно, индийскому правительству, или собственно лорду Керзону, было желательно вызвать именно такое впечатление, как противоядие против распространяемых в Индии самими же англичанами идей о грозном могуществе России и о ее завоевательных намерениях насчет Индии.

В противоположность правительству, английское или, вернее, европейское общество городов, которые посетил великий князь, отнеслось к высокому гостю с самою большою предупредительностью; особенно отличилось в этом отношении бомбейское общество. В этом

городе удалось, между прочим, устроить частным образом для великого князя смотр войскам местного гарнизона; но я боюсь, что бригадиру генералу Уилькоксу пришлось впоследствии отвечать за это перед высшими властями.

В свою очередь великий князь совершенно очаровал местное общество своею обходительностью и благосклонностью и оставил о себе самую лучшую память во всех тех, которые имели счастье быть ему представленными.

Перед самым отъездом из Индии великий князь получил от вице-короля еще одну телеграмму, в которой высказывалась надежда, что его высочество остался доволен своей поездкой, и выражалось сожаление лорда Керзона, что ему не удалось принять высокого гостя у себя. На это великий князь ответил еще раз благодарностью индийскому правительству за предоставление в его распоряжение вагонов и добавил, что, благодаря любезному приему европейского общества городов, им посещенных, а равно некоторых магараджей, он вынес весьма приятное впечатление от своей поездки по Индии.

В заключение я не могу не высказать, что единственною хорошею стороною этого дела является то, что не было никаких пререканий относительно этикета и церемониала приемов великого князя у вице-короля и губернаторов, — пререканий, которые, наверно бы, возникли ввиду заносчивости и мании величия, коими заражены все здешние власти, а в особенности г. Керзон.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 920, л. 74—78. Подлинник.

9 мая 1902 года. Донесение Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИДа о приеме, оказанном великому князю Борису Владимировичу индийскими князьями.

Во время своего путешествия по Индии великий князь Борис Владимирович посетил два туземных княжества, Бароду и Капурталу, а также поместье магараджи Майменсингского в Восточной Бенгалии. В противоположность сухому, чтобы не сказать более, приему, сделанному высокому гостю в чисто британских владениях, туземные магараджи обнаружили широкое гостеприимство и самую полную любезность.

Магараджа Капуртальский, осведомившись о прибытии великого князя в Индию, сам поспешил пригласить по телеграфу его высочество посетить его владения. Поездку к магарадже Майменсингскому на охоту было сравнительно легко устроить через старшего судью Бомбейского президентства, лично с ним знакомого. Труднее всего было добиться доступа к магарадже Гаэквару Бародскому, а между тем было очень желательно посетить последнего как одного из самых крупных и богатых владетельных князей индийских, обладающего значительной коллекцией драгоценных камней, старинного восточного оружия и других интересных предметов. Посещение Бароды было тем желательнее, что попытка устроить поездку великого князя в Хайдерабад, как значится в предыдущем моем донесении, не увенчалась успехом. Но если англо-индийскому правительству было нежелательно допускать великого князя к туземным владетелям, то это, несомненно, касалось более всего Гаэквара и магараджи Капуртальского, которые оба на дурном счету у англичан за их независимость и неподатливость английским требованиям. Гаэквар — один из немногих индийских князей, которые отказались содержать так называемые вспомогательные войска, и о нем сам вице-король отозвался неодобрительно в одной из своих речей. Я слышал также раньше от французского консула и некоторых других лиц, что иностранцам всячески затрудняется доступ к Гаэквару.

Понятно поэтому, что знакомые мне должностные лица в Бомбее поспешили отклонить мою просьбу об устройстве свидания великого князя с Гаэкваром, ссылаясь на нелюбезность и вообще на странности характера последнего. Случайно, однако, мне удалось най-

ти лицо, которое взялось устроить поездку в Бароду, а именно некоего г. Фрезера, редактора-издателя влиятельного англо-индийского органа «The Times of India». На обеде, данном этим господином его высочеству, он свел меня с прибывшими случайно в тот же день в Бомбей английским резидентом в Бароде, полковником Мидом, и воспитателем детей Газквара, г. Френчем. Полковник Мид, подобно моим бомбейским друзьям, отклонил от себя устройство поездки, но указал мне на Френча как на лицо, которое, может быть, в состоянии будет помочь мне. Френч совершенно откровенно высказал мне, что посещение Газквара великим князем будет, вероятно, не особенно приятно вице-королю, но что он считает себя слугою Газквара и потому не заботится нисколько о мнении и взглядах г. Керзона, и добавил, что он не замедлит известить сейчас же о моем желании Газквара, который, наверно, будет очень рад принять его высочество. Действительно, на следующий же день получено было приглашение Газквара посетить его владения.

Прием, оказанный великому князю Газкваром, превзошел все мои ожидания. По выработанной заранее программе, три дня, проведенные его высочеством в Бароде, были сплошь заполнены всякими восточными увеселениями, столь интересными для европейского посетителя. На обеде, данном Газкваром в своем дворце в честь великого князя, гостеприимный хозяин вспомнил, между прочим, о посещении его владений государем императором и высказал искреннее сожаление, что тяжкая болезнь лишила его в то время возможности лично принять августейшего гостя.

Даже полковник Мид, очень любезный, хотя и несколько невоспитанный ирландец, решив, вероятно, что «семь бег — один ответ», устроил в честь великого князя Garden party, на которой присутствовала вся европейская колония в Бароде.

К сожалению, я не имел возможности сопровождать великому князю в Капурталу, но из рассказов его высочества и лиц его свиты явствует, что магараджа Капуртальский в любезности и предупредительности даже превзошел Газквара.

Что касается помещика (земингара) магараджа Бага-гура Майменсингского, то он устроил для великого князя в дебрях Восточной Бенгалии весьма интересную охоту на тигров, с 60 слонами. Сам магараджа оказался радушнейшим хозяином и делал все возможное, чтобы угодить гостям.

Клемм.

АВПРИ, ф. 147, Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 920, л. 7950 и об. Подлинник.

ИНДИЙСКИЙ ПЛЕН ШТАБС-КАПИТАНА ШУЛЬЖЕНКО

В 1899 году, когда в далекой Южной Африке началась Англо-бурская война, сотни добровольцев потянулись в южные порты на пароходы, чтобы отправиться на помощь бурам. Среди них оказался и наш герой, о котором известно весьма мало.

Александр Николаевич Шульженко (1869 — после 1903) поступил на службу вольноопределяющимся в 1886 году, окончил курс в двухгодичном отделении при Московском пехотном юнкерском училище в 1886—1888 годах. В октябре 1899 года он получил заграничный отпуск и поехал в Южную Африку, где пробыл 15 месяцев, сражаясь на стороне буров. В одном из боев вынес раненного в ногу А.И. Гучкова, будущего председателя III-й Государственной Думы. Решив вернуться на родину, А.Н. Шульженко направился в английский лагерь при г. Пит-Ретифе, но по дороге был схвачен африканцами и препровожден в лагерь Ланкаширского полка. Англичане не могли доказать, что он участвовал в военных действиях, но он был захвачен кафрами с оружием, поэтому его отправили в лагерь военнопленных в Индию. Дальнейшая его судьба известна благодаря нескольким письмам, сохранившимся в архивах.

29 мая 1901 года — 15 июля 1902 года. Документы о пребывании в плену в Индии штабс-капитана Керченской крепостной минной роты А.Н. Шульженко.

Письмо штабс-капитана А. Н. Шульженко русскому консулу в Коломбо В.К. Шнейдеру о том, как он попал в плен к англичанам.

*Милостивый государь,
почтительно уведомляю Вас, что я, Александр Николаевич Шульженко, офицер Керченской минной роты,*

25 октября 1899 года получил от русских властей разрешение на 6-месячное пребывание за границей, пользуясь которым я проехал в Южную Африку, в Южно-Африканскую республику, где и оставался до 5 апреля 1901 года.

В этот день я добровольно и без всякого на это принуждения направился в английский лагерь в Пит-Ретифском округе, на границе Свазиленда.

Так как я просрочил свой отпуск приблизительно на год, то, по русским военным законам, я подлежу исключе-

Бурские партизаны во время Англо-бурской войны

нию из службы и, в случае возвращения в Россию, заключению в крепости от 6 до 12 месяцев.

Поэтому я почтительнейше прошу Вас уведомить русские военные власти, что я военнопленный и лишен в настоящее время возможности вернуться в Россию. Нет никаких доказательств того, чтобы я нарушил присягу нейтралитета, так как я не был взят на поле сражения, а добровольно явился к англичанам.

Не откажите в любезности сообщить мне, нет ли книг на английском языке о Трансваальской войне и какие из (слово не разобрано. — Авт.). Можно ли достать в Коломбо книгу, озаглавленную «После Претории; партизанская война»?

Прошу также не отказать мне прислать старые русские газеты, которые я Вам возвращу по прочтении.

Так как наш цензор не знает русского языка, прошу ответ Ваш составить на английском или голландском языке.

Заранее благодаря Вас, остаюсь Ваш покорнейший слуга Шульженко.

Н.В. Так как я не владею английским языком, вышеизложенное написано моим приятелем.

РГВИА, ф. 802, оп. 10, д. 2797, л. 5—6. Копия.

9 августа 1901 года. Из письма военного министра генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу с просьбой способствовать освобождению из плена штабс-капитана А.Н. Шульженко.

...Просьба войти в сношение с английским правительством для выяснения обстоятельств, при которых взят в плен означенный офицер... Причем, принимая во внимание, что штабс-капитан Шульженко во всех отношениях прекрасный офицер и отличался всегда честным и добросовестным исполнением всех обязательств по долгу военной службы, я позволю себе особенно просить, не изволите ли, Ваше Сиятельство, признать возможным оказать содействие к скорейшему возвращению его в Россию.

При этом считаю долгом присовокупить, что со стороны Военного министерства будут приняты все меры к тому, чтобы штабс-капитан Шульженко не принимал более никакого участия в Англо-Трансваальской войне.

Военный министр генерал от инфантерии Куропаткин.

РГВИА, ф. 802, оп. 10, д. 2797, л. 11. Копия. Опубл.: Исторический архив. 1997. № 4.

22 сентября 1901 года. Донесение Генерального консула в Индии В.О. фон Клемма директору Первого департамента МИДа Н.Г. Гартвигу о получении им письма от штабс-капитана А.Н. Шульженко.

Содержащийся в Ахмед-Нагарском лагере пленных буров штабс-капитан Керченской крепостной минной роты Александр Шульженко на днях обратился ко мне и к секретарю Генерального консульства Козакову с письмами, которые вопреки установленным для военнопленных правилам были посланы из Ахмед-Нагара помимо заведующего лагерем или цензора. Копии с обоих этих писем имею честь при сем представить.

Во избежание дальнейших попыток со стороны г. Шульженко сноситься со вверенным мне Генеральным консульством таким незаконным путем, попыток, которые в случае неудачи не преминули бы навлечь на нас справедливое подозрение и неудовольствие англичан, я оставил оба письма без ответа, из чего, я надеюсь, он поймет, что подобный способ сношения нам не желателен.

Не гдумаю, чтобы стоило возбуждать вопрос о неправильном взятии в плен этого русского офицера. Он сам говорит, что был захвачен с оружием в руках, а в одном из последних номеров «Нового времени» имеется описание его боевых подвигов в рядах буров. Все, что можно было пока сделать для облегчения его участи, исполнено: он получает письма от родных, снабжается русскими газетами и недавно заведующему лагерем пленных внесены для его надобности 472 рупии, присланные по высочайшему повелению из Главного штаба, и 182 рупии, присланные, вероятно, его родными. За неимением

в Ахмед-Нагаре переводчика русского языка и для избавления вверенного мне Генерального консульства от необходимости переводить на английский язык все письма, которые получают на имя Шульженки, заведующий лагерем майор Дикинсон разрешил ему получать письма без предварительной цензуры под честным словом, что в них не будет содержаться ничего противного правилам, установленным для военнопленных. Со временем, быть может, мне удастся выхлопотать еще некоторые льготы для нашего пленного соотечественника, но это должно быть сделано очень осторожно и не иначе как путем личных словесных сношений с английскими военными властями.

Супруга командующего войсками Бомбейского округа Леги Уестмакот, посетившая недавно вместе со своим мужем Ахмед-Нагарский лагерь, приняла большое участие в г. Шульженке: она вызвала его, беседовала с ним (хотя и не без труда, так как офицер этот говорит только по-французски, да и то чрезвычайно плохо) и, наконец, велела снять с него фотографию, которую она хочет через меня послать его родным.

Леги Уестмакот рассказывала мне о впечатлении, которое произвели на нее пленные буры. Она глубоко возмущается тем, что среди них такое множество детей 12—16-летнего возраста. Она вызвала младшего из них и спросила его, не тяготеет ли он очень пленом. «Напротив, — отвечал мальчик, — чем дольше мой плен будет продолжаться, тем лучше, ибо это служит мне доказательством, что там, на родине, борьба за свободу отечества еще продолжается». На вопрос генерала Уестмакота, что бы он сделал, если бы его отпустили, мальчик отвечал просто: «Я стал бы опять воевать против вас». Этот маленький герой был, по словам майора Дикинсона, дважды захвачен с оружием в руках: первый раз его высекли и отпустили, а второй раз решили удержать военнопленным. Отец его пал на войне, а мать и младшие братья и сестры томятся в английском лагере в Южной Африке.

На днях в Бомбей прибыла новая партия военнопленных, среди коих многие оказались больными корью, почему партия и содержится пока в карантине.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

В. Клемм.

(надпись на первой странице документа) Мне кажется, надо сообщить это военному м[инист]ру.

АВПРИ, ф. 147, Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 96—97 и об. Подлинник.

1 октября 1901 года. Письмо штабс-капитана А.Н. Шульженко Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму о взятии его в плен и с просьбой о помощи.

Не откажите в Вашем совете по некоторым вопросам. Я, штабс-капитан Керченской крепостной минной роты Александр Шульженко, в октябре 1899 года получил заграничный отпуск и поехал в Южную Африку для изучения войны на свой страх и риск. Здесь я пробыл 15 месяцев при командах буров и наконец решил вернуться в Россию. Так как все выходы были заняты англичанами, то я направился добровольно в английский лагерь при г. Пит-Ретифе. Дорогой через кафрскую страну я подвергся нападению кафров, которые захватили меня и представили в лагерь Ланкаширского полка 6-го апреля. Со мной была винтовка (к сожалению, не успел пустить ее в ход по этим негодям), которую имел для обороны от кафров, разбойничавших в этой местности. Участия моего в войне и нарушения нейтралитета англичане доказать не могут. Так как эта война затянется еще на несколько лет, то не могу ли я через Вас ходатайствовать о назначении суда и следствия для доказанья нарушения мною нейтралитета. Пока участие мое в войне не доказано, я имею право пользоваться покровительством русских законов. Кроме этого, не могу ли я ходатайствовать через Вас о предоставлении мне, как русскому офицеру, некоторой свободы на слово, хотя бы только ежедневно прогуливаться по окрестностям Ахмеднагара. Мы здесь сидим в форте, как разбойники, и только два раза в неделю имеем часовую прогулку под сильным конвоем. За злоупотребление мною свободой

англичане могут назначить какие угодно наказания до расстреляния включительно. Или, может быть, в обеспечение моего слова я могу представить некоторую сумму денег.

Мой заграничный отпуск давно просрочен, и по возвращении в Россию меня ожидает, вероятно, отсидка в крепости.

Преданный Вам и проч.

АВПРИ, ф. 147, Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 98 и об. Копия.

12 февраля 1902 года. Донесение Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма директору Первого департамента МИДа Н.Г. Гартвигу о его посещении штабс-капитана А.Н. Шульженко в лагере военнопленных.

Канцелярия Военно-Ученого комитета секретным отзывом от 18 декабря минувшего года за № 477 уведомила меня, что Государю Императору было благоугодно повелеть ассигновать штабс-капитану Шульженко, содержащемуся в лагере пленных буров в Ахмед-Нагаре, получаемое им на службе содержание впредь до его освобождения из плена и переводить ему эти деньги через мое посредство под видом пособий от его родственников. К тому отзыву приложена была и первая ассигновка для этого офицера.

О таковой монаршей милости я не мог сообщить г. Шульженке по почте, так как письмо мое могло легко пройти через английскую цензуру. С другой стороны, я опасался, что Шульженко, просивший своих родственников, людей, по-видимому, небогатых, не посылать ему денег, будет отказываться принимать и расходовать деньги, пересылаемые ему мною в виде пособия от родных. Единственным выходом из этого затруднительного положения было личное свидание с пленным, к каковому средству я и решил прибегнуть.

Совершенно частным образом я исходатайствовал себе у Бомбейского губернатора разрешение на посещение лагеря буров в Ахмед-Нагаре и на свидание с соотечественником, каковое разрешение и было дано мне без

всякого колебания и даже, по-видимому, с полною готовностью.

7/20 февраля я прибыл в Ахмед-Нагар и в тот же день виделся с шт. кап. Шульженко в канцелярии лагеря, а на следующее утро мне было даже разрешено совершить с ним довольно продолжительную прогулку в пределах укрепления.

Я застал г. Шульженко совершенно здоровым и бодрым.

Вопреки тому, что говорилось оппозиционною пресою в Индии и Англии, г. Ахмед-Нагар должен быть признан в климатическом отношении довольно здоровою местностью; это один из немногих населенных пунктов Бомбейского президентства, где в настоящее время совершенно нет чумы. Лагерь пленных помещается в старинном туземном укреплении, обнесенном довольно высокою стеной и крепостным рвом. Пленные живут в бараках из гофрированного железа, довольно высоких и просторных, но, должно быть, очень жарких при настоящей температуре дня. Офицеры помещаются отдельно, хотя не пользуются почти никакими другими льготами и преимуществами перед обыкновенными «бургерами». Провизия отпускается в достаточном количестве, но пленные сами должны варить себе пищу, которая вследствие этого получается не совсем вкусною. Не возбраняется имеющим на то средства покупать себе консервы у маркитанта, разрешается также курить табак, но всякие спиртные напитки запрещены простым пленным и разрешаются лишь по особой просьбе и в малом количестве офицерам. Пленные, опять-таки за исключением офицеров, должны сами убирать свои камеры, и лишь для самых грязных работ нанимаются туземцы. Площадь, на которой расположены бараки, обнесена двойной загородкой из колючей проволоки, за которую пленные могут выходить лишь с особого разрешения и не иначе как под конвоем (исключение было сделано для шт. кап. Шульженко при моем посещении). С наружной стороны изгороди стоят часовые. Два раза в неделю пленные, в том числе и офицеры, выводятся из укрепления на общую прогулку под конвоем. Заведующий лагерем майор Дикинсон рассказывал мне, что он ходатайствовал о разрешении пленным офицерам прогуливаться свободно, под чест-

ным словом, но высшее начальство на это не согласилось, высказав мнение, что на честное слово бура положиться нельзя. Впрочем, пленным офицерам разрешено было выходить на прогулки в сопровождении английских офицеров, которые пожелали бы взять их с собою под свою ответственность, это показалось, однако, тем и другим настолько стеснительным, что никто этой льготой не пользуется.

Хотя таким образом разница между офицерским и общим помещениями пленных не особенно значительна, мне было, тем не менее, очень неприятно узнать, что шт. кап. Шульженко содержится не в офицерском отделении, а в общих бараках. Очевидное неудовольствие мое, когда я узнал об этом, отразилось на моем лице, ибо майор Дикинсон, не ожидая моего вопроса, поспешил сложить с себя вину. По его словам, подтвержденным и г. Шульженко, он поместил последнего на первых порах с офицерами и донес о том по начальству, мотивировав свое распоряжение тем, что Шульженко русский офицер, но вскоре пришло приказание свыше перевести его обратно в общие бараки, так как, согласно наведенным справкам, он не был офицером в «бурской» армии.

На вопрос, нельзя ли что-нибудь сделать для облегчения участи моего соотечественника, майор Дикинсон сказал, что освобождение его из плена зависит исключительно от лорда Киченера и Военного министерства в Лондоне, но индийские власти могли бы, если б им угодно было, разрешить ему проживать на свободе под честным словом и под известным надзором. Он посоветовал мне даже похлопотать об этом. Лично майор Дикинсон показался мне действительно расположенным к Шульженко, который, по его словам, пользуется большой популярностью в лагере за свое добродушие, обходительность, щедрость и всегдашнюю готовность помочь пленным сотоварищам.

Других пленных я видел только издали, между ними есть седые старики и немало (до 60 человек) детей и юношей. Когда маленький 12-летний бур бывает дежурным по лагерю и выходит за черту изгороди, его также сопровождает высокий английский часовой с заряженным ружьем. Говорят, что это очень забавная

картина, над которой немало потешаются сами англичане. На днях все дети и старики Ахмед-Нагарского лагеря будут переведены в м. Сатару, чтобы очистить место для новой партии пленных. Говорят, что в Сатаре пленным будет предоставлено несколько больше свободы.

Шт. кап. Шульженко говорил мне, что, по дошедшим до него сведениям, в других лагерях пленных были случаи освобождения из плена отдельных иностранцев, преимущественно немцев и американцев, по особым ходатайствам о них. Он хотел навести более подробные справки об этом и сообщить мне фамилии освобожденных.

Если представится возможность сделать что-либо частным образом для нашего офицера, то я не премину воспользоваться случаем, чтобы облегчить его участь, но ввиду затаенного недоброжелательства ко всему русскому, господствующего среди англичан в Индии, опасаясь, что мои хлопоты едва ли увенчаются большим успехом.

С глубоким почтением и таковою же преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147, Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 920, л. 48—50 и об. Подлинник.

15 июля 1902 года. Донесение Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма директору Первого департамента МИДа Н.Г. Гартвику об освобождении штабс-капитана Шульженко из плена.

Невзирая на заключение мира в Южной Африке, англичане до сего времени продолжают держать в Индии с неизменной строгостью не только пленных буров, но и иностранцев, захваченных на театре войны. Мои неоднократные попытки добиться частным образом освобождения штабс-капитана Шульженки не увенчались успехом, и, весьма вероятно, нашему соотечественнику пришлось бы еще довольно долго просидеть в плену, если бы я не обратился к помощи местной английской прессы.

По моей просьбе редактор газеты «The Times of India» Фрезер, с которым со времени посещения Бомбея великим князем Борисом Владимировичем, у меня установились очень хорошие отношения, поместил в своей газете довольно резкую статью по адресу англо-индийских военных властей и их отношений к военнопленным иностранцам. В статье этой, в виде примера, приведено было отношение этих властей к штабс-капитану Шульженко, которому без всякого видимого основания отказано было даже в просьбе поселиться у меня впредь до полного освобождения из плена. Г. Фрезер напомнил, между прочим, своим соотечественникам, что немало предприимчивых бриттов сражалось против русских в последнюю русско-турецкую войну. Статья эта имела магическое действие. Дня через два после ее появления я стал получать со всех сторон телеграммы и бумаги с запросами, желаю ли я взять на поруки г. Шульженко и берусь ли я отправить его на родину на собственный счет.

Фрезер рассказывал мне, что заведующий лагерем пленных буров в Индии выразил ему неудовольствие по поводу означенной статьи, но он ему тотчас же ответил, что он поместит еще гораздо более резкую отповедь по его адресу, если Шульженко не будет тотчас же разрешено переехать из Сатары на жительство в русское консульство.

На прошлой неделе штабс-капитан Шульженко был освобожден и прибыл ко мне, а в четверг 18/31 июля я отправляю его отсюда на французском пароходе в Порт-Сауд для дальнейшего следования в Одессу.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

В. Клемм.

АВПРИ, ф. 147, Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 94 и об. Подлинник. Опубл.: Исторический архив. 1997. № 4.

Дальнейшая судьба отважного русского офицера штабс-капитана Александра Шульженко неизвестна...

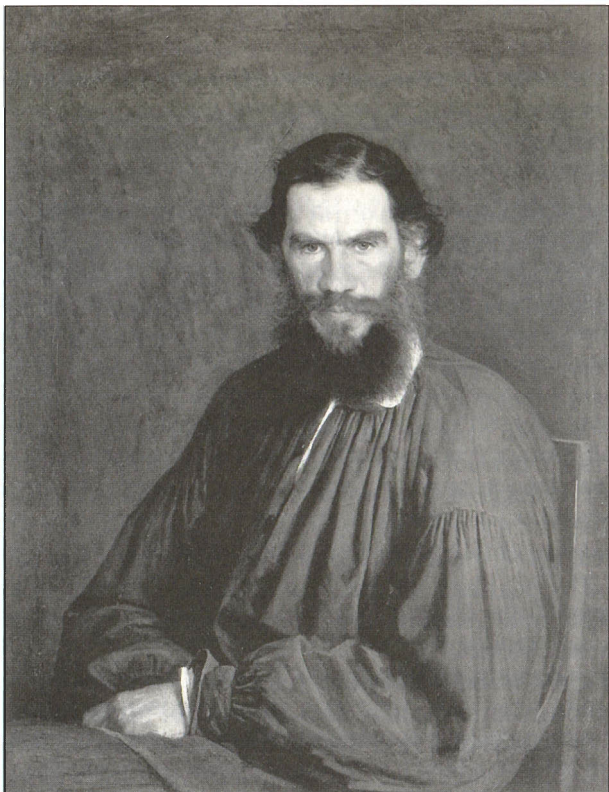
ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ИНДИЯ

Лев Николаевич Толстой (1828—1910) интересовался Востоком всю свою жизнь. Среди книг, которые он прочел в детстве, Толстой указал арабские «Сказки тысяча и одной ночи», «40 разбойников», «Принц Камаральзаман». При поступлении в мае 1844 года в Казанский университет Толстой выбрал восточное отделение философского факультета по турецко-арабскому отделу, но в октябре 1845 года перешел на юридический факультет, который счел более подходящим в практическом отношении (правда, его он тоже вскоре оставил). Позднее, в издаваемых им в 1870-е годы книгах для детей («Азбука», «Книга для чтения») и затем в выходивших в издательстве «Посредник» книгах для народа, Толстой помещает индийские сказки, басни и рассказы на религиозно-этические темы.

Толстой имел богатую библиотеку по Востоку. Наряду с работами западных философов он глубоко интересовался учениями Лао-цзы, Конфуция, Будды, Мухаммеда. Он высоко ставил достижения древней индийской философии и культуры, писал статьи, рассказы, сказки, связанные с религиозными идеями Востока: «О верах» (1886), «Сиддарта, прозванный Буддой, т. е. святым. Жизнь и учение его» (1884—1887), «Карма» (1894), «Будда» (1904), «Учение Лао Тзе» (1907), «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран» (1908) и др. Толстой сделал переводы изречений Кришны из книги Премананда Бхарати «Shree Krishna. The Lord of Love» (N.Y., 1904).

Л.Н. Толстой был близок общественным деятелям Востока, в том числе и Ганди, главным образом благодаря своим религиозно-философским работам, своей морально-этической концепции непротивления злу насилием, пропаганде «Закона любви», призыву к соблюдению нравственных заповедей Христа в жизни государства и общества и вместе с тем яростному и яркому обличению угнетения и насилия.

Писатель Л.Н.Толстой. Художник И.Н. Крамской

По этим вопросам у Толстого была довольно большая переписка с представителями интеллигенции Востока, в том числе и Индии. Переписка началась во второй половине 1890-х годов. Первым индийским корреспондентом Л.Н. Толстого был Упендра Кришна Датт. Ему писал издатель журнала «The Arya» из Мадраса А. Рамазесхан в 1901 году, в 1903 году — издатель журнала «Review of Religion» глава индийских мусульман-суннитов муфтий Мухаммад Садык, который, прочитав о Толстом в «Encyclopaedia Britannica», что он отрицает Троицу и божественность Христа, счел, что Толстой по своим религиозным взглядам мусульманин. В том же году пришло письмо от исследователя древней индийской философии П.М. Даса Шармы. В 1905—1907 годах ему писал

издатель журнала «The Light of India» в Лос-Анджелесе Баба Премананд Бхарати, сообщая о своей солидарности с религиозно-нравственными взглядами Л.Н. Толстого, в 1907 году — Д. Гопал Четти — редактор и издатель журнала «The New Reformer» (Мадрас), написавший книгу «Count Leo Tolstoy: his Life and Teaching» (Мадрас, 1909), а также статью о Л.Н. Толстом к его 80-летию. Толстой получал его журнал «The New Reformer» до самой кончины. В 1907—1908 годах Толстому писал Абдулла-ал-Мамун Зураварди — доктор философии, издатель журнала «The Light of the World» (Лондон), в 1908 году — философ С.Р. Читтал, а также редактор журнала «Free Hindustan» Таракнатх Дас, в 1909 году — Бишен Нараин, юрист по образованию, также разделявший религиозно-философские взгляды Толстого, затем редактор журнала «The Vedic Magazine» профессор Рама Дева (г. Кангра) и другие.

Мохандас Карамчанд Ганди (1869—1948), лидер национально-освободительного движения Индии, интересовался учением Л.Н. Толстого еще в Южной Африке, куда приехал в 1893 году. Он писал: «Я усиленно изучал произведения Толстого. "Краткое Евангелие", "Так что же нам делать?" и другие его книги произвели на меня сильное впечатление. Я все глубже понимал безграничные возможности любви» (*Ганди М.К. Моя жизнь.* М., 1969).

Позднее своим сторонникам он рекомендовал для прочтения работы Толстого «Царство божие внутри нас» (1890—1893), «Рабство нашего времени» (1900), «Первый шаг» (1891—1892), «Что такое искусство» (1897—1898), «Где же выход» (1900), «Письмо к индусу» (1908).

1 октября 1909 года. Письмо М.К. Ганди Л.Н. Толстому с просьбой высказать свое мнение по поводу борьбы индийских переселенцев в Южной Африке против дискриминации методом ненасильственного сопротивления и с просьбой разрешить перевести и опубликовать статью Л.Н. Толстого «Письмо к индусу» о волнениях в Индии.

Отель «Вестминстер-палас», 4, Виктория-стрит, Лондон.

Знаменитый общественный деятель и философ Востока М.-К. Ганди в начале XX в.

Милостивый государь!
Беру на себя смелость обратиться Ваше внимание на то, что делается в Трансваале (Южная Африка) вот уже почти три года.

В этой колонии имеется население британских индусов, почти 13 тыс. человек. Эти индусы уже многие годы страдали от различных правовых ограничений. Прегубеждение против цветных людей, а в некоторых отношениях и против азиатов вообще, очень сильно в этой стране. Поскольку это касается азиатов, оно

объясняется соперничеством в торговле. Это прегубеждение достигло своей высшей степени три года назад, когда был проведен закон, специально предназначенный для азиатов, рассчитанный, как думаю я и многие другие, на то, чтобы унижить и лишить человеческого достоинства тех, против которых он применялся. Я сознавал, что подчинение закону такого рода несовместимо с духом истинной религии. Как я, так и некоторые мои грузья еще раньше твердо верили в учение непротивления злу, и таковыми мы остались и теперь. Кроме того, мне выпало счастье изучать Ваши писания, произведшие глубокое впечатление на мое мировоззрение. Британские индусы, которым мы объяснили положение вещей, согласились не подчиняться этому закону и предпочесть заключение в тюрьму или другие наказания, которые могут быть по закону наложены за его нарушение. Следствием этого получилось то, что почти половина всего индусского населения, не бывшая в силах выдержать напряжение борьбы и перенести страдания при заключении в тюрьму, предпоч-

ла выселиться из Трансвааля, нежели подчиниться уни-
зительному, по ее мнению, закону. Из другой половины
почти 2,5 тыс. человек, ради следования своей совести,
предпочли тюремное заключение — некоторые из них
до пяти раз. Тюремное заключение колебалось между че-
тырьмя днями и шестью месяцами, в большинстве слу-
чаев с каторжными работами. Многие из индусов были
материально совершенно разорены.

В настоящее время в трансваальских тюрьмах нахо-
дится около 100 таких пассивных противленцев. Неко-
торые из них были и раньше совершенно бедными людь-
ми, зарабатывавшими на свое существование изо дня в
день. Поэтому пришлось содержать их жен и детей на
общественные пожертвования, собранные преимуще-
ственно среди таких же пассивных противленцев. Все
это потребовало тяжелого напряжения со стороны бри-
танских индусов, но, по моему мнению, они оказались на
высоте положения.

Борьба еще продолжается, и неизвестно, когда закон-
чится, но она показала, по крайней мере некоторым из
нас, что пассивное сопротивление может и должно по-
бедить там, где грубое насилие бессильно. Мы также по-
няли, что борьба затягивалась в зависимости от нашей
слабости, порождавшей в умах правительства убежде-
ние, что мы не окажемся в силах выдержать длительные
страдания.

Я приехал сюда вместе с одним другом, чтобы пови-
дать некоторых лиц из имперского правительства и из-
ложить им положение дела, с тем чтобы просить от-
мены несправедливости. Сами пассивные противленцы
заявили, что они не имеют ничего общего с обращени-
ем к правительству, но депутация послана по прось-
бе слабейших членов индусской общины, и потому она
представляет скорее ее слабость, нежели силу. Но за
время моего пребывания здесь мне стало казаться, что
если бы устроить всеобщий конкурс на статью по во-
просу о нравственности и действительности пассивного
сопротивления, то это сделало бы наше движение бо-
лее известным и заставило бы людей задуматься. Один
мой друг поднял вопрос о нравственной допустимости
устройства такого конкурса. Он думает, что такое об-

ращение к людскому мнению несогласно с истинным духом пассивного противления и что оно даст нам только купленное мнение.

Могу ли я обратиться к Вам с просьбой высказаться по этому вопросу с точки зрения нравственности. И если Вы сочтете, что нет ничего гурного в желании получить мнения разных лиц, то не назовете ли Вы мне имена тех, к которым мне следовало бы обратиться специально с просьбой написать по данному предмету.

Есть еще одно обстоятельство, заставляющее меня отнимать Ваше время. Благодаря одному другу у меня оказалась в руках копия Вашего «Письма к индусу» о теперешних волнениях в Индии. По-видимому, оно выражает Ваши взгляды. Мой друг хочет на свой счет напечатать и распространить 20 000 экземпляров этого письма, а также перевести его. Но мы не смогли достать его оригинала, а потому не считаем себя вправе напечатать его, пока мы не уверены в точности копии письма и что оно действительно Ваше. Я осмеливаюсь приложить при сем копию с этой копии и сочту за большое одолжение, если Вы сообщите мне, действительно ли это Ваше письмо, верна ли копия и одобряете ли Вы его распространение таким способом. Если бы Вы захотели что-нибудь прибавить к письму, то, пожалуйста, сделайте это. Я решаюсь высказать одно предложение. В заключительном параграфе Вы, по-видимому, хотите разубедить читателя в учении о перевоплощении. Я не знаю (если это не дерзко с моей стороны), изучали ли Вы этот вопрос специально. Вера в перевоплощение, или переселение душ, очень дорога миллионам людей в Индии, а также и в Китае. Можно сказать, что для многих это уже вопрос личного переживания, а не только теоретической допустимости. Она разумно объясняет многие тайны жизни. Она служила утешением многим пассивным противленцам при их тюремных заключениях в Трансваале.

Цель моего обращения к Вам не в том, чтобы убедить Вас в истинности этого учения, но чтобы просить Вас, если можно, исключить слово «первоплощение» из числа тех понятий, в которых Вы хотите разубедить читателя Вашего письма. Вы широко ссылались на Кришну и приволили выдержки. Я был бы Вам очень благодарен, если бы

Вы указали мне название книги, из которой Вы брали эти выдержки.

Я утомил Вас этим письмом. Я знаю, что те, кто читает Вас и пытается следовать Вам, не имеют права отнимать Ваше время и, поскольку могут, должны воздерживаться чем-либо затруднять Вас. И все же я, абсолютно неизвестный Вам человек, осмелюсь обратиться к Вам с этим письмом, ради истины и с целью услышать Ваш совет относительно тех вопросов, решение которых Вы сделали задачей нашей жизни.

С почтением

Ваш покорный слуга М.К. Ганди

Графу Льву Толстому

Ясная Поляна

Россия.

Печ. по: Литературное наследство. Л.Н. Толстой. Т. 37—38. М., 1939.

7 октября 1909 года. — Письмо Л.Н. Толстого М.К. Ганди с пожеланием успеха индийцам в их борьбе против дискриминации в Южной Африке и с согласием на перевод и публикацию своей статьи «Письмо к индусу».

Ясная Поляна.

Сейчас получил Ваше в высшей степени интересное и доставившее мне большую радость письмо. Помогай Бог нашим дорогим братьям и сотрудникам в Трансваале. Та же борьба мягкого против жестокого, смирения и любви против гордости и насилия с каждым днем все более и более проявляется и у нас, в особенности в одном из самых резких столкновений закона религиозного с законом мирским — в отказах от военной службы. Отказы становятся все чаще и чаще.

Письмо к индусу написано мною, перевод оч[ень] хорош. Заглавие книги о Кришне Вам будет выслано из Москвы.

Слово «reincarnation» мне бы не хотелось исключать, п[отому] ч[то], по моему мнению, вера в «reincarnation» никогда не может быть так тверда, как вера в неумираемость души и в справедливость и любовь Бога. Впрочем,

делайте как хотите. Переводу на индус[ский] язык моего письма и распространению его могу только радоваться.

Думаю, что competition, т. е. гонимое поощрение, в деле религиозном неуместно. Если я могу служить чем Вашему изданию, то буду оч[ень] рад.

Братски приветствую Вас и радуюсь общению с Вами.

Л. Толстой.

Печ. по: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 80. М., 1992.

10 ноября 1909 года. Письмо М.К. Ганди Л.Н. Толстому с просьбой использовать огромный авторитет Л.Н. Толстого для поддержки сопротивления индийцев в Южной Африке и сообщение о приложении к письму книги Дж. Дока о деятельности Ганди в Южной Африке.

Отель «Вестминстер-палас», 4, Виктория-стрит, Лондон.

Дорогой сэр, сердечно благодарю Вас за Ваше заказное письмо по поводу «Письма к индусу» и тех вопросов, которых я касался в письме к Вам.

Я не писал Вам, не желая беспокоить Вас, так как узнал, что Вы больны, а письменное выражение моей благодарности является ведь простой формальностью. Но разысканный господин Эйльмер Моод заверил меня, что Вы вполне здоровы и регулярно по утрам занимаетесь корреспонденцией. Эти сведения очень обрадовали меня, и я решил снова написать Вам о делах, которые, я знаю, имеют величайшее значение с точки зрения Вашего учения.

Посылаю вместе с письмом книгу, написанную одним из моих грузей-англичанином, находящимся теперь в Южной Африке. Книга эта имеет отношение к моей жизни и проливает свет на ту борьбу, которой я посвятил свою жизнь. Так как мне очень хочется привлечь Ваш интерес и симпатии, я подумал, что Вы не сочтете присылку книги назойливостью.

По моему мнению, индийцы в Трансваале ведут сейчас величайшую борьбу в современной истории, поскольку она идеальна как с точки зрения поставленной цели, так и методов достижения этой цели. Я не знаю ни одно-

го другого примера борьбы, в которой ее участники не стремились бы извлечь из нее какие-либо личные выгоды и в ходе которой половина участников подвергалась бы великим страданиям ради торжества принципа.

Я не имею возможности популяризовать нашу борьбу так широко, как мне хотелось бы. В наше время Вы пользуетесь, вероятно, наибольшим влиянием на широчайшие круги общественности. Если Вас удовлетворят факты, изложенные в книге мистера Дока, и если Вы сочтете, что эти факты оправдывают выводы, к которым я пришел, то не мог ли бы я просить Вас использовать Ваше влияние, чтобы любым способом, который Вы найдете приемлемым, популяризовать наше движение? Если оно восторжествует, то это будет не только торжеством веры, любви и истины над неверием, ненавистью и ложью, но, весьма вероятно, послужит примером для миллионов людей в Индии и в других частях света, могущих подпасть под пяту угнетателей. Оно безусловно будет во многом способствовать поражению сторонников насилия, по крайней мере в Индии. Если мы будем держаться до конца, — а я думаю, что мы выдержим, — у меня нет ни малейшего сомнения в конечном успехе. Ваша поддержка может укрепить нашу решимость.

Переговоры, предпринятые с целью урегулировать этот вопрос, практически провалились. Вместе со своим коллегой я возвращаюсь на этой неделе в Южную Африку, где меня ждет тюремное заключение. Могу добавить, что мой сын с радостью присоединился ко мне в этой борьбе и сейчас отбывает шестимесячный срок как торжжных работ. Это уже четвертый раз, как он подвергается тюремному заключению в ходе борьбы.

Если Вы будете так добры ответить на это письмо, то я просил бы Вас писать на мое имя по адресу: г. Йоганнесбург, Южная Африка, почтовый ящик № 6522.

С надеждой, что мое письмо застанет Вас в добром здравии, остаюсь

Ваш покорный слуга, М. Ганди.

Печ. по: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971.

4 апреля 1910 года. Письмо М.К. Ганди Л.Н. Толстому с просьбой ознакомиться с посылаемой книгой М.К. Ганди «Индийское самоуправление», а также о вложенной в письмо копии статьи Л.Н. Толстого «Письмо к индусу».

Иоганнесбург.

Милостивый государь!

Вы, вероятно, припомните мою переписку с Вами, когда я временно был в Лондоне. Как Ваш скромный последователь, посылаю Вам при сем книжку, написанную мною. Это мой собственный перевод с языка гуджарати. Любопытно, что правительство Индии конфисковало книгу на этом языке. Поэтому я поспешил с опубликованием перевода. Мне не хотелось бы беспокоить Вас, но, если позволит Ваше здоровье и если Вы найдете время просмотреть книжечку, излишне говорить, что Ваша критика этого сочинения будет для меня в высшей мере ценной. Посылаю Вам также несколько копий с Вашего «Письма к индусу», которое Вы разрешили мне опубликовать. Оно тоже было переведено на одно из индусских наречий.

Остаюсь Ваш покорный слуга М.К. Ганди.

Печ. по: Литературное наследство. Л.Н. Толстой. Т.37—38. М., 1939.

25 апреля (8 мая) 1910 года. Письмо Л.Н. Толстого М.К. Ганди о получении его книги «Самоуправление Индии».

Ясная Поляна.

Дорогой груг!

Только что получил Ваше письмо и книгу «Самоуправление Индии». Я прочел Вашу книгу с большим интересом, так как я думаю, что вопрос, который Вы в ней обсуждаете — пассивное сопротивление, — вопрос величайшей важности не только для Индии, но и для всего человечества.

Я не мог отыскать Ваших предыдущих писем, но нашел Вашу биографию, написанную Дж. Доссом, которая тоже очень заинтересовала меня и дала мне возможность лучше узнать и понять Вас.

В настоящее время я не совсем здоров и потому воздерживаюсь писать Вам все, что я хотел бы сказать по поводу Вашей книги и всей Вашей работы, которую очень ценю, но напишу, как только мне станет лучше.

Ваш друг и брат.

Печ. по: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 81. М., 1992.

15 августа 1910 года. Письмо М.К. Ганди Л.Н. Толстому с благодарностью за хороший отзыв о книге «Индийское самоуправление», о создании в Трансваале Г. Калленбахом «Толстовской фермы» и о посылке газеты «Indian Opinion».

Иоганнесбург.

Милостивый государь!

Очень благодарен Вам за Ваше ободряющее и сердечное письмо от 8 мая с. г. Я весьма ценю Ваш общий отзыв о моей брошюре «Indian Home Rule» и буду ожидать, что, когда у Вас найдется время, Вы выскажетесь о моей работе более подробно, как Вы были столь добры обещать мне это сделать в своем письме.

Калленбах пишет Вам о «Толстовской ферме». С Калленбахом мы друзя уже многие годы. Могу сказать о нем, что он также прошел через большинство тех испытаний, которые Вы так образно описываете в Вашей книге «Исповедь». Никакие писания не производили на Калленбаха такого сильного впечатления, как Ваши, и, в виде стимула для дальнейшего усилия к достижению тех идеалов, которые Вы возвещаете миру, он позволил себе, посоветовавшись со мною, назвать ферму в честь Вас.

Из прилагаемых номеров «Indian Opinion» Вы более подробно узнаете о его благородном поступке передачи фермы непротивленцам.

Я не стал бы Вас утруждать всеми этими деталями, если бы Вы не проявили личного интереса к движению пассивного сопротивления в Трансваале.

Ваш покорный слуга М.К. Ганди

Графу Льву Толстому

Ясная Поляна.

Печ. по: Литературное наследство. Л.Н. Толстой. Т. 37—38. М., 1939.

Переписка между М.К. Ганди и Л.Н. Толстым продолжалась почти год и оборвалась со смертью Л.Н. Толстого, последнее его письмо М.К. Ганди получил уже после смерти писателя.

Взгляды Л.Н. Толстого помогли, по словам Ганди, придать устойчивую форму идее ненасильственного сопротивления, ставшей основой движения против дискриминации и за свои права индийских переселенцев в Южной Африке и получившей вскоре название сатьяграха («сатья» — истина, «аграха» — твердость, то есть твердость в истине). В дальнейшем ненасильственные действия протеста под руководством Ганди стали наиболее массовой формой национально-освободительной борьбы в Индии.

Несмотря на расхождения по некоторым вопросам, взгляды Толстого и Ганди во многом совпадали. В основе мировоззрения каждого из них лежала религия, к которой, по их убеждению, как и к религиозным писаниям, нельзя подходить догматически. Истинной религиозностью они считали не обрядность, а праведное поведение. Оба отвергали насилие, отрицательно относились к тому, что они называли современной цивилизацией, призывали к опрощению, ручному труду и т. д.

Еще до переписки с Л.Н. Толстым М.К. Ганди в издаваемой им еженедельной газете «Indian Opinion» в 1905 году опубликовал статью «Граф Толстой» (номер от 2 сентября), а также несколько нравоучительных рассказов Толстого: «Много ли человеку земли нужно?» (опубликовано под названием «Алчность»), «Бог правду видит, да не скоро скажет» («Бог любит правду»), «Чем люди живы» («Нить жизни») и др. А 26 ноября 1910 года, то есть вскоре после смерти Л.Н. Толстого, Ганди опубликовал в «Indian Opinion» последнее полученное им письмо Толстого от 7 сентября 1910 года и большую статью о Толстом.

О кончине Л.Н. Толстого, так же как ранее и об его уходе из дома, сообщали и другие индийские газеты, например «Hindu Leader», помещенный в «Hindu» очерк назывался «Русский из Русских», а журнал «Modern Review»

в своем декабрьском номере писал: «В лице графа Толстого покинула человечество одна из величайших личностей. Мы более не увидим его в телесной оболочке, но с течением времени его влияние, несомненно, еще усилится и его будут читать еще больше. Его романы трогают даже тех, кто не привык предаваться серьезным размышлениям. Однако все, кто заинтересован в прогрессе человечества, не могут не задумываться над тем, что им написано о мире и войне, о непротивлении и о философском анархизме».

ЭМИГРАНТЫ: ВСПОМИНАЯ ИНДИЮ...

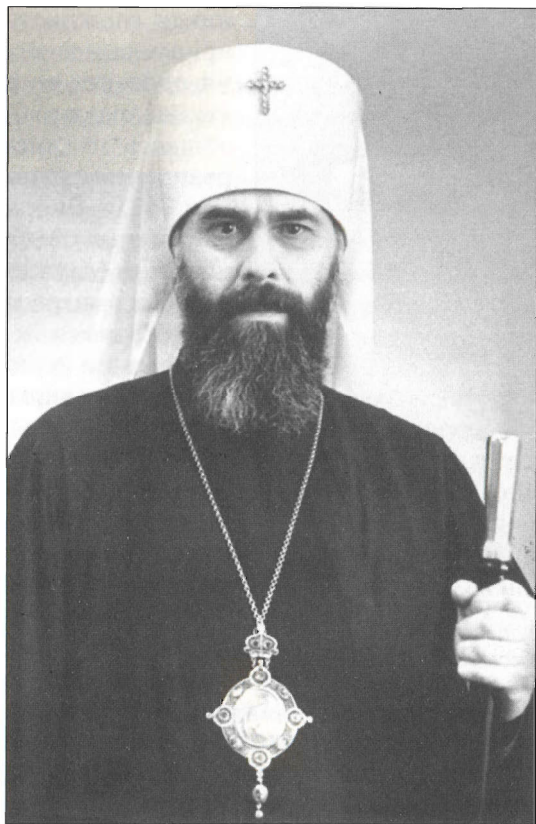

Русское рассеяние XX века затронуло практически все континенты. Не стала исключением и далекая Индия. Не только ставшие хрестоматийными воспоминания тверского купца Афанасия Никитина, знакомые многим с детства благодаря чудесному фильму «Хождение за три моря», но и новейшие личные свидетельства представителей трех волн русской эмиграции помогают нам узнать много нового об этой стране. В этой связи богатейшим источником информации, позволяющим раскрыть многополярность российской цивилизации, являются издания русской эмиграции, хранящиеся в книжных и журнальных фондах Российской государственной библиотеки.

Одним из первых среди русских эмигрантов об Индии вспоминает владыка Антоний Блум. Будучи сыном русского дипломата в Персии, где их семью застала революция 1917 года, будущий митрополит запечатлел в своих записках выпавшие на долю семьи скитания. «В 1920 году мы начали двигаться из Персии вон: перемена правительства, передача посольства и т. д.». Далее перед нами возникают картины Курдистана, Басры, откуда последовал переезд в Бомбей, где в детскую память врезались воспоминания о красных городских постройках, экзотических лицах, диковинной природе. Далее семья Блумов добралась до Гибралтара.

Одновременно с этим из другой точки по направлению к Индии двигался другой русский эмигрант — Павел Константинович Портнягин. Он родился в 1903 году во Владивостоке. В период Гражданской войны вместе с сотнями соотечественников эмигрировал в Китай и с 1924 года жил в Харбине.

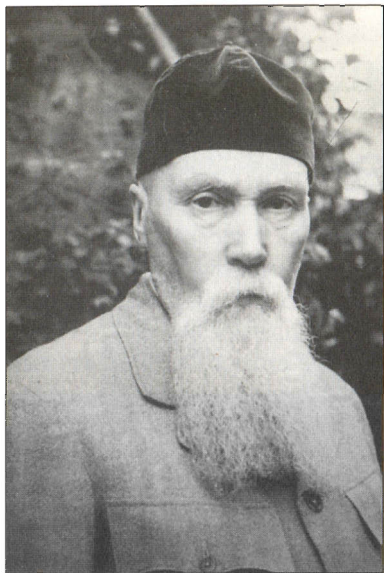
В октябре 1926 году в Урге состоялась его неожиданная встреча с художником, археологом, путешествен-

Владыка Антоний Блум

ником и общественным деятелем Николаем Константиновичем Рерихом, от которого он получил приглашение принять участие в Центральноазиатской экспедиции. И весной 1927 года Павел Портнягин в составе экспедиции направился в Тибет. По совету супруги Рериха он начал вести дневник. Рукопись Портнягина сохранилась, на обороте титульного листа можно увидеть автограф самого Николая Рериха.

Экспедиция стала для Павла преддверием тяжелых испытаний. В конце мая 1928 года Портнягин расстался с Н. Рерихом и вместе с доктором экспедиции Константином Николаевичем Рябининым через Индию направился в Китай. При переходе границы у нашего героя воз-

*Художник, археолог,
путешественник
и общественный деятель
Н.К. Рерих*

ники сложности, и ему пришлось некоторое время провести во владениях махараджи Сиккима, общаясь с английским резидентом полковником Бейли. Впоследствии Портнягин стал священником и служил среди русских эмигрантов.

Обратимся к судьбе экспедиции Рериха.

Продажа картин, гонорары за оформление театральных постановок, публикации многочисленных статей обеспечивали Рериху возможность вести плодотворную научную работу, а также готовиться к поездке в Индию. Вскоре такая поездка состоялась.

2 декабря 1923 года Николай Константинович телеграфирует из Индии о благополучном прибытии. Остановившись в Бомбее, Рерихи предприняли осмотр известных исторических достопримечательностей. Затем посетили Джайпур, Агру, Сарнатх с его древнейшими буддийскими памятниками, Бенарес, Калькутту и оттуда повернули на север. Свыше трех тысяч километров было пройдено менее чем за один месяц. По пути состоялись дружеские встречи с индийскими учеными, художниками, писателями.

В конце декабря Рерихи остановились в небольшом княжестве Сикким, неподалеку от города Дарджилинга, расположенном на южных склонах Восточных Гималаев. Та спешка, с которой Николай Константинович продвигался на север, свидетельствует о том, что его прежде всего интересовали Гималаи.

Участники экспедиции проявили большой интерес к изучению древнейших буддийских письменных источ-

ников. Была собрана также ценная коллекция образцов тибетской живописи.

Через месяц после прибытия в Индию он написал: «Уже складываются у меня серии картин: 1. "Жемчуг исканий", 2. "Сожжение тьмы", 3. "Светочи прихода"». В 1924—1925 годах начинается работа над циклами картин — «Сиккимский путь», «Его страна», «Зарождение тайн», «Гималаи», «Майтрейя», «Учителя Востока».

Рерих показал себя непревзойденным «мастером гор». Николай Константинович утверждал, что горы помогают человеку обрести мужество, проявить силу духа. Жизненная правда рериховских горных пейзажей особенно близка и понятна непокорным путникам в «незнакомое». Неслучайно об искусстве художника, необычности его красок с увлечением рассказывают космонавты.

Постоянной базой экспедиции Рериха в Сиккиме был дом Талай Пхо Бранг под Дарджилингом. По преданию, в этом доме когда-то останавливался популярный Далай-лама V. С тех пор это место почиталось священным и привлекало к себе паломников.

Между тем эмигрантская пресса публиковала индийские сюжеты, принадлежащие перу самого Н.К. Рериха, жившего в эмиграции с 1918 года. Так, издававшийся в Праге журнал «Вольная Сибирь» в 1930 году напечатал отрывок из его книги «Алтай — Гималаи» в русском переводе. Сама же книга вышла на английском в 1929 году в Лондоне. Есть еще одно произведение Рериха, относящееся к русской зарубежной печати, — книга «Сердце Азии», 1929 года издания.

В сентябре 1924 года Николай Константинович временно расстался с Сиккимом и направился в Европу и Америку. Благодаря связям и энергии своих американских сотрудников он довольно легко получил разрешение на путешествие под американским флагом и оформил нужные документы.

Оставалось осуществить вторую задачу — информировать советское правительство о своем намерении посетить СССР и получить на это согласие, установив связь с советскими представителями за рубежом. И на обратном пути из США Николай Константинович лично посе-

щает советское представительство в Берлине. Чичерин распорядился сообщить Рериху, что он может рассчитывать на необходимую помощь со стороны советских властей. Однако это распоряжение уже не застало Николая Константиновича в Европе.

После визита в берлинское полпредство Рерих сразу же отбыл в Азию. В начале 1925 года он на короткий срок посетил Индонезию и Цейлон — центр крупного ответвления буддизма — хинаяны.

С Цейлона Рерих поехал в Мадрас. Впервые посетил теософский центр в Адьяре и познакомился с его руководителями. Николай Константинович предложил открыть там музей теософского общества имени Е.П. Блаватской и внес свой вклад — картину «Вестник».

Пробыв в Адьяре несколько дней, Николай Константинович едет дальше через Калькутту в Сикким и уже в марте 1925 года перебрасывает свою экспедицию из Дарджилинга в столицу Кашмира Шринагар (Западные Гималаи).

Впереди лежал длинный и трудный путь, а перед экспедицией стали возникать одна преграда за другой. Для английской разведки не остался незамеченным визит Рериха в советское полпредство в Берлине, и теперь по территории Кашмира экспедиция продвигалась, встречая самые неожиданные препятствия, вплоть до вооруженных нападений.

Но так или иначе, древний путь от Шринагара до Леха удалось пройти и исследовать памятники искусства в Маульбеке, Ламаюре, Базгу, Саспуле.

В Ладаке экспедиция проработала более двух месяцев. После Ладака экспедиция взяла направление на Хотан. Предстояло преодолеть в тяжелых условиях осени семь перевалов высотой более 5 тыс. м — Кхардонг, Караулдабан, Сасэр, Дапсанг, Каракорум, Сутет и Санджу.

Через несколько переходов караван оказался в царстве снегов. Мороз не позволял подолгу держать в руках карандаш или кисть, но Николай Константинович обладал завидной зрительной памятью и сумел позднее поведать об этой сказочной природе в своих картинах.

Русские эмигранты могли прочесть в некоторых номерах парижской газеты «Русская мысль» за 1956 году

воспоминания о Н.К. Рерихе. Это статьи Н.П. Казнова «Кое-что о Н.К. Рерихе» и С.К. Маковского — «Кто был Рерих», где писалось в том числе и о годах жизни Николая Константиновича в Индии. После нескольких успешных лет, проведенных в Америке, для Рериха наступили нелегкие времена. С. Маковский пишет: «...во время пребывания Рериха в Центральной Азии, где он странствовал (с женой и сыном), возглавляя археологическую экспедицию, покровительствовавший ему миллионер Хорш (биржевик) отказался без предупреждения от дальнейших денежных взносов. Рериховские учреждения закрылись, государственные офисы Соединенных Штатов возбудили против него преследование за невзнос каких-то налогов, возврат в Америку грозил крупными неприятностями. С трудом, после долгих хлопот, добился он английской визы в Индию, где случайно приобрел усадьбу... Там и застрял он с семьей, далеко от всякой "цивилизации", живя как помещик-огородник трудами "рук своих" и пользуясь туземцами, находившимися еще в положении полукрепостной зависимости. Там, в самом сердце величайшего в мире горного массива, на возвышенности (2 тыс. м над уровнем моря) с воистину волшебным видом на Гималаи, с горной речкой среди соснового леса, — в семейном уединении, занимая двухэтажный дом, откуда до ближайшей железнодорожной станции (в 200 км) ведет по скалам одна пешеходная тропа, — приняв облик бородатого тибетского ламы, погруженный в оккультное созерцание и в свою мистическую живопись, безвыездно прожил Рерих около тридцати лет. Там, забытый миром, на семьдесят втором году жизни, и умер от затяжной болезни...

Какая необычная судьба... Как все это понять? Откуда этот по-американски стремительный взлет Рериха и еще более стремительный срыв в ничтожество?»

Заручившись поддержкой ученых Индии, Америки и Европы, Рерих 29 июля 1928 года, находясь в Сиккиме, заложил основы для создания Гималайского института научных исследований, названного «Урусвати», что в переводе значит «Свет утренней звезды».

Однако вскоре Николай Константинович задумал уехать из Сиккима. Он хотел посетить долину Кулу —

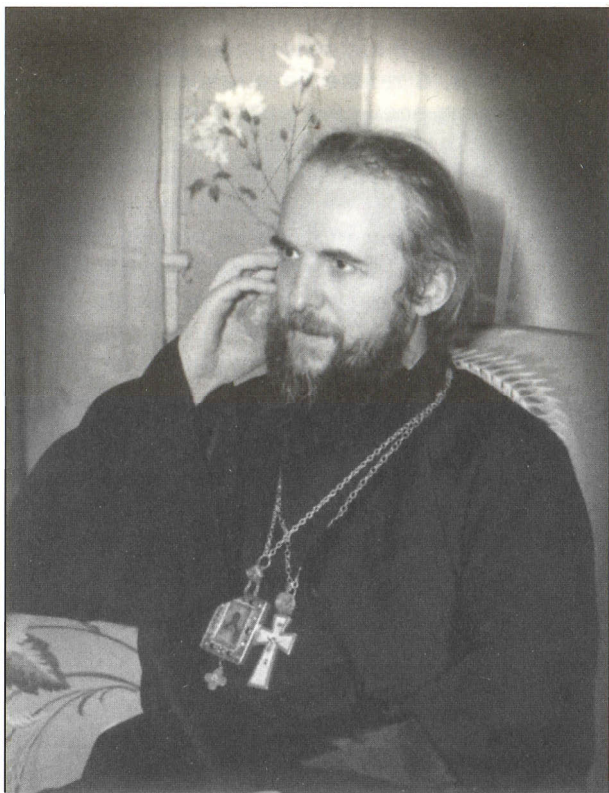
Вид от дома Рерихов на долину Кулу

колыбель памятников культуры более чем двухтысячелетней давности. В археологическом, историческом, филологическом, а также ботаническом и геологическом отношениях весь северный Пенджаб с западной частью Гималайского хребта был неистощимым кладом материалов для института «Урусвати», и Николай Константинович решил переехать именно сюда.

Через несколько месяцев после переселения в Кулу Николай Константинович и Юрий Николаевич уехали по делам в Европу и Америку. Для развития деятельности нового института необходимо было наладить более тесные связи с некоторыми научными учреждениями западных стран.

В периодике и книжных источниках зарубежья можно прочесть и о духовных контактах между представителями русской православной традиции и индийскими христианами. Духовенство Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) предпринимало попытки развернуть в Индии христианскую миссию с целью поиска путей к единству с представителями древнейших местных церковных общин, ведущих свое происхождение от апостола Фомы. Индийские христиане, объединенные в Малабарскую и Маланкарскую церкви и проживающие в большинстве своем в штате Керала, всегда с интересом относились к русскому православию.

С 1935-го по 1936 год в штате Керала на миссионерском поприще трудился иеромонах Нафанаил (Львов). В 1936 году он был удостоен сана архимандрита, а с 1937-го по 1939 год работал начальником православной миссии на Цейлоне. Позволю несколько слов об этом необычном, много повидавшем на своем веку человеке, знатоке европейских языков и эрудите. Родился он в 1906 году в старинной семье князей Львовых. Его отец — Владимир Николаевич Львов-второй, крупный помещик Самарской губернии, депутат IV Государственной думы, предпоследний обер-прокурор Святейшего Синода при Временном правительстве, принимал участие в корниловском мятеже. В эмиграции проживал в Берлине, потом вернулся на родину и окончил дни свои в тобольской ссылке. Сам Нафанаил (в миру

Священник Иоанн Шаховской

его звали Василием), опасаясь коммунистической власти, эмигрировал в Китай. Там в 1929 году он принял монашество, трудился законоучителем в детском приюте при Доме милосердия в Харбине, а затем был направлен в Индию. Львов проявил себя как интересный духовный писатель и талантливый поэт. В 1946 году он стал епископом в Брюсселе, а с 1951 года служил в Северной Африке. Там он стал инициатором постройки Воскресенского собора в Тунисе.

Священник Иоанн Шаховской, будущий архиепископ той части русской православной эмиграции, которая стала основой Американской автокефальной церкви, до переезда в США принадлежал к Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе, ко-

торуую создал с центром в Париже митрополит Евлогий (Георгиевский). Работая в одном из приходов в Западной Германии, отец Иоанн в сотрудничестве с Мюнхенским издательством «Милосердный самарянин» выпустил несколько брошюр. В этом же издательстве вышла книга «Жизнь во Христе: Записи индийского миссионера». На доступном нам экземпляре книги имеется дарственная надпись и автограф: «Досточтимой и дорогой м. Серафиме в день ея Ангела; в этой книге столько прекрасных, руководящих мыслей для нашей общей работы». Подпись принадлежит Д.Н. Теодорович, указана дата — «1.VIII 1947 г.» Книга была подарена монахине Серафиме Мелетьевой, которая вместе со своим братом, православным епископом Павлом, служившим на оккупированной территории Белоруссии, перед наступающими войсками Советской армии бежала с немецко-фашистскими частями на Запад в конце Великой Отечественной войны.

Об Индии писали еще бывшие военные первой волны эмиграции. Так, В.А. Хабаров, ушедший в составе казачьей дивизии через Кавказ в Персию, в 1930 году опубликовал в Белграде книгу своих воспоминаний, назвав ее «Завоевание Индии: Записки русского беженца». Будучи в 1920-х годах в английском лагере в Персии, он оказался перед угрозой разделить участь русских беженцев и быть отправленным англичанами во Владивосток. Однако ему удалось бежать и перебраться вместе с семьей в португальские владения в Индии. Купив здесь земельный участок, Хабаров занялся постройкой дома, рассчитывая сельским хозяйством зарабатывать на жизнь. В своих записках он достаточно оптимистично описывает местную природу, трудности жизни европейца в джунглях.

Статьи русских людей об Индии встречаются в различных периодических изданиях. В литературно-публицистическом журнале русских эмигрантов «Возрождение», который выходил один раз в две недели в Стокгольме, читаем статью, подготовленную неким русским инженером, подписавшимся инициалами «Ф.М.». Он работал в составе французской технической миссии, занятой исследованием природных богатств Индии и составлением плана их использования.

*А.Г. Корнилов — исследователь
путей из России в Индию*

В Лос-Анджелесе Б.И. Казанович на страницах «Вестника первопроходника» вспоминал об исследовании А.Г. Корниловым путей из России в Индию. Другое зарубежное издание — «Новое русское слово», выходящее в Нью-Йорке, — в 1983 году уделило на своих страницах место для информации о книге Н.К. Черкасова «В Индии». В этом же издании приводятся воспоминания Ф.И. Елисеева — казака-джигита, выступавшего в составе театральной труппы с концертами в ходе гастрольной поездки по Индии. В периодике рус-

ского зарубежья этот автор оставил еще несколько материалов, связанных с Индией. Так, в журнале «Казак» он сообщил, что во время одного из первых турне казачьей труппы в Индию в 1933 году здесь неожиданно женился и остался на жительство артист А.П. Крикливый. Пишет об индийских гастролях Ф.И. Елисеев и в своей книге «На коне по белу свету».

Парижский «Вестник русского студенческого христианского движения» поместил в 1954 году статью Михаила Зернова «Поездка в Индию». В ней автор описывает свою работу в провинции Траванкор, расположенной на самом юге страны. В 1953/54 учебном году Зернов был приглашён сюда в качестве руководителя и преподавателя колледжа, открытого под покровительством Сиро-Яковитской церкви. Колледж располагался в местечке Патанамтита, на вершине высокого холма, среди рисовых полей и кокосовых пальм. Автор пишет: «Среди этой богатой растительности разбросаны маленькие хижины крестьян, выстроенные из красной

глины и покрытые пальмовыми листьями... Большинство студентов нашего колледжа — сыновья и дочери окрестных поселян... Каждое утро в 10 часов толпа веселой молодежи заполняла лекционные залы и лаборатории колледжа. Из 520 студентов 80 были девушки. Все студенты ходят босиком, не расставаясь с черными зонтиками, и носят красивую белую одежду. Они принадлежат к разным кастам, и среди них есть христиане, индусы и мусульмане, но большинство как преподавателей, так и учащихся — члены Сиро-Яковитской церкви...

Попав в Патанамтити прямо из Оксфорда, я очутился в новом для меня мире, но мне вскоре удалось найти ключ, который открыл мне дверь к пониманию, и этим ключом было Православие.

Как ни отличны были преподаватели и студенты от меня, мы принадлежали к той самой церковной традиции и потому между нами установилось подлинное взаимное доверие. Я научился любить и ценить "православных" индийцев и разбираться в особых трудностях их положения. В течение всей своей долгой и нелегкой истории они оставались меньшинством среди торжествующего язычества, и это наложило особый отпечаток на их психологию...

С самого начала моего пребывания в Индии я понял, что должен отказаться от привычных установок и искать новых путей подхода к индийской молодежи... Индийские студенты ожидают от профессора не гипотез, а точных и исчерпывающих ответов на все вопросы. Каждый раз, когда я указывал им на два или три возможных решения вопроса, они всегда настаивали, чтобы я объявил им, который из них единственно правильный.

Подобное же признание авторитета старших я нашел в их выборе профессии. Часто я слышал от них ответ: «Мое будущее в руках Божиих и моих наставников». Они все жили в патриархальной атмосфере, где старший в роде решал судьбы младших, выбирал для них женихов и невест и намечал для них профессии. Однако этот традиционный строй Индии уже начинает подвергаться ломке, даже в такой нетронутой Западом сельской местности, где находится колледж.

Одной из таких революционных перемен было преодоление кастовых перегородок в среде студенчества. Молодые брамины учились и играли вместе с сыновьями париев; христиане, индусы и магометане дружили друг с другом. Зато непреодолимая черта все еще отделяла студентов от студентов. Они сидели на отдельных скамейках и никогда не разговаривали между собою... Этот запрет был вызван сложностью брака в Индии. Только лица, принадлежащие к той же касте, могут вступать в супружество...

Идеализм и желание послужить обездоленным были широко распространены среди как христиан, так и язычников. Пример Ганди был у всех на устах... Это была живая, отзывчивая на все доброе молодежь, жаждущая применить на пользу других свои силы, добродушная и способная радоваться по поводу самых незначительных удовольствий».

Некоторые из эмигрантов третьей волны использовали Индию как промежуточную площадку при побеге за границу. Такие сюжеты можно обнаружить в русскоязычной литературе, изданной за рубежом. Так, Д. Соколенко во время туристической поездки в Дели обратился в посольство США с просьбой о предоставлении политического убежища. Другой случай имел место с Б.Г. Бажановым, бывшим секретарем И.В. Сталина. После перевода на работу в ЦК РКП (б) Туркмении он нелегально перешел границу и добрался до Индии, где сдался английским колониальным властям.

В Индии, как известно, жила и Светлана Аллилуева в 1967 году. Приехала она сюда хоронить своего мужа индуса. Отсюда она с ухищрениями отбыла в США.

(По материалам В. Колупаева.)

ИЗБРАННАЯ ИНДИЕЙ

Когда 10-летнюю Наташу Четыркину спрашивала в школе учительница литературы о любимых книгах, то чаще всего слышала в ответ, что это энциклопедия. «Что же тебе так интересно в энциклопедии?» — «Все, что пишут об Индии». И эта тяга к далекой стране не утихала с годами — девочка читала все, что писали об Индии путешественники, историки и новеллисты, искала изображения людей, перерисовывала костюмы.

Ее жизнь сложилась так, что в 14 лет она стала работать на шинном заводе «Красный треугольник», и здесь вдруг впервые ощутила запах Индии, — прекрасный запах сырого каучука, присылаемого нам из этой страны. Круг знания расширился, дополнившись сведениями о добыче каучука, о плантациях, о жизни тех, кто там, вдали, добывает из деревьев этот тягучий сок.

Окончив химический техникум при заводе и став лаборанткой, что, казалось бы, уже определило жизненный путь, Наташа вдруг узнала из газет, что впервые в нашей стране открывается при филологическом факультете Ленинградского университета отделение индийских языков. Сразу отказавшись от всего достигнутого, она поступила в университет и окончила его в 1939 году с красным дипломом и направлением в аспирантуру.

Пять лет учебы помогли узнать многое, о чем мечталось, и главное — санскрит, древний язык Индии, литературу и культуру этой страны. И укрепили в душе неодолимую любовь к народу, сумевшему создать такие многообразные и совершенные формы культуры.

В те наши 30-е годы в Индию попасть было практически невозможно, но стремление не угасало. Оно не было даже нарушено замужеством с инженером-изобретателем Гусевым Владимиром Николаевичем и рождением в 1937 году дочери Ирины. После окончания университета Наталья Романовна Гусева стала стажироваться для аспирантуры в знаменитой ленинградской

Кунсткамере, изучая коллекции индийских вещей, и все это как бы сближало с Индией, расширяя знания о ней.

Ударила война и взломала все, чем мы жили. С 1939-го по осень 1944 года Наталья Романовна жила в эвакуации в Перми, работая лаборанткой в Институте микробиологии, и дежурила в эвакогоспитале. Развод с мужем и переезд в Москву завершился возрождением стремления к Индии — Наталья Романовна была принята на работу в Институт этнографии АН СССР в качестве младшего научного сотрудника для планового изучения Индии. И это стало началом прямого пути в эту страну. При подготовке первой диссертации случилась встреча с офицером-индологом, знатком языка хинди, и возникла новая семья: в 1946 году она вышла замуж за Святослава Игоревича Потабенко. Начались общие поиски в библиотеках, в книжных магазинах и у друзей — искали все доступное о народе Индии, о нравах, обычаях, обо всем, что называется жизненным бытом.

Стараясь давать нашим людям все, что могло знакомить их с Индией, Наталья Романовна написала адаптированные пересказы великих эпических поэм «Махабхараты» и «Рамаяны» в форме прозаических повестей со стихотворными пояснениями к текстам. Они нашли широкий отклик и дважды были переизданы 100-тысячными тиражами. Вышли и книги «Многоликая Индия», «Индия: тысячелетия и современность», которые были изданы и в Германии, из чего становится ясно, что и там читателей, вероятно, привлекают рассказы о жизненном укладе людей этой далекой и малоизвестной страны. Успехом пользовалась и книга очерков о художественных ремеслах Индии, красота и изящество которых привлекали всех покупателей на редко проводившихся распродажах.

Интерес нашего народа к Индии разрастался с каждым днем и его особенно подогревали официальные данные о победе этой великой страны над колониальным гнетом, о ее полном освобождении в 1947 году.

В 1950-х годах в нашей стране массово разросся интерес ко всему, что связано с жизнью и культурой Индии, и Всесоюзное общество «Знание» вынуждено было удовлетворять множество просьб о присылке лекторов. Индологов в стране было еще немного, и особенно не хватало специалистов по культуре. Получилось так, что от

этого общества Гусевой довелось в течение почти всех 1950-х годов часто выезжать с лекциями не только по России, но и в другие наши республики. И всюду лекторов встречали с живым интересом и засыпали бесчисленными вопросами.

Наталья Романовна окончила аспирантуру в Московском институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук (1952), затем докторскую (1978). Святослав Игоревич тоже защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, работает в Институте востоковедения РАН.

Наталью Романовну влекла Индия, эта необычная страна, которую называют и «страной чудес», и «музеем под открытым небом»; влекли бессмертные творения человечества — великие эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», созданные многими поколениями народных сказителей начиная с III—II тыс. до н. э., повествующие о борьбе доблестных героев со злом, несправедливостью, увлекали сказания о богах, помогающих борцам.

Первый визит Натальи Романовны в Индию состоялся в 1960 году по приглашению индийского правительства. Причиной такого события было то, что, стремясь познакомить наших людей с богатством индийской культуры, она дерзнула написать пьесу на тему великой эпической поэмы «Рамаяна», и эту пьесу поставил в Москве в Центральном детском театре известный режиссер В.С. Колесаев. Весь коллектив театра вложил в свою работу столько любви и старания и так блестяще подготовил спектакль, что его стал сопровождать большой успех, и зал заполняли не только юные зрители, но и многие члены Дипкорпуса и иностранных землячеств. За эту постановку Н.Р. Гусевой была присуждена Международная премия им. Джавахарлала Неру, а с течением времени весь коллектив театра стал лауреатом этой премии и дважды выезжал в Индию, с успехом выступая в крупных городах страны.

Эти краткосрочные посещения Индии уже давали исследовательнице нужный живой материал для статей и книг о жизни индийцев, но гораздо шире она смогла информировать о ней наших читателей после трехлетней

работы в стране: С.И. Потабенко был в 1961 году назначен директором Дома советской культуры в Дели, и до конца 1963 года Наталья Романовна работала там в качестве методиста по русскому языку. Эти обязанности дали ей возможность расширить связи с представителями разных кругов индийского общества, посещать не только города, но и села и разные культурные центры, бывать на конференциях, изучать искусство, быт, обычаи, кастовые законы, религиозные ритуалы и т. д.

Впоследствии еще неоднократно она бывала в этой бесконечно привлекательной стране. Она наблюдала и изучала разные стороны жизни многонационального индийского народа, его историю и хранимое им культурное наследие далеких предков, что привело к изданию новых книг об Индии — ряда популярных и научных монографий. Ею опубликовано около 160 научных работ. В книге «Индия: тысячелетия и современность» Наталья Романовна рассказывает о тех сторонах жизни индийцев, которые недостаточно представлены в предшествующих изданиях. Собрав большой фактический материал, она дополнила его своими личными наблюдениями. В ее книгах нашли отражение жизнь, быт людей, проживающих в городе, в сельской местности, отношения в семье. Описаны особенности разных каст и сект. Красочно описано проведение народных праздников, религиозных обрядов, церемоний, показана живучесть древних традиций, прослежены их исторические корни.

В предисловии к монографии «Многоликая Индия» автор пишет: «Сколько бы ни писали об Индии — все будет мало... Страна так интересна и необычна, что просто не знаешь, о чем рассказать в первую очередь». И Наталья Романовна рассказывает о жизни столицы Индии — города Дели, о йогох, змеях, медицине, о делении на касты, о роскошных дворцах махараджей, об их садах и мраморных фонтанах и о многом другом, что нам кажется сказочным и очень интересным.

О ремеслах Индии Н.Р. Гусева рассказала в книге, которая так и называется «Художественные ремесла Индии». Чего только не производят индийцы! Это изделия из латуни и драгоценных металлов, керамики, стекла, дерева, папье-маше, из камня, рога, раковин и слоновой ко-

сти. Ювелирное искусство и изделия резчиков по слоновой кости ценится во всех странах высоко. Из слоновой кости делают фигурки богов, персонажей мифов, героев эпоса, фигурки животных, чаще всего слонов. Индийцы занимаются плетением бытовых и декоративных изделий, особенно циновок, на которые всегда имеется спрос. Население Индии вырабатывает ткани с различными орнаментами, шьет оригинальную мужскую и женскую одежду, выделяет ковры, паласы, самобытностью отличается индийская вышивка.

Из книг и многих журнальных статей Гусевой мы узнавали, что в каждой деревне Индии есть мастера художественного ремесла, производящие такие вещи, которые составляют значительную часть индийского экспорта, и в том числе тонкие и богатые ювелирные изделия.

Наталья Романовна — известный религиовед. Много лет занималась она изучением различных религий, которые исповедует население в многонациональном индийском государстве. Основной религиозно-этической системе Индии, индуизму (его исповедует 82 % населения), посвящает она монографию «Индуизм». Эта религия — комплекс философских, правовых, религиозных, этических норм, которые влияли на жизнь людей веками, определяли характер их культуры, искусства. Н.Р. Гусева раскрывает историю формирования индуизма, этногенетические корни его культов; описывает богослужения, изображения богов, совершение праздничных ритуалов, жертвоприношения, паломничество к святым местам — храмам и источникам воды, а также рассматривает характер основных повседневных обрядов индийцев.

Старательный подбор информативного материала, характерный для всех публикаций Гусевой, способствует тому, что читатель находит в ее книгах самые разные сведения. Вы узнаете, например, о сикхах, о секте рыцарей смерти — нихангах, о том, что Дели — это столица семи империй, о таких богах, как Кришна, Шива, Парвати, Дурга, о кобрах, йоге и народной медицине и еще об очень многом и очень интересном.

Читатель узнает, что индийцы высоко ценят и эпос «Махабхарата» (Сказание о войне потомков Бхараты). Начало его создания народами Индии относят ко вто-

*Дамаянти и лебедь. Сцена из «Махабхараты».
Художник Раджа Рави Варма*

рой половине II тыс. до н. э. Эпос содержит двести тысяч стихотворных строк. Он повествует о доблестях, подвигах и победах древних героев в битве. Главные герои эпоса — воины, люди долга и чести, готовые отдать жизнь, но сдержать данное слово. Они беспощадно осуждают коварство и зло.

Наталья Романовна издала адаптированный пересказ этой эпической поэмы, отобрав из огромного количества различных эпизодов те, что наиболее полно сохранила память индийского народа: «Тех прославляют в легендах и песнях, Кто благороден, бесстрашен и честен, Где бы ни жил он и кем бы он ни был».

Наталья Романовна выбрала три основных метода для знакомства нашего народа с культурой Индии. Уже рассказано выше о ее печатных работах и множестве прочитанных лекций, упомянем здесь еще раз о ее работах как драматурга. Спектакль «Рамаяна» шел в Москве до начала 1990-х годов, но на этот сюжет она подготовила и пьесу для Театра кукол, которая много лет шла в Уфе. Еще одну ее пьесу несколько лет смотрели в городах Иванове и в Томске, сюжетом которой стала одна из романтических легенд «Махабхараты» — история о любви Наля и Дамаянти. В Ашхабаде поставили ее пьесу «10 царевичей» на сюжет романа древнеиндийского писателя Дандина, жившего в VI веке. А та, первая «Рамаяна» была в 2007 году возобновлена в Камерном театре Смоленска под названием «Индийская легенда» и идет с большим успехом.

К разнообразию творческой деятельности Н.Р. Гусевой нужно добавить ее активную многолетнюю работу на телевидении: она вела телепередачи «Клуб путешествий» и о творчестве народов мира, начинала еще с известным кинорежиссером и ведущим этой программы Владимиром Адольфовичем Шнейдеровым.

На границе с Пакистаном расположен второй по величине штат Индии — Раджастхан. Его население, раджастханцы, отличаются полиэтничностью, поликастовостью. Штат состоял из множества княжеств вплоть до 1956 года, когда все они были введены в состав республики Индии. Не было у них и языкового единства. В пределах каждого княжества сформировался свой диалект. Все диалекты этого штата объединены общим названием раджастхани. У раджастханцев в значительной мере сохранилась приверженность древним традициям, поэтому корни многих сторон культуры уходят в глубь веков. Все это заинтересовало Н.Р. Гусеву. Она изучила литературные источники, жила в городах и деревнях Раджаст-

Рамаяна. Сцена битвы. Фреска из Форта Орча

хана, наблюдая повседневную жизнь народа, и издала книгу «Раджастханцы (народ и проблемы)». Автор осветила и проанализировала многие стороны уклада жизни раджастханцев: религию, обычаи, ритуалы, одежду, жилище, художественные ремесла. Искусство этого народа заслуживает особого внимания. Оно необычно разнообразно, поражает богатством форм, красочностью.

Попробуем представить, как по разным городам, деревням, уголкам Индии бродячие музыканты, певцы, сказители дают представления. Они воспевают героев, их подвиги в борьбе за независимость; звучат песни, баллады о славных традициях народа. Жители выходят из своих домов, окружают странствующих актеров, всем весело, радостно, сердца переполняет гордость за своих героических соотечественников, слава которых продолжает жить веками.

Будучи в Индии, чувствуешь, что нельзя дня пропустить, не увидев чего-нибудь тебе еще неизвестного, яркого.

В октябре там отмечается праздник Дасера: 10 дней, а точнее 10 вечеров и ночей, воспевают победу добра над злом — повсюду играют «Рамаяну». Все играют: про-

фессиональные и народные актеры, любители — служащие, рабочие, крестьяне, школьники, студенты. Играют на площадях, на улицах, во дворах. Жители приходят семьями, садятся на землю, смотрят и слушают. Уже в который раз!

Наталье Романовне посчастливилось быть на празднике Дасера. План был такой: съездить в штат Пенджаб, где город Лудхиана славится представлениями «Рамаяны», посетить выступления нескольких трупп народного театра, посмотреть балет «Рамаяна» в Центральной школе танцев в Дели, побывать на главной площади Дели Рамлила-Граунд.

Приведем здесь отрывок из ее книги «Многоликая Индия»: «Вдоль всей улицы стояли помосты или, вернее, платформы, смонтированные на шасси грузовиков, легковых машин и на повозках всех видов и родов. А на этих повозках, нарядно убранных и увитых гирляндами цветов, были воздвигнуты дворцы, троны, деревья и хижины — словом, все декорации "Рамаяны". А моторы машин скрывались под изображениями упряжек вздыбленных серебряных коней, или гигантских птиц, или каких-то фантастических существ. Все сверкало, пылало, блестело, переливалось под солнцем всеми оттенками красок. И хотя до вечерней процессии было еще далеко, участники ее, одетые и загримированные, сидели по своим местам, чтобы толпы людей могли их созерцать.

И конечно, центром всеобщего внимания, сюжетным и эмоциональным центром процессии были Рама, его жена Сита и брат Лакшман. Я с удивлением увидела, что это три маленькие фигурки, тихо сидевшие на самой скромной из всех этих ярких бутафорских колесниц... Я была поражена, увидев в Индии эти три почти незаметные фигурки среди блестящей плеяды остальных участников показа "Рамаяны".

— Да ведь это же дети!

— Да, их в процессии играют только дети.

— Да почему же?

— Нельзя, чтобы таких чистых героев играли те, кто ощутил прикосновение греха».

И вот в этих словах, как в зеркале, отразилась глубина индийской этики.

Юный актер во время праздника Дасера

Едва закончился праздник Дасера, как начался праздник Дивали, или праздник Огней. Ночь Дивали в Индии — зрелище изумительное! Балконы, крыши, заборы озарены пламенем многочисленных масляных светильников. На официальных зданиях и домах богатых людей сверкают гирлянды электрических лампочек. По рекам плывут тысячи маленьких лодочек с глиняными светильниками, бросая в темноту отблески. На улицах, в садах запускают фейерверки: горящие шары устремляются в небо и рассыпаются на тысячи сверкающих звездочек, огненные змеи извиваются по земле, мечутся над землею. Пиротехника в Индии используется очень широко».

Каждый из наших индологов считает своим долгом знакомить наш народ с самыми разными областями индийской культуры, и год за годом выходят в нашей стране их книги, статьи и очерки. Ведущей линией творчества Н.Р. Гусевой стало исследование древних связей арьев и славян: существование у них общих предков в эпоху палеолита. Она изучает движение арьев к югу и взаимоотношения с народами, жившими на пути их следования, приход в Индию, смешение с новыми людьми и вызванные этим процессом изменения в быту, в религии.

Стержневой темой для индийской и мировой науки стала проблема происхождения арьев, кочевые скотоводческие племена которых волна за волной проникали в Индию с северо-запада начиная с III тыс. до н. э. Доказано, что их исходной территорией были южные земли Восточной Европы, но до сих пор не решен вопрос о времени и месте их появления в этих землях.

Русские ученые нашли значительное число совпадений в словах и формах санскрита с языками европейских народов, но наибольшее число совпадений выявляется при сравнении со славянскими языками, и над выяснением причины такого родства работают многие

Огни праздника Дивали

специалисты. Этой же проблеме посвящены и последние книги Н. Гусевой: «Славяне и арьи. Путь богов и слов» (М., 2001) и «Русский Север — прародина индославов» (М., 2003).

После великого открытия академика О.Н. Трубачева, ведущего филолога отечественной науки, который выявил и доказал сотнями примеров, что индоарийский язык был распространен в III—II тыс. до н. э. в областях Черноморского и Азовского побережья и на Кубани, то есть после выхода в 1999 году из печати его поразительной книги «Indoarica в Северном Причерноморье» стало ясно, что, покинув северные земли Восточной Европы, ригведийские арьи длительное время осваивали эти указанные области и оттуда двинулись в сторону Индии, достигнув ее западных границ в предполагаемое многими время — в III—II тыс. до н. э.!

Необозримое поле задач, поисков и возможных решений предстает перед каждым историком, филологом и конкретно индологом, и хочется надеяться, что в будущем они все вместе найдут ответы на многие вопросы, неотложно стоящие перед тем, кто посвящает себя изучению бесчисленных загадок индийской действительности...

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Верещагина Е.К. Очерки путешествия в Гималаи... Ч. 1—2. СПб., 1883.

Виташевская М.Н. Странствования Афанасия Никитина. М., 1972.

Минаев И. П. Сборник статей. М., 1967.

Индия в произведениях художников. М., 1955.

Колупаев В. Вспоминая Индию... // Восточная коллекция. № 3. 2008.

Лебедев Г. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии... СПб., 1805.

Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995.

Путешествия Рафаила Джанибегашвили в Индию. М., 1969.

Российские путешествия в Индию в XIX, начале XX века. М., 1990.

Россия и Индия. М., 1986.

Русско-индийские отношения в XVIII веке. М., 1965.

Русско-индийские отношения в XIX веке. М., 1997.

Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг. М., 1999.

Салтыков А.Д. Письма об Индии. М., 1985.

Снесарев А.Е. Этнографическая Индия. М., 1981.

Сперанский М.Н. Индия в старой русской письменности. М., 1934.

Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи. Казань, 1811.

СОДЕРЖАНИЕ

Индийская увертюра: образ далекой страны	3
Первое прикосновение. Хожение за три моря ...	16
Необходимое вступление к концу XVII — XVIII столетию	64
Первый индийский поход. К Индии!.....	87
Девятилетние странствования Филиппа Ефремова.....	105
Одиссея Герасима Лебедева	125
Индийские дневники Юрия Лисянского.....	137
Индийский поход войска Донского.....	149
Мехти Рафаилов: «Усердные услуги мои России бесполезны»	162
Рафаил Данибегашвили — двадцать восемь лет в странствиях	179
По прозвищу Индеец.....	192
Петр Пашино: забытый странник.....	213
Маяк русской индологии.....	239
Русский художник в Гималаях	249
Поездка по Индии цесаревича Николая	259
Индийское путешествие великого князя	287
Индийский плен штабс-капитана Шульженко.....	298

Русская Индия

Лев Толстой и Индия	309
Эмигранты: вспоминая Индию.....	322
Избранная Индией.....	335
Использованная литература	347

Научно-популярное издание
Русские за границей

Автор-составитель
Непомнящий Николай Николаевич

РУССКАЯ ИНДИЯ

Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*
Корректор *О.Б. Бубликова*
Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*
Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 25.01.2010. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «BalticaC». Печать офсетная. Бумага LUX CREAM.
Печ. л. 11. Тираж 3000 экз. Заказ № 1000770.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 940-48-70.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,

2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург,

пр. Обуховской обороны, д. 105.

Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.

Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород,

ул. Геологов, д. 1.

Тел.: (8312) 63-97-78

E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск,

ул. Арбузова, 1/1.

Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33

www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»

в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,

ТД «Молодая гвардия», «Московский дом книги»,

«Букбери», «Новый книжный».

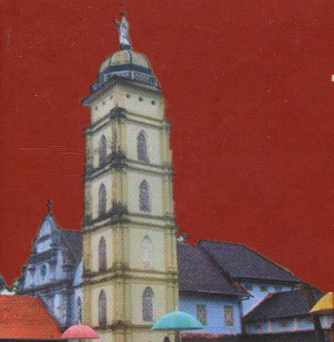
ИСТОРИЯ + ГЕОГРАФИЯ

СЕРИЯ КНИГ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

- Более 25 книг о разных странах мира и регионах России
- Исторические экскурсии о самых посещаемых туристических местах
- Авторы книг — кандидаты и доктора исторических наук, журналисты
- Серия «Исторический путеводитель» — лауреат 6 премий
- Книги широко иллюстрированы

И Р У С С К А Я И Н Д И Я

Русское рассеяние затронуло практически все континенты. Не стала исключением и далекая Индия. С тех пор как Афанасий Никитин открыл для русских Индию, к этой стране возник огромный интерес.

И не только коммерческий. Семья Рерихов и Е.П. Блаватская открыли духовную сокровищницу этой удивительной страны, установив крепкую связь между нашими народами. По Индии путешествовал цесаревич Николай и великий князь Борис Владимирович. В чем причина непрекращающегося взаимного тяготения двух столь различных внешне цивилизаций? В общности корней? А может, нас объединяет более глубокое родство — духовное?

ISBN 978-5-9533-4386-2

9 785953 134386 2

